Труды, том 199

Серия юридическая

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Издательство Томского университета
Томск — 1968

Электронная библиотека (репозиторий) Томского государственного университета

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. В. КУЙБЫШЕВА

7 Труды, том 199

Серия юридическая

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА и ПРАВА

В выпуске представлены работы по всем основным отраслям советского правоведения, написанные научными сотрудниками юридических факультетов (Томского, Красноярского и Барнаульского заочного) Томского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. В. В. Куйбышева. Вопросы государственного строительства, правового регулирования деятельности социалистических предприятий и предупреждения рецидивной преступности, рассматриваемые в работах, представленных в настоящем сборнике, относятся к тем проблемам правоведения, исследованием которых коллектив авторов занимается в течение ряда

Выпуск рассчитан на научных работников, аспирантов и студентов высших юридических учебных заведений, а также работников государственного аппарата и хозяйственных организаций.

Редакционная коллегия: А. И. Ким, А. Л. Ременсон, В. Н. Щеглов

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Проф. А. П. Бычков (председатель, ректор университета), проф. В. А. Пегель (зам. председателя), доц. Ю. В. Чистяков (зам. председателя), доц. В. Е. Томилов (ученый секретарь), директор издательства М. С. Змазнев, проф. Р. Н. Щербаков, проф. И. А. Александров, проф. В. Н. Кессених, проф. К. В. Савицкий, доц. М. А. Кривс, ст. науч. сотр. В. П. Тарасенко, проф. А. В. Положий, проф. В. А. Хахлов, доц. В. В. Хахлов, проф. М. В. Тронов, ст. преподаватель Ф. И. Терпугов, проф. В. Серебренников, проф. А. И. Ким., доц. С. М. Лисовик, проф. И. М. Разгон, доц. А. А. Говорков, проф. Н. Ф. Бабушкин, проф. В. С. Флеров, проф. К. П. Ярошевский, директор научной библиотеки М. Р. Филимонов, секретарь парткома доц. В. Н. Щеглов.

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ В В КУЙБЫШЕВА

Труды, том 199 1968 г

К ТЕОРИИ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ (ПРАВОСПОСОБНОСТИ) КАК ПРАВООТНОШЕНИЯ

Н. В. ВИТРУК

В советской правовой литературе встречаются высказывания, что правосубъектность (или правоспособность)1) есть длящееся отношение между ее носителем и государством. Правда, исследователи при этом не останавливаются на характеристике указанного отношения, не показывают, в чем именно его содержание, каковы его особенности. Нет с их стороны и прямых заявлений, что это отношение является правовым, то что есть правосубъектность (правоспособность) есть правоотношение²).

В последнее время некоторые авторы предприняли попытку рассматривать правоспособность (или правосубъектность) как особый вид правоотношения. Так, М. П. Карпушин полагает, что раз правоспособность есть отношение и оно закреплено правом, то, следовательно, налицо есть особое правоотношение, или, по словам М. П. Карпушина, «элементарное, первичное правоотношение», сходное с правоотношением собственности и некоторыми другими абсолютными правоотнощениями, где обязанными по отношению к правоспособному лицу выступают другие лица3).

Отсюда М. П. Карпушин определяет правоспособность как право стороны, которой противостоит обязанность (или обязанности) другой стороны. Правоспособность, по мнению М. П. Карпушина, есть «юридическая возможность определенного поведения, обеспечиваемая государством, путем возложения на всех других лиц обязанности не препятствовать реализации правоспособности»⁴).

Такое решение вопроса вряд ли можно признать правильным.

Правосубъектность, в том числе и правоспособность, сама себе не является правом или совокупностью прав и обязанностей и не есть отношение или правоотношение, а представляет собою юридическое качество (свойство) субъекта права. Юридическое признание субъекта (лица и др.) в качестве правосубъектного со стороны социалистического государства основано на признании у лица и др. относительно свободной воли, так как правовые нормы регулируют поведение людей путем воздействия на создание и волю конкретных лиц, они адресуются отдельным субъектам общественных отношений.

Правосубъектность есть признанная социалистическим государ. ством способность лица быть носителем провозглашенных юридических прав и обязанностей, а также способность замостоятельно либо через законных представителей осуществлять их и отвечать за их неправильную реализацию 5).

Нормативное регулирование поведения людей со стороны государ-

ства требует определения наличия или отсутствия у людей относительно свободной воли всеобщим методом, так как государство в каждом конкретном случае не может решать, обладает или не обладает данный человек относительно свободной волей.

Это делается путем признания или непризнания за лицом качества правосубъектности, исходя из общенаучных данных о развитии способностей человека к тому или иному виду деятельности, на основе учета возраста и состояния его здоровья. Так, согласно советскому дательству за всеми советскими гражданами качество трудовой правосубъектности признается с 16-летнего возраста, при наличии которой граждане выступают реальными носителями субъективного права труд. Предполагается, исходя из научных данных, что к этому возрасту граждане имеют необходимые трудовые навыки, способность к систематическому, регламентированному труду. Качество избирательной правосубъектности признается за советскими гражданами с 18 лет, при наличии которой они выступают носителями субъективных избирательных прав, в частности, права участвовать в выборах и др. Презюмируется, что в этом возрасте всякий гражданин по своему физико-психологическому и социальному развитию способен понимать политический своих действий при осуществлении избирательных и других политических субъективных прав.

Итак, в основе правосубъектности как правого явления лежит реальное (фактическое) явление — способность человека к сознательному поведению, то есть наличие у человека относительно свободной воли. Признание со стороны социалистического государства за лицом качества правосубъектности есть признание за лицом его реальной способности как разумного существа поступать свободно, то есть отдавать отчет в своих действиях, осознавать их и руководить ими.

Но к относительно свободной воле содержание правосубъектности не может быть сведено, ибо в противном случае оно потеряло бы характер правового явления. Как правовое явление правосубъектность имеет специфическое содержание, которое является формально определенным. Это содержание имеет самостоятельное значение, оно может поэтому и не совпадать со своей реальной (фактической) основой в отдельных случаях.

Признанный юридически правосубъективным тот или иной субъект права фактически может не обладать относительно свободной волей. Для лишения признанного за ним качества правосубъектности необходима установленная в законодательстве процедура (см. ст. 16 ГК УССР, ст. ст. 261—265 ГПК УССР).

Правосубъектность (или правоспособность) как качество субъекта права не порождает связи (отношения) между ее носителем и государством или между носителем и другими субъектами права⁶). Свойства и связи (отношения) одного явления не порождают друг друга, а возникают одновременно и развиваются вместе под влиянием внутренней структуры явлений и условий их существования⁷).

Наделяя лицо качеством правосубъектности, социалистическое государство берет на себя одновременно обязанность охраны (защиты) этой правовой способности, создавая все условия для ее действия. Действенность внутренне присуща этому качеству как правовому. Здесь мы видим внутреннюю прямую связь (отношение) двух сторон (моментов, аспектов) в деятельности одного субъекта — социалистического государства, через которую и проявляется его сущность и социальное назначение в социалистическом обществе. Эта связь не может быть подменена связью разных субъектов (сторон), как делают те авторы, которые правосубъектность (или правоспособность) рассматривают как правоотношение, то есть как связь разных субъектов.

Связь по наделению социалистическим государством лица правосубъектностью не может быть поставлена в один ряд со связью, которая возникает при установлении субъективных прав и обязанностей субъектов права как элементов их правового статуса и их реализации.

Наличие первого вида связи необходимо для реализации второго

вида связи, и отождествление их неправомерно.

Так, М. П. Карпушин считает, что признание лица субъектом права порождает у всех других лиц обязанность не препятствовать реализащии, использованию его правоспособности и, следовательно, правоспособность не может рассматриваться иначе, как правоотношение⁸). Но здесь, как правильно подметил О. В. Смирнов, М. П. Карпушин допускает неточность, ибо такая обязанность всех других возникает не в силу того, что гражданин признается правоспособным, а поэтому, что он благодаря норме права становится обладателем субъективного права. Отсюда и обязанность всех других лиц не препятствовать реализации и использованию относится в данном случае не к правоспособности, а к субъективному праву правоспособного лица⁹). Иными словами, здесь нужно четко различать связи разных порядков, которые и отождествляет М. П. Карпушин и другие авторы, когда рассматривают правоспособность и правосубъектность как правоотношение.

Рассмотрение правоспособности как правоотношения означает, по верному замечанию О. А. Красавчикова¹⁰), ни больше ни меньше как

ликвидацию категории правоспособности в советском праве.

Такое понимание правоспособности (или правосубъектности) ведет к изображению ее в качестве права или совокупности прав и обязанностей, что затушевывает ее действительную сущность и содержание, приводит на деле к отождествлению с правовым статусом.

Можно отметить и обратную зависимость. Прямое или косвенное отождествление правоспособности (правосубъектности) с правом субъекта или его правовым статусом вольно или невольно ведет авторов к определению правоспособности (правосубъектности) как правоотношения

Оставаясь на принципиальных позициях понимания правоспособности (правосубъектности) как правоотношения, проф. С. С. Алексеев не ограничивается аналогиями, а выясняет их особенности. По его мнению, наделение правоспособностью лица, то есть общими возможностями иметь конкретные права, оформляется в виде общих правоотношений, которые выступают не в виде индивидуализированной связи между конкретными лицами, а в виде правого состояния, выражающего правовое положение субъектов права¹¹). Общие правоотношения С. С. Алексеев еще называет общерегулятивными, которые он выделяет наряду с абсолютными и относительными правоотношениями. Общерегулятивные отношения — это не конкретные, индивидуализированные связи между определенными лицами, а специфическое состояние, в котором находится данный субъект и которое определяет его положение по отношению ко всем другим лицам¹²).

Общерегулятивные правоотношения, по мнению С. С. Алексеева, устанавливаются на основе норм конституционного (государственного)

права 13).

Н. И. Матузов также признает существование общих правоотношений. Под общими правоотношениями он понимает правовые отношения в более широком плане, постоянно существующие, длящиеся, абсолютные, носящие общий характер, где юридическая связь участников выражена слабее, где не всегда есть возможность назвать конкретных лиц, указать их число и т. д. Такие правоотношения особого характера охватывают все те права, которые обычно рассматривают в качестве «элементов правоспособности», в том числе конституционные права и все другие, которые не входят в конкретные правоотношения (1).

Н. И. Матузов постоянно подчеркивает, что общие правоотношения, в рамках которых выступают конституционные, а также все другие права, не входящие в конкретные правоотношения, — это не «абстрактные», а вполне конкретные, реальные, относящиеся к разряду государственноправовых или конституционных¹⁵).

Поступив так, С. С. Алексеев и Н. И. Матузов отождествили правоотношения разного порядка: отраслевые правоотношения с правоотношениями, выделенными по характеру юридической связи их участников,

а не по предмету правового регулирования.

Выделяя общие (общерегулятивные) и конкретные правоотношения, С. С. Алексеев и Н. И. Матузов исходят из характера правовой связи, степени ее определенности для субъектов всех отраслей советского права, а не только для субъектов государственного права. Поэтому общие и конкретные правоотношения будут в любой области общественных отношений, регулируемых различными отраслями социалистического права, начиная с государственного и кончая, например, уголовным.

С другой стороны, относя общие правоотношения к разряду государственноправовых (конституционных), С. С. Алексеев и Н. И. Матузов ограничивают существование общих правоотношений только рамками государственноправовых отношений. А это значит, что в других отраслях социалистического права нет и не может быть общих правоотношений. Но С. С. Алексеев и Н. И. Матузов не органичивают общие (государственноправовые) отношения только кругом основных (конституционных) прав, что было бы единственно последовательным с их позиции.

Они включают в содержание общих правоотношений наряду с основными (конституционными) правами и все иные, не входящие в конкретные правоотношения¹⁶).

Правосубъектность выражает связь между социалистическим государством и субъектом права, сущность которой состоит в том, что государство признает за ним способность быть носителем определенного правого статуса, способность к его реализации. Это признание социально обусловлено, определено господствующими общественными отношениями.

Наличие юридического качества правосубъектности для субъекта права немыслимо без определения для последнего его правового статуса. **Правовой статус** — это второй признак, каким должен быть наделен субъект социалистического права. Правовой статус — это система (совокупность) юридических прав и обязанностей субъекта права.

В правовой науке социалистических стран традиционным является рассмотрение правосубъектности (правоспособности) в конечном счете как совокупности юридических прав и обязанностей на первой стадии их проявления для носителей — граждан и др. Отсюда и правовой статус граждан отождествляется с правосубъектностью (правоспособностью).

«Для правоспособности советских граждан, — пишет проф. А. И. Денисов, — характерно и то, что она определяет их правовое положение во всех областях жизни...» Б. А. Галкин также указывает, что «...правовой статус в сущности есть не что иное, как правоспособность» На такой же позиции стоит Б. Б. Хангельдыев: «...административная правоспособность — это правовое положение, правовой статус в сфере исполнительной и распорядительной деятельности» 19.

На самом деле юридические права и обязанности (правовой статус в целом) характеризуется не способностью к определенному поведению, а мерой определенного поведения по пользованию материальными и духовными благами. Конечно, только, обладая качеством правосубъектности, субъект может быть носителем правого статуса, может пользоваться им.

Правосубъективность и правовой статус не только не могут быть отождествлены по своему содержанию, но и не могут рассматриваться как однопорядковые явления, которые последовательно сменяют друг друга как этапы в развитии одного и того же в принципе явления20).

Переход юридических прав и обязанностей из одной стадии проявления в другую говорит нам об изменении отношения лица к этим правам и обязанностям, а не об изменении (трансформации) в сущности и содержании правосубъективности, которая как была, так и остается необходимой предпосылкой в любой стадии их проявления.

Правосубъективность и правовой статус есть самостоятельные правовые явления, неразрывно связанные между собой, но каждое из которых имеет свое специфическое содержание и назначение в общестсенной жизни. Параллельная связь правосубъективности и правового статуса характеризует граждан и других как субъектов социалистического права.

Правосубъектность в сочетании с правовым статусом параллельно с ним юридически выражает наличие фактически длящейся связи лица с обществом и государством, в котором оно живет. Правосубъективность и правовой статус — это две необходимые юридические формы (способа) выражения и закрепления фактических свойств и связей лица с обществом и государством, их взаимодействия21). Эти положения отнюдь не дают оснований для объявления правосубъектности (правоспособности) правоотношением.

¹⁾ Вопрос о правосубъектности является самостоятельным. Мы не отождествляем правосубъектность с правоспособностью, а рассматриваем ее как более широкое понятие, которое включает в себя правоспособность и другие правовые

широкое понятие, которое включает в себя правоспособность и другие правовые свойства (качества) субъекта права.

2) См. Н. Г. Александров. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., Госюриздат, 1961, стр. 193; О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права, М., Госюриздат, 1960, стр. 760; Ю. К. Толстой. К теории правоотношения. Изд-во Ленинградского ун-та, 1959, стр. 9 и др.

3) См. М. И. Карпушин. Социалистическое трудовое правоотношение. М., Госюриздат, 1958, стр. 70, 77.

4) Там же, стр. 77. Критику этого положения см.: Н. И. Матузов. К вопросу о соотношении субъективных прав и правоспособности глаждан. «Ученые

просу о соотношении субъективных прав и правоспособности граждан. «Ученые ваписки» (Саратовский юридический институт), вып. XII. Вопросы государства и права, Изд-во Саратовского ун-та, 1965, стр. 63—64.

⁵⁾ Правосубъектность понимается как правоспособность и дееспособность. взятые в их единстве. В некоторых отраслях и институтах социалистического права единства правоспособности и дееспособности означает, что правоспособность одного лица дополняется дееспособностью другого лица — законного представителя, выступающего от имени и в интересах правоспособного лица. Это характерно для тех отраслей и институтов социалистического права, где возможно осуществление юридических прав и обязанностей субъектов права через иных лиц (гражданское, гражданское процессуальное право и др.). Но в полном отрыве от дееспособности самостоятельное существование правоспособности не имеет

смысла.

6) Ю. К. Толстой полагает, что правоспособность **порождает** отношения между ее носителем и государством (см.: Ю. К. Толстой, Указ. соч., стр. 2).

7) См. В. Г. Афанасьев. О соотношении категорий: вещь, свойства и отношения. «Философские науки», 1958, № 1, стр. 181.

8) См. М. П. Карпушин. Указ. соч., стр. 77.

9) См. О. В. Смирнов. О понятии права на труд. «Вестник Ленинградского университета», № 17. Серия экономики философии и права. Вып. 3, Издео Ленинградского ун-та, 1962, стр. 119. См. также Н. И. Матузов. Указ.

¹³⁾ См. С. С. Аленсеев. Указ. соч., стр. 75.

14) Н. И. Матузов. Субъективные права граждан СССР. Автореферат кан-

лидатской диссертации. Л., 1964, стр. 9.

15) См. там же. См. также: Н. И. Матузов. Некоторые вопросы правового положения советских граждан в свете решений XXII съезда НПСС. Сб. «Труды молодых ученых (выпуск юридический)», Саратов, 1964, стр. 22.

16) См.: С. С. Алексеев. Указ. соч., стр. 64; Н. И. Матузов. Вопросы

теории субъективных прав граждан. «Советское государство и право». 1964,

7, стр. 132 и 133. ¹⁷) А. И. Денисов. Теория государства и права. М., Госюриздат, 1948,

стр. 459. 18) Б. А. Галкин, Советский уголовнопроцессуальный закон. М.. Госюр-

издат, 1962, стр. 102—103.

19 Б. Б. Хангельдыев. К вопросу об объекте административного правомарушения. Сборник ученых трудов (Свердловский юридический институт), вып. 1, Свердловск, 1964, стр. 147, сноска 1.

20) См. Ц. А. Ямпольская. О субъективных правах советских граждан и их гарантиях. «Вопросы советского государственного права». M. AH CCCP.

1959, стр. 161.

21) Вряд ли правильно утверждение, что правоспособность выражает определенное правовое отношение (см.: Н. И. Матузов. К вопросу о соотношении субъективных прав и правоспособности, стр. 63. Разрядка наша. — Н. В.). Это наводит на мысль, что правоспособность в конечном счете рассматривается чак определенная совокупность юридических прав и обязанностей в первоначальном их проявлении для их носителей (субъектов права), тем более, что сам автор далее пишет, что «... правоспособность... реализуется через права и обязанности. которыми обладает лицо» (там же, стр. 64).

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. В. КУЙБЫШЕВА.

Труды, том 199 1968 г.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПРАВИЛ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕЖИТИЯ

Л. И. МИНАКОР

1. В социалистическом обществе, наряду с нормами права, отношения между его членами регулируются также другими социальными нормами: обычаями, моралью, нормами общественных организаций и т. д.

Необходимость общетеоретического исследования этих норм и, в частности, правил социалистического общежития, вызывается следующими обстоятельствами.

Во-первых, все возрастающим значением неправовых форм общественного регулирования, постепенной заменой норм права правилами коммунистического общежития, которые, в свою очередь, являются дальнейшим развитием норм общежития социалистического.

Во-вторых, недостаточной теоретической разработкой вопроса о понятии ряда этих норм, их соотношении, отграничении друг от друга и практической потребностью четкого и полного определения таких понятий, особенно правил социалистического общежития для нормотворческой и нормоприменительной деятельности социалистического государства.

2. В правовой науке нет единого мнения о понятии правил социалистического общежития. В литературе эти правила иногда отождестыляются с моралью, правилами поведения в быту — «правилами приличия», со всеми, не противоречащими социалистическому строю социальными нормами, смешиваются с нормами права и т. п.

Имеющиеся в литературе определения правил социалистического общежития можно свести к пяти основным группам, в каждой из которых такое определение существенно огличается от других.

3. Главным недостатком позиции первой группы ученых¹) является то, что они, по нашему мнению, необоснованно расширительно понимают термин «правила социалистического общежития», включая в него всобще все социальные нормы, выражающие волю трудящихся масс и регулирующие социалистические общественные отношения.

По существу эта концепция разделяется и С В. Курылевым, который считает, что «к правилам социалистического общежития надо отнести все социальные нормы, принятые в социалистическом обществе, нбо социальные нормы — это и есть правила, регулирующие производственную и непроизводственную деятельность людей, совместную жизнь или, что то же самое, «общежитие». 2).

Определение правил социалистического общежития как совокупности правовых и неправовых социальных норм нельзя признать правиль-

ным. Смешивая в одном понятии правовые и неправовые нормы, авторы этой точки зрения неосновательно распространяют правила социалистического общежития на сферу права, т. е. качественно отличную

категорию социальных норм.

4. Сущность другой группы определений составляет утверждение, что правила социалистического общежития представляют собой «особый вид социальных норм». В данном случае под правилами социалистического общежития также понимается неограниченно большая группа правовых и неправовых норм социалистического общества, но отличительным признаком является то, что эти нормы должны содержать в себе тосбования морали.

Нечеткость и расплывчатость определений, даваемых представителями этой группы ученых — М. П. Каревой, А. М. Айзенбергом, болгарскими учеными М. Геновским и А. Поповым и др. совмещается с певерным, по нашему мнению, отождествлением этих правил, в конеч-

ном счете, с нормами морали.

М. Геновски и А. Попов определяют правила социалистического общежития лишь как субсидарный (дополнительный) источник права. Они считают, что правила социалистического общежития, в отличие от норм права, не обладают самостоятельной силой, а являются критерием при их толковании и применении.³).

Нельзя не согласиться с А. М. Айзенбергом в том, что «такое объяснение правил социалистического общежития представляется чрезмерно узким, не охватывающим трудовой и многосторонней обществен-

ной деятельности граждан».

Однако, обоснованно, на наш взгляд, критикуя эту концепцию болтарских ученых, А. М. Айзенберг не проводит четкой грани между содержанием правил социалистического общежития и содержанием

других социальных норм.

Характеризуя правила социалистического общежития как «особый вид социальных норм, самостоятельно регулирующий определенную сферу общественных отношений», он допускает непоследовательность, утверждая далее, что «по своему содержанию правила социалистического общежития охватывают требования всех норм коммунистической морали, социалыстических обычаев (привычек) и определенной группы норм права»⁴). Таким образом, автор, по-существу, присоединяется к сторонникам определения правил социалистического общежития как совокупности правовых и неправовых норм.

Предлагаемое М. П. Каревой определение правил социалистического общежития, как особого вида социальных норм, которые носят правственный характер, представляет определенный интерес и заслу-

живает обсуждения.

В самом деле, какие социальные нормы можно отнести к «нравственным»? Все социальные нормы в социалистическом обществе подлежат нравственной оценке, особенно в процессе их реализации. Многие важные моральные нормы и принципы закреплены, например, в нормах права и, наоборот, предписания норм социалистической морали в большинстве случаев совпадают с требованиями правовых норм. Социалистические обычаи, традиции и обряды также основаны на требованиях морали нашего общества.

Случаи конкуренции, противоречия правовых и других социальных норм в социалистическом обществе чрезвычайно редки и не влияют на принцип соответствия всех социальных норм требованиям морали.

Таким образом, все не противоречащие воле народа в социалистическом обществе социальные нормы являются в этом смысле «нравственными».

Разделяя точку зрения М. П. Каревой на правила социалистиче-

ского общежития как на социальные нормы, основанные на требованиях морали, следует отметить, что такое понятие правил социалистического общежития является слишком общим, неполным и не охватывающим все специфические признаки этих правил.

5. Точку зрения на правила социалистического общежития как на совокупность всех общественно-политических норм и взглядов социалистического общества, которую поддерживает чехословацкий ученый

Р. Фоустка, также нельзя считать правильной.

Критикуя эту точку зрения, А. М. Айзенберг, по нашему мнению, правильно указывает, что такое понимание правил социалистического общежития является чрезмерно широким и вследствие этого «теряется их специфика как социальных норм поведения членов социалистического общества и их трудно отделить от других форм общественного сознания»⁵).

6. Наконец, существует точка зрения на правила социалистического общежития как на свод правил поведения людей в быту (т. н. «пратила приличия»). Она нашла свое отражение даже в нормативных актах⁶).

Очевидно, что такое толкование правил социалистического обще-

жития является неоправданно узким.

По нашему мнению, правила поведения людей в быту (напр., взаимное приветствие при встречах, поведение за столом, уступление места женщине и т. п.) не представляют собой специальной группы социальных норм, а являются проявлением требований морали, обычаев и традиций в поведении людей при простейших жизненных сигуациях и поэтому они не могут быть отождествлены с правилами социалистического общежития.

7. Наиболее обоснованной представляется точка зрения, что правила социалистического общежития представляют собой собирательное понятие, служащее для обозначения неправовых норм, соблюдение котсрых обеспечивается общественным мнением, а в случаях, предусмотренных законом, и юридическими санкциями. 7).

В понятие «правил общежития» В. И. Ленин вкладывал, в первую очередь совокупность «элементарных, веками известных, тысячелетия-

ми повторявшихся во всех прописях» правил.8).

Следовательно, правила общежития — это выработанные человеческим обществом и в силу многократности повторения ставшие припычными нормы поведения, соблюдение которых обеспечивается, главчым образом, силой общественного мнения, мерами общественного воздействия.

Понятие правил социалистического общежития как неправовых норм социалистического общества поддерживается О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородским. 9).

Присоединяясь к позиции этой группы ученых, нельзя, однако, не отметить, что конструкции даваемых ими определений правил социалистического общежития не свободны от недостатков.

Нельзя согласиться с утверждением О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородского, что в правила социалистического общежития входят нормы, выработанные только в социалистическом обществе. Некоторые нормы нравственности, обычаи, традиции и обряды перешли к нам из эксплуататерского общества. Общечеловеческие моральные нормы, обычаи и т. д, выработанные угнетенными классами в течение тысячелетий в борьбе против эксплуататоров, влились в правила социалистического общежития.

Некоторые из этих норм, наполнившись новым социалистическим содержанием, сохранили лишь «внешнюю оболочку» старых норм и уснешно регулируют новые общественные отношения. Примером могут служить социалистические моральные нормы патриотизма, гуманизма,

такие обряды как свадьба, «крестины» и т. д.

Неточным является утверждение указанных авторов, что соблюдение правил социалистического общежития обеспечивается, вместе собщественным мнением, «силой традиции», так как традиции сами являются одним из видов социальных норм, входящих в правила социалистического общежития.

Ряд ученых, представляющих разные точки зрения по вопросу понятия правил социалистического общежития, считает, что возможно понимание этого термина в двух аспектах: в «узком смысле», включающем в себя неправовые социальные нормы, особый вид социальных норм и т. п. и в «широком смысле», включающем в себя все социальные нормы социалистического общества.

Очевидно, что такое «двойственное» толкование одного и того же понятия является взаимоисключающим и не способствует научному

сбъяснению его содержания. 10).

Следует отметить, что термин «правила социалистического общежития» в праве социалистических государств употребляется неоднозначно, что, вероятно, отразилось на различном понимании его в юридической науке.

датель подразумевает под этим термином именно неправовые нормы Однако в подавляющем большинстве нормативных актов законо-

поведения людей.

Так, например, в ст. 130 Конституции СССР, в ч. 2 ст. 5 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, ч. 2 ст. 2 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, ч. 2 ст. 2 Основ уголовного судопроизведства Союза ССР и союзных республик говорится об обязанности граждан «исполнять законы и уважать правила социалистического общежития». В ст. 38 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик «нарушение правил социалистического общежития» отличается законодателем от «нарушений законности». Ст. 76 Конституции Польской Народной Республики закрепляет обязанность граждан «соблюдать положения конституции и законов» а также «уважать правила социалистического общежития».

В ст. 2 § 2 гл. 1 Закона о судоустройстве Чехословацкой Социалистической Республики говорится, что суды воспитывают граждан в дуже «соблюдения законов и других правовых предписаний... а также соблюдения правил социалистического общежития».

Аналогичное положение содержится в ст. 3 Закона о судоустройст-

ве Народной Республики Болгарии.

Разграничение правовых норм и правил социалистического общежития содержится также в ряде других основополагающих актах социалистических государств. ¹¹).

8. Основываясь на ленинском определении правил общежития вообще и анализируя понятие правил социалистического общежития, содержащееся в нормативных актах социалистических государств, в работах некоторых ученых, следует прийти к выводу, что эти правила включают себя лишь неправовые нормы поведения людей.

Круг этих неправовых норм может быть резко очерчен. В социалистическом обществе все неправовые социальные нормы, за исключением религиозных норм, продолжающих в ограниченном объеме еще дейстновать в нашем обществе и норм общественных организаций, можно подразделить на четыре вида: нормы морали (нравственности), обычаи, традиции и обряды.

Выделяемые некоторыми авторами правила поведения людей в быту («правила приличия») и обыкновения, сложившиеся в работе социа-

листических организаций являются не отдельными видами неправовых норм а разновидностями, детализацией норм морали, обычаев и трапиций.

9. Главными признаками правил социалистического общежития, как обобщающего понятия четырех видов неправовых социальных норм

являются следующие.

Они, как и все социальные нормы вообще, являясь идеологической налстройкой над социалистическим базисом, обусловливаются социалистическими производственными отношениями.

В условиях классового общества правила общежития являются классовым понятием. Во всех эксплуататорских обществах всегда действовали по два вида правил общежития: одни выражали интересы господствующей кучки эксплуататоров, другие — интересы эксплуатируемых масс. В социалистическом обществе правила социалистического общежития выражают интересы рабочего класса и всех трудящихся, т. е. впервые охватывают собой все общество.

Также как нормы права и общественных организаций правила социалистического общежития подчинены единой цели — построению коммунистического общества и также служат регулятором обществен-

ных отношений.

В своем осуществлении правила социалистического общежития обеспечиваются, в основном, общественным мнением и мерами общественного воздействия и только в небольшом числе случаев, прямо указанных в законе, -- мерами государственного принуждения.

Нормы права и общественных организаций устанавливаются соотъетствующими органами государства и этих организаций. Нормы соиналистического общежития вырабатываются самим обществом.

Наконец, нормы социалистического общежития, в отличие от норм права и общественных организаций, не имеют специфической формы выражения.

10. Таким образом, правила социалистического общежития — это совокупность неправовых социальных норм: морали, обычаев, тралиций и обрядов, выражающих обусловленную материальными условиями жизни социалистического общества волю всех трудящихся, служаших в качестве регулятора социалистических общественных отношений ь целях построения коммунистического общества и обеспеченных в своем осуществлении общественным мнением, мерами общественного воздействия и в случаях, предусмотренных законом, мерами государственного принуждения.

единые правила коммунистического общежития. «Советское государство и право», 1961 г., № 12, стр. 27—28.

5) А. М. Айзенберг. О развитии норм социалистического общежития...

норм социалистического общежития...

Общая теория советского права. (под ред. С. Н. Братуся и И. С. Само-

щенко), М., 1966 г., изд. Ю. Л., изд. Ю. Л., стр. 109—113. ⁶⁾ В. И. Ленин. Соч. т. 25, стр. 434.

¹⁾ См., напр., З. Д. Иванова. Правила социалистического общежития, М, 1963 г., стр. 6—7, Теория государства и права, М., 1965 г., изд. Ю. Л., стр. 353—357.

2) С. В. Курылев. Мораль и ее место в системе социальных норм. «Вопросы философии», 1966 г., № 9, стр. 20.

3) М. П. Карева. Право и нравственность в социалистическом обществе. М., 1951 г. изд. Академии Наук СССР, стр. 74—76.; Лекции по курсу теории государства и права, вып. 14, М., 1961 г., стр. 44—63. М. Геноски и А. Попов. Правилата на социалистического общежитие. Ссфия, 1960 г., изд. А. Попов. Правилата на социалистическото общежитие. София, 1960 г., изд. «Наука и изкуство», стр. 31, 56, 93, 103—104 и др.

4) А. М. Айзенберг. О развитии норм социалистического общежития

⁶⁾ См. напр., § 131 абз. 1, § 338 абз. 1 Гражданского кодекса Чехословац-кой Социалистической республики, § 386 Гражданско-процессуального кодекса Чехословацкой Социалистической республики.

9) О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права, М., 1961 изд. Г. Ю. И., стр. 118.

10) См., напр., Юридический словарь, М., 1956 г., т. 2, стр. 178. Характе но, что О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский также не избежали этой «дво ственности» — определяя правила социалистического общежития как совоку ность неправовых социальных норм, они в то же время считают допустимь полкование этих правил в «более широком смысле» (Вопросы теории прав

стр. 119).

11) Именно в этом смысле следует понимать правила социалистическо общежития, на которые ссылается Программа КПСС (Программа КПС

1961 г. стр. 106, 109).

Труды, том 199

1968 г.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Б. Т. БАЗЫЛЕВ

В советский правовой науке реальность метода государственного принуждения, которое обеспечивает в необходимых случаях осуществление норм права, никем не ставится под сомнение. Все авторы говорят о нем, как о чем-то само собой разумеющемся. Некоторые при этом не задумываются над содержанием государственного принуждения и поэтому различно определяют его. Однако советская юридическая наука не располагает приемлемым для всех отраслей права и отраслевых наук общим определением понятия «государственное принуждение». Объяснением этому является недостаточная разработанность всей проблемы государственноправового принуждения в целом.

Автор считает необходимым указать на существующие в нашей литературе, особенно в административноправовой, определения данного понятия. Как и всякая дефиниция, общее определение понятия государственного принуждения должно отражать наиболее существенные элементы и свойства его содержания. Следует в связи с этим заметить, что имеющиеся в литературе формулировки в той или иной степени их раскрывают и в этом заключается их познавательная ценность. Тем не менее они не лишены и некоторых существенных недостатков.

Так, Л. Л. Попов предлагает следующее общее определение государственного принуждения: «Принуждение в СССР, — пишет он, — это метод воздействия общенародного государства на сознание и поведение лиц, совершающих антиобщественные поступки. Оно выражается в установлении правовыми актами отрицательных последствий морального, материального и физического характера, имеющих целью предупреждение правонарушений, перевоспитание и наказание правонарушителей»¹).

Ценность этого определения состоит в следующем: во-первых, оно указывает на социальное назначение принуждения — метода регулирования поведения людей; во-вторых, оно в общем виде раскрывает содержание государственного принуждения и, в-третьих, оно содержит указание на некоторые цели осуществления мер принуждения. Тем не менее данное определение не безупречно. Недостатком его является, во-первых, то, что оно не учитывает одно очень важное обстоятельство, а именно что государственное принуждение применяется не только к лицам, совершающим антиобщественные и противоправные действия, во-вторых, приведенное определение не полно, так как не отражает всех непосредственных целей реализации мер принуждения.

Рядом недостатков характеризуется определение содержания госу-

царственного принуждения, данное О. М. Якуба: «Государственное принуждение в СССР — это физическое или психологическое возлействие органов государства и общественных организаций на лиц. добровольно не выполнивших требований правовых норм и правил социалистического общежития»²). Наиболее значительны из них следующие: 1) общественные организации лишь в некоторых исключительных случаях трименяют меры госуларственного принуждения. осуществляя тем самым специфические функции государственных органов; 2) реализация мер принуждения имеет место не только в случаях нарушений требораний норм права и правил социалистического общежития: 3) определение не содержит указания на то, что меры государственного принужления в СССР реализуются исключительно в рамках закона, т. е. в различных правовых формах. Следует отметить в качестве положительного в формулировке О. М. Якуба то, что в ней указаны два вида государственного принуждения — физическое и психическое (психологическое).

Попытку дифференцированного определения физического и психического принуждения предприняли А. И. Королев и А. Е. Мушкин. Они пишут, что «физическое принуждение как метод власти в классовом обществе заключается в воздействии властвующего на физическую сторону (личную или материальную) бытия подвластного для осуществления своей воли»³). Психическое же принуждение есть «подавление нодвластным своей воли и осуществление воли властвующего с тем, чтобы избежать тех следствий, которые могут наступить, если подвластный ее не исполнит»⁴.

Ошибка этих авторов выразилась в смешении психического государственного принуждения как непосредственного воздействия на сознание и волю лица с результатом этого воздействия (причем не неизбежным) — подчинением (подавлением) субъектом своей воли и реализацией воли принуждающего субъекта.

Общее определение понятия государственного принуждения предложено болгарскими учеными П. Стайновым и А. Ангеловым. Они полагают, что государственное принуждение в социалистическом обществе «означает физическое или психологическое воздействие органов государства на определенное лицо с целью заставить его побудить силой к совершению предписанных государством действий или воздержанию от действий, или определенному поведению, или, наконец, к подчинению известным ограничениям, связанным с личностью или имуществом⁵).

Прежде всего «определенное поведение» это и есть либо воздержание от определенных действий, либо их совершение, либо, наконец, как правило, воздержание от одних действий и совершение других, предписанных.

Далее, из определения государственного принуждения П. Стайнова и А. Ангелова следует, что одна из целей принуждения заключается том, чтобы побудить лицо к подчинению известным ограничениям, «связанным с личностью или имуществом». По нашему мнению, в данном случае произошло смешение понятий цели и средства. Понуждение к ограничениям не может в социалистическом обществе выступать в качестве цели, так как само по себе оно не имеет смысла. Причинение различного рода ограничений лицу является средством подавления его воли и, следовательно, реализации противостоящей ей государственной воли. Эта цель (причинение страданий, т. е. кара) является непосредственной целью лишь в одном, частном случае применения государственного принуждения, а именно в случае реализации мер наказания правонарушителей.

Кроме того, П. Стайнов и А. Ангелов не указали в определении на

такой важный признак принуждения в социалистическом государстве,

как правовые формы его реализации.

В общей системе мер государственноправового принуждения преобладающую часть составляют меры административного принуждения. Понятно поэтому, насколько важно наряду с разработкой общего определения понятия государственного принуждения дать и определение административного принуждения. В нем должны сочетаться общие родовые свойства принуждения с особенностями его административноправового вида. Имеющиеся в административноправовой литературе определения административного принуждения, как правило, не удовлетворяют этому требованию.

Например, профессор А. И. Елистратов в своем «Очерке административного права» так раскрывал сущность административного принуждения: «Возможность для администрации прибегать к принудительным мерам по собственному почину без предварительного судебного постановления, устанавливающего закономерность данного требова-

ния, называется административным принуждением»6).

Определяя именно административное принуждение, нельзя ограничиться указанием лишь на одну его специфическую особенность, носящую к тому же формальный характер, а именно возможность административных органов применять принудительные меры без предварительного обращения в суд.

По существу такое же определение административного принуждения дает и другой советский ученый-административист В. А. Власов?).

М. И. Еропкин в своем диссертационном исследовании дополняет это определение существенным элементом. Он пишет: «Административным принуждением называется применение принудительных мер органом управления самостоятельно, без обращения в суд, в пределах и целях, предусмотренных законом и в установленном законом порядке»⁶).

С точки зрения формально-юридической это определение правильно. Действительно, можно согласиться с тем, что административное принуждение — это самостоятельное (без обращения в судебные органы) применение административными органами принудительных мер в пределах, в целях и в порядке, предусмотренных законом. Но, определяя принуждение через понятие «применение» принудительных мер, т. е. деятельность по применению их, мы не раскрываем все-таки содержания понятия «принуждение».

Более полным является определение, в котором указано, в каких целях органы государственного управления и их отдельные представители применяют принудительные меры. Этими целями являются: пресечение и предупреждение административных правонарушений, административное наказание лиц, их совершивших, а также обеспечение общественной безопасности⁹).

• Поскольку государственное принуждение в СССР не может осуществляться и не осуществляется иначе, как в определенных правовых формах, строго в пределах и в порядке, предусмотренных нормами права, постольку указание на это важное обстоятельство составляет один из необходимых элементов общего определения его понятия.

Во-вторых, по-видимому, нельзя в определении не раскрыть в общем виде содержания государственноправового принуждения, которое заключается в объективно неблагоприятном для субъекта воздействии на его личность, деятельность, имущество и т. д.

Далее, на наш взгляд, целесообразно указать в определении на две разновидности или на два вида государственного принуждения — физическое и психическое, содержание которых различно выражает их общую сущность.

Наконец, в определение должно войти и указание на цели примене-

2 Заказ № 1046

ния мер государственного принуждения. Эти цели разнообразны и конкретны превенция правонарушений и наказание правонарушителей. восстановление нарушенного правового положения и нормальное развитие материальных правоотношений. пресечение неправомерных дейи охрана общественной и государственной безопасности при чрезвычайных обстоятельствах. Но пойти по пути указания (перечисления) всех непосредственных целей применения мер государственного принуждения в определении было бы нецелесообразно, так как этом случае формулировка стала бы очень громоздкой. Более верный путь заключается в том, чтобы, абстрагируясь от конкретного, сформулировать в определении общую цель, опосредованную конкретными цечями. Эта общая цель принудительных акций государства определяется сущностью государственного принуждения и состоит в подчинении воли субъектов права и, следовательно, их общественного поведения велениям социалистической государственной власти.

С учетом всего сказанного и опираясь на приведенные формулировки, автор предлагает следующее общее определение понятия государственного принуждения

Государственное принуждение в СССР — это осуществляемое компетентными органами и представителями государства на основании и в пределах норм социалистического права физическое или психическое воздействие в отношении лиц путем причинения им лишений и ограничений личного, материального, нравственного характера в целях подчинения их воли и внешнего поведения требованиям социалистической государственной власти и реализации воли социалистического государ-CTBA.

¹⁾ Л. Л. Попов. Убеждение и принуждение в административной деятель-

ности советской милиции. Канд. дисс. М., 1965, стр. 51—52.
2) О. М. Якуба. Административная ответственность по советскому праву в свете дальнейшего усиления прав личности. Автореферат докт. дисс. Харь-

ков. 1964, стр. 9.

3) А. И. Королев, А. Е. Мушкин, Государство и власть. «Правоведение», 1963, № 2, стр. 22.

⁵⁾ П. Стайнов, А. Ангелов Административное право НРБ. (Общая часть). Госюриздат, М., 1960, стр. 350.

⁶⁾ А. И. Елистратов, Указ. соч., М., Госиздат, 1922, стр. 101.
7) С. С. Студеникин, В. А. Власов, И. И. Евтихиев. Советское административное право. М., 1950, стр. 173; см. также: В А. Власов С. С. Студеникин, Советское административное право. М., 1958, стр. 93.
9) М. И. Еропкин, Управление в области охраны общественного порядка. Изд. во «Юридическая литература», М., 1965, стр. 119.

Труды, том 199

1968 г

СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕИ ВИЛЬГЕЛЬМА ВЕЙТЛИНГА

в. п. седых

Одним из центральных вопросов, волновавших передовую политическую мысль Германии первой половины XIX века, был вопрос о возможности минования ею жапиталистической стадии развития, вопрос о так называемом «особом пути» Германии. На это были свои причины.

Отсталая в экономическом и политическом отношениях по сравнению с Англией и Францией Германия начала XIX века представляла собой множество государств, изолированных друг от друга таможенными перегородками, в которых господствовали, по существу, феодальные отношения. Около 70% ее населения занималось сельским хозяйством. Хотя крепостному праву и был нанесен значительный удар наполеоновскими войнами, однако, в деревне почти полностью сохранились феодальные отношения. Немецкое юнкерство пользовалось всеми привилегиями, а когда после 1815 года был в значительной мере затруднен выкуп крестьянами феодальных повинностей, в результате чего помещики увеличили свои земельные владения и, благодаря выкупным платежам, получили возможность перестраивать свои хозяйства на капиталистический лад, к крепостному рабству крестьян добавилось наемное.

Германская промышленность страдала от разобщенности немецких государств. Крупное капиталистическое производство лишь начинало зарождаться. В основном промышленность покоилась на ремесленленном производстве и домашнем труде. Только в 30-х годах, в результате создания Германского таможенного союза, в большой степени способствовавшего объединению Германии, стал заметен некоторый хозяйственный подъем. Она в это время переживала мануфактурный период капитализма — первую стадию промышленного переворота. Этим трусость немецкой буржуазии, стремившейся к компрообъясняется миюсу с монархией и дворянством, а также слабость немногочисленного и неорганизованного пролетариата. «Немецкая буржуазия, только начавшая создавать свою крупную промышленность, не имела ни силы и мужества, необходимых для того, чтобы завоевать себе безусловное господство в государстве, ни насущной потребности в этом завоевании: пролетариат в такой же мере неразвитый, выросший в полном духовном порабощении, неорганизованный и даже еще не способный к самостоятельной организации, только смутно чувствовал глубокую противоположность своих интересов интересам буржуазии»¹). Обстановка, сопряженная с действием реакционного Священного союза, во многом способствовала «полному духовному порабощению» немецкого пролетариата.

Громадный толчок для роста его классового самосознания дала французская революция 1830 года. Появляются первые социалистические организации рабочих. Критика феодальных порядков сочетается с критикой капиталистического наемного рабства. Усиливается интерес к произведениям утопического социализма, а некоторые передовые немецкие рабочие пытаются создавать собственные проекты реорганизации буржуазного общества и построения общества социалистического. Не понимая законов общественного развития, не признавая того, что Германия с необходимостью должна вступить на путь капиталистического развития, они ищут для нее «особый путь», который привел бы ее к социализму, минуя капитализм. Будущее коммунистическое общество, провозглашают они, будет основано на справедливости, равенстве, свободе, то есть выдвигают снова такие же лозунги, которые имели громадное распространение в период подготовки и в ходе великой французской буржуазной революции конца XVIII века. Ф. Меринг называл такой коммунизм «коммунизмом подмастерьев»²), то есть коммунизмом еще не осознавших своих особых классовых задач представителей пролетариата. Однако все громадное значение этого «коммунизма подмастерьев» состоит в том, что его представители несли свои идеи в массы, пропагандировали их, агитировали за них, и, таким образом, пытались соединить социализм с рабочим движением. Поэтому их социализм представляет собой переход от социализма утопического к социализму научному³). Выдающимся представителем «коммунизма подмастерьев», «первым теоретиком немецкого коммунизма»¹) был Вильгельм Вейтлинг

В. Вейтлинг родился в 1808 году в городе Магдебурге. Незаконнорожденный сын служанки и французского офицера, погибшего России в период наполеоновского нашествия 1812 года, он с ранних лет узнал нищету и страдания рабочих. Выучившись портняжному ремеслу, Вейтлинг с 1828 года до 1837 года странствовал в поисках работы по городам Германии, Австрии, Франции. С 1837 года до 1841 года он преимущественно жил в Париже, где, добывая себе средства к жизни портняжным трудом, усиленно изучал произведения французского утопического социализма. Здесь же, в Париже, Вейтлинг вступил в члены тайного рабочего общества «Союз справедливых» — организации, из которой впоследствии родился «Союз коммунистов». В 1838 году «Союз справедливых» поручил Вейтлингу выработать программный документ этой организации. В результате появилось в этом же году первос политическое произведение Вейтлинга «Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть». В мае 1841 года Вейтлинг в целях коммунистической агитации среди рабочих переехал в Швейцарию. Здесь в 1842 году вышло в свет его основное произведение — «Гарантии гармонии и свободы». В 1843 году Вейтлинг пишет новую книгу — «Евангелие бедного грешника». Приговоренный швейцарскими властями за богохульство к тюремному заключению и к изгнанию из Швейцарии, отбыв срож наказания, Вейтлинг с 1844 до 1849 года вновь окитается по городам Европы и Америки. В 1849 году он навсегда уезжает в Америку, где тщетно пытается найти применение своим жоммунистическим проектам. Рождение научного социализма все более и более отдаляет от него сторонников его учения. Умер Вейтлинг в 1871 году.

Философские взгляды Вейтлинга основаны на противопоставлении современных ему учреждений и порядков законам природы, го есть естественным законам бытия. Следовательно, в этом отношении Вейт-

линг является сторонником естественноправовых концепций передовых мыслителей XVII века.

Человеческое общество — это часть природы, а потому оно подчиняется действию тех законов, которые регулируют жизнь природы. Как в природе все подчиняется естественному закону движения, так и в человеческом обществе действует естественный закон — закон прогресса. Этот закон присущ всем обществам. Он является основным естественным законом, которому подчинены все остальные. «Прогресс — это закон природы. Остановка его — это постепенное разложение общества» 5).

Каждому человеку в соответствии с законом прогресса, свойственно совершенствоваться. «Человек создан для прогресса и непрерывного совершенствования. Ничто, противоречащее этому совершенствованию, не может и не должно быть священным для него»⁶). Это совершенствование человека выражается в росте его знаний. Однако он никогда не сможет достичь полного совершенства. Никогда на земле не будет и совершенной общественной организации. «Ничто не совершенно под солнцем! Никогда не будет найдена такая организация общества, которая останется неизменно лучшей на все времена. Это означало бы умственный застой человека, задержку прогресса, что, конечно, немыслимо»⁷).

Все общественные учреждения имеют одну и ту же основу — человеческие страсти, для удовлетворения которых природа дала человеку способности. Чувства вызывают страсти, страсти — способности, а способности — механическую и духовную работу человека. Страсти и способности активно воздействуют друг на друга, вызывая прогресс. Следуя за Фурье, который также считал человеческие страсти основой общественной жизни, Вейтлинг, однако, дает, в отличие от Фурье, более упрощенную классификацию страстей. Он делит их на три вида: страсть к приобретению, страсть к наслаждениям и страсть к знанию.

Страсть к приобретению удовлетворяется собственностью, добычей, заработком и тому подобное; в извращенном виде — это воровство, грабеж, налог... Страсть к наслаждениям находит удовлетворение в здоровье, счастье, славе и т. п.; в извращенном виде — это богатство, роскошь, расточительность и т. д. Страсть к энанию называется талантом, ученостью, мудростью...; в искаженном виде — это ложь, обман, тирания и т. п.

Среди этих страстей главной, определяющей является страсть к значию: надо знать, что и как приобретать и чем наслаждаться. Она дает направления всем остальным страстям. Все страсти имсют остественное происхождение.

Между страстями и средствами их удовлетворения, т. е. способностями, должна быть гармония. Не могут страсти одних подавляться в пользу других. В противном случае общественный строй ненормален, не соответствует «природе». Общая сумма всех страстей всегда равна общей сумме всех способностей, утверждает Вейтлинг, но у огдельного индивида такого соответствия между сбособностями и страстями нет. Только в обществе для него становится возможным удовлетворять все свои страсти.

Однако в современном обществе удовлетворить страсти полностью невозможно, так как оно основано на неравенстве. Причиной же этого неравенства является то, что в нем на первое место выдвигаются страсти приобретения и наслаждения, а о знании забывают. Но знание всегда пробьет себе дорогу и в конце концов оно восторжествует над другими страстями, и в правильно организованном обществе восстановится между ними марушенное равновесие.

Страсти получают удовлетворение через деятельность способно-

стей. Общую сумму способностей, используемых всеми для удовлетворения страсти к приобретению, Вейтлинг называет производством; общую сумму способностей, используемых для удовлетворения страсти наслаждению, — потреблением, а руководство удовлетворением страстей и обменом способностей всех — управлением. «Развитие этих различных видов способностей должно идти по естественным законам природы, прежде всего должны быть выработаны способности к знанию, затем способности к добыванию и только уже тогда — способности к потреблению». Деятельность, направленную на развитие всех указанных видов способностей, Вейтлинг называет воспитанием, которое является всеобщим и добровольным⁸).

Здоровье и болезнь общественного организма зависят от того, в какой мере согласуются между собой страсти и способности индивидов, а также находятся ли они в соответствии с существующим общественным строем. Отсюда Вейтлинг делает вывод, что в правильно организованном обществе не может быть ни пороков, ни преступлений, на законов, ни наказаний. То, что сейчас называют преступлениями, — это всего навсего только болезни, вызванные плохой организацией общества, противоєстественным направлением страстей и способностей. Поэтому в будущем обществе останутся только правила и лечебные средства.

Своеобразны взгляды Вейтлинга на основные этапы развития человеческого общества, на происхождение неравенства. Как и французские просветители XVIII века, он считает, что история человечества начинается с некоторого «золотого века», когда люди наслаждаются свободной и независимой жизнью. Детство человеческого рода характеризуется отсутствием собственности, труда, в современном смысле слова, каждый довольствуется плодами природы. Счастье людей заключается в их равенстве. Каждый мог в это время удовлетворять и развиьать свои потребности и способности. Между ними существовала гармония. Именно благодаря этой гармонии человечество было счастливо. Вместе с приручением домашних животных возникли первые классы (Вейтлинг различает их в этом случае по роду занятий) — пастухи и охотники. Пастухи были первыми собственниками, так как они вынужцены были охранять свои стада от охотников. Появляется движимая собственность, появляются понятия «мос» и «твое». Позднее, когда дюди стали заниматься земледелием, появляется земельная собственность и право наследования. Так как население было немногочисленно, земли хбатало, никто не возражал против установления частной собственности на землю. И это считалось справедливым. Но с ростом населения и отсутствием свободных, незанятых земель недвижимая собственность превратилась в беззаконие, в несправедливость. Миллионы людей лишены земли. В обществе начинается жестокая борьба между собственниками и неимущими. С этого времени собственность является посягательством на естественные права общества. Она с самого начала поролила деление общества на рабов и господ. Собственность -- есть причина всех зол. Собственность — это воровство. Собственность привела человечество к братоубийственным войнам, а в результате войн возникает рабство, т. е. право собственности распространяется даже на людей. Общество с этого времени начинает делиться на нетрудящихся и рабов. Однако войны вместе с тем способствовали благодаря оборонительным племенным союзам созданию крупных общественных объадинений.

Вместе с развитием общества происходит разделение труда, а вследствие этого усиливается обмен продуктами. Но этот обмен никем не регулируется. Здесь все зависит от того, кто ловчее и хитрее. Более везучие при обмене продуктами, накапливая богатства, начинают экс-

илуатировать менее везучих. В обществе растут антагонизмы между богатыми и бедными, насилие, воровство, разбой. Для охраны частной собственности богатые издают законы. Возникает государство. У Вейтлинга нет сомнения в том, что государство и законы служат целям богатых, целям собственников и направлены против бедняков. Однако надо заметить, что понятие «государство» в произведениях Вейтлинга употребяется очень редко, а синонимами его служат понятия «правительства». «управления».

Однако согласно его учению, основным злом в обществе являются деньги, денежная система. Возникнув из потребностей обмена, деньги превращаются в фетиш, усиливая систему рабства наемного вместо рабства обычного, простого. С помощью денег богатые могут заставить работать на себя кого угодно, а потому простое рабство, основанное на насилии, для богатых невыгодно. При денежной системе люди сами превращаются в рабов, продавая себя за золото. Если бы не было денег, то в обществе не было бы и десятой доли его несчастий.

Большим общественным элом является наличие торговли, которая порождает паразитизм и спекуляцию, пагубно отражающейся на положении трудящихся в условиях неорганизованного, не поставленного на научную основу производства. В этих условиях машины вместо того, чтобы облегчить труд человека, порождают безработицу, отстраняя от производства тысячи рабочих. Несмотря на то, что рабочие являются производителями всех материальных благ, они ничего не имеют. «Вы трудитесь с утра и до ночи, годы уходят один за другим; все склады переполнены жизненными благами, которые вы отвоевали у земли, и все-таки большинство из вас лишены самого необходимого из пищи, жилища и одежды, и все-таки от земных благ меньше всего приходится на долю тех, которые их добыли у земли в поте лица своего. Это происходит от неравного распределения труда и благ, добытых этим трудом пстому что бедные есть только там, гле есть богатые, а богатые-только там, где есть бедные»⁹), — с такими словами обращается Вейтлинг к рабочим. При таком их положении, говорит он, слова «патриотизм», «отечество»—пустые, ничего не выражающие звуки. У рабочих отчества нет, они ничего не имеют, им нечего зашищать и не за что умпрать. Отчество-это собственность. Ограбить рабочих внешний враг не может, потому что их давно ограбил враг внутренний. Поэтому для них должно быть севершенно безразличным, у кого находится власть, кто ими правит --Хинц или Кунц, Наполеон или Фридрих-Вильгельм или Николай. Рабочим терять нечего: в условиях общественного неравенства при каком угодно правительстве они все равно будут вынуждены играть роль вьючного животного. Поэтому-то крик собственников — «отечество в опасности!» — означает голько то, что в опасности находится бессовестно присвоенная ими собственность, защищать которую рабочим не следует. «Теперь у нас нет отечества; оно будет у нас только тогда, когда общество станет одинаково заботиться о материальном благополучии всех своих членов. Такое отечество и мне мило; за такое отечество охотно борешься и умираешь. Но только не за наши большие каторжные тюрьмы, которые называются королевствами, где начальник тюрьмы наделен скипетром и короной, надзиратели — шпагами, шпорами и орденами, а служители этой каторги носят оружие — цепи, розги и веревки. Это не соотечественники! Каторжная тюрьма — не отечество! Λ порабощенные, презираемые люди в ней — не народ!» 10).

Таким образом, прослеживая основные этапы развития человеческого общества, Вейтлинг показывает, что человечество постепенно отошло от «природы», от естественных законов. Следуя традициям французкого просвещения XVIII века, он называет всемирную историю длинной историей о разбойниках, в которой честные люди во все вре-

мена оказывались обманутыми. Не жалея ярких красок, рисует Вейтлинг ужасы и несправедливость современных ему порядков и тем ценнее становится его критика капитализма, что он с нею непосредственно обращается к рабочим, призывая их написать лучшую книгу своей кровью.

Положительным в философских рассуждениях Вейтлинга является его взгляд на прогрессивный характер исторического процесса. Показывая, как постепенно человечество отошло от естественных законов. Вейтлинг не зовет его вернуться снова к утраченному первобытному состоянию. Он полагает, что человечество развивается по восходящей линии и избавиться от своих пороков оно может иным путем, путем установления гармонии между страстями и способностями индивидов и их соответствия общественному интересу.

Однако, будучи далеким от материалистического понимания истории. Вейтлинг с позиций идеализма пытается дать ей объяснение, подвести под нее психологическое основание. Одним из недостатков его концепции является отождествление законов природы и законов общественного развития. Вейтлинг не понял. что человеческое общество развивается по своим собственным, отличным от природы законам, что основной движущей силой этого развития являются материальные производительные силы, и что в основе тех или иных общественных и политических учреждений лежат не человеческие страсти, а определенный тип экономических отношений, соответствующий данному уровню раз**гития** производительных сил. Выражая интересы еще не осознавшего своих особых классовых задач пролетариата, Вейтлинг в силу отсталости немецкой экономической и политической жизни не мог понять роли экономического фактора в развитии человеческого общества. Позлнее, когда К. Маркс и Ф. Энгельс открыли и доказали эти основные положения исторического материализма, он не смог оценить их взглядов и оставался последовательным пропагандистом своих утопических нлей.

* * *

Понятно, что, ставя вопрос о неразумности современного общества, о несоответствии его с «природой», Вейтлинг должен был показать общественный строй будущего, кажущийся ему справедливым. Говоря о том, что совершенной общественной организации достичь невозможно, он все же делает попытку набросать контуры будущего общества, которое было бы в согласии с его философскими взглядами и отвечало бы следующим основным требованиям:

- а) чтобы в этом обществе была правильной организация удовлетворения страстей и обмена способностей всех, соответствующая естественному закону прогресса, чтобы между страстями и способностями была гармония; каждая сграсть должна свободно удовлетворяться, если она не наносит ущерба свободе других и не нарушает гармонию целого;
- б) поскольку страсть к знанию является главной, определяющей, поэтому ведущее место в таком обществе должно быть отведено науке. Наука должна управлять обществом.

Идеальное общество будущего Вейтлинг называет Великим семейным союзом. Оно основано на общности имуществ и равноправии, отвечающим духу свободы всех индивидов. «Свобода... без общности имуществ отчасти возможна только для единиц, но не мыслима для всех»¹¹). Люди были бы счастливы и свободны, если бы они жили коммуной и в равенстве, даже если бы они жили бедно. Без равенства нег счастья и свободы!

Интересно построена организация труда в Великом семейном сою-

зе. Вейтлинг различает три вида работ: необходимые, полезные и при-

Необходимые работы — это работы, имеющие целью прогресс и процветание полезных наук, обеспечивающие питание, одежду, жилища членов общества и т. п. Полезные работы должны облегчать и совершенствовать необходимые работы. Это — усовершенствование орудий труда, постройка каналов, железных дорог и т. д. И, наконец, приятные работы — это продукты работ, способствующие «облагораживанию наслаждений, воспринимаемых чувствами». К ним относятся: театр, концерты, пивные залы, печенье, табак и т. д.

Работы первых двух видов общеобязательны, так как благодаря им обеспечиваются природные, необходимые потребности человека. Рабочее время не должно превышать шести часов в сутки, но может быть сокращено, в зависимости от наличия продуктов и удовлетворения потребностей членов общества. Каждый рабочий может в течение этих шести часов переходить от одной работы к другой, посвящая каждой по два часа (как в фаланге Фурье).

Приятные же работы как и потребности в приятном по природе необязательны. Они выполняются добровольно и за счет дополнительных рабочих часов, которые Вейтлинг называет коммерческими часами. Благодаря им индивиды получают продукты приятного.

Протестуя против множества справок и документов, необходимых для предъявления при поступлении на работу в современном ему обществе, Вейтлинг предлагает в будущем обществе ввести один документ — коммерческую книжку, которая выдается каждому работнику... В коммерческой книжке проставляются часы, проработанные ее владельцем на всех видах работ: часы обязательной работы и коммерческие часы. Кроме того, в ней указываются его место жительства, место питания, отрасль производства и мастерские, где он работает и т. д. Таким образом, коммерческая книжка будет являться своеобразным паспортом, портретом и зеркалом ее владельца, в котором отображена вся его биография.

Денег, денежной системы при коммунизме не будет. Будут особые знаки с изображением орудий труда и указанием количества часов, отработанного времени.

Распределение в этом обществе носит черты грубой уравнительности, т. е. страдает теми же недостатками, как и у более ранних представителей утопического коммунизма.

Руководство обществом будущего должно быть построено так, чтобы общественные органы не правили им, как теперь, а управляли. В современном обществе правительственная власть, т. е. право приказывать, принадлежит немногим, которые не интересуются обменом способностей и удовлетворением и направлением страстей. Они заботятся исключительно лишь о собственных интересах, а о всеобщем интересе забывают. «На управление же, наоборот, должна быть возложена задача руководить и приводить в гармонию страсти и способности всех на благо общества, в том числе и страсти и способности управляющего персонала»¹²). Управляющие лица должны удовлетворять ряду требований:

- а) они не должны пользоваться никакими преимуществами и привелегиями по сравнению с другими членами общества. Именно в этом отношении общество должно быть особенно бдительным. «Первые должны быть в настоящем смысле слова стать последними, а последние первыми. До тех пор, пока этого нет, мы погибшие люди, мы обмануты, несчастны и одурачены к выгоде себялюбцев» 13). Отсюда следует, что при таком положении самая значительная должность в обществе не должна оплачиваться выше самой низшей 14;
 - б) чтобы они обладали большими способностями, чем все остальные;

- в) чтобы они обладали совершенными знаниями в области примене-
- г) чтобы они имели наиболее глубокие познания в области естестценного направления страстей и способностей;
- д) управляющие не должны иметь никакого имущества. «Никто не должен быть беднее правительства! Давайте провозгласим этот принцип. Никто не может стать народным представителем, если он отказывается отдать свое имущество для блага государства» 15). Вейтлинг так разъясняет смысл этого прниципа: если управляющим всеобщим богатством лицам будет разрешено приобретать богатство для себя, то от такого управления будет нанесен ущерб всеобщему интересу.

Управлять обществом должна наука. Вейтлинг дает такое определение науки: «Каждая отрасль труда, достигшая высшей точки усовершенствования, при котором она предоставляет поле деятельности теории, становится наукой»¹⁶).

Но науки бывают разные: есть необходимые науки, без которых произошла бы задержка прогресса, а вслед за этим и разложение общества; есть полезные науки, идеи которых служат благу общества; и, наконец, есть приятные пауки, благодаря осуществлению идей которых общество получает удобства, развлечения и удовольствия.

Первое место среди всех наук по праву должна занимать философия. «Философия — это наука всех наук. Она приносит обществу наибольшую пользу тогда, когда ее усилия направлены на то, чтобы идеи, представленые всеми науками, привести в порядок, имеющий целью Гармонию целого» 17). В философии сконцентрированы идеи всех остальных наук, а потому она является всеобщей наукой. Следовательно, руль управления общественным строем должен находиться в руках философии.

Управление обществом она осуществляет через следующие науки: философскую медицину, физику и механику. Философская медицина — это «самая необходимая и важная наука грядущих поколений». Она изучает физическую и духовную природу человека, его слабости и болезни, а также средства их уничтожения. Именно эта наука будет лечить лушевные болезни, которые сейчас считаются преступлениями. Главная задача этой науки заключается в организации страстей и способностей индивида и согласовании их со страстями и способностями всех. В будущем эта наука впитает в себя полезные знания юристов, философов, теологов и медиков. Физика — наука, познающая силы природы и применяющая их на благо человека. Эта наука руководит земледелием, сорным делом, продовольственными предприятиями и т. д. Механика — наука, занимающаяся теорией и практикой ручных и машинных работ.

Следовательно, главный орган управления --- совет трех мужей или трно, как его называет Вейтлинг, должен состоять из крупнейших философов, обладающих в то же время наибольшими талантами в областях медицины, физики и механики. Трно избирается центральной колдегией мастеров, осуществляющей управление важнейшими учреждениями Великого семейного союза. Местными органами, управляющими округами, землями, районами и малыми семейными союзами, которые входят в состав Великого семейного союза, являются коллегии мастеров, из своей среды избирающие рабочие президиумы — исполнительные комитеты коллегии мастеров. Члены рабочего президиума являются рукосодителями различных отраслей производства и входят в состав коллетии мастеров. Центральная коллегия мастеров из своей среды выбирает большой рабочий президиум — исполнительный орган при трио (Министерство). Также при коллегиях мастеров состоят академии, управляющие прекрасными и приятными работами. Академии из своей среды избирают исполнительные органы — академические советы. При рабочих президиумах существуют комиссии здравоохранения, которые находятся под руководством совета здравоохранения. Совет здравоохранения, также как и большой рабочий президиум, состоит при трио и является министерством. Вейтлинг называет еще один орган — президиум трио. Если, например, у членов трио имеются разногласия по тем или иным нопросам, то эти вопросы разрешаются в его президиуме. По всей вероятности, это — объединенное заседание трио с комиссией здравоохранения и большим рабочим президиумом.

Такова схема органов управления в будущем идеальном обществе Вейтлинга. Он говорит, что для управления таким обществом непригодны ни монархическая форма правления, ни диктаторские режимы, ни демократическая республика, потому что все они руководствуются не общими, а личными интересами, и история это доказывала неоднократно. Кроме того, при этих формах правления наука не занимает того места, которое ей принадлежит по праву, а потому происходит приостановка прогресса. Вейтлинг с особой силой критикует буржуазный парламентаризм говоря, что так называемое народовластие, о котором трубят на парламентских дебатах, — это «только приятное заблуждение, одно пустое понятие» 18). Нигде всевозможные уловки и интриги не находят себе такого широкого поля деятельности, как в парламентах: «Тут много строгой критики, много обещаний, но мало что выполняется» 19).

В будущем обществе должна быть коренным образом изменена система выборов. Поскольку руководящую роль в этом обществе будет играть наука, постольку качества избираемых должны выявляться их способностями, а для этого непригодны те системы выборов, которые существуют в современном обществе. Наилучшим способом выборов, могущим действительно выявить наиболее способных для управления лиц, является конкурс.

На конкурсных испытаниях академиями ставятся такие вопросы. которые стоят в настоящее время перед обществом и требуют своего разрешения. Академии устанавливают, кто из испытуемых обладает наибольшей одаренностью, наибольшими талантами и лучшими идеями. Именно этим лицам и должно быть передано руководство управлением, причем они должны руководить работой, а не только приказывать. Для того, чтобы действительно наука управляла общественными делами, на конкурсных испытаниях присутствие испытуемых лиц недопустимо за исключением отдельных случаев, когда это диктуется необходимостью их личного присутствия. Испытуемые присылают пробные работы с ответами на вопросы, поставленные академиями, а последние оценивают работы и выявляют наиболее одаренных, которым и предоставляется руководство теми отраслями хозяйства, в которых они оказались самыми способными. Срок, на который они избираются, зависит от того, не появится ли новый кандидат на эту должность, т. е. лицо, еще более талантливое, еще более способное. Таким образом, по мнению Вейтлинга, общество должно оказывать содействие науке и прогрессу.

Женщина в обществе Вейтлинга занимает равноправное с мужчиной положение, хотя по природе она стоит ниже мужчины: она менее способна в полезных науках, открытиях, талантах. Поэтому женщина не может занимать пост члена трио или должность члена центральной коллегии мастеров. Только это одно правовое ограничение допускает Вейтлинг для женщин. Они, так же как и мужчины, имеют свои коллегии мастеров, рабочие президиумы, академии и т. д., образуя как бы свое отдельное женское общество.

Детей, достигших трех- или шестилетнего возраста, воспитывает и обучает государство. Обучаются дети в школьной армии разнообразным, необходимым и полезным работам. Они имеют свои собственные коллегии мастеров, академии, коммерческие часы и т. д. Целью школь-

ной армии является развитие у детей страсти к знанию и способностей. Перед выходом из школьной армии ученики сдают экзамены для поступления в общество взрослых. Наиболее одаренные учатся в университетах.

Таково в основных чертах общество будущего Вейтлинга.

Что касается путей достижений этого общества, то Вейтлинг в этом отношении непоследователен и часто неясен. Несомненно для него является то, что современное общество должно быть уничтожено и на его месте построено новое. Но каким образом должно произойти крушение старого общества? Кто должен построить новое? — на эти вопросы ясного ответа мы у него не найдем. К реформам Вейтлинг относится отрицательно: при существующей общественной системе реформы ничего не дадут. Следовательно, остается другой путь — путь революции; «Нам нужна революция, — пишет Вейтлинг в «Гарантиях». — Будет ли она добыта исключительно силой чистого разума или для ее победы потребуется еще и грубая физическая сила, мы должны ждать этого и во всяком случае должны приготовиться к обеим возможностям»²⁰. Отдавая предпочтение мирному пути, Вейтлинг не забывает о личных интересах тех, кто имеет власть и деньги, и о том, что они навряд ли послушаются голоса разума и добровольно уступят власть. Поэтому общественные противоречия делают «все более невозможным, мягкий, мирный и прогрессивный переходный период», а потому Вейтлинг призывает народ готовиться к насильственной революции²¹). История многих стран показывает, что новое всегда насаждается войнами и циями, и наш принцип будет осуществлен с помощью революции. Революция, по мнению Вейтлинга, свершится тогда, когда нищета и отчаяние народных масс достигнут высшей степени, и основной движущей ее силой явится люмпен-пролетариат²²). Таким образом, Вейтлинг «не на росте сил пролетариата строил... свои надежды, а на обнищании его, и не классовое сознание, а отчаяние должно... привести пролетариат к революции в тот момент, когда бедствия его достигнут высшего предела²³). Революцию Вейтлинг представляет себе то как стихийный бунт, то как партизанскую войну против существующих общественных порядков, то как переворот, осуществляемый 20—40-тысячной армией люмпен-пролетариев: она носит у него анархический характер.

Однако после свершения революции сразу построить коммунистическое общество нельзя: нужен переходной к нему период. На это время необходима революционная диктатура, опирающаяся на вооруженный народ. Революционная диктатура экспроприирует богатых, отменит старые суды и полицию, проведет в городах и округах голосование граждан о введении коммунизма и т. д. Руль власти будет находиться в руках вождя, преданного принципам коммунизма. «Новый мессия придет для того, чтобы претворить в жизнь учение первого. Он разрушит насквозь прогнившее здание старого общественного строя, слезы направит в море забвения и землю превратит в рай. Приготовимся же к тому, чтобы достойно встретить его. Как узнаем мы этого мессию? Мы узнаем его по его простой повадке, по тому, как он гордо презрит чары Маммоны и откроет свое сердце страданиям человечества, он спустится с высот богатства в пропасть нищеты, в самую гущу нищих и презираемых и смешает свои слезы с их слезами... Он будет жить общей жизнью всеми и отречется от всяких преимуществ. Но власть, которую ему вручили, он не выпустит из рук до тех пор, пока не завершит это славное дело. Тогда над обществом больше не будет господствовать воля одного человека, а только знания всех. И великий мессия с тихой скромностью подчинится этой новой власти. Это будет венцом его деятельности, весь мир узнает в этом мессию, более великого, чем первый 24).

Надо отметить, что для произведений Вейтлинга характерны рели-

гиозные обороты речи. Он часто прибегает к толкованию христианских книг, называет Христа предшественником борцов за коммунистическое общество и т. д. Отрицательно относясь к существующей христианской церкви, Вейтлинг, вероятно, чтобы сделать доступнее и ближе свои произведения трудящимся массам, среди которых были широко распространены религиозные настроения, облачал свои идеи в религиозные одежды.

К. Маркс называл коммунизм Вейтлинга «догматической абстракцией», «особым выражением гуманистического принципа»²⁵). Претендуя на научность своего учения. Вейтлинг «витает в облаках» «чистого разума», думая, что стоит довести его идеи до сознания народных масс. как переворот совершится. «До сих пор философы имели в своем письменном столе разрешение всех загадок, и глупому непосвященному миру оставалось только раскрыть рот, чтобы ловить жареных рябчиков абсолютной науки»²⁶). — эти слова Маркса относятся и к Вейтлингу. Основывая свои коммунистические идеи на учении о страстях и естественном прогрессе как основных движущих силах общественной истории, Вейтлинг отступает от теории классов и классовой борьбы, открытой до него буржуазными критиками. Именно поэтому он проявляет слабость при решении конкретных политических задач. Кто правит и кто должен управлять обществом? — так ставит вопрос Вейтлинг. В чьих руках находится и кому должна принадлежать политическая власть в классовом обществе? — так ставит вопрос марксизм. Обществом должна управлять наука, утверждает Вейтлинг, и вся беда в том, что до сих пор ей не отведено настоящего места. Марксизм на этот вопрос отвечает иначе: в классовом обществе политическая власть принадлежала и будет принадлежать экономически господствующему классу или классам. Наука же всегда была и останется одной из форм общественного сознания. Исходя из теории классовой борьбы, марксизм учил коммунистов воспитывать рабочий класс в духе классового самосознания, организовывать его сплачивать его для выполнения его особой исторической миссии. Вейтлинг же проповедует нищету рабочего класса, доходящую до отчаяния и возлагает все свои надежды на «состоящий из воров «пролетариат»²⁷).

Таким образом, на произведения Вейтлинга оказали громадное влияние идеи великих социалистов-утопистов, к которым он относился с большим уважением, а также передовые идеи французского просвещения XVIII века. И «если он в умственном отношении и не стоял на равной высоте с великими утопистами Запада, то все же он разрушил преграду, отделявшую их от рабочего класса, и был достойным учеником их по своему энтузиазму, своей фантазии и остроумию... Когда Людвиг Фейербах получил сочинение Вейтлинга от одного ремесленного подмастерья, он воскликнул: «Как поражен я был образом мыслей и умом этого портняжного подмастерья! Поистине, он пророк своего сословия. Как поразили меня также его серьезность, манера держаться, жажда образования!»²⁸).

К. Маркс и Ф. Энгельс очень высоко оценивали теоретическую и агитационную деятельность Вейтлинга. Маркс в статье «Критические заметки к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа» писал: «Что касается степени просвещенности немецких рабочих вообще, или их способности к просвещению, то я напоминаю о гениальных сочинениях Вейтлинга... Где у буржуазии, вместе с ее философами и учеными, найдется такое произведение об эмансипации буржуазии — о политической эмансипации, — которое было бы подобно книге Вейтлинга «Гарантии, гармонии и свободы»? Стоит сравнить банальную и

трусливую посредственность немецкой политической литературы с этим беспримерным и блестящим литературным дебютом немецких рабочих, стоит сравнить эти гигантские детские башмаки пролетариата с карликовыми стоптанными политическими башмаками немецкой буржуазии. чтобы предсказать немецкой Золушке в будущем фигуру атлета»29). Маркс был лично знаком с Вейтлингом и одно время с ним переписывался и даже оказывал ему материальную поддержку. Но их дороги должны были разойтись. Марксу пришлось хорошо повоевать против идей вейтлингиантства, получивших широкое распространение среди европейского пролетариата. И если Маркс впоследствие поднялся к высотам научного социализма, то Вейтлинг опустился на мелкобуржуазнодно го утопизма. Тем не менее произведения Вейтлинга «были гениальны для своего времени, тем более гениальны, что немецкий портняжный подмастерье, выступивший еще до Луи Блана, Кабе и Прудона и гораздо более эффективно, чем они, подготовил союз рабочего движения с социализмом»³⁰)

2) Ф. Меринг. История Германской социал-демократии. Госиздат. т. 1.

1920, стр. 88.

3) В. М. Бонч-Бруевич (Величкина). Борец за свободу Вильгельм Вейтлинг. М., 1920, стр. 11—12.

4) Ф. Меринг. Указ. соч., стр. 97.

5) В. Вейтлинг. Гарантии гармонии и свободы. Изд-во АН СССР,

М.—Л, 1962, стр. 68. 6) Там же стр. 186.

7) Там же, стр. 67.

8) Там же. стр. 240. 9) В. Вейтлинг. Человечество, как оно есть и каким оно должно было быть. См. указ. соч. В. Вейтлинга, стр. 442.
10) В. Вейтлинг. Гарантии гармонии и свободы, стр. 182—183.

п) Там же, стр. 76.

12) Там же, стр. 245. 13) Там же, стр. 243.

14) Там же, стр. 243. 15) Там же, стр. 267—268. 16) Там же, стр. 248.

17) Там же, стр. 248. ¹⁸) Там же, стр. 254.

- ¹⁹) Там же, стр. 254.
- ²⁶) Tam же, стр. 386. ²¹) Tam же, стр. 149—150. 22) Там же, стр. 387-388.

В. М. Бонч-Бруевич (Величкина). Указ. соч. стр. 11.
 В. Вейтлинг. Гарантии гармонии и свободы, стр. 431.

26) См.: Письмо К. Маркса к Руге, сентябрь 1943 г. Маркс и Энгельс. Соч., т. 1, стр. 379. ²⁶) Там же, стр. 379.

27) К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 214.
28) Ф. Меринг. Указ. соч., стр. 105.
29) К. Маркс. Критические заметки к статье «Пруссака», «Король прус-

и социальная реформа», см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 1. стр. 443-444.

³⁰) Ф. Меринг, Карл Маркс. Госполитиздат, М., 1957, стр. 112.

¹⁾ Ф. Энгельс. Маркс и «Новая рейнская газета» (1848—1849). К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 2, 1952, стр. 313.

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. В. КУИБЫШЕВА.

Труды, том 199

1968 г.

СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО У МАЛЫХ НАРОДНОСТЕЙ КРАЙНЕГО СЕВЕРА (1926—1930 гг.)

н. т. онищук

1. Начало национально-государственного строительства

До Великой Октябрьской социалистической революции на северных окраинах России проживало около 150—160 тысяч человек, относящихся к малым народностям Крайнего Севера¹). Они находились тогда в переходном периоде от патриархально-родовых отношений к классовому обществу²). Наличие наряду с общинной собственностью на землю, частной собственности отдельных семей на скот, орудия промысла, дом и надворные постройки, продукты промысла, добытые индивидуальным трудом способствовало обособлению производителя от территориальной общины, разложению натурального хозяйства и более быстрому развитию классовых отношений. Развитие права частной собственности приводило к разделению на богатых и бедных, к быстрой ломке старых патриархально-родовых отношений и замене их новыми классовыми отношениями.

Почти у всех народностей Севера экономическое неравенство было резко выражено. Особенно сильно это обозначалось у оленеводческих племен. У кочевников Обского Севера около 20% хозяйств имели от 400 до 1200 и более голов оленей, в то время как у основной массы хозяйств их было от 30 до 400 голов³). По данным приполярной переписи 1926— 1927 гг. у 3,2% оленеводческих кочевых хозяйств имелось 42,7% всего поголовья оленей. VII Пленум Комитета Севера при Президиуме ВЦИК РСФСР в 1930 г. отмечал, что «ярко выраженное классовое расслоение, рост кулачества и производственная эксплуатация в среде малых народов Севера создаются для большинства типов хозяйства на почве владения оленями, являющимися основным средством производства только в оленеводческом, но и в охотничьем хозяйстве»⁴). У малых народов Севера, проживавших в таежно-лесной зоне, классовая ренциация была выражена слабее, чем у оленеводческих племен, но и здесь имелась своя богатая верхушка, эксплуатировавшая бедняков (Нарымский край)⁵).

Политическая неразвитость, низкий уровень классового сознания бедноты народов Севера еще не давали им возможность развернуть борьбу против своих эксплуататоров. Но это не помешало им принять активное участие совместно с русским пролетариатом в борьбе с самодержавием и белогвардейцами, ибо они стихийно видели в нем своего союзника в борьбе против царизма, торговцев и спекулянтов, которые проводили политику колониального угнетения, беспощадного ограбле-

ния и эксплуатации малых народов. На Енисейском Севере эвенки. селькупы и ненцы вступали в партизанские отряды, предоставляли отрядам частей особого назначения (ЧОН) оленьи упряжки. одежду, работали проводниками и оказывали другую необходимую помощь в борьбе с колчаковцами⁶). Не поддержали селькупы и ханты Нарымского края кулаков и белогвардейцев, которые под руководством эсеров подняли контрреволюционный мятеж в марте 1921 г. в районе г. Сургута и прилегающих к нему волостях Нарымского края. Ни распространение контрреволюционных листовок, ни применение репрессий не поколебало уверенности коренного населения в Советской власти. Поэтому «...большинство голодающих местных жителей рассматривали попытку восстания как беду, обрекающую их на голод» 7).

Для успешного проведения национально-государственного строительства и перехода к социализму в районах Крайнего Севера необходимо было развертывать работу по политическому просвещению трудящихся масс, втягивать их в работу по советскому и хозяйственному строительству с тем, чтобы оторвать от господствовавшей верхушки и укрепить союз батрацко-бедняцкого населения с русским пролетариатом.

В области политической Коммунистической партией и Советским правительством предпринимались конкретные меры к ликвидации национального угнетения и фактического неравенства, укреплению политической самостоятельности малых народов посредством организации выборных национальных органов власти и законодательной регламентации их правового положения, определения функций и круга деятельности этих органов, борьбы с великодержавными шовинистическими тенденциями со стороны отдельных советских работников.

В области экономической оказывалась громадная продовольственная помощь народам Севера, которые в результате колониальной политики царизма и временных правительств были доведены до стадии вымирания. Продовольственная помощь оказывалась малым народностям как центральными органами, так и местными территориальными Советами. Сибирский революционный комитет в 1920 г. направил 200 тыс. пудов хлеба для снабжения коренного населения Туруханского края, а в 1922 г. — 90 тыс. пудов хлеба для Нарымского края, что в значительной степени способствовало улучшению продовольственного снабжения населения этих районов Крайнего Северав). В 1920 г. Нарымский райревком выделил для распределения среди русских крестьян и селькупов 600 пудов хлебав). Через потребительскую кооперацию принимались меры к снабжению коренных жителей оружием, боеприпасами, по восстановлению пушного и рыболовного промыслов.

В области идеологической широко разъяснилась политика Коммунистической партии и правительства по революционному переустройству жизни и быта народов Севера, создавались национальные школы-интернаты, избы-читальни, клубы, политические школы и курсы по подготовке партийных и советских работников из коренных жителей, принимались меры к улучшению медицинского обслуживания населения. Коммунистическая партия и Советское правительство, проводя курс на строительство социализма у отсталых народов, боролись не только за улучшение их материального положения и повышение культурного уровня, но и стремились к развитию их политической активности и классового сознания, к сплочению вокруг русского рабочего класса, оказавшего им большую помощь в строительстве социализма.

Разрабатывая планы социалистического строительства у осталых народов России, Коммунистическая партия руководствовалась известным ленинским положением о том, что «социалистическую революцию в стране, где громадное большинство населения принадлежит к мелким

землевладельцам-производителям, возможно осуществить лишь путем целого ряда особых переходных мер»10). В северных районах разработка переходных мер связывалась с необходимостью укрепления Советской власти в национальных районах и создания таких советских органов власти и управления, которые отвечали бы специфическим условиям жизни этих народов. Поэтому в начале 20-х голов были отвергнуты предложения некоторых ученых об использовании американского опыта по организации резерваций для народов Севера¹¹). Было признано целесообразным проводить «самоорганизацию местных масс в Советы трудящихся» 12). при условии устранения влияния на массы эксплуататоров и развития у каждого народа советской государственности в формах, соответствующих их национально-бытовым условиям. Так как в России диктатура пролетариата утвердилась в форме Советов, то и государственность малых народов Севера могла быть только советской. а это означает образование органов власти и управления в национальных районах на базе Советов 13). Указывая на возможность применения Советов, как представительных органов власти для всех народов России. В. И. Ленин писал: «Установлено определенно, что всем трудящимся массам среди наиболее отсталых народов близка идея Советов, что эти организации, Советы, должны быть приспособлены к условиям докапиталистического общественного строя»¹⁴). Отсутствие достаточно полных и достоверных сведений о численности, местах расселения, образе жизни, обычаях не дали возможности в первые годы существования Советской власти принять общегосударственные законодательные акты по установлению единых принципов организации Советской власти и управления на Севере страны. Но первые шаги по строительству нагосударственности у малых народов Севера, образованию национальных органов власти и управления были сделаны сразу же после разгрома колчаковщины в Сибири. В 1920 г. в Нарымском крае были проведены выборы и образованы 23 национальных (инородческих) сельских Совета, которые объединили районы, заселенные селькупами, хантами и эвенками¹⁵). В постановлении первого Нарымского районного съезда депутатов городского, волостных, сельских и национальных Советов (июль 1920 г.) отмечалось, что необходимо подчинить национальные меньшинства своим Советам и русским волисполкомам с обязательным представлением в них национального депутата для разрешения своих дел и нужд16). В других районах Севера краевые и окружные исполкомы Советов самостоятельно вырабатывали и утверждали положения об управлении северных племен и народностей и образовании на местах национальных Советов. Например, в 1923 г. Тобольский окрисполком утвердил «Положение о родовых Советах кочующего и полукочующего населения Тобольского округа Уральской области»¹⁷. Положение состояло из шести разделов и определяло порядок образования, компетенцию, функции и круг обязанностей национальных Советов. В этом же году Красноярский губисполком утвердил «Положение о кочевых родовых советах Туруханского края»¹⁸), а в 1924 г. было принято «Временное положение об управлении туземными племенами Дальнего Востока»¹⁹). Несмотря на некоторые различия этих «Положений», все они предполагали образование советских органов власти и управления по родовому принципу, предоставляли право решения всех вопросов хозяйственной и культурной жизни самим северным народам.

Частично эти «Положения» были использованы уже в 1923—1925 гг. для образования в ряде северных районов национальных органов власти и управления. На Обском Севере к 1925 г. было образовано 11 туземных райисполкомов и 55 низовых (родовых, юртовых, ватажных) туземных Советов. Большинство в этих Советах принадлежало хантам, манси и ненцам, которых в туземных райисполкомах было 41

чел. (все члены райисполкомов были коренными жителями) а в низовых Советах их было 172 человека, что составляло 96%. Национальные Советы и их исполкомы решали вопросы оказания материальной помощи населению, снабжения промысловиков охотничьими боеприпасами, рыболовным инвентарем, занимались организацией школьного обучения и улучшения медицинского обслуживания населения. Ханты, манси и ненцы видели в Советах своих защитников, принимали участие в выборах и работе своих органов власти²⁰).

Учитывая опыт советского строительства в районах Крайнего Севера, административная комиссия Комитета Севера при Президиуме ВЦИК РСФСР разработала, а 25 октября 1926 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили «Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР»²¹). Так как примерно 50% малых народностей Крайнего Севера и Дальнего Востока, все еще вели кочевой и жизни, «Временное положение» предусматривало полукочевой образ образование национальных органов власти и управления не по административно-территориальному, а по родовому принципу, который устанавливал подчиненность родовому Совету определенной группы людей, объединенных на родовой основе, работающих и живущих на одной общей территории. Родовая форма при организации национальных органов власти и управления на северных окраинах РСФСР была использована Советским государством как временная, переходная форма. дающая возможность Советам стать ближе к широким массам трудового населения кочевых, полукочевых и оседлых отсталых малых народностей, привлечь их к активной работе в партийных, советских и кооперативных организациях. Но в целом ряде районов Крайнего Севера и Дальнего Востока, где малые народности перешли к оседлости. организации родовых Советов использовался не родовой, а административно-территориальный принцип, что объясняется фактическим распародов и слабым сохранением родовых и племенных связей (Амурская область. Нарымский край и др.). Применение административно-территориального принципа позволило уже в 1926—1930 осуществлять организацию органов власти и управления в ряде северных районов на общих принципах советской государственности.

После издания «Временного положения» 1926 г. партийные и советские органы на местах приступили к организации национальных органов власти и управления. На Енисейском Севере к 1927 г. было образовано 34 родовых Совета, из них у эвенков — 18, у ненцев — 6, долган — 2, селькупов — 6, якутов — 2. В этом же году было образовано 6 туземных районов, объединивших почти все население малых народностей Енисейского Севера²²). Выборы депутатов национальных Советов проходили на основе общих норм избирательного права, закрепленных

в ст. 64 и 65 Конституции РСФСР 1918 г.²³).

В Нарымском крае в связи с разбросанностью населенных пунктов селькупов и хантов на огромной территории и почти полным разрушением родовых связей родовые Советы образовывались сразу же по административно-территориальному принципу с предварительным проведением землеводоустроительных работ и точным определением границ каждого родового Совета и туземного района. Томский Комитет Севера отмечал, что существовавшие 24 родовые объединения очень малочисленны и «для правильного решения вопроса об административном устройстве малых народностей Нарыма родовые объединения не играют какой-либо значительной роли. Необходимо создавать национальные органы управления не на родовой основе, а на общих территориальных и экономических принципах»²⁴). В силу указанных причин работа по образованию национальных Советов в Нарымском крае была закончена позднее, чем в других районах Крайнего Севера. К 1930 г. в Нарым-

ском крае было образовано 10 родовых Советов и один туземный район, которые объединяли большинство коренных жителей. Всего к 1930 г. на Крайнем Севере было создано 365 родовых Советов и 44 туземных районных исполкомов²⁵). В связи с большой отсталостью в политическом и культурном отношениях число участвовавших в выборах родовых Советов колебалось в среднем от 16 до 30% всех избирателей²⁶). Но в некоторых районах этот процент был значительно выше. Так, при выборах в Корольский, Натускинский, Прасинский и Сигильетовский родовые Советы Ларьякского туземного района Томского округа в апреле—июне 1928 г. участие в голосовании приняло около 45% всех избирателей, а при выборах Напасского родового Совета Каргасокского района Томского округа приняли участие 61% всех избирателей²⁷).

Родовые Советы и туземные раийсполкомы наряду с выполнением своих основных функций как органов государственной власти и управления одновременно по постановлению Президиума ЦИК СССР от 1 июня 1927 г. оправляли и судебные функции, рассматривая дела по гражданским правонарушениям и уголовным преступлениям, которые совершались коренными жителями²³). Образование национальных органов власти и управления в районах Крайнего Севера способствовало укреплению советской государственности в формах, соответствующих национально-бытовым условиям малых народностей, помогало развитию у них классового сознания, вовлечению в советское и культурное строительство. В отчете Сибирского комитета Севера за 1930 г. отмечается, что «Туземцы Севера усваивают основные принципы Советов, понимают их значение, проявляя при этом свое доверие к органам Советской власти»²⁹).

2. Место родовых Советов и туземных райисполкомов в системе органов власти Советского социалистического государства

Основным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти. В ходе Великой Октябрьской социалистической революции было ликвидировано буржуазное эсплуататорское государство, разрушена старая государственная машина и образовано государство нового социалистического типа в виде республики Советов, которая создавалась без эксплуататоров и против эксплуататоров. Республика Советов по форме есть разновидность демократической республики социалистического типа, объединяющая все национальности и народности, находящиеся на территории государства, и образующаяся на основе принципов социалистической федерации. Но несмотря на разнообразие форм социалистического государства, они имеют одинаковую сущность. Сущностью форм социалистического государства при переходе от капитализма к социализму является диктатура пролетариата, поэтому и государство в это время не может быть ничем иным, как диктатурой пролетариата в различных ее формах. В Программе КПСС указывается, что «как бы ни были разнообразны в период строительства социализма формы новой народной государственной власти, сущность их одна — диктатура пролетариата, представляющая собой подлинную демократию, демократию для трудящихся»³⁰).

В ходе социалистического строительства рабочий класс и объединенные вокруг него трудящиеся массы под руководством Коммунистической партии разрушают старые и создают новые советские органы государственной власти и государственного управления. Советские юристы под органом социалистического государства понимают «ячейку» (клеточку) советского общества, представляющую собой коллектив выделенных обществом в порядке общественного разделения труда людей, определенным образом организованных, наделенную государст-

венно-властными полномочиями и необходимой компетенцией и имеющую определенную структуру для выполнения возложенных на нее государственных задач в соответствующей сфере государственной деятельности»³¹). В соответствии с этим в систему органов социалистического государства включаются: 1) высшие и местные представительные органы государственной власти; 2) центральные и местные органы государственного управления; 3) судебные органы; 4) органы прокуратуры; 5) органы народного контроля.

В социалистическом государстве высшие и местные органы государственной власти избираются народом и являются полновластными представительными органами, которые осуществляют «полноту государственной власти в соответствии с государственной волей и интересами народа, обеспечивающие контроль народа за деятельностью своих представителей, а также их ответственность перед народом»³².

Конституция РСФСР 1918 г. закрепила передачу всей власти в центре и на местах Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, определила равноправное участие трудящихся всех народов, вне зависимости от их национальной и расовой принадлежности, в выборах органов Советской власти на всей территории социалистического государства³³).

Основной задачей Советского социалистического государства на переходной от капитализма к социализму период являлось установление диктатуры городского и сельского пролетариата в союзе со средним крестьянством в виде Советов, уничтожение эксплуатации человека человеком и построение социализма. Выполнение этих задач было основой всей деятельности Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на территории социалистического государства, вне зависимости от принципа их организации и территориального расположения.

В районах Крайнего Севера образование органов диктатуры пролетариата — Советов проходило с учетом вековой политической, экономической и культурной отсталости малых народов, что повлекло за собой ряд своеобразных черт в национально-государственном строительстве, выразившихся в образовании специального органа — Комитета содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК РСФСР и Комитетов Севера при губернских, краевых и окружных исполкомах, образование родовых Советов и туземных райисполкомов, которые, будучи выборными представительными органами, осуществляли всю полноту власти на подведомственной им территории. Структуру, принципы организации, компетенцию советских органов власти и управления в национальных северных районах страны определило «Временное положение оп управлении туземных народностей и племен сверных окраин РСФСР», утвержденное ВЦИК и СНК РСФСР 25 октября 1926 г. 34).

В общей части «Временного положения» говорится, что «в целях защиты прав и интересов трудящихся туземцев северных окраин, а также в целях вовлечения их в дело управления, наиболее полного и правильного проведения среди них законов Советского правительства, для поднятия их хозяйства и культурных условий жизни организуются органы туземного управления среди народностей и племен северных окраин РСФСР, ведущих бродячий, кочевой и полукочевой образ жизни и занимающихся, главным образом, охотой, рыболовством и оленеводством, а также ведущих оседлый образ жизни и занимающихся морским звероловством, поскольку, однако, эти народности и племена не выделены в особые республики и области» (ст. 1.).

Таким образом, законодатель определил, что «органы туземного управления» образуются не для всей массы народов Севера, а только для трудящихся, которые должны содействовать осуществлению среди

них советских законов и заниматься всеми вопросами, связанными с улучшениям хозяйства и развитием культуры у отсталых народностей.

«Временное положение» устанавливало следующую систему органов государственной власти: а) родовые собрания, б) родовые советы, в) районные туземные съезды и г) районные туземные исполнительные комитеты. Родовые собрания и туземные съезды являлись органами власти, которые образовывали свои исполнительно-распорядительные органы — родовые Советы и туземные райисполкомы. Как те так и другие имели государственно-властные полномочия, необходимую компетенцию, определенную структуру для выполнения стоящих перед ними задач и осуществляли государственную волю на подведомственных им территориях.

Родовое собрание состояло из всех членов данного рода, достигших 18-летнего возраста, совместно кочующих или проживающих в данном районе и пользующихся избирательным правом (ст. 5). В родовых собраниях не имели право принимать участие все лица, которые в соответствии со ст. 65 Конституции РСФСР 1918 г. лишались активного и пассивного избирательного права. Каждый род (ватага, наслега, улус и т. д.) избирал сроком на один год родовой Совет в составе председателя, зам. председателя и одного члена Совета. Рода, насчитывавшие менее 100 человек, избирали в качестве исполнительного органа одного председателя родового собрания (ст. ст. 12, 13). Рода или другие объединения одноплеменного или родственного состава, живущие в данном районе и насчитывающие не менее четырехсот человек, избирали районный туземный съезд, который являлся высшим органом советской власти в пределах его ведения (ст. ст. 17, 19). Районный туземный съезд составлялся из депутатов, избираемых родовыми собраниями, из расчета: один депутат от пятидесяти членов рода, но не более десяти депутатов от одного родового собрания. Районный съезд избирал в составе трех человек районный туземный исполнительный комитет, являвшийся постоянно действующим органом. Исполнительный комитет подчинялся в своей деятельности туземному районному съезду (ст. ст. 20, 26, 29), а также районному (уездному) исполнительному комитету.

Таким образом, выборы советских органов власти в северных районах страны проходили на основе общих принципов, закрепленных в Конституции РСФСР 1918 г. и применяемых на территории всего государства.

Обладая функциями органов государственной власти они были наделены и функциями государственного принуждения, что, в частности, нашло свое отражение в следующем: а) обладали правом издания постановлений, обязательных к исполнению на территории данного родового объединения (ст. 42); б) за невыполнение этих обязательных постановлений родовые Советы и туземные раийсполкомы имели право налагать административные взыскания в виде штрафа от 3 до 5 рублей или исполнение принудительных работ на срок от 2-х до 5 суток (ст. ст. 39, 43); в) председатель и члены родовых Советов и туземных райисполкомов рассматривались законом как должностные выборные лица и подлежали привлечению к ответственности в качестве должностных (ст. 45). В случае недобросовестного исполнения своих обязанностей, злоупотребления властью, грубого обращения с населением, а за неисполнение постановлений вышестоящих органов власти по требованию родовых собраний и туземных районных съездов председатель и члены родовых Советов, как и председатель и члены туземного исполкома, могли быть по постановлению районного (уездного) территориального исполнительного комитета отстранены от работы (ст. 45). В этом нашло свое отражение право избирателей на отзыв депутатов,

но в связи с недостаточным классовым и политическим развитием народов Севера оно осуществлялось через вышестоящий орган власти.

Кроме того, родовым Советам и туземным райисполкомам пведоставлялось право разбора гражданских и уголовных дел. Они рассматривали судебные дела в составе председателя Совета и двух членов, а в случаях, если налицо не оказывалось трех членов родового Совета, то их могли заменить в судебном заседании заседатели, избиравшиеся на родовых собраниях и районных тузем. ных съездах. Родовые Советы и туземные райисполкомы могли рассматривать все дела, истекающие из брачных и семейных отношений. Им были подсудны следующие уголовные дела: а) оскорбление словом (брань); б) оскорбление действием; в) клевета (распространение заведомо ложных, поворящих слухов); г) хулиганство; д) кража; е) покупка заведомо краденного; ж) присвоение чужого имущества; з) мошенничество; и) взяточничество; к) ростовщичество; д) умышленное истребование чужого имущества. Родовые Советы и туземные райисполкомы могли применять следующие виды наказания а) лишение свободы (арест) на срок от одного дня до 6 месяцев; б) принудительные работы без содержания под стражей сроком до года; в) конфискация имущества; г) штраф (не свыше 500 рублей); д) увольнение от должности; е) общественное порицание (например. выговор от имени суда на родовом собрании или на заседании туземного исполкома); ж) возложение на виновного обязанности дить вред, причиненный потерпевшему³⁵). Родовые Советы и ные исполкомы широко использовали свои права по пресечению противозаконных действий и поддержанию общественного порядка на своей территории. Например, 24 апреля 1930 г. Напасский родовой суд Томского округа рассмотрел дело по обвинению Мулина Д. Н., который в пьяном виде оскорблял жителей юрты Напас. Суд приговорил Мулина Д. Н. к одному месяцу принудительных работ без содержания под стражей и он целый месяц заготовлял и колол дрова для нужд родового Совета³⁶).

Особое значение в определении места родовых Советов и туземных райисполкомов в системе органов власти и управления социалистического государства имеет исследование их компетенции. Так, родовое собрание осуществляло выборы членов родовых Сове тов и депутатов на районные туземные съезды Советов, рассматривало отчеты о деятельности родовых Советов, заслушивало доклады депутатов, избираемых на вышестоящие съезды Советов, решало вопросы хозяйственного и культурного значения. Например, в декабре 1928 г. родовое собрание, заслушав отчет Прасинского родового Совета Ларь якского туземного района Томского округа, приняло наказ, в котором родовой Совет обязывался вести более активную разъяснительную работу по кооперированию всего населения, улучшению оленеводческого хозяйства, ликвидации неграмотности и борьбу со старыми обычаями³⁷). Родовые советы, избираемые родовыми собраниями являлись органами, на которые был возложен надзор за порядком и спокойствием в пределах кочевий данного рода, наблюдение за деятельностью всех хозяйственных организаций и предприятий, расположенных на его территории, засвидетельствование договоров, заключаемых отдельными лицами и группой лиц, выдача документов справок и удостоверений отдельным гражданам, проведение в жизнь постановлений высших и местных органов власти и оказание содействия представителям советской власти в выполнении возложенных на них задач (ст. ст. 34-37).

Еще более обширной была компетенция районных туземных съездоз и районных туземых исполнительных комитетов. На районные туземные съезды Советов возлагались задачи решения всех экономических, хозяй-

ственных и культурно-просветительных вопросов, касающихся данного гуземного района. Соответственно на туземные районные исполнительные комитеты возглагались обязанности по принятию мер к улучшению рабогы не только в хозяйственном и культурном, но и в политическом отношении, что было закреплено в законе (ст. ст. 40, 41).

На родовые Советы и туземные районные исполнительные комитегы была возложена задача по проведению в жизнь постановлений высших органов власти и законов Советского правительства. Причем перечень этих постановлений был ничем не ограничен (ст. ст. 1, 34, 41 п. «б»). Иными словами, родовые Советы и туземные исполкомы выступали как органы, призванные обеспечивать выполнение советских законов на местах, осуществлять политику Советской власти на подведомственной им территории и принимать необходимые меры к развитию экономики и культуры малых народов. Отсюда может быть сделан только один вывод, что родовые и туземные Советы выступали в качестве органов Советского государства, а не просто как органы местного самоуправления.

Для подкрепления данного вывода важно подчеркнуть, что рассмат риваемые органы не только обладали указанными правами и были наделены определенными обязанностями, но и практически реализовывали свои полномочия. Так, в 1928 г. Ларьякский туземный исполнительный комитет Томского округа в строгих рамках своих полномочий определил промысловые угодия для каждого родового Совета, наметил строительство школы-интерната, ветпункта, больницы, дома-общежития и определил сроки ввода их в действие, запретил трудовым переселенцам иметь охотничье оружие и установил санкции за неисполнение данного постановления³⁸).

Деятельность родовых Советов и туземных раймополкомов активно способствовала политическому воспитанию масс, сплачивала их вокруг Коммунистической партии и Советского государства, мобилизовывала на выполнение стоящих перед государством задач по строительству социализма.

Газета «Северянин» (Тобольский округ) 29 ноября 1928 г сообщала: «На фактории в Тазовской губе, далеко в тундре... отчитывается в своей годовой работе районный туземный Совет. С напряжением слушают ненцы отчет своего Совета. Заслушав его и дельно покригиковав. постановили: Совет — орган нашей защиты, наших прав, наших интересов. Избрав новый состав туземного районного Совета, ненцы дали ему наказ: продолжать тузсовету так же работать и дальше, защищая интересы самоедской бедноты» 39).

Указанные примеры свидетельствуют о том, что приведенный выше вывод является правильным. Он вполне соответствует известной формуле Ф. Энгельса о трех необходимых элементах государственности территория, население, публичная власть 40). Всеми этими элементами раосматриваемые нами родовые Советы и туземные райисполкомы обладали в полной мере⁴¹). Они создавались с учетом терригориальной общности населения в районах Севера, были облечены всеми необходимыми полномочиями органов Советского государства, включая права применения государственного принуждения, осуществляли на практике политику и законы Советской власти. Следовательно, несмотря на пекоторые особенности, связанные с организацией их по родовому принципу, они являлись органами государства диктатуры пролетариата. Отказ от признания этих органов органами государства диктатуры пролетариата, органами Советской власти означал бы принятие другого тезиса, а именно, что с 1920 по 1930 гг. (когда родовые были упразднены и образованы на основе административно-территориального принципа туземные Советы и национальные округа) в северных районах СССР существовало двоевластие, при котором обе власти находились в своеобразных отношениях субординации. Такой

вывод о власти является совершенно неприемлемым, ибо он противоречит Конституции СССР, закрепляющей единство советской государ-

Пля методологически правильного рассмотрения государственноправовой природы родовых Советов решающее значение имеет выяснение их социальных функций. Изучение пратики советского строительства того времени показывает, что функции этих органов сводились: а) к подавлению сопротивления эксплуататорских классов. выступавших против интересов народа и социалистического государства: б) к хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной деятельности: в) к созданию предпосылок для проведения в дальнейшем социалистических преобразований в экономиже и культуре малых народов. А это и есть то, что в марксистской литературе рассматривается как функции диктатуры пролетариата. Родовые Советы и туземные райисполкомы, будучи составными элементами всего государственного аппарата Советского социалистического государства, образовывались для проведения среди малых народностей Севера законов советской власти, котоволю победившего пролегариата и находившегося с рые выражали ним в союзе беднейшего и среднего крестьянства, то есть волю трудящегося революционного народа, что, в конечном счете, определяет их государственноправовую природу как органов дикатуры пролетариата.

1) «Малые народности Севера» — официальный термин, который впервые

оявился в Советском законодательстве в 1925 г.

2) К такому же выводу приходят И. С. Гурвич. См.: Еще раз к вопросу о переходе малых народов Севера и Дальнего Востока к социализму. Вопросы истории КПСС, 1964, № 9, стр. 100; М. А. Сергеев. См.: Из опыта руководистории КПСС, 1964, № 9, стр. 100; М. А. Сергеев. См.: из опыта руководства КПСС некапиталистическим развитием малых народов Советского Севера. Вопросы истории КПСС, 1964, № 8, стр. 89.

3) Г. А. Мазуренко. Создание предпосылок для социалистических преобразований на Обском Севере (20-е годы). Из истории партийных организаций Урала, вып. 2, Свердловск, 1964, стр. 31.

4) Седьмой расширенный пленум Комитета Севера при Президиуме ВЦИК РСФСР. М., 1931, стр. 13.

- 5) Государственный архив Новосибирской области (ГАНО), Ф. 47, оп., 1, д. 47, л. 426.
- 6) Н. В. Увачан. Переход к социализму малых народов Севера. М., 1958, стр. 37.

7) Партийный архив Томской области (ПАТО), Ф. 1, оп. 1, д. 54, л. 18.

л. 146.

10) В. И. Ленин. ППС, т. 43, стр. 57.

- п) Б. Г. Богораз. О первобытных племенах (Наброски к проекту организации управления туземными племенами). Жизнь национальностей, 1922, № 1.
- зации управления туземными племенами). Жизнь национальностей, 1922, № 1.

 12) КПСС в резолюциях и решениях..., ч. 1, стр. 599—600.

 13) См.: Обращение Народного Комиссариата внутренних дел к Советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов». История Советской Конституции 1917—1956 гг., М., 1957, стр. 93—96.

 14) В. И. Ленин. ППС, т. 41, стр. 246.

 15) ГАТО, Ф. 366, оп. 1, д. 11, л. 143.

 16) ГАТО, Ф. 366, оп. 1, д. 22, л. 143.

 17) ГАНО, Ф. 354, оп. 1, д. 8, лл. 30—37.

 18) Д. П. Кручинин. Экономический и культурный расцвет народов Советского Севера. Вопросы истории, 1953, № 2, стр. 33.

 19) Временное положение об управлении туземными племенами Дальнего

19) Временное положение об управлении туземными племенами Дальнего Востока, Петропаловск-Камчатский, 1925.
20) Г. А. Мазуренко. Создание предпосылок для социалистических преобразований на Обском Севере (20-е годы). Из истории партийных организаций Урала, вып. 2, Свердловск, 1964, стр. 34.
21) Собрание Узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правилических престория поставления (1926 № 73 ст. 575).

тельства, издаваемое Народным Комиссариатом юстиции. 1926, № 73, ст. 575,

(в дальнейшем СУ РСФСР).

22) В. Н. Увачан. Переход к социализму малых народов Севера М., 1958, стр. 52

 ²³) Советские Конституции, М., 1963, стр. 147—149.
 ²⁴) ГАНО, Ф. 354, оп. 1, д. 28, лл. 112—113.
 ²⁵) Власть Советов, 1929, № 35, стр. 20. Несмотря на то, что многие шапиональные Советы образовывались не по родовому, а по административнотерриториальному принципу все они назывались родовыми Советами.

26) А. И. Лепешкин. Советы — власть трудящихся 1917—1936. М.,

стр. 446.

- 5, стр. 440. 27) ГАТО, Ф. 747, оп. 1 д. 5, лл. 2—3. 28) СУ РСФСР, 1927, № 32, стр. 330. 29) ГАНО, Ф. 354, оп. 1, д. 310, л. 5. 30) ХХІІ съезд КПСС. Стенографический отчет, т. III, М., 1962, стр. 258.
- 31) А. И. Ким. К вопросу о понятии органа советского государства. клады итоговой научной конференции юридических факультетов. Томск. 1956.

23.
32) Там же, стр. 23.
33) Советские Конституции. М., 1963, стр. 129, 131.
34) СУ РСФСР, 1926, № 73, ст. 575. В дальнейшем все ссылки на статьи «Временного положения» даются по этому источнику.

еменного положения» даются по этому источнику.
35) ГАТО, Ф. 746, оп. 1, д. 14, лл. 5—9.
36) ГАТО, Ф. 347, оп. 1, д. 103, л. 15.
37) ГАТО, Ф. 811, оп. 2, д. 23, л. 10.
39) ГАТО, Ф. 195, оп. 3, д. 356а, лл. 24—25, 193.
39) Тобольский филиал Государственного архива Тюменской Ф. 695, оп. 1, д. 102, л. 63. Цитирую по сочинению Г. А. Мазуренко «Создание предпосылок для социалистических преобразований на Обском Севере (20-е годы). Из истории партийных организаций Урала, вып. 2, Свердловск, 1964, стр. 38.

⁴⁰) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 151—170.

41) Некоторые авторы считают, что родовые Советы и туземные райисполкомы являлись не органами власти советского государства, а органами местнокомы являлись не органами власти советского государства, а органами местного самоуправления. См.: М. А. Лаврентьева. Советское и партийное строительство в районах Крайнего Севера в 1926—1936 гг. Вестник Ленинградского университета, Серия истории, языка и литературы, вып. 4, № 20, Ленинград, 1961, стр. 20; В. А. Зибарев. Советское строительство у малых народностей Севера (1927—1930 гг.). Сибирь в период строительства социализма, вып. 6, Новосибирск, 1966, стр. 38—45. На наш взгляд, такой вывод противоречит положениям, закрепленным в законе, и не соответствует действительности. ствительности.

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. В. КУЙБЫШЕВА.

Труды, том 199

1968 г

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ГОРНОМ АЛТАЕ

А. П. ВЛАСОВ

Победа Великой Октябрыской социалистической революции и создание первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян имели эпохиальное значение для исторических судеб всех народов нашей страны, для решения национального вопроса на принципал пролетарского интернационализма.

Как известно, специфика решения национальной проблемы при социализме состоит в том, что социализм ликвидирует национальный гнет во всех его видах и проявлениях, устраняет барьеры, скорывающие действия прогрессивной тенденции интернационализации производства и всей общественной жизни, создает такие условия, при которых трудящиеся массы разных наций добровольно тянутся к союзу, братству, единству. «Социализм, — писал В. И. Ленин, — организуя производство без классового пнета, обеспечивая благосостояние всем членам государства, тем самым дает полный простор «симпатиям» населения и именно в силу этого облегчает и гигантски ускоряет сближение и слияние наций»¹). Имея в виду правильную национальную политику, В. И. Ленин писал в 1921 году: «Это мировой вопрос, без преувеличения мировой. Тут надо быть архистрогим... Тут шутить пельзя, тут надо быть 1000 раз осторожным»²).

История алтайского народа после Великой Октябрьской социалистической революции является живым примером того, что дала ленинская национальная политика угнегенным в прошлом народам России.

С древнейших времен алтайский народ терпел произвол и насилие, которые чинили различного рода завоеватели Горного Алтая, особенно китайские и монгольские поработители. Длительное времп нахождения под игом монголо-татар и местных ойратских ханов привело к тому, что алтайцы были одним из самых местных отсталых и обездоленных народов, обреченных на вымирание.

Историческим событием в жизни алтайского народа было вхождение Алтая в состав царской России, что относится к 1756 году. Это было событием огромной политической значимости, оказавшее решающее влияние на дальнейшее развитие алтайского народа. Конечно, присоединение Алтая к царской России не могло привести к улучшению положения алтайцев, так как царь рассматривал Алтай как источник пополнения казны и старался выжать из местного так называемого

«ясачного населения» побольше ценной пушнины³). Однако оно спасло алтайское население от полного разорения и физического уничтожения со стороны китайско-монгольских войск, которые словно смерчь пронеслись над Джунгарией и Алтаем. Оно привело к установлению тесного, непосредственного соприкосновения алтайцев со стоящим на несравненно более высокой ступени исторического развития русским народом и создало более благоприятные условия в сравнении с предыдущим периодом для их общественно-экономического и культурного развития.

Подлинная история алтайского народа начинается только с победы Великой Октябрьской социалистической революции и установления в России Советской власти.

Первые Советы в Горном Алтае стали создаваться вскоре после победы революции. Но здесь советское строительство значительно затянулось и имело свои специфические особенности. Центральная иместная власть сначала стали создавать в Горном Алтае не Советы, а ревкомы, так как край был крайне отсталым в своем развитии, находился в своеобразных территориальных и географических условиях. Здесь как в попраничном районе сосредоточились значительные силы контрреволюции, которые вели борыбу против Советской власти. Все это и затрудняло советское строительство в течение известного времени⁴).

Особый вред советскому строительствму в Горном Алтае нанес бандитизм. Все силы и внимание властей было обращено на ликвидацию бандитизма и о какой-нибудь регулярной организационной работе не приходилось говорить. Вся административная работа в волостных ревкомах была взята в руки воинских частей, а работа волревкомов ограничивалась содействием к передвижению воинских частей. Так было вплоть до второй половины 1922 года⁵).

После разгрома колчаковщины в Горном Алтае были созданы три районных революционных комитета (Онгудай-Шебалинский, Улалинский и Уймонский). Будучи раздробленными, они не могли разрешить много вопросов, возникавших перед ними⁶). Жизнь сама подсказывала, что для улучшения положения Горного Алтая необходимо создание единого руководящего органа, который бы управлял всем Горным Алтаем. Таким органом и стал Горно-Алтайский районный революционный комитет, созданный 2 апреля 1920 года⁷). В нем были образованы отделы: 1) управления: 2) земельный: 3) народного образования; 4) трудсобеса; 5) народного хозяйства; 6) комиссариата продовольствия, 7) здравоохранения. В приказе № 1 Горно-Алтайского районного революционного комитета от 2 апреля 1920 года говорилось: «Улалинский, Онгудай, Шебалинский и Уймонский районные ревкомы упраздняются с передачей всего делопроизводства Горло-Алтайскому районному революционному комитету. Всем волоктным и сельским ревкомам приказывается непосредственное сношение с Бийуревкомом прекратить. По всем запросам и представлениям обращаться в ревком и соответствующие отделы»8).

Районный ревком вскоре был переименован в уездный революционный комитет, о чем говорилось в приказе уездного ревкома № 15 от 30 апреля 1920 года: «Постановлением губревкома от 13 апреля с. г. бывший Каракорумский уезд переименовать в Горно-Алтайский и утвердить, временно, в старых границах, с временным остановлением уездного центра в селе Шебалино. На основании этого бывший Горно-Алтайский район в составе 28 горных волостей выделяется в самостоятельный Горно-Алтайский уезд и бывший Горно-Алтайский районный ревком переименовывается в Уездный, с перечислением всего личного состава членов Ревкома в состав Уездного Ревкома. Все отделы быв-

шего Горно-Алтайского Ревкома переходят на положение усздных и переименовываются в Горно-Алтайские уездные, с присвоением всех функций уездных учреждений. Прежнее наименование — уезд Каракорумский из употребления изъять. Приказ этот перевести на алтайский язык и широко распубликовать среди населения уезда»).

Несмотря на бушевавшую гражданскую войну и бандитизм. трудящиеся население Горного Алтая тянулось к Советской власти и создавало на местах советские органы. Об этом свидетельствуют, в частности, протоколы Чемалыского волостного народного собрания, состав лявшегося 28 декабря 1919 года 10), и Ебаганского общего народного инородческого собрания, составлявшегося 23 января 1920 года 11). В протоколе Чемальского волостного народного собрания говорится: «По предложению комиссара народной армии Протопопов внес вопрос о преобразовании Чемальской волостной Управы в исполнительный комитет. Обсудив настоящий вопрос, постановили: волостную управу переименовать в Исполнительный Комитет». Ебаганское общее народное инородческое собрание постановило: «Мы, инородцы Ебаганского общества. в числе 89 наличных домохозяев, обсуждая вопрос о присоединении к Горно-Алтайской волости все единогласно постановили вступить в Черноануйскую волость по очень уважительным причинам, а именно потому, что среди нас почти нет русского народа и все время приезжают к нам разные проходимцы и сбивают нас с советского на-Черноанунскую вородного пути, а потому мы постановили войти в лость и жить рука об руку с русскими пражданами».

И органы Советской власти всячески оберегали эти стремления нерусского народа и сурово наказывали виновных в насилии над инородцами. Убедительнейшей иллюстрацией этому является приказ № 7 Горно-Алтайского уездного революционного комитета по отделу Управления от 8 мая 1920 года: «До сведения уревкома дошло, что в пределах уезда некоторыми учреждениями и русским населением производится насилие над инородническим населением, принуждая население работать на себя. Так как инородцы такие же полноправные граждане республики, насилие над ними есть громадное преступление. Приказывается сейчас же освободить инородцев от насильственных работ как в учреждениях, так и у русских, не чинить над ними никаких насилий, лонося на виновных в насилиях и в допущении таковых отделу Управления уездного ревкома, для передачи суду. Исполнение сего возлагается на начальника Горно-Алтайской уездной советской милиции и волревкомы» 12).

Особое значение национального вопроса в Горном Алтае объяснялось экономической отсталостью, хозяйственной разрухой в крае. Так, в информации председателя уревкома, командированного для ознакомления с положением дел на местах, создания Волревкомов и принятия мер к улучшению экономического положения края, заслушанной на заседании уревкома 16 июня 1920 г., говорилось: «Население всего района ограблено, сидит без хлеба, соли, без одежды. Постройки сожжены, мосты разрушены, разрушено полотно Чуйского тракта Проехать невозможно, местным способом исправить мосты невозможно, так как совершенно нет инструментов, особенно топоров, во всем крае, даже разбивают дрова камнями¹³».

Вопросы национальной политики, поднятие экономически края гребовали своего разрешения. Поэтому, как только улучшилась обстановка в Горном Алтае, они были поставлены на обсуждение 1-го Горно-Алтайского уездного съезда Советов, состоявшегося 25—28 сентября 1921 г. 14).

На съезд прибыли 164 делегата от 22 волостей, от 3 не прибыли изза военных оперативных действий (Улалинская, Кош-Агачская и Чибитская). Среди делегатов лиц с решающим голосом 149 человек и с совещательным 1 человек. Кроме того, право решающего голоса было предоставлено членам уревкома, секретарям РКП(б) и КСМ. Делегатами на съезд были выбраны 125 крестьян, 9 служащих, 1 рабочий, 1 красноармеец, 2 женщины, 13 инородцев; членов и кандидатов РКП(б) — 75 человек, беспартийных — 89 человек; со средним образованием — 5 человек, сельским школьным — 39 человек, домашним — 76 человек; неграмотных — 15 человек; советских работников, работающих в сельских Советах и уездных учреждениях — 107 человек. Большинство делегатов составляли середняки.

Съезд послал приветственные телеграммы В. И. Ленину, М. И. Калинину, Коминтерну, Народному Революционному правительству Монголии и Сибревкому. В телеграмме В. И. Ленину говорилось: «Первый Горно-Алтайский Уездный Съед Советов, избрав Вас почетным Председателем, от имени крестьян и инородцев Горного Алтая дает клязвенное обещание, неразрывно с пролетариатом, идти дальше по пути Октябрьских завоеваний, сохранив твердое убеждение и непоколебимость веры в конечное торжество мировой социальной революции».

В телеграмме народному революционному правительству Монголин Съезд заявил о своей готовности в любой момент оказать помощь революционным монголам в их борьбе за освобождение от векового рабства и угнетения и выразил уверенность в торжестве революционной власти в Монголии.

На повестку дня работы Съезда были вынесены следующие вопросы: 1. Международное и внутреннее положение РСФСР; 2. О помощи голодающим; 3. Доклады уревкома, отдела управления, собеса уфинотдела, статбюро, увоенкомата, рабкрина, политбюро, умилиции, упроджома, уземотдела, утруда, унаробоаза, уздрава, выборы уисполкома, выборы делегатов на губсъезд, текущие дела. Повестка была утверждена при 1 воздержавшемся.

В докладе о деятельности уревкома и отдела управления говорилось, что Горно-Алтайский уездный революционный комитет был образован из 3 человек: председателя, заведующего отделом управления и члена. Уревком занимался административным делением Горного Алтая, организацией советского аппарата (создание увоенкомата, рациональное построение таких органов, как губсоюз, продком, заготконтора и др. В докладе отмечалось далее, что очень плохо обстояли дела с кадрами: мнюгие работники отделов далеко не оправдывали своего назначения, Главное внимание в своей работе Уревком обратил на разрешение вопросов, в первую очередь не терпящих отлагательств, что ему удалось и сделать.

Отделом управления уревкома была проведна реорганизация некоторых волревкомов, уезд был разбит на 8 инструкторских районов, были назначены инструкторы в эти районы; работала административная комиссия, велась работа по налаживанию в волостях административных органов и работа текущего характера. В докладе отмечалось, что организационная работа закончена, а новому исполкому, который являлся высшей властью в уезде, нужно проводить работу так, чтобы его работа поддерживалась местами, так как только в тесном союзе с волисполкомами работа будет легкой и плодотворной, как этого требует советская республика.

В резолюции по докладу уревкома съезд, констатируя факт проведенной организационной работы в чрезвычайно трудных условиях, отметил следующие положительные органы в деятельности Уревкома:

- 1. Налаженность контакта в работе с остальными революционными органами уездной власти.
 - 2. Прочно установившуюся связь с местами.

3. Энергичное проведние в жизнь всех вопросов, касающихся обшегосударственного значения.

Съезд признал первоочередными задачами успешное проведение обора продналога и оказание помощи голодающему Поволжью. Он потребовал со стороны уездного исполнительного комитета обратить на это особое внимание.

Съезд постановил: «В проведении возложенной на уисполком работы он должен руководствоваться в первую очередь интересами республики и, выполняя общегубернские задания, стремиться в то же время охранять нужды и требования, предъявляемые всеми особенностями Горно-Алтайского уезда. В основу работы всех отделов должно быть обращено наибольшее внимание на обслуживание запросов инородного населения как со стороны культурных так и материальных его потребностей».

Съезд избрал уездный исполнительный комитет в составе 15 человек и 7 кандилатов. В составе исполнома было 12 коммунистов 1 кантилат и 2 беспартийных. Среди коммунистов — членов исполкома лиц. /вступивших в партию в 1917 г., — 1 чел., в 1919 — 1 чел., 1918 — 2 чел. и в 1920 — 9 чел. Таким образом, руководство исполкома состояло из начинающих работников, которых выдвинула революция. В состав исполкома было избрано: рабочих — 2 чел., крестьян — 7 чел., служащих и других профессий — 6 чел. 15).

В 1921 г. была начата подготовительная работа по созданию Горавтономной области. В ноябре 1921 г. коллегия НКН но-Алтайской заслушала доклад специальной комиссии по изучению вопроса об Алтайской автономии и поддержала проект, разработанный «представителем алтайских народов». 18 ноября ортбюро ЦК РКП(б) идею созыва совещания алтайских народов, чтобы выявить их пожелание о национальной государственности. 18 февраля 1922 г. внешние границы и внутреннее районирование Алтайской автономии были одобрены губернским экономсовещанием. В марте 1922 г. Сибирское бюро утвердило состав ревкома проектируемой автономии, которая теперь именовалась Ойротской. 18 марта 1922 г. Сибревком одобрил проект постановления об образовании Ойротской автономной области. 20 марта вопрос об Алтайской автономной области обсуждала коллегия НКН. Было решено подготовить проект постановления ВЦИК по этому вопросу. В апреле такой проект был и обсужден на заседании Президиума ВЦИК и передан на рассмотрение административной комиссии.

Результатом всей этой большой подготовительной работы явился лекрет ВЦИК 1 июня 1922 г., провозгласивший образование автономной области ойротского народа 16).

¹⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 21.
2) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 190.
3) Сборник лекций к 25-летию Ойротской автономной области. Ойротобанациздат, 1947, стр. 17—18.
4) Архив Горно-Алтайского облисполкома (Архив ГАО). Фонд 5, опись 1,

дело 4.

5) Архив ГАО. Фонд 5, опись 1, дело 78, лист 150.
6) Архив ГАО. Фонд 5, опись 1, дело 83, лист 4.
7) Архив ГАО. Фонд 5, опись 1, дело 104, лист 1.

⁷⁾ Архив ГАО. Фонд 5, опись 1, дело 104, лист 3.

8) Архив ГАО. Фонд 5, опись 1, дело 104, лист 3.

9) Архив ГАО. Фонд 5, опись 1, дело 104, лист 14.

10) Архив ГАО. Фонд 5, опись 1, дело 92, лист 11.

11) Архив ГАО. Фонд 5, опись 1, дело 104, лист 10.

12) Архив ГАО. Фонд 5, опись 1, дело 104, лист 33.

¹³⁾ Архив ГАО. Фонд 5, опись 1, дело 104, лист 33
14) Архив ГАО. Фонд 5, опись 1, дело 4, лист 5—12.
15) Государственный архив Алтайского края. Фонд 10, связка 62, дело 696,

О. И. Чистяков. Становление Российской Федерации (1917—1922). Изд-во Московского университета, 1966, стр. 189-190.

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. В. КУЙБЫШЕВА.

Труды, том 199 1968 г.

ФОРМЫ НАРОДНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА В ПЕРИОД ДВУХ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

(по материалам Енисейской губорнии)

Ю. В. ИВАНОВ

Вопрос о соотношении революции и права в России был выдвинут впервые в ходе революции 1905—1907 годов.

Оценивая деятельность народных масс, направленную на создание революционных органов власти, на уничтожение буржуазного права и создание народного права, выражающего интересы революционно-демократических слоев населения, В. И. Ленин писал: «Главной формой освободительного движения в настоящее время является не легальная борьба на квазиконституционной почве, а непосредственно — революционное движение широких народных масс, ломающих полицейско-крепостнические законы, гворящих революционное право и разрушающих насильственным путем органы угнетения народа»¹).

Революционное правотворчество народных масс в ходе двух буржувазно-демократических революций явилось одной из составных частей борьбы за установление и упрочение Советской власти в нашей стране. Оно развивалось на основе политических и правовых идей Коммунистической партии, под непосредственным руководством и при активном участии В. И. Ленина, воспитывавших революционное правосознание широких народных масс.

Формы революционного правотворчества этого периода весьма разнообразны, хотя они и не совершенны. Главная цель революционного правотворчества этих лет — борьба против старого строя, создание основ революционного права, призванного, с победой революции закрепить ее завоевания и создать новые общественные отношения в стране.

Среди правовых норм предоктябрьского периода наибольшее место занимают правовые нормы, регулирующие вопросы советского строительства.

Возникновение Советов в революции 1905—1907 гг., а затем в феврале — марте 1917 г. как органов восстания и зачатков революционной власти явилось одним из решающих условий победы и упрочения революционных завоеваний в нашей стране.

Оценивая роль и значение Советов в победе революции и защите ее завоеваний, В. И. Ленин писал, что «если бы народное творчество революционных классов не создало Советов, то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным»...²).

Инициаторами создания Советов в Красноярске в 1905 и 1917 гг. выступили большевики. Нормативным актом, положившим начало соретскому строительству в Красноярске в 1905 г. явилось постановление собрания рабочих железнодорожных мастерских, депо и других предприятий города, проходившие 20 октября, об образовании «Выборной комиссии рабочих города Красноярска»³), переименованной 10 декабря 1905 г. в «Совет рабочих депутатов города Красноярска»⁴).

К этой же группе нормативных актов относится постановление, принятое на митинге солдат II железнодорожного батальона об образовании «Комитета депутатов от рот» (позднее «Совет солдатских депутатов г. Красноярска»⁵) и постановление общего собрания рабочих и солдат об образовании «Объединенного Совета рабочих и солдатских депутатов г. Красноярска»⁶).

Началом советского строительства в феврале 1917 г. в Красноярске, а затем и в Енисейской губерни послужило постанолвение группы социал-демократов во главе с большевиками и выпущенная ими листовка-обращение «к гражданам города Красноярска» о создании Совета?).

К другой группе нормативных актов по советскому строительству относятся акты, регулирующие структуру Советов и компетенцию его органов.

К ним относятся: постановления собрания рабочих города Красноярска, состоявшегося 20 октября, на котором одновременно с образованием Совета был определен его состав, структура, общие права и обязанности комиссий Совета; постановления пленарных заседаний Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов и его исполкома, принятые в марте — июне 1917 г., о структуре Совета, правомочиях его органов, о создании солдатской секции Совета и др.8).

Значительное место среди нормативных актов этого периода занимают акты, закрепляющие демократические права и свободы трудящихся.

7 декабря 1905 года солдаты II железнодорожного батальона среди других требований выдвинули требование о роспуске Красноярской городской думы и назначении новых выборов на основе всеобщего избирательного права⁹). «Объединенный Совет рабочих и солдатских депутатов» в эти же дни установил в Красноярске свободу слова, печати, собраний, союзов, уличных шествий и демонстраций и постановил провести выборы в городскую думу на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования¹⁰).

Демократические права и свободы были установлены в Красноярске вновь в марте 1917 г. Демократические принципы были положены в основу избирательного права при проведении выборов в городскую думу 2 июля 1917 г., давших большинство мест в думе большевикам и превративших ее в орган Совета¹¹).

В этот же период складываются нормы, послужившие основой для создания административного права советского государства. К ним относятся постановления Красноярского Совета рабочих депутатов, Объединенного Совета рабочих и солдатских депутатов в октябре — декабре 1905 г. об образовании рабочей дружины и возложении на нее обязанностей по охране рабочих собраний и митингов, по охране общественного порядка в городе, постановления Совета о запрещении торговли спиртными напитками в дни стачки, распоряжение Совета о разоружении части полиции и жандармов и об изъятии оружия у частных лиц, о возложении на полицию и судебных следователей ответственность за недобросовестное расследование уголовных преступлений и розыск преступников¹²).

В 1917 г. Красноярский Совет принимает административные меры к охране общественного порядка в городе, устанавливает временные правила торговли продовольствием и промышленными товарами, организует бесперебойную работу железнодорожного и водного гранспор-

та¹³), борьбу с самогоноварением в городе и прилегающих к нему населенных пунктах, предоставляя право комиосарам исполжома и уездной милиции, имевшим удостоверения исполкома производить обыски и отправлять самогонщиков и пьяных на общественные работы (сроком от 3 дней до 2 месяцев) или передавать дело в народный суд¹⁴).

К другой группе нормативных актов этого периода относятся акты, послужившие основой для создания советского трудового права. К ним относятся нормативные акты, устанавливающие 8-часовой рабочий день. В Красноярске 8-часовой рабочий день впервые был установлен по постановлениям собраний и митингов рабочих и постановлению Красноярского Совета рабочих депутатов в октябре — ноябре 1905 г. 15). В 1917 г. Красноярский Совет в период с 19 по 21 марта одним из первых в Сибири вновь 16) устанавливает 8-часовой рабочий день. Значительную работу проделали Советы 1905 и 1917 г. по улучшению условий пруда рабочих, повышению заработной платы, ликвидации штрафов.

Акты, направленные на разрешение этих вопросов, следует рассматривать не только как акты индивидуального значения, но и как акты нормативного характера, так иак они служили основанием для разрешения аналогичных конкретных случаев на ряде других дредприятий. К ним относятся постановления комиссии по рабочему вопросу при Совете рабочих депутатов города от 12 ноября 1905 г. о пормировании рабочего дня отдельных категорий рабочих, о повышении заработной платы и трудоустройстве безработных и демобилизованных солдат, распоряжение Совета о прекращении работы смазчиков тормозов железнодорожных вагонов, постановление комиссии по рабочему вопросу Совета рабочих депутатов от 19 ноября 1905 г. по грудоустройству железнодорожных рабочих, найма и увольнения и др. 17).

Большое значение для создания основ советского трудового права имели нормативные акты Советов, изданные в период с февраля по октябрь 1917 г. Красноярский Совет на своем пленарном заседании 22 апреля 1917 г. вынес решение о сокращении жалования высшим чиновникам и офицерам до размеров, необходимых для удовлетворения жизненных потребностей и о прекращении выплаты жалованья и пенсий» «слугам прежнего режима» 18), постановление исполнительного комитета Красноярского Совета от 5 мая 1917 г. о создании примирительных камер при комитетах профсоюза для разрешения трудовых конфликтов, в состав которых входит по гри представителя заинтересованных сторон и председатель профсоюза предприятия или бюро профессиональных союзов 19). В ряде случаев Совет направлял в примирительные камеры своих представителей Совет создал биржу труда и направил для контроля за ее работой двух членов исполкома 21).

Совет установил строгий контроль за соблюдением трудовых договоров, заключенных рабочими с администрацией или предпринимателями²²).

В 1905—1907 г. и особенно в 1917 г. начинают складываться основы для создания социалистической экономики и нормы, регулирующие эту сферу общественных отношений.

В 1905 г. Красноярский Совет вводит на ряде предприятий рабочий контроль за производством. Органом такого контроля являлся сам Совет и рабочие собрания и митинги. В этом отношении показательно постановление общего собрания рабочих г. Красноярска, состоявшегося упром 20 октября 1905 г., на котором хозяину чугунно-литейного завода Александрову были предъявлены пребования рабочих и заявлено, что в случае их неисполнения или попытки закрыть завод он перейдет в управление рабочего комитета²³).

Наиболее полно эти общественные отношения регулировались нормативными актами, изданными в 1917 г.

Рабочий контроль на предприятиях Краюноярска и Енисейской гу-

бернии был вновь установлен в марте — апреле 1917 г.

В предоктябрьский период Красноярский Совет действовал более решительно и настойчиво. Так, 31 мая 1917 г. Красноярский Совет принял постановление о реквизиции лесопильного завода «Абакан» и передаче управления им в ведение союза деревообделочников под контролем исполкома Совета, постановление исполкома Красноярского Совета от 4 июня 1917 г. о реквизиции медного рудника «Юлия» (Минусинский уезд) и о передаче его в управление Минуоинского уездного Совета рабочих и солдатских депупатов²⁴).

Красноярский Совет издал ряд актов о реквизиции ных и продовольственных товаров у лиц, не исполняющих требований Совета и передал их на удовлетворение нужд рабочих и солдат реализовал по твердым ценам через магазины. Своим постановлением Совет запретил все оделки с недвижимостью, ввел твердые правила торговли и твердые цены на промышленные и продовольственные товары. Требование о запрете сделок с недвижимостью, и в первую очередь с землей (продажа, дарение, заклад и т. п.), содержалось и в ряде крестьянских наказов²⁵).

Еще в 1905 г. в Красноярске возник первый народный суд. Он был создан Советом солдатских депутатов и рассмотрел ряд дел административно-арестованных солдат, содержавшихся на гауптвахте²⁶).

В 1917 г. в Красноярске по решению Совета рабочих и солдатских депутатов создан народный административный суд, который рассматривал дела о самогоноварении, незаконном хранении и обыте опиртных напитков, появлении в общественных местах в нетрезвом виде. Он продолжал функционировать и после победы Великого Октября²⁷).

Значительное место в деятельности Советов занимают нормативные акты, направленные на соблюдение законности содержания арестованных и заключенных, 15 октября участники митинга потребовали от начальника конвойной команды, коменданта станции Красноярск и начальника службы движения принять немедленные меры к обеспечению пищей и водой перевозимых заключенных 28). В 1917 г. в тюрьму Красноярска был назначен жомиссар Совета рабочих и солдатских депутатов.

Одним из первых актов Красноярского Совета были постановления об освобождении осужденных депутатов Государственной думы IV созыва (большевики А. Е. Бадаев, М. К. Муранов, Ф. Н. Самойлов, А. Р. Шагов, Г. И. Петрювский)²⁹).

1905—1907 гг. и предоктябрьского Нормативные акты периода народных масс, являлись одним из периода закрепляли требования оредств проведения их в жизнь, способствовали подготовке к социалистической революции. Самодеятельность революционных масс через нормативные акты получала правовую основу.

Разработка системы нормативных актов, регулирующих различные стороны общественной жизни, способствовала установлению ционной законности, способствовала борьбе с произволом и анархией.

Опыт революционного правотворчества народных масс явился основой быстрого и успешного создания норм Советского социалистического права после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

¹⁾ В. И. Ленин. Полное собрание соч., т. 12, стр. 225. 2) В. И. Ленин. Полное собрание соч., т. 34, стр. 305. 3) ПАКК. ф. 64, оп. 1, д. 125, л. 1. 4) ПАКК, ф. 64, оп. 11, д. 12а и 2.

5) ПАКК, ф. 64, оп. 1, д. 194.
6) ПАКК, ф. 64, оп. 1 д. 195, л. 1.
7) См.: А. Поздняков. 1917 год в Красноярске. Сб. статей. «Борьба за власть Советов в Енисейской губернии». Изд. «Красноярский Рабочий»,

1958, стр. 11.

в) ПАКК, ф. 64, оп. 1, д. 96, л. 1. ПАКК, ф. 258, оп. 1, д. 2, лл. 12, 17—19, 21, 25—26 (копия); оп. 1, д. 106, л. 30; оп. 1, д. 13, л. 34 и др. до-

кументы.

⁹) ПАКК. ф. 64. оп. 1. д. 195. д. 1.

10) Красноярский краеведческий музей, инв. № 331. ГАКК, Ф. 258. оп. 1, 106. л. л. 7—9.

11) Красноярский Совет (март 1917 — июнь 1918 гг.). Сб. документов.

Красноярск, 1960, стр. 17.

красноярск, 1960, стр. 17.

12) Красноярский краевой музей, инв. № 122.

13) Газета «Красноярский рабочий», № 20, 8 апреля 1917 г. ГАКК, ф. 258, оп. 1, д. 10, лл. 1—3,7; оп. 1, д. 4, лл. 21—22; оп. 1, д. 13, л. л. 19—22.

14) ГАКК, ф. 258, оп. 1, д. 13, л. л. 19—22, 25—28. Газета «Известия» Красноярского Совета, 31 мая 1917 г.

15) ПАКК, ф. 64, оп. 1, д. 129, л. 1.

16) ГАКК, ф. 253, ф. 258, оп. 1, д. 106, лл. 11—14. Газета «Красноярский рабочий», № 12, 24 марта 1917 г.

17) ГАКК, ф. 62, оп. 1, д. 1, л. л. 21—22; ф. 62, оп. 1. д. 1, л. 34; ф. 62.

17) ГАКК, ф. 62, оп. 1, д. 1, л. л. 21—22; ф. 62
1, д. 1, л. л. 3—4.
18) ГАКК, ф. 258, оп. 1, д. 13, л. л. 10—11.
19) ГАКК, ф. 258, оп. 1, д. 10, л. л. 1—3.
20) ГАКК, ф. 258, оп. 1, д. 13, л. л. 32—33.
21) ГАКК, ф. 258, оп. 1, д. 13, л. л. 34, 48—50.
22) ГАКК, ф. 258, оп. 1, д. 106, л. 79.
23) ПАКК, ф. 64, оп. 1, д. 124, л. 1.
24) ГАКК, ф. 258, оп. 1: д. 13 л. л. 28—32; оп. 32 28-32; ф. 258, оп. 1, д. 13, л.л. 32 - 33.

25) См.: В. Степынин. Зеледеевский волостной наказ губернскому съезду крестьянских депутатов. Сб. статей. «Ворьба за власть Советов в Енисейской губернии», Красноярск, 1958, стр. 123—125.

26) ПАКК, ф. 64, оп. 1, д. 194, л. 1.

27) ГАКК, ф. 258, оп. 1, д. 13, л. л. 19—22, 25—28. См. также: Г. Бело-

усов Борьба Красноярских большевиков за упрочение Советской власти в Енисейской губерния. Сб. статей. «Борьба за власть Советов в Енисейской губернии», стр. 258. ²⁸) ПАКК, ф. 64, оп. 1, д. 120, л.1 ²⁹) ГАКК, ф. 258, сп. 1, д. 2, л. 12.

120, л.1.

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. В. КУЙБЫШЕВА.

Труды, том 199

1968 г.

КОНСТИТУЦИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ю. Н. ГАВЛО

Буферное государство Дальневосточная Республика было провозглашено в апреле 1920 г.¹). Строительством ее руководила РКП (б). С момента образования в Дальневосточной Республике был издан ряд актов конституционного значения, главными из которых являлись «Декларация об образовании независимой Дальневосточной Республики» от 6 апреля 1920 г.²) и «Декларация объединенной конференции областей Дальнего Востока» от 9 ноября 1920 г.³). В соответствии с решениями ЦК РКП (б). «Декларации» закрепили демократические принципы государственного строя ДВР. Эти принципы были затем положены в основу Конституции республики.

Официально политическую организацию Дальневосточной Республики оформило Учредительное собрание, работавшее с 12 февраля по 27 апреля 1921 г. Выборы в Учредительное собрание были проведены на основании Закона о выборах в Учредительное собрание Дальнего Востока от 11 ноября 1920 г. 4) и являлись всеобщими, равными, прямыми при тайном голосовании. Учредительное собрание состояло в основ-

ном из коммунистов и беспартийных крестьян⁵).

Конституция ДВР была принята Учредительным собранием 27 апреля 1921 г. Она состояла из десяти разделов: 1) общие положения; 2) территория республики; 3) о пражданах и их правах; 4) о властях; 5) основы народнохозяйственного строя; 6) об обороне республики; 7) о народном образовании; 8) о гербе и флаге республики; 9) о пересмотре Основного закона и 10) о первом Народном собрании и правительстве⁶).

Марксистоко-ленинская теория государства и права учит, что конституция строится с учетом основных задач, стоящих перед государством, содержание ее норм и институтов определяется задачами и функциями государства на том или ином этапе его исторического развития. «Дальневосточная Республика была создана с целью, — правильно отмечает В. Е. Чиркин, — несколько отступить в темпах социалистического преобразования общества, но сохранить власть народа (хотя бы путем временного допущения к власти некоторых слоев нетрудовонаселения и с буржуазно-демократических использованием форм)»⁷). Перед Дальневосточной Республикой не стояла задача строительства социалистического общества. Поэтому и Констутуция ДВР 1921 г. не была социалистической конституцией. Но в ДВР не должно было быть допущено и господство буржуазии, вследствие чего конституция не могла быть и буржуазной. Конституция ДВР 1921 г.

являлась конституцией государства, переходного к социалистическому типу. Она установила в буферном государстве демократический строй.

В условиях революционно-демократической диктатуры риата и крестьянства необходимо было закрепить институт частной собственности. В ст. 146 Конституция сделала это: «Институт частной собственности сохраняется. Всем гражданам и частным обществам гарантируется неприкосновенность их движимого и недвижимого имущества с ограничениями, предусмотренными в Основном законе». Но в то же время, в отличие от буржуазных конституций, Конституция ДВР отбросила принцип неприкосновенности частной собственности, она встала на защиту интересов трудового народа, регулируя отношения между трудом и капиталом и особо защищая интересы крестьянства. Она признала труд обязанностью всех граждан республики (ст. 132); установила восьмичасовой рабочий день (ст. 133); предоставила профсоюзам право устанавливать минимум платы, решать вопросы охраны труда (ст. ст. 141—143); установила социальное страхование (ст. 144), предоставление рабочим и служащим оплачиваемых отпусков (ст. 145) и т. д.

Признавая в целом частную собственность, Конституция однако провозгласила национализацию земли — основного средства производства, а также ее недр, лесов, вод и их богатств (ст. 126). Национализация земли не является социалистическим мероприятием, она сама по себе еще не создает в деревне социалистических производственных отношений. Она означает полное искоренение остатков крепостничества.

Поэтому проект раздела конституции о земле, предложенный конституционной комиссией и предусматривавший национализацию земли, а также ее недр, вод, лесов и их богатств, был принят единогласно всеми депутатами Учредительного собрания, независимо от их социального положения и партийной принадлежности⁸). Но национализация земли, не будучи социалистическим мероприятием, тем не менее была осуществлена в интересах трудового народа, ибо явилась залогом уравнительного распределения земли и свободного ее использования. Она освободила крестьян от расходов на покупку земли. Общим и основным источником права на пользование землей объявлялся личный труд независимо от вероистоведения, тациональности или пола праждан (ст. 130).

В развитие положений Конституции о земле 14 декабря 1921 г. Народное собрание приняло Закон о земле⁹). Он определил, что в первую очередь земля предоставляется безземельному и малоземельному местному земледельческому и окотоводческому населению и местным сельскохозяйственным рабочим на равных условиях (ст. 12). Предоставление земель в пользование трудящимся производилось по нормам, установленным областными земельными органами, сообразно почвенно-климатическим и хозяйственно-экономическим условиям, и утвержденным в законодательном порядке (ст. 6).

Конституция далее закрепляла, что «государство ожазывает... всестороннюю помощь сельскому трудовому хозяйству во всех его видах и в первую очередь беднейшему хозяйству, а также поощряет все виды коллективного и общественного хозяйства в целях развития его общественных форм» (ст. 148) В Законе о земле положение о поддержке кооперативных форм хозяйства сформулировано еще более четко. В примечании к ст. 12 прямо указано, что при установлении порядка передачи земли в пользование предпочтение отдается трудовым сельско-хозяйственным коллективам перед единоличными хозяйствами.

Следовательно, защита крестьянского хозяйста сочеталась с поддержкой кооперативных форм хозяйства.

Конституция ДВР предусматривала широкие политические права и демократические свободы граждан республики с возможными в тех условиях для их осуществления материальными и иными гарантиями. Так, провозглашалась равенство всех граждан перед законом, независимо от пола, рода занятий, национальности, вероисповедания и принадлежности к той или иной политической партии. Опменялись сословные деления граждан, сословные преимущества и привилегии, а равно звания, пражданские и военные чины и титулы (ст. 11). Была предусмотрена свобода совести, для обеспечения которой устанавливалось ютделение церкви от государства и школы от церкви (ст. 13, 14). Всем гражданам гарантировалась полная свобода собраний, слова и печати (ст. 17), союзов (ст. 18). Для трудящихся устанавливалась свобода стачек (ст. 19). Отменялись телесные наказания и смертная казнь (ст. 26).

По Конституции граждане ДВР получили право избирать и быть избранными. Конституция закрепила всеобщее, равное, прямое избирательное право при тайном голосовании (ст. ст. 33, 66). Активным и пасоивным избирательным правом были наделены все граждане республики без различия пола, вероисповедания и национальности, достигшие восемнадцатилетнего возраста, находящиеся в эдравом уме и не ограниченные в правах по суду (ст. 35). Особо указывалось, что избирательным правом пользуются и военнослужащие (ст. 36). Выборы проводились по пропорциональной избирательной системе (ст. ст. 33, 66).

Принцип всеобщих, равных, прямых выборов при тайном голосовании в условиях того времени был закреплен только в конституциях буржуазно-демократических государств. Социалистические же конституции (РСФСР 1918 и др. советских республик) в обстановке острейшей классовой борьбы были вынуждены установить ограничения для эксплуататорских классов в пользовании избирательными правами.

Введение всеобщего избирательного права в Дальневосточной Республике определялось целями создания и демократическим характером ее власти. Буржуазия, мелкобуржуазные партии полагали использовать всеобщее избирательное право для борьбы с коммунистической партией, лишить ее таким образом права говорить от имени народа Дальнего Востока. Однако пролетариат и трудящееся крестьянство отстранили буржуазию от власти и при всеобщем избирательном праве. В тех конкретных условиях оно было использовано рабочим и трудовым крестьянством для укрепления демократии.

Положение о выборах в Народное собрание Дальневосточной Республики¹⁰), принятое Учредительным собранием 23 апреля 1921 г., и Положение о выбюрах в областные собрания уполномоченных Дальневосточной Республики!1), принятое Правительством ДВР в порядке ст. 43 Основного закона 26 мая 1921 г., определили круг лиц, которые могли быть лишены избирательного права. Лишались избирательного права: 1) лица, признанные в установленном порядке безумными или сумасшедшими, а также глухонемые, находящиеся под опекой; 2) лица, осужденные за тяжкие уголовные и корыстные преступления; 3) несостоятельные должники, признанные судом злонамеренными, до истечения трех лет с момента признания их таковыми; 4) военнослужащие, самовольно оставившие ряды войск; 5) военнослужащие, осужденные за промотание или умышленную порчу выданного им казенного оружия, патронов, огнестрельных припасов или лошади, если они добровольно не возместили ущерб и 6) члены царствовавшего в России дома (статьи 4 и 5 обоих Положений).

Необходимость подобной меры в отношении праждан душевнобольных и состоящих под опекой не подлежит сомнению, ибо лицо, реализующее политическую правоспособность, должно находиться в нормальном психическом состоянии и обладать нормальной волей¹²). Применение же санкции к лицам, осужденным за преступления (тяжкие уголовные, корыстные, воинские), также было в интересах большинства народа Дальневосточной Республики, ибо отстранялись от участия в выборах преступные элементы общества. Лишение избирательной правосубъективности членов царствовавшего в России дома не являлось нарушением демократических основ Дальневосточной Республики, ибо это государство провозгласило своей основной целью установление народной демократической власти.

* * *

Своеобразно решала Конституция вопрос о власти и принципах ее организации и деятельности. Она определяла власть в республике, как власть народную. «Верховная власть на территории ДВР принадлежит народу Дальнего Вюстока и только ему», — указывалось в ст. 31. Само же государство Конституция называла демократическим (ст. 1). Зажрепление государственной власти в ДВР как власти народной являлось констатацией фактического соотношения классовых сил в ДВР. Оно означало, что в республике стоит у власти блок демократических классов и что ДВР уже не буржуазное, но еще и не соцналистическое государство.

Конституция ДВР закрепила иную систему органов государства, чем система, существовавшая в советских социалистических республиках (РСФСР, Украинской, Белорусской и др.). На этой системе сказалось влияние буржуазно-демократических институтов, в организационной структуре использовался принцип коалиции, но она не была и сис-

темой органов, присущих буржуазному государству.

Вопрос о системе органов государства в ДВР не был решен гплоть до Учредительного собрания. Его решение наталкивалось на антинародные устремления меньшевиков и эсеров. Они гребовали введения в ДВР парламентаризма. Коммунисты же предлагали положить в основу организации государственной власти принцип демократического централизма. Поэтому объединенная конференция представителей правительств областей Дальнего Востока ограничилась избранием 9 ноября 1920 г. Правительства из семи лиц, которому вручила всю полноту законодательной и исполнительной власти до созыва Учредительного собрания. Правительство должно было образовать Совет Министров — исполнительный орган¹³). Закрепить систему органов государства должно было Учредительное собрание. Меньшевики и эсеры в Учредительном собрании выступили против организации власти, установленной объединенной конференцией!!). В декларациях, представленных Учредительному собранию, они потребовали создания постоянно действующих представительных органов, избираемых на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании на возможно короткий срок, по пропорциональной системе 15). Подобные же требования были записаны в декларациях фракции беспартийных крестьян и рабочих и демократической беспартийной пруппы членов Учредительного собрания 16).

Кроме того, фракция социал-демократов (меньшевиков) представила свой проект раздела Основного закона «О властях»¹⁷). Этот проект предусматривал создание Народного собрания, Президиума Народного собрания и Совета Министров.

Народное собрание являлось высшим органом государственной

власти. Оно должно было избираться на основе всеобщих выборов на 1 год по пропорциональной избирательной системе (ст. 10). Продолжительность сессий Народного собрания должна устанавливаться в законодательном порядке, однако в году должно быть не менее двух очередных сессий и общая продолжительность очередных сессий не могла быть менее шести месяцев (ст. 21).

Народное собрание из своего состава избирало Президиум Народного собрания (ст. 23). Президиум, по мнению меньшевиков, помимо выполнения обязанностей по руководству работами Народного собрания, должен был являться «представителем Народного собрания, а через него и всего народа Дальневосточной Республики и блюстителем конституции и высших интересов республики» (ст. 35).

Для общего управления делами республики Президиум назначает Совет Министров (ст. 15, 37). Совет Министров наделялся правом принимать все меры, «необходимые для правильного и быстрого течения государственной жизни», но с тем, чтобы они не противоречили законам и постановлениям Народного собрания (ст. 39). За свои действия правительство несло ответственность перед Народным собранием. Последнее было вправе отменить или приостановить всякое постановление Совета Министров (ст. 18).

Проект меньшевиков предусматривал возможность принятия законов и путем референдума, если за это высказалось Народное собрание или 35 тысяч граждан республики (ст. 3).

Таким образом, как и в предыдущих документах относительно принципов организации и деятельности органов государственной власти, меньшевики потребовали введения в ДВР постоянно действующего парламента, избираемого на 1 год. Постоянно действующий парламент, ежегодные избирательные кампании и референдумы они полагали использовать для борьбы с коммунистами

Большинство Учредительного собрания (фракции коммунистов и крестьян большинства) отвергли меньшевистский проект об организации государственной власти. Будучи последовательными борцами за демократическое государство, они выступили против установления в ДВР паравментаризма. Кроме того, по их мнению, годичный срок полномочий представительного органа был неоправданно коротким. Ежегодные избирательные кампании отвлекали бы внимание государства от решения насущнейших вопросов экономической и политической жизни, требовали бы затрат дополнительных средств, что естественно вело бы к удорожанию государственного аппарата. К тому же ежегодное обновление состава представительного органа отрицательного сказалось бы на качестве его работы.

Принципы организации государственной власти, предложенные меньшевиками, были отвергнуты большинством Учредительного собрания как не способствовавшие укреплению в ДВР народной власти.

Было отвергнуто и введение в ДВР референдума как института, который при том уровне культуры и политической сознательности напродных масс Дальневосточной Республики не мог вести к упрочению власти народа.

Учредительное собрание приняло с незначительными поправками проект раздела Основного закона «О властях», выработанный конституционной комиссией и закреплявший предложения коммунистов и крестьян большинства.

Основной закон закрепил уже сложившуюся конструкцию высших и местных органов государства в Дальневосточной Республике.

Верховным органом власти Конституция провозгласила Народное собрание. Формировалось оно на основе всеобщих выборов по пропор-

циональной системе представительства сроком на 2 года. Народное собрание работало в сессионном порядке, собираясь на сессии дважды в год (1 февраля и 1 ноября). Продолжительность сессий определялась самим Народным собранием, однако во всяком случае сессии должны были прерываться на время полевых работ (ст. 38).

В компетенцию Народного собрания входило: а) принятие законов; б) рассмотрение и одобрение всех международных (торговых иных) договоров; в) установление бюджета страны, рассмотрение отчета об его исполнении за предыдущий период, установление налогов и займов, утверждение концессионных договоров; г) установление и измемение монетной и денежной системы, а равно системы мер и весов; д) решение вопросов об организации вооруженных сил республики; е) высший надзор за управлением; ж) дарование амнистии; з) объявление войны и заключение мира и разрешение всех других вопросов, которые Народное собрание признает необходимым подвергнуть своему рассмотрению (ст. 42).

Конституция ДВР предусматривала создание постоянно действующего высшего органа государственной власти. Таким органом было Правительство ДВР, избираемое Народным собранием на 2 года в составе семи человек (ст. 44). Правительство сочетало функции органа Народного собрания с функциями коллегиального главы государства. В ст. 43 конституции отмечалось, что «... в промежутки между сессиями Народного собрания Правительство имеет право издания временных законов, не терпящих отлагательства до созыва следующей сессии Народного собрания... Изданные в таком порядке законы должны быть внесены на ... утверждение Народного собрания тотчас по возобновлении его сессии...» Правительство обладало правом отлагательного veto по отношению к законам, принятым Народным собранием, если эти законы противоречили конституции ДВР (ст. 50). Оно назначало и увольняло председателя Совета Министров.

Совместно с Советом Министров Правительство осуществляло исполнительную власть в государстве. В сферу полномочий этой власти входило: общее управление страной и руководство ее внешней и внутренней политикой; организация вооруженных сил; предварительное разрешние вопросов о заключении мира и защите территориальной неприкосновенности; заключение займов, концессий и иных договоров, подлежащих раосмотрению Народного собрания, и составление предварительной росписи доходов и расходов республики (ст. 49).

Совет Министров находился под контролем Правительства. Последнее имелю право приостановить всякое постановление Совета Министров. Все министры в целом и каждый в отдельности были ответственны перед Правительством и перед Народным собранием (ст. 59). Вместе с тем Совет Министров отвечал и за деятельность Правительства. Членами Совета Министров могли быть лишь граждане ДВР, обладающие избирательным правом в Народное собрание. Должность министра была совместима с званием члена Народного собрания, но несовместима с должностью члена Правительства (ст. 57).

Таким образом, Конституция ДВР 1921 г. отбросила буржуазный принцип разделения властей, она связала ответственностью законодательные и иополнительные органы.

Органами власти на местах Конституции признала органы местного самоуправления. Однако «в целях установления связи между центральной государственной властью и местными органами власти, а также в целях угверждения на местах законности и порядка» (ст. 84) она признала необходимым введение временного института областных эмиосаров Правительства.

Итак, Констутуция Дальневосточной Республики не выдвигала

залач строительства социалистического общества, не говорила о созлании общества без эксплуатации человека человеком. Она закрепляла власть всего напода Лальневосточной Республики, своеобразную систему органов государства, а также всеобщие, равные, прямые выборы пои тайном голосовании т. е. общедемократические поинципы устройства общества, организации и деятельности органов государственной власти. Но она не только провозгласила широкие демократические права для народа, а предусмотрела возможные в то время и гарантин для действительного ооуществления этих прав широкими массами. И с этой точки зрения конституция Дальневосточной Республики имела сходство с социалистическими конституциями.

няли участие 386 депутатов. По партийной принадлежности депутаты распреняли участие 386 депутатов. По партийной принадлежности депутаты распределялись следующим образом: коммунистов — 99, сочувствующих коммунистам — 24, беспартийных — 214, эсеров — 20, меньшевиков — 13, сибирских эсеров — 6, энесов — 3, кадетов — 2: по фракциям: коммунистов — 92, крестьянской фракции большинства — 183, крестьянская фракция меньшинства — 44, бурят-монголов — 13, эсеров — 18, сибирских эсеров — 6, внепартийной демократической — 8, внепартийной — 1. Крестьянская фракция большинства по принципиальным вопросам поддерживала фракцию коммунистор и эти пра фракции составили большинство. Учренительного собрания стов, и эти две фракции составили большинство Учредительного собрания. Эсеры, меньшевики, энесы, кадеты и крестьянская фракция меньшинства, поддерживающая эсеровские лозунги, составили оппозицию. Газ. «Дальневосточная трибуна», № 55 от 6 апреля 1921 г.

6) Основной закон (Конституция) Дальневосточной Республики. Сб.

уполномоченных Дальневосточной Республики, ЦГА РСФСР ДВ. Собрание узаконений и распоряжений правительства Дальневосточной Республики, № 7, стр. 17—22.

12) См.: А. И. Ким. Советское избирательное право. Изд-во «Юридическая литература», М., 1965, стр. 95.

- 13) Резолюция об образовании центральной власти. ЦГА РСФСР ДВ. Соорание узаконений и распоряжений правительства Дальневосточной Республики, № 1 от 1 декабря 1920 г., стр. 2.
- 14) Меньшевики в своем предложении по отчету правительства указывали, что «политика правительства до созыва Учредительного собрания характеризуется бесконтрольностью системы управления. Эти бесконтрольность и бе-зответственность... неизбежно повлекли за собой нарушение основных, про-возглашенных конференцией начал демократизма.. сделали невозможным проявление самодеятельности народных трудовых масс и извратили власть трудящихся, превратив ее во власть над трудящимися... (Поэтому) Учредительное собрание считает совершенно необходимым положить в основу будущей государственной политики создание ответственной перед народным представительством власти и осуществление разных демократических форм государственно-

¹⁾ О причинах образования Дальневосточной Республики см.: Ю. Н. Гавло. К вопросу о причинах образования и сущности Дальневосточной Республики. Доклады итоговой научной конференции юридических факультетов (декабрь 1964 г.), Изд-во Томского университета, Томск, 1964, стр. 12—14; Б. М. Шерешевский. Создание Дальневосточной Республики. Ж. «Вопросы истории», 1966, № 3, стр. 31—42.

2) Декларация об образовании независимой Дальневосточной Республики. Сб. «Борьба за власть Советов в Приморье (1917—1922 г.)», Приморское изд-во, Владивосток 1955, стр. 442—444.

3) Декларация объединенной конференции областей Дальнего Востока. ЦГА РСФСР ДВ, Собрание узаконений и распоряжений правительства Дальневосточной Республики, № 1 от 1 декабря 1920 г., стр. 2—3.

4) Закон о выборах в Учредительное собрание Дальнего Востока от 11 поября 1920 г., ЦГА РСФСР ДВ, ф р — 1004, оп. 6, е. х. 80, л. д. 71—73.

5) В Учредительное собрание было избрано 427 депутатов, в работе приняли участие 386 депутатов. По партийной принадлежности депутаты распрело. К вопросу о причинах образования и сущности Дальневосточной Республи-

сти и начал подлинного демократизма...». (ЦГА РСФСР ДВ. ф. р. 1132, оп. 1, е. хр. 30, л. д. 60). Эсеры также считали, что «при системе конструкции власти, принятой конференцией в Чите, правительство оказалось оторванным от народа...» (ЦГА РСФСР ДВ, ф. р. 1132, оп. 1, ед. хр. 30, л. д. 62). Меньшевиков и эсеров поддерживала крестьянская фракция меньшинства. (ЦГА РСФСР ЛВ ф. р. 1132, оп. 1, ед. хр. 30, л. д. 63).

15) Декларация социал-демократической фракции в Учредительном собрании ДВР. ЦГАОР, Протокол четвертого заседания Учредительного собрания ДВР 19 февраля 1921 г.; Декларация фракции Сибирского союза эсеров, ЦГАОР, Протокол пятого заседания Учредительного собрания ДВР от 21 фев-

раля 1921 г.

16) Декларация фракции беспартийных крестьян и рабочих — членов Дальневосточного Учредительного собрания и Декларация демократической беспартийной группы членов Учредительного собрания. ЦГАОР, Протокол четвертого заседания Учредительного собрания от 19 февраля 1921 г.

17) Проект социал-демократической фракции раздела Основного закона «О властях». ЦГАОР, Приложение к протоколу тридцатого заседания Учрели тельного собрания от 9 апреля 1921 г.

Труды, том 199 1968 г.

ВЛИЯНИЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА НА ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НАРОДНОЙ ТУВЫ

н. н. хороший

Социалистическое строительство в многонациональном Советском государстве подтверждает наличие общих и частных закономерностей данного процесса, а также сложность общественных и политических явлений в каждом конкретном случае. Некоторые советские нации и народности находились на стадиях докапиталистических общественно-экономических формаций, что усложняло социалистические преобразования. Трудности были преодолены, благодаря руководству социалистическим строительством коммунистической партией, руководствующейся ленинским учением о возможности некапиталистического развития отсталых стран и народов к социализму, минуя капитализм¹).

Из советских народов позже других в состав советской федерации вступил тувинский народ. Русско-тувинские связи сложились еще в XVII веке, а особенно упрочились в первой половине XIX в., вылившись затем в форму стихийного заселения Тувы русскими крестьянами и проникновения в Туву русского торгового капитала. В апреле 1914 г. Тува становится протекторатом России.

Под влиянием революционных событий в Европейской России с ноября 1917 по март 1918 г. русское трудовое население Тувы вело борьбу за установление советской власти в своих поселках и в городе Белоцарске (административном центре Тувы)²). Создание на территории Тувы Советов имело решающее влияние на активизацию революционного движения коренного населения, а также на выбор организационных форм его консолидации, в чем проявилось влияние советской организации на трудящееся население отсталых стран.

Созданные на территории Тувы Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов представляли собой органы государственной власти трудящихся, опиравшиеся на отряды Красной гвардии. Они объявили себя частью системы Советов Советской России. Выступая в качестве органов революционной власти русской части населения Тувы, Советы не вмешивались во внутренние дела тувинцев, но всячески стояли на стороне трудящихся аратов, защищая их интересы. Одной из главных своих задач Советы ставили организацию трудящихся аратов для решения вопроса о самоопределении Тувы, характере и форме национальной государственной власти.

18 июня 1918 г. на смешанном пленарном заседании V съезда русского населения и первого тувинского съезда был заключен договор о самоопределении Тувы, дружбе и взаимопомощи двух народов³). Как отмечалось в материалах V съезда русокого населения, социалистиче-

ская революция в России не прошла бесследно для тувинского народа,

среди его низов началось революционное брожение.

Фактическому самоопределению с конституированием форм государственности помешала начавшаяся в средине 1918 г. военная интервенция и гражданская война в Туве⁴). Начинается вооруженная борьба трудящихся против китайских и монгольских интервентов, колчаковских белогвардейцев, местных контрреволюционных феодалов и кулаков. Это была антифеодальная, антиимпериалистическая, национально-освободительная революция тувинского народа, поддерживаемая рабочим классом Советской России в лице советского трудового населения Тувы и прилегающих районов России. Таким образом, на этом этапе революции решающим фактором, обеспечивающим ее успех в пользу трудящихся, была интернациональная помощь и поддержка трудящихся Тувы со стороны Советского государства.

К середине 1921 г. гражданская война завершилась лобедой трудящихся. Сложившееся соотношение классовых сил в стране потребовало от русских Советов в целях защиты интересов трудящихся аратов вновь взять на себя инициативу в подготовке к созыву общетувинского съезда. Одновременно Советы ведут работу по разъяснению сущности Советской власти, ее политики, отношения к тувинскому народу, за которым Советское государство признало право самостоятельно решать овое будущее⁵).

Второй съезд тувинского народа (Всетувинский Учредительный Хурал) стал конституитивным форумом представителей хошунов, решившим ряд важных вопросов, в том числе о самоопределении Тувы, с ее государственной форме и системе государственных органов⁶). Интернациональная помощь русского и международного пролетариата тувинскому народу выразилась также в том, что на этом съезде присутствовали делегации от Советской России, Народной Монголии и дальневосточного секретариата Коминтерна. Причем, русской делегации было предоставлено право решающего голоса, а ее представители выступали докладчиками по вопросам повестки дня, участвовали в дискуссии. От имени советской делегации предлагались проекты отдельных решений, в том числе проект первой конституции Республики. Советская делегация приветствовала провозглашение независимости Тувы и другие решения съезда.

Тува провозглашалась суверенным демократическим государством, Народной Республикой, выступающей в международных отношенниях под покровительством РСФСР. Советская Россия полностью поддержала решения съезда, что, в частности нашло свое выражение также в обращении к тувинскому народу Наркома РСФСР по иностранным делам. В обращении подчеркивалось, что советское правительство признает независимость Тувы и не выводит для себя никаких прав из того, что на ее территории имеется русское население?).

Первоначально правовое положение русского населения на территории Тувы было закреплено односторонними актами русских Советов и Всетувинского Учредительного Хурала. Так, XII съезд русското населения по данному вопросу постановил «создать власть по типу Конституции РСФСР, признав обязательными для себя все ее декреты и объявить русское население в Урянхае Советской колонией,...» В соответствии с политикой дружбы двух народов данное решение поддержал Учредительный Хурал, постановивший, что «находящееся на территории Танну-Тувы русское населние... считается Советской автономной колонией, живущей по Конституции Советской России и ей непосредственно подчиненной. Колония в своих отношениях с правительством Танну-Тувы обращается к представителю Советской России, и все дела общего характера решаются при его посредстве»).

Эти резолюции явились основанием для реорганизации органов Русской самоуправляющейся грудовой колонии (РСТК). В 1922 г. Краевой ревком был преобразован в нополком РСТК, а местные ревкомы — в сельские Советы. Такое решение вопроса было вызвано сложившимися обстоятельствами. Так, русский народ завоевал свое право жить по советским законам, а тувинский народ — право ма независимость. Советы признали государственный суверенитет Тувы и стремились к поддержанию с коренным населением дружеских отношений. Однако уровень социально-культурного и общественно-политического развития русского и тувинского народов был неодинаковый. Советская политическая организация стояла намного выше установленной наролно-республиканской организации тувинцев. В этих условиях создание РСТК стало наиболее приемлемым решением вопроса, учитывающим обсюдные интересы народов, а также перспективы развития русско-тувинских отношений. Утверждая в 1922 г. положение об РСТК. тельство РСФСР рассматривало его в качестве временного явления. На данном этапе правовое закрепление принципов взаимоотношений народов было результатом их совместных усилий, а также первым истории тувинского народа примером подлинно равноправных международных отношений, основанных на свободно выраженной взаимных интересах.

Советское государство рассматривало РСТК как форму непосредственной помощи тувинскому народу в развитии экономики и культуры страны. VI Всеколонийский съезд Советов РСТК в постановлении о задачах своей работы в колонии (май 1928 г.) отмечал, что, помогая тувинскому народу в развитии хозяйства и культуры, исполком РСТК «должен в то же время быть подсобным и подчиненным Тувинскому правительству аппаратом в отношении проведения общегосударственных мероприятий...» 10).

Так, в Туве впервые было создано независимое государство, принявшее республиканскую форму правления. Основу государственного механизма составили всереспубликанский и местные съезды представителей населения всех административных единиц. Все другие государственные органы были производными, подотчетными и подконтрольными по отношению к съездам. Конституция республики закрепляла принцип суверенитета народа. Эти демократические положения в организации власти имели решающее значение для дальнейшего развития страны по некапиталистическому пути развития. Все это стало возможным блатодаря всесторонней помощи и поддержке со стороны советского народа, в чем на практике начало проявляться ленинское предвидение того, что «крестьяне, находящиеся в полуфеодальной зависимости, отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле»¹¹).

По своей классовой сущности ТНР представляла собой государство революционно-демократической диктатуры народа. В первое время его экономическую основу составляла частная собственность, в том числе феодальная. Класс феодалов участновал в осуществлении государственной власти. По мере создания общественных форм собственности и формирования рабочего класса народная власть в ТНР становится революционно-демократической диктатурой рабочих и крестьян не только по своим функциям, но и по своей социально-экономической базе. ТНР восприняла основную идею советской организации как тенденцию развития, как основу переустройства общества на демократических началах. По мере укрепления власти трудящихся, законодательство открыто закреплялю диктатуру трудящихся, лишая политических прав экоплуататоров, ставя задачу подготовки условий для перехода

к строительству социализма¹²). С ужреплением и развитием общественных форм собственности и политической организации демократическая дижтатура народа все более приближалась к диктатуре пролетариата, а затем переросла в нее, приобретя советскую форму. Отражая эти процессы, совершенствуется конституционное законодательство ТНР, что, в частности, проявилось в принятии пяти последовательно сменивших друг друга конституций ТНР¹³).

Совершенствование всей правовой системы республики нашло свое выражение в первую очередь, в приобретении правом социалистических черт. Основой такого направления развития права были прежде всего изменявшиеся внутренние условия страны, а также влияние на

Туву советского государственного строительства.

Состоявшийся в конце 1929 г. VIII съезд Тувинской Народно-Революционной партии (ТНРП) выдвинул задачу создания в Туве социалистического общества. В это же время пересматриваются основы текущего и конституционного раконодательства. Конституция ТНР 1930 г. ставит программную задачу некапиталистического развития и построения социализма в Туве. Серьезные изменения в социально-экономической и политической областях жизни стали предпосылками для пересмотра принципов взаимоотношений между русским советским населением Тувы и ТНР на новом, более высоком уровне в соответствии с общими нормами конституции ТНР 1930 г., предоставившей политические права проживавшим на территории республики трудящимся иностранцам.

РСТК к этому времени провела значительную работу по оказанию тувинскому народу помощи в развитии экономики и культуры. В соответствии с этапами выполняемых задач Советское правительство постепенно сужало полномочия советских органов в Туве, изымая из их ведения и передавая в ведение органов ТНР подведомственные им предприятия и учреждения. В 1932 г. по договоренности между советским и тувинским правительствами РСТК и ее органы ликвидируются. Вместо них в русских поселках были созданы комитеты советских граждан, призванные работать в тесном контакте с государственными органами ТНР и на основе тувинских законов¹⁴). Перед ними была поставлена задача: оказание помощи тувинскому народу в развитии хозяйства и культуры. Комитеты стали формой более тесного сотрудничества народов. Организационно они выражали собой то, к чему подошли практически органы РСТК в начале тридцатых годов, предоставляя собой также переходный этап сотрудничества.

В принятой на проходившем в апреле 1941 г. XII съезде ТНРП новой партийной программе ставятся новые конкретные задачи в борьбе за успешное движение страны к социализму 15). Из этих же задач исходила конституция ТНР 1941 г. Отражая новый этап в развитии советско-тувинских отношений, конституция в ст. 60 устанавливала, что «все граждане СССР, проживающие в ТНР, имеют право избирать и быть избранными на равных с гражданами ТНР основаниях». В соответствии с этим в ходе выборов в местные органы власти ТНР в феврале 1942 г. вместо комитетов советских граждан в русских поселках были избраны хуралы трудящихся, как составная часть системы представительных органов власти ТНР16. Это был завершающий этап в развитии правового статута советских граждан на территории ТНР, что привело к полному уравнению их в правах с гражданами ТНР. Характер решения вопроса на различных этапах развития русско-тувинских отношений показывает, что для трудящихся ТНР советская общественно-политическая организация с самого начала служила образцом, к которому они стремились. По мере приближения к этой грани менялись основы правового положения советских граждан и организационно правовые формы сотрудничества народов. С приближением тувинской общественно-политической организации вплотную к социалистической, назрели условия для полного уравнения советских граждан в правах с граждана-

ми республики.

Высший этап в развитии правовой системы ТНР проявился в достаточно всесторонней разработанности основных отраслей права. в особенности государственного, трудового, уголовного и гражданского. При этом следует отметить существенное влияние на эти отрасли советского права. Это вытекает в первую очередь из сходства структур и других актов. Анализ содержания норм свидетельствует об общности многих правовых принципов, лежавших в основе советского и тувинского права. Основными источниками государственного кроме конституции, были многочисленные акты высших органов государственной власти республики. В частности, в течение 1942—1943 гг. были приняты Положения о различных звеньях представительных власти ТНР, что свидетельствовало о следовании опыту Советского государства в регламентировании правовых основ деятельности ставительных органов¹⁷). В период 1941—1944 гг. были приняты гражданский и гражданско-процессуальный, уголовный и уголовно-процессуальный кодексы, а также кодекс о труде¹⁸). По своей структуре они близки с одноименными советскими кодексами того периода. Сходство проявлялось также в содержании норм, основывавшихся на принципах демократизма, пролетарского интернационализма, законности и других. присущих социалистическому праву, что сближало право ТНР с советским правом.

Положительное влияние советского права на формирование и развитие права ТНР высоко ценилось тувинским народом. В частности, в резолюции XIII съезда ТНРП (1929 г.) по вопросу о пересмотре избирательного права в пользу трудящихся указывалось на необходимость лишения избирательного права эксплуататоров, о необходимости «ввести по образцу СССР (разрядка моя — Н. Х.), применительно к условиям Тувинской Республики, законы, целиком и полностью защищающие интересы трудовых аратских масс и ограничивающие права эксплуататорских слоев...» (19).

Вполне очевидно, что влияние Советского государства на развитие ранее феодально отсталой Тувы по некапиталистическому пути к социализму не исчерпывалось влиянием советской государственной и правовой системы. Главным и решающим фактором в этом процессе стало оказание Советским государством всесторонней помощи Туве в налаживании и развитии национального хозяйства и культуры. В этой политике страна Советов руководствовалась ленинским указанием возможности некапиталистического пути развития отсталых народов при условии, если им поможет пролетариат Советского государства.

Сложившаяся тувинская общественно-политическая организация использовалась трудящимися в качестве основного орудия в переустройстве полуфеодального общества на новых, демократических и социалистических началах. При этом она опиралась на действенную и постоянную помощь Советского государства. Советская помощь и содействие началось еще в 1918 г., когда первые русские Советы в Туве в основу своей деятельности положили содействие коренному населению в поднятии экономики страны, в налаживании обслуживания населения, в развитии образования. Устойчивые межгосударственные отношения сложились после самоопределения Тувы. Они были оформлены двусторонними соглашениями сначала между РСФСР и ТНР, а затем с СССР. На их основе ТНР получала от Советского государства большую и разностороннюю помощь²⁰). Это была прежде всего материальная, финансовая и техническая помощь в целях содействия развитию национального сель-

ского хозяйства, промышленности, транспорта, связи, строительства, культуры. Из Советского государства в ТНР поступала своевременная машинная техника, оборудование, оказывалась помощь в налаживании обслуживания населения, особенно в области здравоохранения и просвещения. СССР направлял в Туву своих специалистов, а также готовил кадры тувинской национальной интеллигенции в своих учебных завелениях.

Выражая волю трудящихся республики, партийные и государственные органы ТНР еще на заре республиканской власти ставили советско-тувинское сотрудничество на первое место среди условий, обеспечирающих независимое демократическое развитие страны по некапиталистическому пути. Так, VIII съезд ТНРП (1929 г.), подводя итоги пепвого этапа развития республики и намечая новые задачи, отмечал, что только всестороннее укрепление связей с СССР и решительная помощь с его стороны может обеспечить создание условий для социалистического развития и укрепления экономической самодеятельности Этот взгляд на советско-тувинские отношения был руководящим во внешней политике ТНРП, проходя через все решения партийных форумов. С этих же позиций исходили государственные органы ТНР. Так, проходивший в середине 1935 г. VIII Великий Хурал ТНР в резолюции по отчету правительства, в частности, указывал, что, благодаря помощи СССР страна имеет определенные достижения в развитии производительных сил и культуры, и что дальнейшее развитие и укрепление связей с СССР является одним из решающих факторов подготовки условий для перехода на путь некапиталистического развития²²).

С помощью СССР в Туве сначала были созданы экономические и культурные предпосылки для некапиталистического развития. На этой основе стало возможным перейти непосредственно к некапиталистическому развитию, к созданию основ для перехода к стронтельству социализма. На первом этапе развития ТНР (1921—1929 гг.) ее экономика была слабой. Основу хозяйства страны составляло экстенсивное скотоводство. Новое хозяйство только зарождалось. На втором этапе (1930—1944 гг.) в экономике страны намечаются известные сдвиги. Появляются новые отрасли хозяйства: промышленность, обслуживание, транспорт. Растут ассигнования на народное хозяйство, увеличиваются производственные фонды, меняется структура экономики, утверждается общественный сектор хозяйства.

В 1942 г., например, государственный бюджет ТНР вырос по сравнению с бюджетом 1930 г. в семь с половиной раз. Основной отраслью хозяйства в сороковые годы продолжает оставаться животноводство, однако изменяется соотношение форм собственности. В связи с ликвидацией класса феодалов, в руках которого до 1930 г. начодилось около 40% скота, в 1941 г. 90% скота принадлежало трудящимся аратам, гообщественным и сударственным, кооперативным организациям. К 1943 г. государственная и кооперативная формы собственности вместе составляли 42,7% всех производственных фондов страны. Производственные же фонды промышленности и транспорта целиком находились в руках государства и кооперативов, а удельный вес государственной собственности в них составлял 94,2%.

Однако свыше 2/3 основных производственных фондов сельского хозяйства все еще приходилось на частный сектор, который преобладал в животноводстве. В земледелии ведущая роль принадлежала государственному и кооперативному секторам, дававшим свыше 60% товарного хлеба. В это время в республике действовало 6 госхозов, 21 колхоз и 123 тожзема (товарищества по улучшению развития животноводства и совместной обработке земли). Общественные хозяйства использовали машинную технику, получаемую из СССР. Ее количество из года в год росло. К 1941 г., например, в Туве было 37 тракторов.

За годы народной власти значительно выросли другие отрасли хозяйства, некоторые из них выросли заново. Так, с 1930 по 1941 г. в ТНР увеличилось число промышленных предприятий с 5 до 15, электростанций — с 1 до 14, отделений банков — с 1 до 9, отделений связи — с 3 до 14, магазинов — с 45 до 108. До 1930 г. 30% товарооборота Тувы приходилось на частную торговлю. К 1941 г. торговля полностью стала монополией государства и кооперации²³).

Коренные изменения в экономике оказали заметное влияние на подъем культуры народа. В канун освобождения Тува не имела своей письменности, народ был сплошь неграмотным. С помощью СССР в короткий исторический срок была разработана и введена национальная письменность. На этой основе к 1943 г. неграмотность среди взрослого населения в основном была ликвидирована. К этому времени в стране было 125 школ, тогда как в 1930 г. их было всего 3. В республике налаживается издательское дело, создается полиграфическая промышленность. Из года в год увеличивались расходы на социально-культурные мероприятия, просвещение, здравоохранение. В 1930 г., в частности, на эти нужды выделялось уже 23% всех средств государственного бюджета, а в 1941 г. эти расходы составили 35,9% бюджета республики²⁴).

В сороковые годы характер экономики ТНР вполне определился. В Туве господствовали два основных уклада: государственно-кооперативный и мелкотоварный. Тесная связь тувинской экономики с советской способствовала созданию, укреплению и совершенствованию в общественных секторах социалистических черт. Этот процесс осуществлялся в результате сознательной деятельности трудящихся, однако его темпы были относительно медленными. В экономике важные позиции продолжал занимать мелкотоварный уклад, который не мог быть эффективной основой для прогрессивного развития сельского хозяйства, но вместе с тем не мог быть ликвидирован путем декретирования. Его следовало преобразовать на новой экономической основе, что практически и означало переход от феодализма через промежуточную экономику к экономике социалистической. Таким образом, в ТНР элементы социалистической экономики появляются в результате направляемых государстьом преобразований, путем создания необходимых предпосылок для социалистического развития. По мере создания предпосылок процесс принимает развернутый характер. Причем, в этой своей деятельности народное государство опирается на всестороннюю помощь Советского государства. Однако в рассматриваемый период, несмотря на значительные успехи, тувинская экономика не была готова для развернугого социалистического строительства²⁵).

Связав свою судьбу с многонациональным советским народом, тувинский народ в грозное время Великой Отечественной войны целиком и полностью стал на его сторону, восприняв борьбу против фашистской Германии как защиту своей Родины, участвуя всеми силами и средствами в помощи фронту. Тувинский народ давно стремился к более тесным государственным связям с Советским государством. Заявленная им 1939 г. просъба о принятии ТНР в состав СССР не получила своего разрешения в связи со сложностью международной обстановки, когда Советское государство готовилось к отражению реально нависавшей империалистической агрессии. Установив еще более тесные отношения с СССР за годы войны, в 1944 г. тувинский народ возобновил свое ходатайство о вступлении в состав Советского государства. На основании Декларации Чрезвычайной VII сессии Малого Хурала ТНР о вхождении Тувинской Народной Республики в состав Союза ССР от 17 августа 1944 г. 11 октября 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О принятии Тувинской Народной Республики в состав Союза Советских Социалистических Республик». ТНР принималась

состав СССР на правах автономной области РСФСР, в полном соответствии с пожеланием тувинского народа. Окончательное оформление акта принятия было закреплено Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 октября 1944 г. «О принятии Тувинской Народной Республики в состав РСФСР»²⁶).

Стремление тувинского народа скрепить исторические узы братства с русским народом государственным союзом были обусловлены многими выше отмеченными обстоятельствами. Решающими среди них были: твердое становление Тувы на путь социалистического развития. желание народа ускорить темпы социалистического строительства. Успехи в переходе от феодализма к социализму целым рядом советских народов. при этом в короткие исторические сроки, были обусловлены ронней помощью и поддержкой более развитых советских наций, объелинением общих усилий многонациональной семьи народов, ных в едином союзном государстве. Тувинский народ понимал преимущества многонационального социалистического государственного союва. Вступление в этот союз связывалось им с быстрыми, и несомненно, успешными темпами социалистического строительства, вплотную к которому Тува в это время подошла. Правильность и своевременность решения вопроса показала сама жизнь. Тува в составе СССР за очень короткий исторический срок коренным образом перестроила свою экономику, несоизмеримо подняла культуру народа. Тувинские трудящиеся вместе с другими советскими нациями и народностями полностью и окончательно построили социализм, а на современном этапе осуществляют задачи развернутого коммунистического строительства²⁷).

Переход к непосредственному строительству социализма в Туве был облегчен в определенной мере характером предшествующего народно-республиканского общественного и государственного строя страны, а также определявшего их экономического базиса. Именно благодаря этим обстоятельствам процесс создания социалистической собственности в условиях советской Тувы в основном выразился в распространении на общественные формы собственности ТНР правового статута социалистических форм собственности Советского государства, а также во всестороннем укреплении и развитии этих форм собственности на социалистической основе. В отношении мелкотоварного уклада проводилась политика преобразования его на социалистической основе в соответствии с действовавшими нормами советского права.

В принципе такая же политика проводилась в отношении надстройки ТНР. В первое время многие из ее элементов использовались в условиях советской Тувы, но наполнялись новым, социалистическим содержанием. Таким путем, например, были преобразованы Малые Хуралы и их Президиумы соответственно в местные Советы депутатов трудящихся и их исполнительные комитеты. При этом депутаты Малых Хуралов впредь до выборов в местные Советы получили пслномочия депутатов Советов. На автономную область были распространены законы СССР и РСФСР.

На таких же принципах были произведены преобразования в системе общественных организаций Тувы. Члены ТНРП в индивидуальном порядке принимались в члены ВКП(б) с учетом партийного стажа в ТНРП²⁸).

Так, за 23 года развития в условиях переходного государства к социалистическому типу, тувинский народ при братской помощи и поддержке советского народа сумел создать условия для некапиталистического развития и приблизиться к этапу непосредственного перехода к строительству социализма. За время своего развития в составе Советского государства Тува стала социалистической, сравнявшись по уровню своего развития с передовыми советскими нациями, завершив одновременно с ними построение социализма, и начала развернутое строительство коммунизма. В этом выразилось подтверждение идеи о том, что «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития --- к коммунизму, минуя капиталистическую сталию развития»²⁹)

¹) См.: В. И. Ленин. Полное собр. соч. т. 41, стр. 241—247; соч., т. 9, стр. 32, 40, 68, 91, 280—281; т. 27, стр. 111, 243; В. Е. Чиркин. Формы государства, переходного к социалистическому типу. М., 1966.

2) См.: «Ученые записки Тувинского научно-исследовательского институга языка, литературы и истории» (в дальнейшем — «Ученые записки ЛИ)». Вып. IV, Кызыл, 1956, стр. 14—32.

3). См.: «Ученые записки ТНИИЯЛИ». Вып. IV, Кызыл, 1 тниия-

184 - 187

4) См.: В. Ч. Очур. Тувинская национально-освободительная революция 1921 г. «Ученые записки ТНИИЯЛИ», вып. VI, Кызыл, 1958, стр. 18—34; М. Х. Сейфулин. Образование Тувинской автономной области. Кызыл, 1954, стр. 49-65.

5) Cm.: 274—287. «Ученые записки ТНИИЯЛИ», вып. V. Кызыл. 1957. стр.

6) См.: «Ученые записки ТНИИЯЛИ», вып. V, Кызыл, 1957 стр.

287 - 302.

- 7) См.: «Ученые 302—303. ТНИИЯЛИ», вып. V, Кызыл, 1957, записки

302—303.

в) См.: «Ученые записки ТНИИЯЛИ», вып. V, Кызыл, 1957, стр. 286.

см.: «Ученые записки ТНИИЯЛИ», вып. V, Кызыл, 1957, стр. 298.

см.: Рукописный фонд ТНИИЯЛИ, д. № 243, л. д. 2.

в. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 244.

см.: VIII—1929—съезд Тувинской Аратской Революционной партии в резолюциях. Кызыл, 1930; Резолюции IX съезда ТАРП, Кызыл, 1932; Резолюции XI съезда ТНРП, Кызыл, 1940; Х. Анчима, Г. Иванов. Государственное строительство в ТНР. Ж. «Под знаменем Ленина—Сталина» в (дальнейшем «ПЗЛС»), Кызыл, 1943, № 4, стр. 27—40.

токий Тувинской Народной Республики 1924, 1926, 1930 и 1941 гг. см.: «Ученые записки ТНИИЯЛИ», вып. VI, 1958, стр. 270—304

279 - 304.

 14) См. История Тувы. Т. II, М., 1964, стр. 145—146.
 15) См.: Резолюции XII Внеочередного съезда ТНРП. Кызыл,
 16) См. История Тувы. Т. II, М., 1964, стр. 169—170. 1941: Про-

Тувинской народно-революционной партии, Кызыл, 1941.

17) См. Сборник законов ТНР. Кызыл, 1944, разд. І.

18) См. там же, разд. ІІ.

19) Резолюция VIII съезда Тувинской народно-революционной партии отчету Центрального Комитета. VIII—1929—съезд Тувинской Аратской І

люционной партии в резолюциях. Кызыл, 1930, стр. 10.

люционной партии в резолюциях. Кызыл, 1930, стр. 10.

20) См.: П. Г. Башаров. Внешнеторговые отношения между ТНР и СССР. «Ученые записки ТНИИЯЛИ», вып. VII, Кызыл, 1959, стр. 31—38; Великая роль русского народа в развитии Тувы. Рукописный фонд ТНИИЯЛИ, д. № 123, л. д. 38.

21) VIII—1929—съезд Тувинской Аратской Революционной партии в резолюциях. Кызыл, 1930, стр. 11.

22) Резолюция VIII съезда Великого Хурала ТНР по отчету правительства, принята 2 июля 1935 г. Съезды Великих Хуралов. Рукописный фонд ТНИИЯЛИ, д. № 10, л. д. 38—39.

23) Статистические данные взяты из сл. источников: М. Волков. Основ-

23) Статистические данные взяты из сл. источников: М. Волков. Основные производственные фонды ТНР. Ж. «ПЗЛС», 1943, № 5, стр. 73—83; его же. Народное хозяйство ТНР в 1942 г. Ж. «ПЗЛС», 1942, № 2, стр. 40—42; В. Чижов. Государственный бюджет ТНР как средство подъема народного хозяйства. Ж. «ПЗЛС», 1942, № 2, стр. 50—56; ХХІІІ годовщина национально-освободительной революции в Туве. (Передовая). Ж. «ПЗЛС», 1944, № 4 стр. 1—8 № 4, ctp. 1—8.

²⁴) См. там же, а также Х. Анчима, Г. Иванов. Государственное стро ительство в ТНР. Ж. «ПЗЛС», 1943, № 4, стр. 27—40.

 25) С.: Г. С. Петров. К вопросу об изучении закономерностей экономики ТНР. Ж. «ПЗЛС», 1942, № 1, стр. 14-27.

26) См.: «Ученые записки ТНИИЯЛИ». Вып. XI, Кызыл, 1964, стр. 372—375; Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства РСФСР. Т. III, М., 1958, стр. 419.

- ²⁷) См.: С. К. Тока. Свет Ильича над Тувой. «Ученые записки ТНИИЯЛИ», вып. XI, Кызыл, 1964, стр. 3—17; М. К. Мендуме. Народное хозяйство Советской Тувы за 20 лет и перспективы его развития. Там же, стр. 18—27.
- 18—21.
 28). См.: «Ученые зиписки ТНИИЯЛИ». Вып. XI, Кызыл, 1964, стр. 370—372, 374—375, 377, 387.
 29) В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 246.

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. В. КУЙБЫШЕВА.

Труды, том 199

1968 г.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПРИРОДА НОРМ. РЕГУЛИРУЮЩИХ ОРГАНИЗАЦИЮ ВЫБОРОВ В СССР

А. И. КИМ

В теории советского избирательного права важное место занимает вопрос о государственноправовой природе норм, регулирующих организацию выборов в Советы депутатов трудящихся. От характера его решения зависит правильное определение соотношения принципов избирательного права и правовых форм организации выборов в представительные органы власти в СССР. Это особенно важно в настоящее время в связи с разработкой новой Конституции СССР, на основе которой затем будет принят избирательный закон Советского социалистического государства периода развернутого строительства коммунизма.

Нормы советского государственного права, закрепляющие принципы избирательного права, регулируют круг вопросов, связанных с избирательной правосубъектностью советских граждан. Они создают необходимые юридические предпосылки для участия всех политически правосубъектных граждан в формировании представительных органов государственной власти в СССР. Однако, будучи социалистическими по своей сущности, они не могут ограничиться лишь этим, ибо советское государственное право переносит центр тяжести с формального провозглашения прав и свобод на пользование ими со стороны трудящихся¹). Поэтому Советское государство, закрепляя принципы избирательного права, вместе с тем определяет формы их реализации, обычно именуемые в государственноправовой литературе организацией выборов и обеспечивающие осуществление избирательной правосубъектности советских граждан.

В буржуазном избирательном праве институт организации выборов является одной из основных форм нейтрализации последствий политических уступок требованиям демократических слоев общества со стороны правящих классов. Поэтому как в прошлом, так и в настоящем он выполняет в высшей степени реакционную роль в общественной и политической жизни буржуазных государств. Если нарушение внутренней организации избирательного корпуса ведет к нейтрализации всеобщности выборов, то организация выборов имеет своей задачей извращение всех демократических принципов избирательного права, подмену воли и прав народа волей и интересами финансовых магнатов. Поэтому само законодательство, регулирующее ее, нередко является нарушением даже буржуазной законности в сфере формирования представительных орга-

нов власти²). Еще К. Маркс на примере Франции второй республики показал реакционную сущность такого рода законодательных актов, издаваемых правящими классами в развитие основных положений конституции. «Каждый параграф конституции, — писал он, — содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу — в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке»³). Об этом же говорил В. И. Ленин в связи с сенатскими разъяснениями по вопросам организации выборов во вторую Государственную Думу. Они, по существу, подменили избирательный закон, но это было сделано не открыто, а тайно от народа, чтобы таким образом отнять «вопреки закону, избирательное право у тысяч и десятков тысяч рабочих, неимущих крестьян, железнодорожников»⁴).

То же самое происходит в современных буржуазных государствах. Хотя ныне, в отличие от прошлого, в конституции большинства этих государств формально провозглашены демократические принципы избирательного права, однако, институт организации выборов сводит их на нет и более откровенно, чем прежде, служит интересам правящих классов. Поэтому борьба за подлинно демократические принципы избирательного права не только не стала пройденным этапом, но и остается попрежнему актуальной задачей рабочего движения в капиталистических странах. Ныне как никогда прежде стала жизненной борьба за такие формы организации выборов, которые бы соответствовали демократической природе всеобщих выборов и уже в условиях капитализма могли бы обеспечить избрание представительных учреждений, отражающих действительную расстановку классовых сил в обществе. Это открывает реальные перспективы мирного прихода рабочего класса к власти через завоевание большинства в парламентах 5). Вот почему монополистическая буржуазия становится все более бесцеремонной в определении форм организации выборов и навязывает народным массам мы, заведомо искажающие волю избирателей и облегчающие ей борьбу против неуклонно растущего влияния коммунистов.

В связи с этим можно было бы отметить, например, постоянное стремление реакции в буржуазных странах к отказу от пропорциональной системы выборов, которая, как отмечал В. И. Леиин, является«... более демократичной, чем мажоритарная...» (). Она длет справедливое распределение мандатов в выборных органах, соответствующее влиянию различных политических сил на массы избирателей. В современный период, когда коммунисты и их сторонники все более расширяют свое влияние на массы, пропорциональная система выборов ведет к постепенной утрате буржуазией монополии на государственную власть. Она открывает широкую дорогу коммунистам и их сторонникам к завоеванию большинства в парламентах и использованию ими этих традиционных учреждений буржуазной демократии в подлинных интересах народа для социалистических преобразований общества. Перед этой реал. ной опасностью правящие круги буржуазных стран стремятся к изысканию таких форм организации выборов, которые бы при формальном сохранении демоиратических принципов фактически обеспечили им сохранение своего влияния в парламентах и использование их в интересах монополистической буржуазии.

Одной из наиболее эффективных и распространенных форм организации выборов, служащих этим целям в буржуазных государствах, является мажоритарная система в ее самых различных вариантах. К ней все чаще обращаются реакционные круги буржуазных стран, напуганные ослаблением своего влияния на массы. В одних странах им удается хотя бы с великим трудом, с нарушением элементарных требований даже буржуазной законности, переходящим часто в мошенничество, заменить пропорциональную систему выборов мажоритарной, как

это, например, произошло во Франции⁷), а в других — им приходится терпеть в этих попытках поражение перед лицом растущего влияния сил демократии и прогресса, как это произошло, например, в Италии³).

Поэтому борьба за демократические формы организации выборов представительных органов в буржуазных странах является ныне более актуальной, чем прежде, когда к выборам легально допускались только представители имущих классов общества и следовательно, при отсутствии организованных политических оппозиционных сил не было и проблемы правильного представительства их интересов. Борьба за демократические формы организации выборов в современных условиях, когда монополистам противостоят силы сознательных и организованных рабочих, возглавляемых коммунистами, концентрированно многие аспекты борьбы рабочего класса за политические права и свободы в условиях современного капитализма. «Диктатура буржугани. говорится в Программе КПСС, — проявляется также в грубом попрании воли избирателей. Когда буржуазия видит, что трудящиеся, пользуя предоставленные конституцией права, могут избрать тельное число защитников своих интересов в законодательные органы, она бесцеремонно ломает избирательную систему, произвольно ограничивает количество представителей трудящихся в парламенте» 1). Перманентная борьба вокруг форм организации выборов в значительной степени характеризует политическую жизнь таких буржуазных дарств, как Италия, Франция, Федеративная Республика Германия. Греция и др.

В Советском социалистическом государстве организация выборов имеет своей задачей последовательное осуществление норм, закрепляющих социалистические, подлинно демократические принципы советского избирательного права. Она выражает постоянную заботу КПСС о точном применении избирательного законодательства, не допускающем ни распространительного и ни ограничительного его толкования¹⁰).

Нормы, закрепляющие принципы советского избирательного права, и нормы, регулирующие формы их реализации, однородны и органически связаны между собой, как и те общественные отношения в сфере формирования представительных органов власти, которые выражаются и регулируются ими. Вместе с тем, по природе своей они отличаются друг от друга как нормы материального права от норм процессуального права.

Вопрос о государственноправовой природе норм советского избирательного права, как и вообще норм советского государственного права, с точки зрения возможности и необходимости их классификации на материальные и процессуальные, котя и возник в нашей литературе недавно, вызывает споры в среде государствоведов¹¹). Одни считают, что такая классификация имеет объективную основу и необходима с точки зрения как теории государственного права, так и практики государственного строительства¹²), другие считают ее искусственной, не имеющей «достаточных теоретических оснований… и практической потребности»¹³).

В этом теоретическом споре нашли свое отражение разногласия, имеющиеся среди ученых юристов вообще в вопросе о применимости деления норм советского права на материальные и процессуальные по отношению к некоторым отраслям советского права.

Большинство авторов рассматривают особую процедуру применения санкций правовых норм как специфический метод регулирования процессуального права. Они полагают, что процессуальные формы и регулирующие их правовые нормы связаны лишь с правоотношениями, возникающими вследствие нарушения материальных норм и необходимости вследствие этого применения предусмотренных ими юридических

• . 11.14

санкций¹⁴). С этой точки зрения бесспорным признается существование лишь уголовного и гражданского процессуального права¹⁵).

Что же касается других отраслей советского права, то, как правило, исключение делается лишь в отношении административного права (в). При этом одни из авторов считают, что процессуальные формы присущи административному праву лишь в пределах ограничительного толкования их предмета (голинативного права, на всю регулируемую ими исполнительно-распорядительную деятельность органов государственного управления (в).

Так, Г. И. Петров, критикуя М. Д. Шаргородского и С. С. Иоффе. высказавшихся, как и некоторые другие ученые, за ограничительное толкование процессуального права, отмечает, что даже гражданский процесс лишь частично подтверждает их тезис, ибо его нормами регулируются не только и даже не главным образом отношения по применению санкций. Поэтому он выступает против ограничительного толкования процессуального права. Применительно к административному праву, будучи сторонником широкого взгляда на процессуальное право вообще, Г. И. Петров различает процесс в узком смысле слова, связывая его с деятельностью органов государственного управления по рассмотрению индивидуальных дел, и процесс в широком смысле слова связывая его в целом с исполнительно-распорядительной деятельностью органов государственного управления¹⁹).

Нормы всех отраслей советского социалистического права имеют своим социальным назначением регулирование необходимых общественных отношений в соответствии с задачами и функциями Советского государства на данном этапе развития. Эта цель может быть достигнута при том непременном условии, если нормы права будут осуществляться в практике государственного строительства и оказывать реальное воздействие на определенные общественные отношения.

Большинство советских правовых норм не могут быть реализованы вне конкретных правоотношений. Поэтому Советское государство, будучи заинтересованным в охране своих прав и интересов, а также прав и интересов общественных организаций и граждан, устанавливая правовые нормы, одновременно определяет необходимые формы их осуществления, регулируя особыми правовыми нормами деятельность государственных органов и общественных организаций по их применению и исполнению. Эти нормы, хотя и создаются в связи и по поводу норм материального права, но по природе своей отличаются от них и именуются процессуальными, как и те формы, которые этими нормами определяются.

Значение процессуальных форм состоит в том, что ими определяется порядок, процедура проведения в жизнь норм законов и других правовых актов в точном соответствии с требованиями социалистической законности. Ими не только обеспечивается правильное применение большинства советских правовых норм, но и во многих случаях — их осуществление вообще. Превращение правовых норм в реальный фактор общественной и государственной жизни, осуществление прав и интересов граждан, состояние социалистической законности в деятельности государственных органов в значительной мере зависит от процессуальных форм их применения— от своевременности их установления, их полноты и совершенства. Поэтому они приобретают особо важное значение в современный период, когда Программа КПСС поставила задачи строгого соблюдения социалистической законности, всемерного развития свободы личности и прав советских граждан.

Мы не можем согласиться с теми авторами, которые дают ограничительное толкование процессуальному праву, связывают процессуальные формы так или иначе лишь с гражданским, уголовным и админи-

стративным правом и не видят таковых в других отраслях советского права. Эти авторы, признавая необходимость процессуальных форм лишь как процедуру применения санкций правовых норм в привоотношениях, возникающих вследствие нарушения материальных норм права, объективно сужают возможности и роль процессуального права в развитии и совершенствовании общественных отношений в СССР. Но это в то же время ведет к гипертрофированию роли санкций как элемента правовой нсрмы в правовом регулировании и принижению роли и значения других элементов правовой нормы.

Задачам правового регулирования общественных отношений служат все элементы советской правовой нормы, но особое значение имеет диспозиция: она формулирует правила поведения и предписывает их субъектам определенных общественных отношений, через поведение которых достигается правовое регулирование этих отношений. «Сердцевиной нормы, — пишет П. Е. Недбайло, — является ее диспозиция (распоряжение), которая содержит в себе требования нормы» (Диспозиция, — пишут О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский, — является для нормы права необходимым и решающим составным элементом» (Для регулирования общественных отношений необходимы все элементы правовой нормы, но особое значение имеет диспозиция, выполняющая основную регулятивную нагрузку в условиях, предусмотренных гипотезой нормы.

Следовательно интересы эффективного регулирования общественных отношений требуют определения порядка и форм осуществления материальных правовых норм вообще, но не только их санкций. Они диктуют необходимость определения процессуальных форм всей деятельности Советского государства, охватывающей как правоохранительную, так и правоприменительную и правоисполнительную, имеющие первостепенное — вслед за правотворческой, — значение для правового регулирования общественных отношений.

Конечно, исторически процессуальное право обязано своим возникновением гражданскому и уголовному праву. Эти отрасли эксплуататорских типов права получили наибольшее развитие, поскольку их нормы закрепляли частную собственность на орудия и средства производства и подавление противников существовавшего тогда эксплуататорского строя. Поэтому имущие классы, находившиеся у власти, были кровно заинтересованы в последовательном осуществлении норм этих отраслей права в соответствии с эксплуататорской сущностью их государственной и правовой системы. Этим задачам и служило процессуальное право как правовая основа судебной, т. е. принудительной защиты прав и интересов господствующих классов.

В то же время для этих классов процессуальные формы не были актуальны в области публичноправовых отношений, когда речь шла о правах и интересах демократических слоев общества. Будучи вынужленными провозгласить их, эксплуататорские классы стремятся к тому, чтобы права и свободы демократических слоев общества оставались лишь на бумаге и не оказывали никакого влияния на характер общественной и государственной жизни. Поэтому они не стремятся к установлению процессуальных форм осуществления материальных норм, закрепляющих права и свободы граждан, или устанавливают такие формы, которые либо нейтрализуют политические последствия провозглашения прав и свобод граждан, либо преврашают их в противоположность.

В Советском социалистическом государстве ничего подобного быть не может: будучи полномочным представителем общества, оно устанавливает правовые нормы, выражающие волю и интересы самого трудового народа. Оно заинтересовано в том, чтобы нормы права проводились в жизнь, регулируя соответствующие общественные отношения в интере-

сах советского общества и каждого его члена. Это в равной степени относится к нормам как гражданского, уголовного и административного права, так и других отраслей советского социалистического права. Поэтому интересы дальнейшего укрепления социалистической законности и правопорядка, охраны прав и интересов советских граждан требуют научной разработки проблем процессуального права применительно ко всем отраслям советского права.

Мы солидарны со сторонниками широкого понимания процессульного права, которые относят к его предмету не только общественные отношения, возникающие в результате правонарушений, но и вообще те общественные отношения, которые возникают в процессе применения правовых норм во всех отраслях права. Так, С. С. Студеникин, имея в виду известное высказывание К. Маркса относительно соотношения материального и процессуального права, говорил, что «это положение Маркса относится к любой отрасли права»²²). «Процессуальная форма, — пишет П. Е. Недбайло, — присуща всякой деятельности по применению правовых норм»²³).

Не подлежит сомнению также, что процессуальные нормы имеются и среди тех правовых норм, которые в совокупности образуют советское государственное право. Некоторые высказывания по данному вопросу уже имеются в нашей литературе. Так, П. Е. Недбайло, выдвигая тезис с всеобщем характере процессуального права, по существу, конкретно говорит о государственно-процессуальных нормах, когда в качестве примера еще в 1957 г. приводил норму, сформулированную в ст. 142 Конституции СССР и касающуюся отзыва депутата избирателями как одного их принципов советского избирательного права. Он отмечал что отсутствие закона, устанавливающего порядок отзыва затрудняет реальное осуществление этой нормы. В отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду КПСС также отмечалось, что норма ст. 142 Конституции СССР не всегда применяется²⁴). П. Е. Недбайло выражал тогда сожаление, что у нас не всегда устанавливается порядок претворения в жизнь правовых норм и что это снижает политическую значимость некоторых законов, подлежащих применению 25). О государственно-процессуальных нормах говорил и Г. И. Петров, когда он указывает, что в советском государственном праве имеются процессуальные формы работы Советов депутатов трудящихся и нормы, их регулирующие²⁶).

Анализ конституционного и текущего государственно-правового законодательства показывает, что в государственном праве действительно значительное место занимают процессуальные нормы. Так, ст. 47 Конституции СССР определяется порядок, процедура разрешения разногласий между Палатами Верховного Совета СССР, ст. 48 — избрания Президиума Верховного Совета СССР, ст. 50 — проверки и утверждения полномочий избранных депутатов и т. д. Эти нормы не только свидетельствуют о наличии процессуальных норм в советском государственном праве, но и о том, что без них было бы немыслимо само применение многих норм, касающихся Палат и Президиума Верховного депутатов Верховного Совета СССР, правового положения СССР. Точно так же без них было бы немыслимо применение норм ст. ст. 30. 31 и ряда других статей Конституции СССР и, следовательно, формирование и нормальное функционирование высшего представительного органа государственной власти СССР.

Н. Г. Салищева считает, что все нормы права, рсгулирующие ортанизационную деятельность, являются по своей природе материальными и что их аналогия допустима лишь с нормами, регулирующими судоустройство²⁷). Мы также считаем, что не все организационные нормы являются процессуальными, но и не все являются материальными: те из них, которые определяют порядок, процедуру применения правовы у норм в организационной деятельности, являются процессуальными. Этс расходится с традиционным пониманием процесса, поскольку он распространяется и на такие отрасли права, среди норм которых прежде не видели процессуальных, но с точки зрения характера правового регулирования и природы правовых норм, на наш взгляд, не противоречит общепринятому пониманию процесса, — гражданского, уголовного и административного²⁸).

Среди норм советского государственного права значительное место также занимают нормы, регулирующие порядок, процедуру применения норм права в процессе организационной деятельности. Особое их значение в государственном праве обусловливается тем, что среди его норм в силу своеобразия регулируемых ими общественных отношений и специфики метода их регулирования значительное место занимают нормы, которые, закрепляя общественные отношения, непосредственно не порождают какие-либо конкретные правоотношения сотношения при том непременном условии, если законодатель, устанавливая нормы государственного права, одновременно определит порядок, процедуру их применения соответствующими субъектами. Этим объясняется, что процессуальные нормы имеются в каждом институте советского государственного права.

Они имеются и в советском избирательном праве, являющемся одним из важнейших институтов этой отрасли советского права. Оно, разумеется, содержит прежде всего материальные нормы, которыми определяется содержание прав и обязанностей советского гражданина сфере формирования представительных срганов власти в СССР. Эту нормы закрепляют основные принципы советского избирательного права и реализуются только через правоприменительную деятельность компетентных срганов государства и общественных организаций, осуществ ляемую в определенных процессуальных формах.

Так, нормы ст. 136 Конституции СССР закрепляют принцип равных выборов в СССР. «Выборы депутатов, -- говорится в ней, - являются равными: каждый гражданин имеет один голос; все граждане участвуют в выборах на равных основаниях». Эти нормы, раскрывающие содержание правового положения гражданина, не порождают непосредственно какие-либо правоотношения и не могут быть реализованы путем простого соблюдения их каждым из субъектов, круг которых элесь также определен лишь в общих чертах. Для их осуществления необходимо законодательно определить исчерпывающий круг субъектов, которым предписывается обеспечить их применение, наделить одних из них правами, возложить на других корреспондирующие этим правам обязанности и т. л. Это и есть та необходимая процессуальная форма применения норм ст. 136 Конституции, без которой они не могут быть осуществлены и, следовательно, не может быть достигнута цель. преследовавшаяся законодателем при их установлении. Между В. И. Ленин всегда подчеркивал особое значение осуществления законов в соретских условиях. «Те, что мы уже декретировали, - писал он в 1918 году, - мы далеко недостаточно еще провели в жизнь и глаеная задача момента состоит именно в сосредоточении всех усилий деловом, практическом осуществлении основ тех преобразований, которые уже стали законом (но не стали еще реальностью)»30).

То же самое следует сказать о нормах ст. ст. 134, 135, 139 и 140 Конституции СССР, закрепляющих принипы всеобщих, прямых и тайных выборов представительных органов власти: как и нормы ст. 136 Конституции, они также непосредственно не порождают какие-либо правоотношения и, следовательно, не могут быть осуществлены без определенных процессуальных форм и регулирующих их государственноправовых норм. Поэтому в самих конституциях устанавливаются основные

рормы применения материальных норм избирательного права, которые атем развиваются в текущем законодательстве, и, таким образом, обестечивается правильное осуществление материальных норм избирательного права.

Необходимость и наличие процессуальных норм в советском избирательном праве подтверждаются также и тем, что еще в конституциях независимых советских республик до образования СССР процессуальная трирода норм, регулирующих деятельность соответствующих субъектов по организации выборов, была выражена характеристикой их как норм производства выборов³¹). Это было равнозначно по смыслу нормам процесса, организации выборов, как равнозначны, например, судопроизводство и судебный процесс³²).

В советской государственноправовой литературс процессуальноправовые формы применения материальных норм избирательного права принято именовать организационно-правовыми, имея в виду, что организация общественных процессов при формировании представительных органов власти осуществляется в формах, предусмотренных правовыми нормами, а правоприменительная деятельность в этой сфере, как об этом говорилось выше, — организацией выборов.

Материальные нормы советского избирательного права и процессуальные формы деятельности по их применению, т. е. организация выборов. находятся в определенном соотношении. Общее методологическое значение здесь имеет положение К. Маркса о том, что «материальное право ... имеет свои необходимые, присущие ему процессуальные формы»³³). Как эти формы дают жизнь материальному праву, так и нормы, закрепляющие принципы советского избирательного права, входят в жизнь и сказывают влияние на управление общественными процессами лишь в соответствующих им организационноправовых (процессуальных) формах. Здесь мы видим то же, что говорил К. Маркс о судебном процессе и праве. «Судебный процесс и право, — писал он, — так же тесно связаны друг с другом, как, например, формы растений связаны с растениями, а формы животных — с мясом и кровью животных. Один и тот же дух должен одушевлять судебный процесс и законы, ибо процесс есть только форма жизни закона, следовательно, проявление его внутренней жизни 34).

Нормы материального права, закрепляющие принципы избирательного права, проявляются через определенные, лишь им присущие, организационноправовые (процессуальные) формы их реализации и изменение первых с необходимостью влечет за собой изменение и этих форм. Советские всеобщие выборы для трудящихся, не вполне равные и многостепенные выборы при открытом голосовании имели свои, лишь им присущие процессуальные формы их бытия, как принципы действующего советского избирательного права имеют другие, лишь им присущие и невозможные для первых организационноправовые формы. Будучи определяемыми принципами избирательного права, действующими на данном этапе развития Советского государства, соответствующие им организационноправовые формы обеспечивают их последовательное осуществление. «Представленный на ваше рассмотрение проект избирательного закона. — говорилось в докладе Я. А. Яковлева на 4-й сессии ШИК СССР VII созыва в июле 1937 года, — дает наиболее действительные гарантии осуществления всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании» 35).

Специфика избирательного права, как и в целом советского государственного права, состоит лишь в том, что здесь нормы материального и процессуального избирательного права органически связаны между собой и в совокупности составляют единый институт советского государственного права. Поэтому нельзя расчленять нормы, закрепляющие

принципы избирательного права, и нормы, регулирующие процессуальные формы деятельности его субъектов по их применению, на самостоятельные институты государственного права, как это делается некоторыми государствоведами³⁶); они являются двумя группами однородных норм советского избирательного права. При этом, как и в других отраслях советского права и в других институтах советского государственного права, материальным нормам, закрепляющим принципы советского избирательного права, принадлежит ведущая роль в правовом регулировании общественных отношений в сфере формирования представительных органов власти. В то же время корреспондирующим им процессуальным нормам принадлежит служебная роль по отношению к первым, поскольку их назначение состоит в установлении для применения последних необходимых форм их реализации, охраняемых государством³⁷). Они имеют огромное политическое значение, ибо от степени их соответствия материальным нормам во многом зависит участие трудящихся в осуществлении государственной власти, в управлении общественными процессами. Поэтому нарушение их влечет определенные юридические последствия, т. е. применение санкции в виде, например, признания выборов недействительными и проведения новых выборов. Это в равной степени относится как к периоду строительства социализма³⁸), так и к периоду строительства коммунизма³⁹).

Из сказанного также вытекает, что материальные нормы избирательного права более стабильны, чем корреспондируемые им процессувыборов, определяемые альные нормы: они выражают принципы соотношением классовых сил на определенном этапе развития Советского государства. Эго одна из форм выражения стратегической линии КПСС и Советского государства в строительстве социализма и коммунизма. Процессуальные формы и регулирующие их нормы более подвижны и эластичны, ибо они выражают объективную необходимость постоянного совершенствования форм неуклонного расширения участия трудящихся в государственных делах. Они выражают тактику КПСС и Советского государства, сбслуживающую нужды стратегии в области расширения участия трудящихся в государственных делах.

В современный период, когда в Советском общенародном государстве практически решается задача привлечения к участню в государственных делах, управлении общественными делами всех трудящихся. ссобо высокие требования предъявляются к процессуальным формам правоприменительной деятельности при формировании представительных органов государственной власти 40). Задачи совершенствования демократических принципов советской избирательной системы, поставленные Программой КПСС, по нашему мнению, касаются в первую очередь этих форм, ибо принципы действующего ныне советского избирательного права, будучи последовательно социалистическими, в целом соответствуют главному направлению в развитии советской социалистической государственности в современный период. Поэтому путь к решающему участию всех тружеников социалистического общества в осуществлении общественными делами лежит государственной власти, в управлении через всемерное совершенствование процессуальных форм применения материальных норм советского избирательного права, закрепляющих ныне принципы всеобщих, равных и прямых выборов при тайном голосовании, а также ответственность депутатов перед избирателями, выражаемую правом отзыва депутатов. Программа КПСС предусматривает основные направления в этой области: самое широкое и всестороннее обсуждение на собраниях и в печати личных и деловых качеств кандидатов в депутаты Советов как условия избрания в Советы наиболее достойных и авторитетных; обновление при каждых выборах не менее одной трети состава депутатов Советов, позволяющее пройти школу государственного управления постепенно всем гражданам Советского государства; отзыв депутатов, не оправдавших доверия избирателей, и т. д. Общественные отношения, возникающие в процессе осуществления этих указаний Программы КПСС, в необходимых пределах регулируются уже сейчас и еще полнее будут регулироваться в будущем процессуальными нормами советского избирательного права.

* * *

Материальные нормы советского избирательного права и нормы, определяющие процессуальные формы их применения, формулируются, как правило, в единых источниках избирательного права. Лишь соотношение между ними в различных источниках избирательного права бывает не одинаковое.

Так, в Конституции СССР и в конституциях союзных и автономных республик, поскольку в них закрепляются прежде всего принципы выборов, которые благодаря этому становятся принципами советского избирательного права, преобладют материальные нормы избирательного права, а процессуальные нормы сформулированы лишь в пределах, необходимых для определения общих основ правоприменительной деятельности в области формирования представительных органов власти. Другие же источники избирательного права либо в преобладающей части состоят из процессуальных норм41), либо состоят исключительно вы выменения в поэтому мы рассматриваем акты текущего избирательного законодательства главным образом в качестве источников процессуальных норм советского избирательного права. Они детализируют и конкретизируют основы правоприменительной деятельности, установленные процессуальными нормами избирательного права, содержащимися в конституциях. применительно к потребностям организации выборов различных звеньев советской представительной системы. Характеризуя Положение о выборах как источник советского избирательного права. Н. В. Крыленко писал: «Қаждая статья избирательного закона социалистического государства направлена к тому, чтобы на деле обеспечить всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании, чтобы гарантировать действительное участие в выборах граждан 10 социалистического государства, оградить всех попыток исказить результат голосования» 13).

Процессуальные формы организации деятельности по применению норм избирательного права связаны как с техникой выборов (избирательное районирование, составление списков избирателей, выдвижение кандидатов, изготовление избирательных бюллетеней, подсчет голосов, определение результатов голосования и др. 44), так и с процедурой разрешения спорных правовых вопросов, возникающих в съязи с применением материальных норм избирательного права (охрана избирательной правосубъектности советских граждан, определение недействительности избирательных бюллетеней и др.). То и другое имеет важное значение с точки зрения правильного осуществления норм избирательного права. Поэтому КПСС постоянно заботится как о совершенствовании техники выборов, так и о строгом соблюдении избирательных законов при разрешении правовых вопросов 45).

Процессуальные нормы советского избирательного права регулируют, как правило, все необходимые общественные отношения по организации применения материальных норм избирательного права в данный период. Но по мере выявления новых потребностей они допольяются и изменяются, обогащаются новеллами, обеспечивающими организацию выборов в соответствии с новыми задачами в области государственного строительства и развития советской демократии. Будучи составной

частью советского избирательного права, они обеспечивают надлежащее осуществление материальных норм избирательного права. «Материальное право. — пишет венгерский ученый доктор Ференц Голди. — только посредством производства превращается в фактор, формирующий жизненные отношения» 16). Следовательно, выборы в органы государственной власти обеспечиваются совокупностью материальных и процессуальных норм, образующих избирательное право как единый институт советского государственного права.

Процессуальные формы организации правоприменительной деятельности занимают важное место в правовом регулировании выборов представительных органов власти и в зарубежных социалистических странах. Как показывает избирательное законодательство народных республик, они широко используют законодательство и практику формирования в СССР представительных органов власти путем применения процессуальных норм избирательного права. Так, Б. Спасов и А. Ангелов пишут о значении организации выборов и советском опыте для Болгарии в этой области: «В организации и проведении выборов практически реализуются демократические принципы избирательной системы. установленные конституцией Народной Республики Болгарии, развитые избирательными законами. Посредством организации и проведения выборов осуществляется само избирательное право граждан, образуются представительные органы трудящихся в стране... Закснодательство Народной Республики Болгарии, используя советский и накопленный уже собственный опыт, регулирует организацию и проведение выборов на последовательно демократических началах» 47).

Таким образом, мы считаем, что в советском государственном праве нормы, закрепляющие принципы избирательного права, и нормы, регулирующие организацию выборов, будучи однородными по своему содержанию, отличаются друг от друга как нормы магериального права от норм процессуального права. Они вместе с тем свидетельствуют о том, что советские государственноправовые нормы по своей природе делятся на материальные и процессуальные. Существование этих видов государственноправовых норм имеет объективную основу и не зависит от субъективных желаний законодателя и тем более исследователя и, следовательно, оправдано и теоретически, и практически. Наглядный пример этому — нормы советского избирательного права, регулирующие организацию выборов в представительные органы власти и имсющие по своей природе государственно-процессуальный характер.

¹⁾ См. В. И. Ленин. Соч., г. 27, стр. 129.

²⁾ См. С. Л. Зивс. Кризис буржуазной законности в современных империалистических государствах. М., 1958.

³⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 132.
4) В. И. Ленин. Соч., т. II, стр. 352.
5) См. Программа КПСС. М., 1961, стр. 40.
6) В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 301.
7) В конституции Франции 1946 г., принятой под сильным влиянием коммунистов, в условиях, когда силы реакции были в значительной степени ослаблены и дезорганизованы, была провозглашена пропорциональная система выборов в Национальное Собрание. Это позволило коммунистам и их сторонникам неуклонно увеличивать число мандатов в парламенте соответственно росту их политического влияния в широких демократических слоях общества. Перед этой опасностью реакция, которая постепенно вновь организовалась и перешла в наступление, шаг за шагом, начиная с 1951 г., стала вытеснять пропорциональную систему выборов, заменяя ее мажоритарной, завершив такую узурпацию прав народа в 1964 г., когда последняя была распространена и на выборы всех основных звеньев системы органов местного самоуправления. Мажоритар-

ная система, используемая французской реакцией, знаменем которой является пеголизм (См. Politigue et propagande Qaullistes. Cahiers du communisme. 1963. позволяет реакции на «законном» основании выкралывать маі. №5). многие десятки мандатов, принадлежащие по праву и справедливости коммунистам, и нуллифицировать голоса избирателей, поданные за них при формальном признании их избирателями.

8) Пропорциональные выборы являются программным требованием коммунистов всех буржуазных стран. См.: Путь Британии к социализму (Программные документы коммунистических и рабочих партий капиталистических страк Европы. М., 1960. стр. 58); Положение в Федеративной Республике Германии и борьба за мир, демократию и социализм (там же, стр. 99); За независимую, демократическую и счастливую Грецию (там же, стр. 151); Программа Коммуни стической партии Испании (там же, стр. 209); Политические тезисы Итальянской Коммунистической партии (там же, стр. 281); Тезисы Французской Коммунистической партии (там же, стр. 397) и т. д.

9) Программа КПСС. М., 1961, стр. 34.

10) См.: КПСС в резолюциях..., Ч. II М., 1954, стр. 276, 277 и 356; КПСС работе Советов. М., 1959, стр. 482.

11) См.: А. И. Лепешкин. Слово о книгах по советскому строительству и государственному праву «Советское государство и право» 1965 № 12. 132.

12) См.: А. И. Ким. Социалистическая законность в организационной ятельности местных Советов депутатов трудящихся. Томск, 1961, стр. 22; Его же. Советское избирательное право. М., 1965, стр. 57—76; В. С. Основин. Советские государственноправовые отношения. М., 1965, стр. 108—109.

13) См.: А. И. Лепешкин. Слово о книгах по советскому строительству и

- государственному поаву. стр. 133.

 14) См.: М. Д. Шаргородский, О. С. Иоффе. О системе советского права. «Советское государство и право». 1957, № 6, стр.. 109; А. Л. Ривлин. Об уголовноправовых и уголовнопроцессуальных отношениях. «Правоведение», 1959, № 2, стр. 111; П. С. Элькинд. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963, стр. 11.
- 15) См.: М. Д. Шаргородский, О. С. Иоффе. О системе советского права, стр. 109. Признавая существование гражданского процесса, А. А. Мельни ков («Советское государство и право», 1963, № 1, стр. 131) и П. С. Элькинд (Сущность советского уголовно-процессуального права, стр. 11) отмечают, что не все гражданские правоотношения облекаются в процессуальную форму. Лишь «применение норм уголовного права всегда сопровождается применением уголовно-процессуальных норм. Соответственно, уголовноправовые отношения... реализуются не иначе, как через отношения уголовно-процессуальные» (там стр. 11).

16) Некоторые исследователи распространяют процессуальные формы

- не на такие отрасли права, как трудовое и земельное (см.: Н. Г. Салищева. Административный процесс в СССР. М., 1964, стр. 7).

 17) См.: М. Д. Шаргородский, О. С. Иоффе. О системе советского права, стр. 109, а также выступления В. С. Тадевосяна, А. А. Мельникова, Л. М. Шора на заседаниях ученого совета ИГиП АН СССР. «Советское государство и право», 1963, № 1, стр. 131; Н. Г. Салищева. Административный процесс в СССР. М., 1964, стр. 16.
- 18) См.: Г. И. Петров. Сущность советского административного права. Л., 1959, стр. 105; А. Е. Лунев в своем выступлении на ученом совете ИГиП АН СССР отметил, что административный процесс всего имеет место там, где применяются нормы материального административного права и где осуществляется деятельность исполнительных и распорядительных органов. Аналогичную точку зрения высказали там же Ц. А. Ямпольская и В. И. Попова. «Советское государство и право», 1963, № 1, стр. 130—131. В. М. Манохин, распространяя процесс на все основные институты советского административного права, классифицирует административно-процессуальные нормы по девяти институтам, — формирование органов государственного управления, рассмотрение административных споров в судебном и арбитражном порядке и др. См.: В. М. Манохин. Органы советского государственного управления. Саратов, 1962, стр. 44.

¹⁹) См.: Г. И. Петров. О кодификации советского административного пра-«Советское государство и право», 1962, № 5, стр. 30.

20) П. Е. Недбайло. Применение советских правовых норм. М., 1961, сгр. 62. Диспозиция «... устанавливает обязанности субъектов или соответствующие им притязания, или то и другое вместе, определяя таким путем поступки людей. В ней говорится о том, как должны вести себя адресаты нормы. Значение диспозиции, уменье найти и определить ее имеет весьма важное претворения нормы в жизнь» (там же).

²¹) О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский.
1961, стр. 152. См. также стр. 156.

Вопросы теории права. М.,

22) С. С. Ступеникин. Социалистическая система государственного управления и вопрос о предмете советского административного права. Вопросы соравления и вопрос о предмете советского административного права. Вопросы советского административного права. М., 1949, стр. 44.

23) П. Е. Недбайло. О юридических гарантиях правильного осуществле-

ния советских правовых норм. «Советское государство и право» 1957. № 6.

24) См.: XX съезд КПСС. Стеногр. отчет. Т. 1, М., 1956, стр. 92.
25) См.: П. Е. Недбайло Указ. статья, стр. 22. Добавим от себя, что по другому обстоит дело сейчас, когда в Союзе ССР, а также в союзных и автономных республиках завершена работа по изданию законов о порядке отзыва депу-татов: ныне норма ст. 142 Конституции СССР, как правило, применяется во всех необходимых случаях, ибо это облегчено установлением порядка, процедуры ее осуществления.

26) См.: Г. И. Петров. Сущность советского административного права, стр. 105. См. также: В. М. Манохин. Органы советского государственного управления. Саратов, 1962, стр. 43.

27) См.: Н. Г. Салищева. Административный процесс в СССР. М., 1964,

í3.

²⁸) «Порядок производства по уголовным делам, — говорится в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. — определяется настоящими Основами и издаваемыми в соответствии с ними другими Законами Союза ССР и уголовного-процессуальными кодексами союзных республик». В Основах гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик также говорится, что законодательством о гражданском судопроизводстве определяется порядок производства по гражданским делам и что оно устанавливае: порядок рассмотрения дел по спорам, возникающим из гражданских и некото-

рых других правоотношений и дел особого производства.

29) См.: А. Х. Махненко. О предмете и понятии социалистического государственного права. «Советское государство и право», 1963, № 12, стр. 52—53; В. С. Основин. Нормы советского государственного права. М., 1964, стр. 50

и далее.

30) В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 223.
 31) См. гл. XIV конституции РСФСР 1918 г., гл. XII конституции Азербайджанской ССР 1921 г. и др.

32) Некоторые авторы разграничивают понятия «производство» и «процесс» в плане ограничительного толкования последнего (см.: Н. Г. Салищева. Указ. соч., стр. 13, также «Советское государство и право», 1963, № 1, стр. 131). Однако это не всеми разделяется (см.: А. Е. Лунев. Некоторые вопросы административного процесса. «Правоведение», 1962, № 2, стр. 43; Ференц Толд и. Закон об общих постановлениях административного процесса. Обзор Венгерского права. 1958, № 1; то же самое — в законодательстве и литературе Чехословацкой Социалистической Республики и Народной I (см. Н. Г. Салищева. Указ. соч., стр. 27).

33) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 158.

34) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 158. Республики Болгарии

35) О проекте «Положения о выборах в Верхояный Совет СССР». Доклад Я. Яковлева на 4-й сессии ЦИК СССР VII созыва. М., 1937, стр. 29.

36) См.: М. А. Постников. Организация выборов как составная часть со-

ветской избирательной системы. «Ученые записки ВЮЗИ», вып. IX, М., 1960,

стр. 159.

- 37) В этом отношении они не отличаются от роли и места материальных и процессуальных норм в правовом регулировании в любой другой сфере общестренных отношений. См.: Н. Н. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956, стр. 242; А. А. Ривлин. Об уголовноправовых и уголовно-процессуальных отношениях. «Правоведение», 1959, № 2, стр. 112.

 38) Так, например, в 1927 г. по РСФСР были признаны недействительными
- результаты выборов местных органов государственной власти в 120 случаях из-за нарушений процессуальных норм избирательного права: отсутствие кворума, неправильный подсчет голосов, несвоевременное вручение повесток, неправильное выставление кандидатов в депутаты и т. д. См. ЦГАОР. ф. 3316, о. 48, е. х. 76, л. 3—7.

 39) Так, в 1961 г. в 19 избирательных округах по выборам в местные Сове-

ты депутатов трудящихся выборы были признаны недействительными из-за нарушений процессуальных норм избирательного права. См.: трудящихся. 1961, № 6, стр. 102.

40) См.: Программа КПСС. М., 1961, стр. 102 и далее. Советы депутатов

41) Положения о выборах в Советы. «Положение о выборах в Верховный Совет СССР, — пишет М. И. Калинин, — ... есть закон, определяющий порядок и форму выборов избирателями своих депутатов на основе Конституции Советского Союза» (М. И. Калинин. Вопросы советского строительства. М., 1958,

42) Таковы, например, Указы Президиумов Верховных Советов союзных рес-

Электронная библиотека (репозиторий) Томского государственного университета

публик о порядке проведения выборов по отдельным избирательным округам

публик о порядке проведения выборов по отдельным избирательным округам вместо выбывших.

43) Н. В. Крыленко. Избирательный закон Союза ССР. М., 1937, стр. 17.

44) См.: КПСС в резолюциях.... Ч. И, М., 1964, стр. 275.

45) См.: КПСС в резолюциях.... Ч. И, М., 1954, стр. 278.

46) Ференц Толди. Закон об общих постановлениях административного процесса. Обзор венгерского права, 1958, № 1, стр. 9.

47) Б. Спасов, А. Ангелов. Государственное право Народной Республики Болгарии. М., 1962, стр. 584.

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУЛАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. В. КУЙБЫШЕВА.

Труды, том 199

1968 r.

ВОПРОСЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА СЕССИЯХ РАЙОННЫХ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХС!

(По материалам Западной Сибири)

Н. Р. САПУНОВ

Основные направления деятельности районных Советов в области рукоподства хозяйственным строительством определены конституцион ным законодательством, Положениями о районных Советах и другими правовыми актами, «Советы депутатов трудящихся (края, области, округа, района, города, поселка, села) руководят культурно-политическим и хозяйственным строительством на своей территории, устанавливаю местный бюджет, руководят деятельностью подчиненных им органов управления...,» — говорится в статье 79 Конституции РСФСР.

Разнообразная деятельность районных Советов, как органов госу дарственной власти, по осуществлению возложенных на них функци проводится в определенных организационноправовых формах. Основ ной организационноправовой формой решения вопросов, отнесенных ведению районных Советов, являются сессии — общие собрания депу

татов, созываемые в определенном порядке1).

Сессии представляют собой основную форму коллективной деятель ности депутатов, конкретное воплощение коллегиальности в работе Со ветов. Проведение сессии с одним и тем же составом лепутатов, обла дающих равными правами, позволяет глубоко анализировать и обсуж дать стоящие в повестке дня вопросы, разрабатывать меры по устранечию вскрытых недостатков. Посредством использования этой формы работы Советы осуществляют контрольные функции по отношению к исполнительно-распорядительным органам. Поэтому необходимым условием успешного выполнения функций, возложенных на районные Советы по руководству хозяйственным строительством, является строгос соблюдение установленных в законодательстве сроков созыва, а также периодичности проведения сессии. В последние годы работниками районных Советов проделана большая работа по ликвидации нарушении социалистической законности в этой области организационной работы Из 1558 районных Советов в РСФСР в 1965 г. нарушение сроков созыва сессий допустили всего лишь 14. Соблюдение конституционных сроков созыва сессий дает возможность районным Советам увеличить количество рассматриваемых на сессиях вопросов. Росту числа вопросов, обсуждаемых на сессиях, способствует также практика включения в повестку дня их работы нескольких вопросов. Так, в 1965—1966 г.г. на 28 сессиях Первомайского, Асиновского и Томского районных Советов Томской области было обсуждено 52 вопроса.

При определении круга вопросов, подлежащих обсуждению на сессиях, исполкомы многих районных Советов учитывают предложения

постоянных комиссий, отделов и управлений, советуются с депутатами во время очередных сессий. Обсуждение депутатами предполагаемой повестки дня будущей сессии, как показывает, например, практика работы Промышленновского районного Совета Кемеровской области, способствует развитию их инициативы, обеспечивает Совету возможность оказывать решающее влияние на состояние дел в области хозяйственного строительства. Только на последних одиннадцати сессиях этого Совета прошлого созыва было рассмотрено 9 вопросов, непосредственно связанных с хозяйственной деятельностью промышленных предприятий, совхозов и колхозов.

В решениях XXIII съезда КПСС отмечается, что в условиях дальнейшей демократизации деятельности Советов и развитии их черт как «работающих корпораций» необходимо и впредь повышать значение сессии, ставить на их обсуждение актуальные вопросы хозяйственного

строительства.

Основная группа вопросов, обсуждаемых и разрешаемых на сессиях районных Советов, непосредственно связана с осуществлением руководства хозяйственной деятельностью подведомственных им промышленных предприятий. К их числу относятся предприятия, которые обслуживают, как правило, нужды местного населения и отнесены вышестоящими органами к объектам районного подчинения. Это небольшие предприятия, объединенные в райпромкомбинаты, райпищекомбинаты, комбинаты бытового обслуживания, предприятия, занятые производством местных строительных материалов, топлива и некоторые другие, необходимость создания которых обусловлена специфическими особенностями различных районов.

Права и обязанности районных Советов по руководству деятельностью предприятий районной промышленности закреплены в Положениях о районных Советах, принятых в союзных республиках²) и ряде других правовых актах. Так, в ст. 13 Положения о районных Советах Белорусской ССР к числу предметов их ведения отнесено утверждение перспективных планов развития районной промышленности и мер, обеспечивающих их выполнение. Районные Советы имеют право заслушивать на сессиях отчеты исполкомов об итогах работы отдельных отраслей местного хозяйства, разрабатывать меры, направленные на понышение механизации производственных процессов, улучшения условий труда рабочих и служащих³). В целях увеличения производства товаров народного потребления, местных строительных материалов и топлива районные Советы осуществляют меры по использованию предприятиями местного сырья и отходов промышленного производства, переработке овощей, ягод, фруктов.

Основные вопросы деятельности предприятий районного подчинения рассматриваются районными Советами при обсуждении на сессиях перспективных планов развития местного хозяйства и культуры района. Так, в августе 1965 г. при рассмотрении на сессии Топчихинского районного Совета Алтайского края вопроса о трехлетнем плане развития местного хозяйства района основное внимание было уделено работе подведомственных Совету предприятий. В частности, для укрепления материальной базы местной промышленности наряду с реконструкцией существующих цехов райпромкомбината было решено построить два новых цеха, в селах района построить 18 бань общественного пользовавчя, проложить 12,6 километров водопровода. Широкий круг вопросов работы предприятий местной промышленности решался этим Советом при утверждении на сессии в марте 1966 г. бюджета района и плана развития народного хозяйства. Это вытекает из самого их содержания, охчатывающего в сущности, всю область организации местного хозяйства и распределения производимой в районе промышленной продукции,

Но районные Советы не ограничиваются обсуждением лишь итогоз выполнения народнохозяйственного плана района и задач на предстояний гол. В их деятельности все большее распространение получает практика рассмотрения на сессиях вопросов финансово-экономической работы предприятий в разные периоды года. В достижении наибольшего экономического эффекта в работе подведомственных предприятий районные Советы заинтересованы материально. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию местной промышленности и художественных промыслов»⁴) вся продукция, изготавливаемая местной промышленностью из местного сырья и отходов произведства, остается в распоряжении районных Советов для удовлетворения заявок местных торгующих организаций. Кроме того, на предприятиях местной промышленности за счет получаемой прибыли создаются фонды, главное назначение которых -- расширение, реконструкция и новое строительство производственных мощностей, а также жилья и культурно-бытовых объектов. Это обязывает исполкомы районных Советов при подготовке и обсуждении на сессиях отчетов хозяйстзенных руководителей о выполнении утвержденных плановых заданий глубже вникать в организацию финансово-экономической работы предприятий, шире знакомить депутатов, постоянные комиссии с экономическими методами руководства. На наш взгляд, хорошим примером сочетания экономических и административных средств руководства подведомственными предприятиями является практика обсуждения на сессии Промышленновского района Кемеровской области в августе 1966 г. ьопроса о состоянии и мерах улучшения финансово-экономической работы на предприятиях и организациях района. Готовясь к сессии, депутаты районного Совета подробно ознакомились с тем, как в большинстве предприятий района поставлено планирование и специализация производства, внедряется внутрихозяйственный расчет. С помощью спечиалистов постоянная бюджетно-финансовая комиссия районного Совеta выяснила, правильно ли ведется учет и анализ производственной деятельности, определены ли эффективные пути повышения производительности труда и снижения себестоимости продукции. Такое детальное изучение помогло Совету разобраться в предмете обсуждения, выработать и принять квалифицированное решение, которое легло в основу деятельности хозяйственных руководителей.

чоты Характерным для работы ряда районных Советов является не только обсуждение на сессиях вопросов, содержание которых охватывает деятельность всех предприятий районной промышленности, но и решеиме хозяйственных проблем в отдельных отраслях местного хозяйства. Томский районный Совет практикует обсуждение на сессиях состояния 学位置 Или иной отрасли хозяйства в определенном поселковом или сель-«Ком Советах: На сессии этого Совета в ноябре 1965 г. рассматривадся вопрос опруководстве предприятиями и организациями Самусьским поселковым и Кафтанчиковским сельским Советами. В июле 1966 г. обсуждался вопрос о выполнении двухлетнего плана строительства со-«Ийлыно-бытовых учреждений в населенных приктах: Семилуженского сельского Совета и совхозе «Победа». Рассмотрение состояния развития отраслей хозяйства района в границах определенной стерритории позволило районному Совету более тщательно изучить имеющиеся з предприятиях, колхозах и совхозах возможности по укреплению предприятий местной промышленности и бытового обслуживания, расшире нию производства местных строительных материалов. В селе Орловка было организовано производство предметов широкого потребления, в селах Кафтанчиково, Турунтаево, Семилужки по решению Совета руководителями хозяйств были выделены и оборудованы помещения для приемных лунктов бытового назначения.

Важным моментом в деятельности районных Советов по руководству подведомственными предприятиями является расширение их обязанностей по организации бытового обслуживания населения. Функции районных Советов в руководстве коммунально-бытовыми предприятиятиями включают в себя непосредственное руководство комбинатами коммунальных предприятий и благоустройства, бытового обслуживания населения с их филиалами, передвижными мастерскими и пунктами, размещенными в селах. Но значительная доля работы по бытовому обслуживанию населения осуществляется также предприятиями и организациями, расположенными на территории района. Так, в Беловском районе Кемеровской области к их числу относятся орс треста Беловуголь, линейный орс, орс треста Кузбасстрансстрой, орс Западно-Сибирского геологического управления, а также колхозы и совхозы района. Поэтому при планировании социально-бытового строительства районными Советами учитываются материальные возможности по расширению сферы бытовых услуг, имеющихся во всех предприятиях, колхоах и совхозах района5).

На VII сессии Верховного Совета РСФСР, обсудившей в августе 1966 г. вопрос «О дальнейшем расширении и строительстве предприятий и учреждений культурно-бытового обслуживания сельского населения», особое внимание обращается на укрепление материальной базы пред-

приятий бытового обслуживания).

Определение направленности в работе районных Советов по укреплению материальной базы предприятий службы быта достигается посредством рассмотрения на сессиях районных Советов перспективных планов развития этой отрасли хозяйства района. Так. Беловский районный Совет в январе 1966 г. утвердил на сессии мероприятия по улучшелию социально-бытового строительства в районе в 1966—1967 гг. В решении Совета определены материальные ресурсы и финансовые источники, обеспечивающие возможность организации стреительства и открытия в эти годы на центральных усадьбах колхозов и совхозов масгерских бытового обслуживания, а в перспективных селах—комнат бытовых услуг. В Ленинск-Кузнецком районе этой же области в соответствни с решением Совета в многоквартирных домах, строящихся в селах. выделяется по одной-две комнаты для приемных пунктов бытового назначения.

Развитие промышленности бытового обслуживания требует глубокого изучения потребностей и нужд сельского населения, повышения качества оказываемых услуг и сокращения сроков их исполнения. Почтому наряду с решением вопросов по укреплению материальной базы предприятий на сессиях районных Советов уделяется внимание улучшению технико-экономических показателей в их работе, подготовке и обучению кадров и созданию для них необходимых жилищно-бытовых условий. В течение 1965 г., например, Промышленновский районный Совет на двух сессиях обсуждал вопросы улучшения качестренных показателей предприятий службы быта. В 1966 г. широкий круг вопросов коммунально-бытового обслуживания рассматривался этим Советом при утверждении на сессиях мероприятий по подготовке к празднованию 50-летия Советской власти и исполнению наказов избирателей, более 50 % которых связаны с улучшением работы предприятий службы быта

Внимание большинства районных Советов Кемеровской области к укреплению материальной базы предприятий бытового обслуживания, обеспечению их квалифицированными кадрами позволило увеличить объем бытовых услуг в области за последние 5 лет почти в 4 раза. В 1966 г. прирост бытовых услуг на душу населения составил 1 рубль 48 колеек при среднегодовом приросте за прошедшие 5 лет 72 копейки.

Но расширение обязанностей районных Советов в организации службы быта требует дальнейшего совершенствования форм и метолов организаторской работы депутатов, постоянных комиссий, усиления контрольных функций Советов за деятельностью исполнительно-распорядительных органов. Особого внимания заслуживает вопрос об оргапизации правильного планирования капиталовложений и сбъема услуг по районам и отдельным населенным пунктам. Так, в ряде районов Томской области планируемый объем бытовых услуг не всегла сочстается с производственной базой предприятий службы быта и недостаточно подкрепляется материально-техническими средствами. В Алтайском крае большая часть капиталовложений по-прежнему направляется на укрепление материальной базы бытовых предприятий, расположенных в породах и районных центрах, хотя на 238 центральных усадьбах колхозов и совхозов нет даже парикмахерских. Швейных и сапожных мастерских.

Серьезным препятствием создания необходимых условий для правильной координации и выполнения планов развития предприятий социально-бытового назначения является ведомственная разобщенность в руководстве их работой. Вышестоящие ведомства нередко меняют доведенные до предприятий планы два-три раза в год, задания даются без глубокого изучения положения дел на местах и предварительного пыявления мнений районных Советов и их органов⁷). Поэтому нам думается, что заслуживают внимания предложения о передаче в подчинение районных Советов всех предприятий коммунально-бытового назначения, расположенных на территории районав). Это принесет экономическую выгоду и будет способствовать лучшему социально-бытовому обслуживанию населения. Но с решением этого вопроса не следовало бы допускать спешки. Нужно учитывать, что в настоящее время экономическое развитие идет по пути усиления хозяйственной самостоятельпости, материальной заинтересованности производственных коллективов, в соответствии с которым на предприятиях образуется фонд социально культурных мероприятий и жилишного строительства⁹). Средства из него идут на улучшение жилищно-бытовых условий работников данного предприятия. Поэтому решать этот вопрос нужно не только с учетом характера фонда, но и обстановки и реальных возможностей районных Советов. Нам думается, что следовало бы по данному вопросу провести эксперимент в районах различных зон страны.

На территории районов располагается ряд предприятий областного п союзно-республиканского подчинения, кооперативных и общественных организаций. Законодательством на районные Советы возложена обязанность по оказанию содействия неподведомственным им предприятиям в выполнении производственных планов, установлению контроля за созданием надлежащих производственных условий, соблюдению техники безопасности. В случае необходимости районным Советам предогавлено право входить с предложениями в вышестоящие Советы и органы управления по различным вопросам производственной деятельности

предприятий вышестоящего подчинения 10).

Реализуя эти полномочия, районные Советы рассматривают на сессиях сообщения хозяйственных руководителей предприятий вышестоящего подчинения об организации коммунально-бытового сбслуживани рабочих и служащих, выполнения наказов избирателей, которые даны депутатам избирателями, работающими на этих предприятиях

В ряде районных Советов практикуется обсуждение на сессиях вопросов основной производственной деятельности мясокомбинатов, молочных заводов, баз хлебопродуктов и автотранспортных организаций. Непосредственная заинтересованность районных Советов в улучшении хозяйственно-экономических показателей их работы объясняется тем,

что они заняты переработкой и транспортировкой сельскохозяйственной продукции, производимой в районе и, таким образом, оказывают соответствующее влияние на улучшение экономических показателей в работе колхозов и совхозов. Кроме того, значительная часть продукции этих предприятий идет на удовлетворение нужд населения и местного хозяй-

ства района.

На сессиях районных Советов Алтайского края рассматриваются вопросы выполнения производственных планов подрядными строительными организациями вышестоящего подчинения. В июне 1966 г. на сессии Топчихинского районного Совета депутаты совместно с руководителями треста Алтайцелинстрой подробно проанализировали причины систематического невыполнения плана строительным управлением этого треста. В принятом решении Совет наряду с мерами по использованию имеющихся внутренних резервов и возможностей рекомендовал колхозам и совхозам оказать помощь строительному управлению в транспорте, рабочей силе и организации производства местных строительных материалов. Исполкомом и депутатами был установлен контроль за работой руководителей строительного управления по выполнению принятого Советом решения. На очередной сессии районного Совета была заслушана информация руководителей управления о принятых мерах по выполнению предложений и замечаний депутатов, высказанных в из апрес на прошлой сессии. В течение полугодия вопрос о выполнении решения Совета дважды обсуждался на заседаниях постоянной комиссии по строительству и благоустройству. По рекомендации постоянной комиссии районным объединением «Сельхозтехника» строительному управлению был выделен башенный кран, что обеспечило ввод в эксплуатацию в установленные сроки двенадцатиквартирного дома в селе Топчиха. Усиление контроля за деятельностью неподведомственной районному Совету строительной организации в сочетании с другими мероприятиями способствовало выполнению производственного плана, установленного на 1966 г.

Вместе с тем следует отметить, что не всегда рассмотрение районными Советами вопросов, связанных с работой предприятий вышестоящего подчинения, оказывает положительное влияние на результаты их работы. Так, Поспелихинский районный Совет в 1966 г. разрабатывал и утверждал на сессии мероприятия по улучшению работы строительных организаций вышестоящего подчинения. Но утвержденный план строительства производственных и жилых объектов в районе строительными организациями в 1966 г. был выполнен только на 64 %.

Не оказало должного влияния на улучшение социально бытового обслуживания работников строительного управления треста Томлесстрой обсуждение этого вопроса на сессии Асиновского районного Совега, состоявшейся в сентябре 1966 г.

Нам представляется, что наличие недостатков в работе районных Советов по разрешению ряда вопросов, связанных с деятельностью предприятий вышестоящего подчинения, во многом объясняется нечетким определением их прав и обязанностей в этой сфере деятельности. Полномочия районных Советов по контролю за выполнением планов коммунально-бытового и жилищного строительства, осуществляемого различными ведомствами, в основном сводится к «наблюдению» и «оказыванию содействия». В Положениях о районных Советах не содержится конкретных указаний о формах и пределах участия районных Советов в планировании производства товаров народного потребления. Нам представляется, что расширение прав районных Советов в решении этих вопросов позволило бы более квалифицированно разрабатывать планы размещения на территории района новых промышленных предприятий и культурно-бытовых объектов, организовывать всестороннее изучение

потребностей в производстве важнейших видов промышленной продукции. Поэтому нам думается, что следовало бы установить порядок, в соответствии с которым предложения по проектам планов предприятий вышестоящего подчинения разрабатывались с участием районных Советов, а проекты планов производства товаров широкого потребления вносились в вышестоящие плановые органы лишь после согласования и учета предложений районных Советов.

и учета предложений районных Советов.

В решениях XXIII съезда КПСС и мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС указывается, что развитие всех отраслей народного хозяйства и повышение материального благосостояния советских людей во мносом зависит от быстрого подъема сельскохозяйственного производства. Поэтому партия считает, что развитие сельского хозяйства — это дело всего советского народа¹¹). На основе директивных указаний партии были определены все необходимые материальные и экономические меры, обеспечивающие быстрый рост сельскохозяйственного производства. Значительно повышены закупочные цены на многие продукты земледелия и животноводства¹²), введены более высокие цены за сверхплановую продажу государству основных зерновых культур¹³) с одновременным снижением цен на отпускаемые совхозам и колхозам товары производственного назначения¹⁴). Оказана финансовая помощь колхозам, разработаны меры материального стимулирования колхозников, рабочих совхозов и специалистов сельского хозяйства¹⁵).

Осуществляемые меры по дальнейшему подъему сельскохозяйственного производства усиливают ответственность районных Советов за состояние дел в каждом колхозе и совхозе.

Положениями о районных Советах и другими правовыми актами на районные Советы возложена обязанность по рассмотрению и утверждению перспективных сводных планов развития сельского хозяйства по району в целом и каждому колхозу и совхозу в отдельности16). Районные Советы устанавливают также задания по государственным закуп кам колхозам и совхозам, подсобным предприятиям и другим организациям, производящим продукцию сельского хозяйства. Планы развитит сельского хозяйства утверждаются районными Советами при рассмотрении на сессиях плана развития местного хоз йства района, важной составной частью которого они являются. Утвержденные районными Советами планы-заказы по продаже продуктов растениеводства и животноводства изменению не подлежат и обязательны для исполнения¹⁷) Стабильность плана налагает особую ответственность на депутатов, постоянные комиссии и органы управления за организацию при его составленыи глубокого изучения конкретных природных и климатических условий каждого хозяйства, экономического обоснования пропорциональности развигия отраслей сельскохозяйственного производства. Правильное планирование является гарантией выполнения планов производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов и в то же врема способствует повышению благосостояния и улучшению условий жизни и труда работников села. Между тем в практической работе по разработке планов районные Советы недостаточно обращают внимание на правильное решение вопросов специализации хозяйств, рационального сочетания культур и отраслей, не всегда увязывают это с повышением культуры земледелия и животноводства. Так, при утверждении плана развития хозяйства совхоза «Чистюньский» Алтайского края был допу шен разрыв между наличием крупного рогатого скота и развитием кормовой базы, что привело к снижению продуктивности молочного животноводства.

В ряде районов (например, в Томском районе) до сих пор не изжита до конца порочная практика доведения до совхозов и колхозов планов производства и продажи государству продуктов земледелия и живот-

новодства, включающих в себя почти до полутора десятков видов сельскохозяйственных продуктов. Это препятствует дальнейшей специализации хозяйств, приводит к дроблению отраслей, сдерживанию реализации имеющихся резервов производства.

Все большее место в работе сессии районного Совета занимает решение таких коренных проблем сельского хозяйства, как рациональное использование земельного фонда. Причем, как отмечалось на майском (1966 г.) Пленуме ЦК КПСС, советские и сельскохозяйственные органы должны в центр всей работы выдвинуть не выполнение какого-либо одного мероприятия, а сосредоточение внимания на необходимости коренного улучшения земли в широком смысле слова, т. е. определение целой системы мер по интенсификации земледелия. Особо важное значение имеет решение этих вопросов для колхозов и совхозов Западной Сибири. Только в Алтайском крае за последние 10 лет из-за эрозии, засоления и заростания было утрачено свыше 322 тысяч га пашни и более 148 тысяч га кормовых угодий. Были почти прекращены работы по улучшению и повышению плодородия сенокосов и пастбиш.

Как показывает практика сессионной деятельности районных Советов, при разрешении этих вопросов используются различные формы и методы, в зависимости от особенностей развития экономики каждого района. Но наиболее перспективной направленностью в работе районных Советов является разработка мер по внедрению в сельскохозяйственное производство достижений науки и передовой практики, эффективному использованию техники, улучшению организации труда рабочих и колхозников.

Так, Поспелихинским районным Советом в 1965 г. дважды на сессиях рассматривались вопросы внедрения передовой технологии в растениеводстве и улучшения организации труда в колхозах и совхозах. К подготовке этого вопроса на сессию, состоявшуюся в апреле 1966 г., были привлечены все депутаты районного Совета, работающие в сельскохозяйственном производстве, и более 350 человек депутатов нижестоящих Советов и актива. Специалистами сельского хозяйства тщательно был изучен опыт работы бригады во главе с Героем Социалистического Труда Г. Н. Буханько, члены которой за 12 лет с площади 3 нысячи га получили в среднем урожай по 16,2 центнера с гектара. На сессии Совет утвердил рекомендации по внедрению передовых агротехнических приемов в полеводстве с учетом особенностей каждого хозяйства, были определены меры по укомплектованию тракторных агрегатов кадрами для работы в две смены, организации профессиональной учебы работников полеводства и т. д. Решение Совета обсуждалось депутатами в 13 сельских Советах, которые внесли также много предложений применительно к условиям каждого хозяйства. В хозяйствах района усилено внимание к укреплению кадров бригадиров, специалистов сельского хозяйства и других руководителей среднего звена, от организаторских способностей и уровня знаний которых зависит успех внедрения рекомендации Совета в практику. В настоящий период 40 % руководителей сельскохозайственного производства имеют высшее и среднее образование, 428 человек колхозников и рабочих заочно учатся в вузах и гехникумах. Рассмотрение районным Советом коренных проблем развития сельскохозяйственного производства и непосредственное депутатов постоянных комиссий в выполнении решений Совета обеспечили получение высокого урожая зерновых культур и организованное проведение уборочных работ. В 1966 г. за получение высоких урожаев зерновых и перевыполнение планов продажи продуктов растениеводства и животноводства району было присуждено первое место во Всероссийском соревновании с вручением переходящего Красного Знамени Совета Министров РСФСР,

Глубже и предметнее стали разрешаться на сессиях районных Советов вопросы развития общественного животноводства, повышения его пролуктивности. Следует отметить, что с инициативой постановки этих копросов все больше стали выступать постоянные комиссии и депутаты. Так, постоянная комиссия по сельскому хозяйству Топчихинского районного Совета внесла предложение обсудить на сессии вогрос о повышении ветеринарно-зоотехнической и санитарной культуры животноводства в хозяйствах района. Исполком районного Совета учел предложение постоянной комиссии и в апреле 1966 г. вопрос был рассмотрен на сессии районного Совета. По решению Совета в районе были организованы школы передового опыта, руководство которыми было поручено опытным специалистам сельского хозяйства. Например, школу передового опыта по свиноводству возглавил член постоянной сельскохозяйственной комиссии главный зоотехник совхсза «Раздольный» Летяев Г. А. Изучение опыта ведения животноводства проводилось непосредственно в передовых хозяйствах. Первые занятия были проведены в лучшем хозяйстве района, колхозе им. Крупской. В порядке контроля за выполнением решения Совега исполкомом и постоянной сельскохозяйственной комиссией был организован рейд проверки санитарного состояния животноводческих ферм. Организаторская работа депутатов по внедрению передовых приемов работы в животноводство колхозов и совхозов района оказала положительное влияние на его рентабельность. Себестоимость сельскохозяйственной продукции в хозяйствах района в 1966 г. снизилась на 24,9 % по сравнению с прошлым голом.

Районные Советы являются органами, на которые возложена обязанность по руководству деятельностью колхозов¹⁸). Формы и методы осударственного руководства колхозами имеют свою специфику, определяемую характером и особенностями колхозно-кооперативной собстренности.

Кслхоз является не государственным предприятием, а добровольным общественным объединением крестьян, созданным на их средства. Развитие и укрепление колхозно-кооперативной собственности возможно только при условии строгого соблюдения демократических принцинов управления делами артели, обеспечивающих проявление инициативы колхозников в решении важных вопросов колхозного строительства. Поэтому внутриколхозные отношения регулируются государством методом прямого приказа, а посредством издания рекомендательных норм, предоставляющим колхозникам право самим решать все вопросы енутриколхозной жизни. Но, осуществляя государственное руководство колхозами, районные Советы выступают как органы государства, зяющегося собственником земли, играющей решающую роль в колхозном производстве. В их задачу входит достижение сочетания интересов колхозов с ингересами государства в целом, обеспечение на территории района охраны государственного порядка, соблюдение законов и охраны прав граждан. Это достигается методом прямого регулирования, т. е. обязательных предписаний в пределах, установленных законодагельством. В практике работы районных Советов эти методы тесно псреплетаются между собой и всемерно способствуют развитию кооперативно-колхозного типа общественного хозяйства.

XXIII съезд КПСС с особой силой подчеркнул необходимость дальнейшего укрепления и развития колхозов как общественной формы хозчиства и осудил попытки неоправданного преобразования многих колхозов в совхозы. 19).

Колхоз как общественная кооперативная организация требует строгого соблюдения основ лемократического управления колхозным производством. Поэтому заслуживает внимания опыт обсуждения в ав-

тусте 1965 г. на сессии Промышленновского районного Совета соблюдению Устава сельскохозяйственной артели в колхозах района. Уже в ходе подготовки к сессии была отменена часть поправок, внесенных в Уставы общими собраниями колхозников, илущими в разрез с положениями, установленными законами советского государства (снижение определенного процента заработной платы за нарушение трудовой дисциплины, права наложения правлениями колхозов штрафов за нарушение Уставов сельхозартели). Поспелихинский и районные Советы в 1965 г. на сессиях утвердили меры по соблюдению демократических основ в управлении колхозным производством. Особое внимание при этом обращалось на соблюдение положений Устава сельхозартелей о регулярности проведения ревизий, заседаний правлений колхозов и общих собраний колхозников. Беловский районный Совет оказывает влияние на соблюдение демократических основ в управлении производственной деятельностью колхозов через усиление роли сельских Советов, на которые возложена обязанность по установлению контроля за соблюдением законов в работе органов управления колхозов. При обсуждении на состоявшейся в апреле 1966 г. сессии районного Совета мер по улучшению работы сельских Советов депутаты внесли в вышестоящие органы заслуживающее внимания предложение о предоставлении сельским Советам прав обсуждения на сессиях производственно-финансовых планов, смет и годовых отчетов колхозов. Думается, что участие в рассмотрении планов колхозной жизни представительного органа государственной власти, большинство депутатов которого работают во всех отраслях колхозного производства, обеспечивало бы более тщательный учет имеющихся в колхозах резервов и возможностей.

В решениях ХХІІІ съезда КПСС указывается на необходимость полного использорания предоставленных районным Советам прав в решении важных вопросов хозяйственного строительства, усиления контроля за выполнением производственно-финансовых планов каждым совхозом и колхозом. Роль сессий, как коллективных форм руководства хозяйственной деятельностью, расположенных на территории района предприятий, колхозов и совхозов, в конечном итоге определяется пракгическими результатами. Контрольные функции Советов за деятельностью исполнительно-распорядительных органов осуществляются в различных формах. Как показывает практика, к числу наиболее эффективных мер контроля за исполнением решений являются систематические информации депутатов о выполнении решений принятых на предыдущих сессиях, и отчеты органов управления о руководстве деятельностью подведомственных им предприятий. В процессе их обсуджения, депутаты не удовлетворяются анализом показателей народнохозяйственных планов, а больше внимания стали обращать на совершенствование стиля и методов работы государственного аппарата. За успешное выполнение показателей народнохозяйственного плана Топчихинскому району в 1966 г. было вручено переходящее Красное Знамя крайкома КПСС и краевого Совета депутатов трудящихся. Но при обсуждении на сессии отчета о работе исполкома за 1966 г. депутаты критически отнеслись к формам и методам его работы по руководству хозяйственным строительством в районе. Депутаты: доярка Эндерс А. В., гличница Макарова М. М., депутат краевого Совета Сидоров В. П. и др. отметили, что исполком еще не четко определил свое место в решении вопросов хозяйственного строительства, не осуществляет контроль за правильным использованием земли, хранением и эксплуатацией техники в колхозах и совхозах.

Но районные Советы все еще недостаточно используют предоставленное им право контроля за деятельностью органов управления, в обязанность которых входит практическое осуществление решений Сове-

тов. В частности, об этом свидетельствуют примеры, когда слий и те же вопросы обсуждаются на сессиях ежегодно, а положение дел на этих участках местного хозяйства района не улучшается. В течение ряда лег Зырянский районный Совет Томской области ежегодно обсуждает вопрос о состоянии и мерах улучшения социально-бытового обслуживания населения, а работа предприятий службы быта в районе не улучшается.

Повышение роли Советов в хозяйственном строительстве требует постоянного совершенствования сессионной формы их деятельности. усиления ответственности депутатов и постоянных комиссий за выполнение принятых Советами решений.

1) А. И. Лепешкин. Курс советского государственного права. Т. І. М., 1962. стр. 545; А. И. Ким. Социалистическая законность в организационной деятельности местных Советов депутатов трудящихся. Томск, 1961, стр. 30.

2) См л. «а» ст. 4 Положения о районном Совете Азербайджанской ССР; п. «а» ст. 6 Положения о районном Совете БССР и соответствующие статьи

Положений других союзных республик.

- 3) См. ст. 12 Положения о районном Совете депутатов трудящихся Узбекской ССР, ст. 8 Положения о районном Совете УССР, а также соответствующие
- ской ССР, ст. 8 положения о раионном совете УССР, а также соответствующие статьи Положений Армянской, Азербайджанской и других союзных республик.

 4) Известия, 9 июля 1966 г.

 5) См.: Постановление СМ РСФСР «О мерах по улучшению работы предприятий бытового обслуживания». СП РСФСР, 1965, № 14, ст. 86; Положение о министерстве бытового обслуживания РСФСР, утвержденное постановлением СМ РСФСР от 10 мая 1966 г., № 418; п. «в» ст. 10 Положения о районном Совете Азербайджанской ССР, п. «б» ст. 10 Положения БССР и соответствующих россиих рос щие статьи этих Положений других союзных республик.

щие статьи этих Положений других союзных республик.

6) См. Советская Россия, 17 августа 1966 г.

7) См.: Известия, 23 октября 1966 г.; Служба быта. 1965, № 12.

8) Н. Т. Савенков. О повышении роли районных советских органов.

«Советское государство и право», 1965, № 9, стр. 14.

9) СП СССР. 1965, № 19—20, ст. 155.

10) См п. «б» ст. 6 Положения о районных Советах Белорусской и Молдавской союзных республик; п. «б» ст. 4 Положения Азербайджанской ССР и соответствующие статьи этих Положений других союзных республик.

11) Пленум ЦК КПСС. 24—26 марта 1965 г., М., 1965, стр. 6.

12) См.: Постановление СМ РСФСР «О повышении материальной заинтересованности совхозов и колхозов в увеличении произволства и продажи мяса го-

сованности совхозов и колхозов в увеличении производства и продажи мяса го-сударству». СП РСФСР, 1965, № 12, ст. 63; Постановление СМ РСФСР «Об изменении базисной жирьости молока». СП РСФСР, 1965, № 11, ст. 58; Поста-новление СМ СССР «О ценах на картофель, овощи, продаваемых государству колхозами, совхозами и другими хозяйствами», СП СССР, 1965, № 18, ст. 165. 13) См.: Постановление СМ РСФСР «О закупочных ценах на пшеницу и

рожь, продаваемых государству колхозами, совхозами и другими хозяйствами». СП РСФСР, 1965, № 11, ст. 63.

14) См.: Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «Об оптовых ценах на авто-

- мобили, тракторы сельскохозяйственного назначения, сельскохозяйственные машины и запасные части к автомобилям, тракторам и сельскохозяйственным ма-шинам». СП СССР, 1965, № 125, ст. 220.
- $^{15})$ См.: Постановление СМ РСФСР «О рекомендациях по оплате труда в колхозах». СП РСФСР, № 20—21, ст. 106.
- 16) Постановление Бюро ЦК КПСС РСФСР и СМ РСФСР «О повышении роли Министерства сельского хозяйства РСФСР в руководстве колхозным и совхозным строительством». СП РСФСР, 1965, № 6; ст. 26; п. «а» ст. 9 Положения о районном Совете Украинской ССР; п. «б» ст. 12 Положения о районном Совете Молдавской ССР и соответствующие статьи этих положений других союзных республик.
- 17) См.: Пленум ЦК КПСС. 24—26 марта 1965 г., Стенографический отчет, М., 1965, стр. 18.
- 18) См.: Постановление ЦК КПСС и СМ СССР, № 312 от 6 марта 1956 г. «Об Уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управления делами артели». Газета «Правда», от 10 марта 1956 г.; п. «г» ст. 12 Положения о районном Совете Молдавской ССР; п. «б» ст. 12 Положения БССР.
- 19) См.: Л. И. Брежнев. Отчетный доклад ЦК КПСС XXIII съезду Ком-мунистической партии Советского Союза. М., 1966, стр. 69.

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. В. КУЙБЫШЕВА.

Труды, том 199 1968 г.

КОМПЕТЕНЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ЗАГОТОВОК СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

в. Ф. волович

В системе отраслевых органов государственного управления и руководства сельским хозяйством важное место отводится Государственному комитету заготовок Совета Министров СССР как органу, решающему общесоюзные задачи в области закупок сельскохозяйственных продуктов. За последние годы вышло значительное число статей и монографий, в которых нашли отражение некоторые вопросы правового положения этого органа¹).

Как известно, под компетенцией любого органа Советского государства подразумевается совокупность прав и обязанностей, которыми государство наделяет конкретный орган в зависимости от назначения и задач, которые это звено призвано решать в общей системе государственных органов²). Компетенцией Государственного комитета заготогок Совета Министров СССР охвачены важнейшие вопросы организации и руководства государственными заготовками и закупками сельскохозяйственных продуктов, которые осуществляются на основании решений ХХІІІ съезда партии, мартовского (1965) Пленума ЦК КПСС

Государственный комигет заготовок — общегосударственный исполнительный и распорядительный орган, работающий по заданиям Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, являющийся комитетом отраслевого характера³). В работах по государственному и административному праву государственным комитетам Совета Министров СССР уделено достаточно большое внимание. Однако, несмотря на это многие вопросы все еще полностью не выяснены. Так, в частности, дискуссионным является вопрос об определении задач этих комитетов. Одни авторы к задачам государственных комитетов Совета Министров СССР относят планирование, координацию деятельности определенной группы органов государственного управления и проведение контроля 1). Другие авторы полагают, что государственные комитеты Совета Министров СССР, помимо планирования и координации, регулируют вопросы, связанные с ростом новой техники, повсеместным применением данных науки5). Г. И. Петров считает, что государственные комитеты Совета Министров СССР, наряду с проведением координации и контроля, осуществляют руководство соответствующими отраслями управления.

Исследование правового статуса Государственого комитета заготовок Совета Министров СССР, практика его деятельности подтверждают наличие в его компетенции координационных функций. Комитет

в рамках своих полномочий координирует работу органов управления сельским хозяйством союзных республик в области заготовок сельскохозяйственных продуктов, направляя их усилия на выполнение ний по отчислению продукции в общесоюзный фонд и для поставок на экспорт, а также по межреспубликанским поставкам. Координация в процессе решения задач Государственным комитетом заготовок Совета Министров СССР становится не только составной частью управленческой деятельности, но определяющим, доминирующим качеством, компонентом его правового положения. Комитет направляет, сует действия органов государственного управления сельским хозяйстнепосредственно ему неподчиненных. Государственный заготовок через министерства сельского хозяйства республиканские заготовительные органы объединяет усилия союзных республик в выполнении плановых заданий по закупкам и сдаче сельскохозяйственной продукции. Указания комитета заготовок в пределах его компетенции являются обязательными для этих органов. Государственный комитет заготовок Совета Министров СССР участвует в разработке проектов планов произволства хлебопролуктов и комбикормов, представляемых правительствами союзных республик в Совет Министров СССР: участвует в разработке балансов и планов использования сельхозпродукции. в разработке проектов планов экспорта и импорта этих продуктов. При этом комитет обращает особое внимание на то, чтобы при составлении расчетов зернового баланса учитывались потребности в продовольственном зерне, создавались страховые и другие фонды. Комитет тролирует выполнение решений партии и правительства по вопросам закупок сельскохозяйственных продуктов всеми ведомствами, органипизациями, осуществляющими закупку и приемку этих продуктов, и за соблюдением колхозами, созхозами и заготовительными организациями государственной дисциплины в деле продажи и закупок сельскохозяйственных продуктов. Комитет проводит контроль за выполнением заданий по отчислению в общесоюзный фонд сельскохсзяйственных продуктов установленного качества и использованием обеспечивает выполнение заданий по экспорту сельхозпродукции. Комитет изучает по отдельным экономическим районам страны ние сельскохозяйственного производства и перспектив дальнейшего развития его в целях проверки использования резервов и производстгенных возможностей сельскохозяйственных предприятий для выполпения установленных планов государственных закупок сельскохозяйстьенных продуктов. Государственный комитет заготовок осуществляет через государственные закупки по договорам контрактации на развитие производства сельскохозяйственных продуктов, необходимых для народного хозяйства страны; разрабагывает и обеспечивает проведение в жизнь мероприятий по совершенствованию организации государственных закупок сельскохозяйственных продуктов.

Государственный комитет заготовок осуществляет повседневный контроль за неуклонным проведением в жизнь правовых актов, принятых на основании постановления мартовского Пленума ЦК партии о новышении материальной заинтересованности работников сельского хозяйства⁶), улучшении планирования закупок сельскохозяйственнных продуктов.

Важным направлением в деятельности Комитета заготовок является своевременная организация через министерства сельского хозяйства, районные производственные управления сельского хозяйства заключения договоров контрактации и контроль за их соблюдением. В январе 1966 г. Совет Министров СССР одобрил проект типового договора контрактации сельскохозяйственной продукции, который был разработан государственным комитетом заготовок Совета Министров СССР.

Обеспечивает планомерную организацию деловых отношений, продуманное, научно обоснованное выявление и согласование потребностей населения и промышленности, с одной стороны, и возможностей сельского хозяйства, с другой стороны. Комитет заготовок участвует в подготовке проектов стандартов, а также закупочных и сдаточных цен на эти продукты. Совместно с Советом Министров союзных республик комитет заготовок разрабатывает основные направления в развитии и размещении элеваторно-складского хозяйства и предприятий по переработке зерна. Им намечаются мероприятия по подготовке материальпо-технической базы к приему сельскохозяйственных продуктов. Особое внимание Комитет уделяет организации приема зерна заготовительными организациями в районах освоения целинных земель.

Государственный комитет обязан обеспечить научную разработку хранения и переработки хлебопродуктов. В этих целях изучаются достижения отечественной и зарубежной науки и техники, а также передовой опыт новаторов производства по приемке и переработке зерна, обобщаются и распространяются эти достижения, передовой опыт; разрабатывается технология приема и обработки зерна семян и производства новых видов хлебопродуктов. Комитетом издается учебная, научновехническая, научно-экономическая литература, выпускаются информационные и другие издания по вопросам заготовок сельскохозяйственных продуктов, а также по вопросам хранения и переработки зерна.

Государственный комитет заготовок участвует в разработке положений об оплате труда работников, занятых заготовкой и хранением сельскохозяйственных продуктов, а также переработкой осуществляются мероприятия по повышению квалификации руководящих и инженерно-технических кадров для заготовительных организаций. Государственный комитет заготовок руководит заготовками через республиканские и местные сельскохозяйственные и заготовительные органы. Свои полномочия комитет осуществляет в специфических ганизационноправовых формах: путем доведения заданий до союзных республик заслушивания отчетов министров сельского хозяйства, руководителей республиканских заготовительных органов о ходе выполнения договоров контрактации, семинаров со специалистами сосударственного управления сельским хозяйством союзных лик, выездов специалистов комитета на места, заслушивания производственных управлений по вопросам заготовок. Так, в начале февраля 1963 г. Государственный комитет заготовок Совета Министров СССР, заслушав отчет республиканских органов управления сельским хозяйством Украинской ССР и Казахстана, отметил недостатки в деятельности этих органов по организации заключенных договоров контрактации и указал на пути их ликвидации, улучшения непосредственно организаторской работы заготовительных органов.

Основные вопросы компетенции решаются на заседаниях комитета, проводимых под руководством председателя комитета, первого заместителя или одного из заместителей председателя комитета. Решения принимаются в коллегиальном порядке, членам комитета предоставляется право занести в протокол особое мнение. В Положении о Государственном комитете заготовок Совета Министров СССР подчеркивается, что решения, принятые на заседании комитета, проводятся в жизнь приказами председателя комитета?). Председатель комитета пего заместители в пределах своей компетенции решают ряд вопросов единолично. Члены комитета одновременно руководят работой отделов и подведомственных комитету организаций и учреждений. Комитет на своих заседаниях обсуждает мероприятия по обеспечению выполнения решений партии и правительства по вопросам закулок сельско-козяйственных продуктов, дает заключения Совету Министров СССР о

выполнении договоров контрактации, выполнению заданий союзными республиками по отчислению в общесоюзный фонд продукции растегиеводства и животноводства; рассматривает вопросы подготовки, подбора и расстановки кадров, заслушивает отчеты руководителей республиганских органов управления сельским хозяйством по вопросам организации заготовок сельскохозяйственных продуктов, расстановки кадров системы заготовительных организаций

По оперативным, текущим и внутриорганизационным вопросам гриказы, как правило, ненормативного характера, издаются председателем, его первым заместителем, заместителем в единоличном порядке.

При изложении правовой характеристики Комитета заготовок гледует отменить право комитета требовать представления всеми органами, осуществляющими государственные закупки сельскохозяйственных продуктов, необходимых материалов, заслушивать на своих заседаниях доклады представителей министерств, других органов по вопросам, эхолящим в сферу закупок сельхозпродукции.

Характеризуя акты Комитета заготовок, следует огметить, что Осисвной закон СССР не указывает конкретно вид актов, которые вправе издавать ведомства Совета Министров СССР. Этот вопрос разрешается в положениях о комитетах, утверждаемых постановлениями правительства СССР. При разработке новой Конституции СССР следует установить наименование актов, издаваемых государственными комитетами СССР, подобно тому как Конституция СССР определяет виды актов, издаваемых министерствами.

В ст. 69 Конституции говорится, что Совет Министров СССР имеет право отменити приказы и инструкции министров СССР, а также акты других подведомственных ему учреждений и совсем не упоминается об актах государственных комитетов СССР.

Практически нет оснований полагать, что акты государственных комитетов СССР всегда, во всех случаях и во всех отношениях будуг безупречны и никогда не появится необходимость в их отмене.

Государственный комитет заготовок является органом подотчетным и подконтрольным правительству СССР, компетенция комитета, его состав утверждаются им, поэтому вполне закономерным является право Совета Министров СССР огменять или изменять приказы и инструкции государственного комитега Совета Министров СССР.

Государственный комитет заготовок Совета Министров СССР обра-.: уется в составе председателя, назначаемого Верховным Советом СССР, заместителя, заместителей председателя и членов комитета, утверждаемых Советом Министров СССР, Председатель Комитета заготовок является министром СССР. Председатель Государственного комитета заготовок Совета Министров СССР руководит работой комитета, издает в пределах своей компетенции, на основании и во исполнечие законов, а также постановлений и распоряжений правительства СССР, решений комитета, приказы и инструкции, проверяет их исполнение, вносит в советы министров союзных республик представления отмене противоречащих действующему законодательству в области заготовок актов министерства производства и заготовок. Им решаются вопросы назначения и освобождения от должности работников центрального аппарата, руководящих работников предприятий, организаций и учреждений комитета. Председатель также создает, реорганизует н ликвидирует подчиненные комитету предприятия, организации и учреждения комитета, а также утверждает положения об инспекциях, управлениях и отделах комитета, уставы подчиненных комитету предприятий, организаций и учреждений. Так как комитет является коллегиальным органом, в его структуре имеются только функциональные подразделения: руководство (комитет); управление закупок зерновых и масличных культур; управление закупок технических культур, картофеля и плодоовощей; управление закупок продуктов животноводства; управление элеваторно-складского хозяйства: управление хлебофуражного снабжения, госрезервов и экспортных операций; управление кадров; управление внешних сношений. Эти управления непосредственно предприятиями и учреждениями не управляют, а выполняют всю подготоинтельную работу для решения вопроса по их функциям на заседаниях комитета или в единоличном порядке председателем, его заместителями.

При Государственном комитеге заготовок Совета Министров СССР образуется совег из руководящих работников комитета и представитеней республиканских заготовительных органов Госплана СССР. Состав совета при Государственном комитете заготовок утверждается Советом Министров СССР по представлению председателя комитета. По персональному составу, характеру возложенных задач и принимаемых актов Совет — совещательный орган, призванный облегчить работу Комитета заготовок, улучшить руководство государственными закупками. Совет гассматривает важнейшие мероприятия по обеспечению выполнения планов закупок сельскохозяйственных продуктов, вопросы хранения и повышения качества этих продуктов на основе обобщения достижений науки и передового опыта; мероприятия по совершенствованию организации государственных закупок сельскохозяйственных продуктов. Рекомендации совета по вопросам компетенции комитета проводятся в жизнь приказами председателя Комитета заготовок, организаторской работой всего комитета, других сельскохозяйственных органов.

¹⁾ См.: Л. Н. Баховкина. Некоторые вопросы перестройки системы государственных закупок сельскохозяйственных продуктов. «Советское государство и право», 1961, № 9; Л. Н. Баховкина. Регулирование заготовок сельскохои право», 1961, № 9; Л. Н. Баховкина. Регулирование заготовок сельскохозяйственных продуктов. «Советское государство и право», 1966, № 3; З. С. Беляева и И. Ф. Панкратов. Государственное руководство колхозами в период развернутого строительства коммунизма в СССР. М., 1961: Колхозное право. Учебник. М., 1966; И. В. Павлов, Л. Н. Баховкина, З. С. Беляева,
М. И. Козырь, И. Ф. Панкратов. Правовые вопросы сближения колхозной
и общественной собственности. М., 1963; И. В. Павлов. Теоретические право-

и общественной сооственности. М., 1963; И. В. Павлов. Георетические правовые вопросы руководства и управления сельским хозяйством. «Советское государство и право», 1965, № 10; Советское административное право (особенная часть). Под редакцией Ю. М. Козлова. М., 1964, стр. 80—87.

2) См.: Ц. А. Ямпольская. О механизме передачи общественным организациям функций некоторых государственных органов. «Правоведение», 1961, № 4, стр. 48; Основы теории государства и права. Под редакцией профессора Н. Г. Александрова. М., 1963, стр. 254; В. М. Горшенев. Участие общественных организаций в правовом регулировании. М., 1963, стр. 17—19;

щественных организаций в правовом регулировании. М., 1963, стр. 17—19; Б. М. Лазарев. О компетенции органа Советского государства «Советское государство и право», 1964, № 10.

3) См.: Е. В. Шорина. Коллегиальность и единоначалие в советском государственном управлении. М., 1959.

4) См.: В. А. Власов. Советский государственный аппарат. М., 1959, стр. 93; И. Н. Ананов. Министерства в СССР. М., 1960, стр. 28—30; Ю. М. Козлов. Органы советского государственного управления. М., 1960, стр. 87—89; Я. Н. Уманский. Советское государственное право. М., 1960, стр. 311, В. С. Пронина. О природе государственных комитетов в СССР. «Советское государство и право», 1963, № 11, стр. 38.

5) См.: А. И. Лепешкин, А. И. Ким, Н. Г. Мишин, П. И. Романов. Курс советского государственного права. Т. 2, стр. 463.

6) СП СССР. 1965, № 8—9, ст. 62, ст. 63, ст. 64, ст. 65, ст. 66, ст. 58.

7) См.: Н. А. Волков. Органы советского государственного управления в современный период. Казань, 1962.

современный период. Казань, 1962.

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. В. КУЙБЫШЕВА.

'Труды, том 199

1968 г

ИЗ ИСТОРИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ БОЛГАРИИ

3. Я. ЕЛЕОНСКАЯ

Развитие конституционного законодательства Народной Республики Болгарии представляет собой единый процесс формирования социалистического права в обществе, где 9 сентября 1944 года установилась народно-демократическая власть.

Содержание этого процесса было обусловлено социально-экономическими преобразованиями, которые происходили в Болгарии, вставшей на путь социалистического развития.

По своей сущности развитие конституционного законодательства в Болгарии не отличалось и не отличается от развития законодательства других стран народной демократии. Вместе с тем развитие конституционного законодательства в этой стране имеет некоторые особенности, обусловленные конкретными историческими обстоятельствами, которые оказали определенное влияние на способ оформления правовых норм и выражения конституционных принципов нового социалистического общества.

Единый процесс конституционного развития Болгарии можно разделить на три этапа.

Первый этап в хронологическом отношении может быть ограничен периодом с 9 сентября 1944 года по 4 декабря 1947 года, то есть с момента установления в Болгарии народно-демократической власти и до принятия конституции Народной Республики Болгарии. Он совпадает с первым этапом развития в Болгарии социалистической революции и народной демократии как формы диктатуры пролетариата.

На этом этапе социалистическая революция решала не только демократические задачи, но и осуществила целый ряд преобразований социалистического характера.

Второй этап в развитии конституционного законодательства в Болгарии начался 4 декабря 1947 года и продолжался до 1957 года, когда в Болгарии, как отмечалось в решении VII съезда Болгарской Коммунистической партии, окончательно победил социализм¹).

Третий этап совпадает с периодом завершения развития Болгарии по пути социализма и началом коммунистического строительства.

Таким образом, каждый этап развития конституционного законодательства совпадает с определенным периодом развития социалистического общества в Болгарии.

На каждом из выделенных этапов конституционное развитие в Болгарии отличалось определенным своеобразием. Ниже мы остановимся на анализе развития конституционного законодательства в период с 9 сентября 1944 года и по 4 декабря 1947 года.

В период с 9 сентября 1944 года и по 4 декабря 1947 года в Народной Республике Болгарии складывались и проводились в жизнь основные принципы социалистического конституционного законодательства

В этот период в силу сложившейся конкретной социально-политической обстановки в Болгарии были использованы в интереоах народной демократии конституционные акты. Таким образом, в развитии конституционного законодательства Народной Республики Болгарии и в некоторых других странах народной демократии в определенной мере повторился советский опыт использования законов свергнутых правительств, поскольку они не были отменены революцией, не противоречили революционной совести и революционному правосознанию²). Речь идет в основном о так называемой Тырновской конституции, формально не отмененной до 4 декабря 1947 года.

Но своеобразие в развитии конституционного законодательства в Болгарии в этот период нельзя сводить только лишь к тому, что там формально продолжала существовать Тырновская конституция. Это своеобразие проявилось именно в том, что в период, когда в стране формально продолжала оставаться в качестве основного закона буржуазная либерально-демократическая Тырновская конституция, принятая в 1879 году, вырабатывались и проводились в жизнь конституционные принципы социалистического общества.

Между тем в литературе стали почти традиционными утверждения, авторы которых сводят весь процесс конституционного развития Болгарии в этот период только лишь к наполнению старых законодательных форм новым содержанием.

Такие выводы противоречат действительности, обедняют процесс конституционного развития Народной Болгарии. Некоторые авторы, придерживаясь тралиционной точки зрения, в определенной степени обусловленной исключительно сложным послевоенным международноправовым положением Болгарии, пытаются в настоящее время отрицать, что в период с 9 сентября 1944 года по 4 декабря 1947 года в этой стране был принят ряд таких важнейших конституционных актов, которые только противоречили старому законодательству, в том числе и Тырновской конституции, но по форме и по содержанию отменяли его. Отдельные авторы анализируют процесс развития конституционного законодательства в Болгарии в период с 1944 года по 1947 год в отрыве от существа конкретных тактических задач Болгарской Коммунистической партии, в процессе решения которых иногда специально не подчеркивалось то, что некоторые законодательные акты, принятые народно-демократической властью, фактически отменяли Тырновскую конституцию. Но именно в них выражалось существо происшедшей в Болгарии революции, которая по своему характеру сразу же явилась революцией социалистической.

Будучи по своему содержанию социалистической, революция в Болгарии не могла ограничиться и фактически не ограничивалась решением демократических задач³). «Неправильно переоценивать значение общедемократических задач, решенных нашей революцией,—говорил Т. Живков,—и рассматривать их как задачи буржуазно-демократической революции»⁴).

Таким образом, сущность развития конституционного законодательства определялась социалистическим характером происшедшей в Болгарии революции.

Расшатывая устои капитализма, социалистическая революция в Болгарии не могла ограничиться и фактически не ограничилась только наполнением старых конституционных форм новым содержанием. Оста-

новимся в овязи с этим более подробно на характеристике роли Тырновской конституции в репулировании новых общественных отношений, возникших в Болгарии после 9 сентября 1944 года.

Тырновская конституция 1879 года по своему характеру была конституцией буржуазной. В ней отражены интересы и политические стремления либеральных кругов мелкой буржуазии. Нужно заметить, что вопрос об оценке Тырновской конституции вызывал много споров. Болгарские авторы, исследовавшие эту проблему с марксистских позиций, обычно дают высокую оценку Тырновской конституции, которая, как отмечает Д. Косев, являлась для своего времени одной из самых демократических буржуазных конституций⁵).

«Мы высоко ценим Тырновскую конституцию, — говорил В. Коларов, — вопреки ее недостаткам, общим для всех буржуазных конституций, даже и самых либеральных, так как она своими демократическими постановлениями создала легальную основу для политического просвещения, политической ориентации и борьбы трудящихся из городов и сел» 6).

В первые десятилетия после освобождения Болгарии из-под турецкого ига Тырновская конституция представляла политическое знамя мелкой буржуазии в ее борьбе с наиболее крупной буржуазией. Вследствие этого Тырновская конституция была объектом критики со стороны наиболее реакционной торгово-чорбаджийской буржуазии, а позже капиталистической буржуазии. Болгарская буржуазия постоянно нарушала ее, извращала, вносила дополнения и поправки, которые были направлены против демократических институтов⁷).

Некоторые болгарские ученые того времени силились доказать, что Тырновская конституция находилась в полном противоречии с духом и принципами болгарского возрождения, занимая, по существу, предательскую по отношению к болгарскому народу позицию. Так, буржуазный проф. Владикин писал: «Девственному в отношении политических пороков народу была представлена свобода узнать их и пристраститься к ним. Чувство национальной солидарности, которое дал подвиг возрожденья, было принесено в жертву западно-европейскому индивидуализму»⁸).

Подобные утверждения подвергались и подвергаются резкой критике в трудах болгарских юристов-марксистов, ибо они извращали действительное положение вещей и служили теоретическим обоснованием реакции. С другой стороны, Тырновская конституция, будучи по своему содержанию конституцией буржуазной, разумеется, не отличалась последовательным демократизмом и не могла полностью отражать чаяния трудового болгарского народа. В Учредительном собрании реакции удалось навязать стране монархическую форму правления, которая, окрепнув, превратилась в новую реакционную силу в стране.

Сказанное помогает понять позицию болгарских коммунистов в отношении Тырновской конституции. До установления народной власти коммунисты Болгарии боролись за то, чтобы наиболее демократические положения Тырновской конституции последовательно проводились в жизнь.

С этой точки зрения большой интерес представляет речь Г. Димитрова, произнесенная в Народном Собрании 28 февраля 1919 года. Касаясь событий на шахте «Перник», Г. Димитров с трибуны Народного Собрания заклеймил буржуазных министров, грубо нарушавших конституцию: «Господа народные представители, — говорил Г. Димитров, — правительство преступает рамки законов, оно покидает почву конституции и легальности». В этом же выступлении Г. Димитров назвал парламент Болгарии обанкротившимся парламентом⁹).

В период фашистской реакции и подготовки новой мировой войны Коммунистическая партия Болгарии проводила энергичную борьбу за

восстановление действий Тырновской конституции, которая была фактически отменена после происшедшего в Болгарии 19 мая 1934 года государственного переворота, приведшего страну к свирелой военно-фашистской диктатуре. В стране были ликвидированы последние остатки парламентаризма и буржуазной демократии, разогнано Народное Собрание, распущены все партии, ликвидированы остатки местного само управления. Организаторы переворота развернули широкую публичную и печатную компанию против Тырновской конституции, лемократии и парламентаризма. В связи с этим на состоявшемся в феврале-марте 1936 года VI расширенном Пленуме ЦК БКП выдвинуто требование о немедленном восстановлении Тырновской конституции. Пленум требовал немедленно восстановить Тырновскую конституцию, права и свободу предусмотренные ею, немедленно назначить выборы в Народное собрание на основе старого избирательного закона, отменить все антиконституционные распоряжения и законы, принятые с 19 мая, распустить все гражданские и военные организации, которые отменили конституцию или же сопротивлялись ее восстановлению 10). Эти требования Пленум рассматривал как одну из боевых платформ действий антифашистского народного фронта. Такие же требования Коммунистическая партия Болгарии выдвинула и в последующие годы. Так, во время II мировой войны в статье «Куда идет Болгария?» Димитров писал: «Правительство Филова, ссылаясь на существующую в Болгарии конституцию, объявило шестилетнего сына Бориса, Семиона, царем Болгарии. Но болгарские правители использовали конституцию лишь постольку, поскольку она отвечала их планам. В их намерение совершенно не входило выполнение лругого категорического веления конституции, предусматривающего созыв Великого Народного Собрания для избрания регентского совета. И вполне понятно, почему болгарские правители боятся даже малейшего проявления воли народных масс Болгарии»¹¹).

Борясь за то, чтобы демократические институты Тырновской конституции проводились в жизнь, Коммунистическая партия Болгарии вместе с тем постоянно подчеркивала ограниченный характер Тырновской конституции и совершенно не связывала с ее дальнейшим существованием свои политические идеалы. Интересно обратить внимание на тот факт, что еще задолго до установления народной власти в Болгарии коммунисты в своих програмных документах уже формировали новые конституционные принципы, которые в дальнейшем легли в основу разработки конституции Народной Республики Болгарии.

Так, в переданной 17 июля 1942 года по радио «Христо Ботев» программе Отечественного фронта, написанной Г. Димитровым, говорилось, что Отечественный фронт ставит перед собой в качестве неотложных задач восстановление политических прав народа, в особенности свободы печати, собраний, организаций, отмену всех антиконституционных, анти народных, фашистских законов. Отечественный фронт ставил своей ближайшей целью свержение власти, предательского, антинародного, протитлеровского правительства и создание подлинно народного, нашионального правительства, которое должно, опираясь на волю и поддержку всего болгарского народа, подготовить условия для созыва Великого Народного Собрания для определения будущей формы правления Болгарии и создания необходимых конституционных и материальных гарантий свободы, независимости и процветания Родины¹²).

Таким образом, Коммунистическая партия Болгарии, борясь за новую Болгарию, уже имела по вопросу о конституционном законодательстве свою конструктивную и созидательную программу, которая, конечно, далеко не исчерпывала ее основную задачу — построение социализма¹³).

После установления в Болгарии народной власти под руководством

Коммунистической партии началась большая работа по подготовке новой конституции, в то время как Тырновская конституция продолжала еще действовать.

Но Коммунистическая партия Болгарии не сразу после установления народной демократии поставила вопрос о необходимости отмены Тырновской конституции. Объяснялось это очень сложным внутренним и международным положением Болгарии в тот период, а также тем, что в Тырновской конституции содержались некоторые действительно прогрессивные положения, реализация которых не противоречила решению демократических задач социалистической революции в Болгарии.

Вследствие этого реализация указанных положений представляла собой на определенное время насущную практическую задачу, что в некоторой степени отвечало демократическим чаяниям болгарского народа. Вместе с тем реализации демократических положений Тырновской конституции было придано более глубокое, более радикальное значение, чем это предполагалось самой конституцией. Сформированные в буржуазной Тырновской конституции права болгарских народных масс тотчас же после 9 сентября фактически были приняты и осуществлены в таком радикальном смысле, что поистине они и пробеденные под их знаком социальные, экономические и культурные преобразования приобрели с самого начала и в сознании, и в действиях масс значение не буржуазной, а гораздо более широкой, подлинно народной демократии¹⁴).

Таким образом, уже сам процесс реализации заложенных в Тырновской конституции некоторых демократических положений в условиях народной демократии показал в целом ее ограниченность, неприемлемость для нового общества, вставшего на путь социалистического развития. Теперь уже Коммунистическая партия Болгарии совершенно четко и неоднократно подчеркивала, что Тырновская конституция не может быть основным законом нового общества.

Об этом, в частности, заявил 19 ноября 1945 года Г. Димитров «Действующая ныне конституция в известном отношении устарела. Болгарскую конституцию необходимо привести в соответствие с демократией Отечественного фронта, установленной и созданной после исторического восстания 9 сентября. И в этом смысле Великое Народнос Собрание должно изменить действующую ныне конституцию, исходя из того, что теперь нельзя оставлять консервативные и приносящие вред институты, которые препятствуют установлению братского сотрудничества между всеми свободолюбивыми народами и которые всегда представляли и представляют собой опасность для демократии и мира в Болгарии и на Балканах. Кобургская династия, действовавшая во вред интересам болгарского народа, не может получить никакой поддержки с его стороны» 15).

Это заявление Г. Димитрова представляет большой интерес потому, что, во-первых, в нем выдвигается задача отмены Тырновской конституции и, во-вторых, здесь совершенно четко определяется отношение к монархии, т. е. подчеркивается ее несовместимость с новым государственным строем. Спустя месяц, Г. Димитров вновь возвращается к вопросу о конституции, развивая мысль о будущей форме правления. «Сегодня, — говорил он в Народном собрании, — вопрос о действительно народной, демократической конституции уже настолько назрел в сознании нашего народа, что преобразование Болгарии в народную республику с парламентской системой не может встретить никаких серьезных возражений. И будущее Великое Собрание достойно выполнит свою историческую роль, провозгласив Болгарию такой народной республикой» 16).

Проведение в жизнь тех задач, о которых говорил Г. Димитров, по существу, уже предопределяло судьбу Тырновской конституции, одна-

ко Коммунистической партии пришлось преодолеть существовавший в то время взгляд, что Тырновская конституция, немного подправленная, может служить новой Болгарии¹⁷). «У нас есть сторонники буржуазной конституции, — говорил Г. Димитров, — которые предлагают взять за основу старую, Тырновскую конституцию, и внести в нее лишь некоторые изменения. Они не считаются с уже проведенными у нас глубокими социалистическими преобразованиями... При этом и самый рядовой болгарин понимает, что неразумно наливать новсе вино в старые, изношенные мехи. Новой Болгарии нужна не старая прогнившая и заштопанная, а новая и крепкая государственная одежда. Нужна новая основа, нужны новые формы нашего государственного устройства»¹⁸).

Тырновская конституция, таким образом, даже по форме не могла удовлетворить потребности нового общества.

Больше того, отдельные реакционные элсменты связывали лаже с формальным сохранением Тырновской конституции свои иллюзии в отношении возможности реставрации в Болгарии профашистского монар хического строя. Очевидно, что в изменившихся условиях наличие Тырновской конституции играло реакционную роль. На это прямо указывал В. Коларов, который отмечал, что «со всеми достоинствами Тырновская конституция не могла обеспечить свободу и равноправие в новых условиях. Она не могла предохранить нашу страну от бунта монархофашистской реакции... История показала, что Тырновская конституция не в состоянии обуздать реакцию. Она представляет собой мелкую воду, которую реакционеры могут перейти вброд» 19).

Чтобы разбить иллюзии в отношении реставрации монархии, по инициативе Коммунистической партии и Отечественного фронта 26 июля 1946 года был принят закон «О проведении референдума по вопросу о ликвидации монархии и провозглашения Народной республики и о созыве Великого Народного Собрания». Этот закон интересен тем, что в нем были изложены основные принципы конституционного законодательства народно-демократической Болгарии. Уже сам факт вынесения на всенародное обсуждение таких важнейших вопросов, как вопрос о ликвидации монархии, провозглашении народной республики и созыве Великого Народного Собрания, свидетельствовал о принципиально ином подходе народно-демократической власти к решению коренных проблем, касающихся всего болгарского народа.

Воле народа придавалось первостепенное значение, что следует рассматривать как фактическое оформление важнейшего конституционного принципа о принадлежности в Народной Республике Болгарии всей власти народу, который был позже закреплен в ст. 2 Конституции 1947 года. Вынесение на всенародное обсуждение указанных важнейших вопросов было подготовлено всем ходом развития лемократии в Болгарии, системой экономических и других мероприятий социалистического характера. Так, в соответствии с законом о трудовой земельной собственности от 12 марта 1946 года землю сотни тысяч безземельных и малоземельных крестьян. В соответствии с законом от 18 апреля 1945 года стали создаваться государственные социалистические и трудовые кооперативные земледельческие ства. Был провозглашен принцип «Земля тому, кто ее обрабатывает». Эти законы были направлены против эксплуататорского кулацко-капиталистического класса на селе, служившего к тому же питательной почвой для монархии20).

До референдума в жизнь были проведены законы о конфискации имущества, приобретенного спекуляцией или другими незаконными способами с 1 января 1935 года, о конфискации имущества фашистских преступников, закон о суде. согласно которому к уголовной ответственности было привлечено 11122 военных преступника, избиратель-

ный закон, закон о защите народной власти. После 9 сентября госу дарственные предприятия превратились в социалистические предприятия, над деятельностью других предприятий был установлен рабочий контроль²¹). Были приняты многочисленные нормативные акты, направленные на улучшение труда и быта трудящихся Болгарии.

В проведении этих мероприятий исключительно активную роль сыграл руководимый Коммунистической партией, Отечественный фронт. В течение некоторого периода после 9 сентября 1944 года комитеты Отечественного фронта были фактически органами государственной власти на местах. После создания системы новых государственных органов комитеты Отечественного фронта сконцентрировали основные усилия на осуществлении контроля над их деятельностью. Отечественному фронту принадлежит выдающаяся заслуга в установлении рабочего контроля в промышленности²²), в социалистическом переустройстве сельского хозяйства, создании высших органов государственной власти, проведении культурной революции.

Отечественный фронт был в авангарде борьбы с остатками фашизма. Особенно велика роль Отечественного фронта в борьбе за отмену так называемого четвертого постановления Совета Мянистров, принятого по инициативе буржуазной оппозиции и фактически открывавшего монархо-фашистским элементам путь к государственному перевороту²³). В механизме диктатуры пролетариата Отечественный фронт тогда стал занимать важное место как инструмент политического и организационного воплощения руководимого рабочим классом Союза трудящихся классов.

Проведенные мероприятия доказали жизненность нового строя и неумолимо поставили вопрос о ликвидации монархии и провозглашении Болгарии Народной Республикой.

В законе о референдуме наряду с постановкой указанных вопросов формировались основные принципы будущей конституции Болгарии. «Новая конституция будет основана на воле народа, выраженной в результате народного референдума», — говорилось в законе.

Закон подчеркивал, что в новой конституции будет закреплено равенство и конституционные свободы граждан, принадлежность земли тому, кто ее обрабатывает, право на труд и отдых. «Новая конституция будет современной, —говорилось в законе, — действительно народной и демократической конституцией, которая закрепит и обеспечит все политические, экономические, культурные и социальные завоевания болгарского народа в его дальнейшей борьбе против иноземного гнета, монархии, фашизма и реакции».

Принятый обыкновенным Народным Собранием и утвержденный регентским советом закон о референдуме по существу представлял собой основу будущей конституции, так как сыграл исключительно важную роль в развитии конституционного законодательства народно-демократической Болгарии.

Следует особенно подчеркнуть что закон о референдуме находился в прямом противоречии с духом и буквой Тырновской консгитуции. Закон о референдуме подводил конституционную основу под те социально-экономические мероприятия революционного характера, которые были проведены в Болгарии народно-демократической властью. Эти преобразования носили социалистический характер, а Гырновская конституция, как известно, закрепила устои капитализма. Тырновская конституция объявляла особу царя священной и неприкосновенной, а закон о референдуме ставил вопрос о ликвидации монархии.

Следовательно, закон о референдуме после его одобрения народом отменял главу вторую, третью, пятую, седьмую, восьмую, а также целый ряд статей Тырновской конституции, где определялись существо и пределы царской власти.

Согласно ст. 141 Тырновской конституции, правом созывать Великое Народное Собрание для изменения или пересмотра конституции пользовался только царь. Закон же о референдуме, в котором предусматривался созыв Великого Народного Собрания, был принят, как отмечалось, Обыкновенным народным собранием и утвержден советом регентов. Тырновская конституция вообще не знала такой формы непосредственной демократии, как референдум.

Однако референдум, как известно, в Болгарии был проведен, и в ходе его народу предлагалось, по существу, отменить Тырновскую

конституцию.

«Референдум, — замечает проф. М. Геновски. — был проявлением «учредительной власти», прямым волеизъявлением народа»²⁴). Следовательно, в данном случае источником законодательной власти в новой Болгарии явилась не Тырновская конституция, а вооруженное

восстание против монархо-фашистского строя.

Таким образом, закон о референдуме в случае его одобрения народом фактически отменял отдел 1 главы XX Тырновской конституции, в котором определялся порядок созыва Великого Народного Собрания. В законе о референдуме предусматривалось также, что с конституированием Великого Народного Собрания к нему переходят юридические права 26 обыкновенного Народного Собрания, а функции верховной государственной власти переходии в этом случае к Президиуму Великого Народного Собрания. Закон о референдуме, следовательно, не только отменял те статьи Тырновской конституции, которые регулировали компетенцию и порядок деятельности Великого и Обыкновенного Народных Собраний, но и предусматривал создание новой, не предусмотренной в указанной конституции системы высших органов государственной власти.

Важно обратить внимание и на то обстоятельство, что порядок проведения референдума и выборов народных представителей в Великое Народное Собрание, определенный специальным законом от 26 июля 1946 года, также в своей основе противоречил Тырновской конституции, потому что в нем получили развитие революционные принципы избирательного права, закрепленные в законе от 9 июня 1945 года. Иными словами, закон о порядке проведения референдума отменял те статьи Тырновской конституции, которые регулировали избира-

тельную правосубъективность болгарских граждан.

После референдума, в ходе которого за народную республику было подано 92,72%²⁵) голосов (за сохранение монархии вссго 4,24%), полностью вступили в действие нормы закона о референдуме 15 сентября 1946 года. Болгария была провозглашена Народной Республикой, полномочия главы государства были временно переданы бюро Народного Собрания. В соответствии с законом о референдуме и о порядке его проведения были подготовлены и 27 сктября 1946 года проведены выборы в Великое Народное Собрание, обеспечившие победу Болгарской Коммунистической партии и Отечественному фронту²⁶).

Выборы в Великое Народное Собрание ускоряли революшионный процесс в Болгарии, значительно укрепили народно-демокрагическую

власть.

Великое Народное Собрание явилось тем законодательным органом, который приступил к выработке новой конституции Народной Болгарии.

Таким образом, закон о референдуме уже непосредственно регу-

лировал новые общественные отношения в Болгарии.

В Болгарии в этот период действовали и Тырновская конституция и закон о референдуме от 26 июля 1946 года, по существу несовместимые по своему содержанию.

Однако Тырновская конституция продолжала действовать еще

полтора года, т. е. до 4 декабря 1947 года, когда была принята конституция Народной Республики Болгарии. Это отнюдь не свидетельствовало о том, что старая конституция оказалась способной выполнять функции основного закона и в новом обществе. Дело в том, что влияние Тырновской конституции на развитие демократии в Болгарии в этог период было минимальным. Демократические права и свободы, государственное устройство, функционирование эрганов власти определялись уже не Тырновской конституцией, а другими нормативными актами, в том числе и законом о референдуме.

После проведения референдума и выборов в Великое Народное Собрание был завершен один из этапов развития Народной Болгарии и укрепления народной власти. Можно полагать, что к этому времени в Болгарии уже создалась система конституционного законодательства, которая полностью определяла социально-политическую жизнь страны,

но еще не была оформлена как конституция.

Именно это обстоятельство имел в виду профессор М. Геновски, говоря, что развитие конституции Народной Республики Болгарии начинается не с того дня, когда была принята ныне действующая кон-

ституция, а со времени закона о референдуме.

Однако этому вполне обоснованному выводу профессора Геновского противоречат его же собственные утверждения о гом, что закон референдуме, изменяя часть структуры существовавшего государственного аппарата, не изменял, однако, правовых форм его деятельности и что при провозглашении народной республики Болгарии революционная направленность этого политического акта сочеталась с соблюдением формально действовавшего конституционного права. Но, видимо, мы не найдем ответа на вопрос, каким нормам Тырновской конституции соответствовал закон о референдуме. Есть более веские основания утверждать обратное: после проведения референдума по вопросу об отмене монархии и провозглашении Болгарии Народной Республикой Тырновская конституция продолжала действовать в той незначительной части, которая прямо не противоречила статьям этого закона. О каком же наполнении старых конституционных форм новым революционным содержанием может идти речь в данном случае? Следует указать также на неудовлетворительность позиции тех авторов, которые, повторяя вывод профессора Геновского о том, что после референдума в Болгарии параллельно существовали два конституционных закона, не указывает, какой же все-таки из этих законов оказывал решающее влияние на регулирование новых общественных Здесь правильнее было бы говорить не о параллельном, а еб одновременном существовании двух разных по своей социально-политической сущности конституционных актах, из которых закон о референдуме играл главенствующую роль.

Тырновская же конституция, как об этом свидетельствует многочисленное изучение исторических материалов, после референдума уже не регулировала общественные отношения, хотя и продолжала фор-

мально действовать.

Таково было, на наш взгляд, соотношение конституционного законодательства в Народной Республике Болгарии до принятия конституции 1947 года.

Представляется, что до принятия новой конституции 1947 года конституционное законодательство Народной Республики Болгарии было в основном уже и по форме и по содержанию социалистическим. Этот вывод имеет важное значение в том смысле, что предупреждает от переоценки значения Тырновской конституции в регулировании новых общественных отношений в Народной Болгарии.

Но именно с ней продолжали связывать свои политические идеалы реакционные силы. В процессе обсуждения проекта первой народно-де-

мократической конституции было внесено предложение о сохранении Тырновской конституции с заменой в ее тексте слова «царь» «президент». Реакционными и враждебными трудящимся Болгарии элементами было внесено несколько проектов новой конституции, которую они противопоставляли проекту, выработанному конституционной миссией, в которую входили руководящие деятели Коммунистической партии и представители других партий Отечественного фронта.

Известны, например, проекты новой конституции, составленные оппозиционной группой радикальной партии, профессорами С. Баломезовым, В. Ганевым, группой Петкова. Расходясь в деталях, все перечисленные проекты отличались своей антидемократической и антинаролной направленностью и в случае их принятия создали бы гозмож-

ность для реставрации буржуазного строя в Болгарии-9).

Болгарский народ отверг эти проекты и единодушно одобрил разработанную под руководством Коммунистической партии конституцию, которая и была принята 4 декабря 1947 года, закрепив основы народной власти. В этой конституции воплотилось все лучшее, что было до-Болгарии в стигнуто в конституционном законодательстве народно-демократической власти В ней воплотились конституционные идеалы Болгарской Коммунистической партии и Отечественного фронта. «Это прекрасная конституция, — говорил Г. Димитров, выступая 4 декабря 1947 года в Великом Народном Собрании, — написана кровью нашего героического и свободолюбивого народа, пролитой в многолетней борьбє против монархо-фашистской и буржуазной тирании» 30).

1) Т. Живков. Отчетный доклад ЦК Болгарской Коммунистической партии VII съезду партии. Госполитиздат, 1958, разд. II.
2) См.: Декрет о суде от 25 ноября (5 декабря) 1917 года. Декреты Советской власти, М., 1957, т. 1, стр. 125.
3) См.: Г. Дмитров. Избранные произведения. М., 1947, т. II, стр. 613.
4) См.: Т. Живков. Отчетный доклад ЦК Болгарской Коммунистической партии VII съезду партии. Госполитиздат, 1958 г., стр. 112.
5) Д. Косев. Новая история Болгарии. ИЛ, М., 1952, стр. 454. См. также: М. Андреев. История на Българската буржуазна държава и право. Част първа, «Наука и изкуство», София, 1965, стр. 30: далее Я. Радев. Държавни представителни органи в България (1944—1947 гг.). София, 1965, стр. 54 и др. работы.

6) Историческая речь председателя Великого народного собрания г-на Васила Коларова по проекту конституции, произнесенная 20 июня 1947 г. София,

ла коларова по проекту конституции, прополессиим.

1947. стр. 10.

7) См. подробнее об этом: История Болгарии. М., 1954, т. 1, стр. 349; и далее; И. Димитров. Режимът на пълномощията и борбата против него (1881—1883). Годишник на Софийская университет. Идеологични катедри, т. 58, 1964, София, 1965 и др. работы.

8) Цитируется по указанной работе Д. Косева, стр. 455. Критику позиции проф. Владикина см.: М. Андреев. История на Българската буржуазна държава и проро. Част парра «Наука и изкуство» София. 1965. стр. 31.

проф. Бладикина см.: М. Андрев. История на Българската буржуазна държава и право. Част първа, «Наука и изкуство», София, 1965, стр. 31.

9) Г. Димитров. Избранные произведения. М., 1957, т. 1, стр. 53, 56.

10) История Болгарской Коммунистической партии. Госполитиздат, М., 1960, стр. 322—323.

11) Г. Димитров. Избранные произведения. Т. И. М., 1957, стр. 13—14

(1) Г. Димитров. Избранные произведения. Т. II. М., 1957, стр. 13—14. (12) Г. Димитров. Избранные произведения. Т. II. М., 1957, стр. 7.

12) Г. Димитров. Избранные произведения. Т. П. М., 1957, стр. 7.

13) Социально-политическую характеристику первой программы Отечественного фронта см.: Н. Горненски. Съездаване и нелегальна дейность на Отечествения фронт (1942—1944). «Исторически преглед», 1964, № 4, стр 44 и далее; Д. Шарланов. Отечественият фронт в условията на социалистическото строительство. «Исторически преглед», 1962, № 3, стр. 45 и далее.

14) Д. Т. Павлов. К вопросу о характере Болгарской народно-демократический революции. «Вопросы философии», 1956, стр. 50.

15) Г. Димитров. Избранные произведения. М., 1957, т. П. стр. 91.

16) Там же, стр. 121.

¹⁷⁾ См. подробнее об этом: Н. Генчев. Политические борби между Отечествения фронт и буржуазното опозиция около съездаването по конституцията на Н. Р. Болгария от 1944 г. «Исторически преглед», 1962. № 5.

18) См.: Г. Димитров. Избранные произведения М., т. II, 1957, стр. 213.
19) «Работническо дело», 21 июня 1947 г.

20) О революционных преобразованиях в сельском хозяйстве в Болгарии в этот период см.: Н. Стефансв. Р. Васильев. Лениновият кооперативен план и неговото творческо приложение в нашата страна «Философска мысъл». план и неговото творческо приложение в нашата страна. «Философска мысьл», 1960, № 2; И. Костов. Революционите преобразования в нашето селско стопанство и неговият възход. «Икономическа мысъл», 1964, № 7; В. Тихомиров. Социалистическое переустройство сельского хозяйства Болгарии. М., 1951.

21) См. подробнее об этом: П. Д. Петков, Конфискуване на имуществата,

предобити чрез спекула и по незаконен начин, след 9/IX 1944 г. «Исторически преглед», 1961, № 3; Г. Манафов. Към въпроса за смазване съпротивата на буржуазията в Н. Р. Болгарии. «Исторически преглед», 1962, № 2, стр. 8; И. Пейков. Подготовка, провеждане и значение на Народные съд през 1944—1945. «Исторически преглед», 1964, № 2—3; Я. Радев. Цитированная работа, стр. 26; В. Д. Петков. Предпоставки и развитие на демократизма на социали-стического право на Н. Р. Болгария. Годишник Софийския университет. Юриди-чески факултет, 1965 т. 56, кн. 1, стр. 259; Д. Янчев. Ограничаване и из-ползуване на икономическите закони капитализма у нас в периода от 9/IX 1944 г. до национализацията на индустрията. «Икономически мисъл», 1960, № 7.

²²) См.: И. Радков. Комитете на Отечествения фронт — фактически органи на местности власт непосредственно след 9 сентямври 1944 г. «Исторически преглед», 1963, № 2.; В. Захаров. Проблема чистки государственного аппарата в Болгарской народно-демократической революции. Годишпник на Софийския университет. Юридически факултет, 1965, т. 56, стр. 419—438; О совместной деятельности Отечественного фронта и профсоюзов по осуществлению рабочего контроля в промышленности см.: Величко Георгиев. Приносът на българските профессионални съюзи за възстеновянине на народното стопанство (1944—1947 гг.). Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет (история), 1964, т. 58, кн. 3, стр. 88—90.

²³) См.: И. Радков. Акцията за отменяне на четвърто постановление на Министерския съвет 23/XI 1944 г. «Исторически преглед», 1964, № 2—3.
 ²⁴) М. Геновски. Развитие конституции Народной Республики Болга-

рии. Сб. «Вопросы государства и права стран народной демократии», М., 1960.

25) См.: Н. Генчев. Цитированная работа, стр. 9; Б. Спасов. Система народного представительства в Народной Республике Болгарии. М., 1965, стр. 81.

26) См.: Н. Генчев. Изборите за Велико народно събрание през октомври 1946. «Исторически преглед», 1964, № 2—3, стр. 224.
 27) М. Геновски. Цитированная работа, стр. 34, 36, 38.

²⁹) См. об этом подробнее: Н. Генчев. Цитированная работа («Исторически преглед», 1962, № 5); С. С. Швачко. БЗНС в период борьбы трудящихся Болгарии за укрепление народно-демократического строя и восстановления народного хозяйства. Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина, т. 83, вып. 4, М., 1958, стр. 143 и далее.

30) Г. Димитров. Избр. произведения. Т. II, М., 1957, стр. 412.

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. В. КУЙБЫШЕВА.

Труды, том 199 1968 г.

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПЕ И РАЗМЕРЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ПЕРЕВОЗОК ГРУЗОВ

Б. Л. ХАСКЕЛЬБЕРГ

Действующий Устав, как и Устав железных дорог 1954 г., не закрепляет в обобщенной форме принцип ответственности за невыполнение плана грузовых перевозок аналогично тому, как это установлено в отношении ответственности за несохранность груза. Но наряду с общим правилом о взыскании штрафа за невыполнение плана (ст. 144 УЖД 1964 г., ст. 180 УЖД 1954 г.) нормативно установлен перечень обстоятельств. с которыми связывается освобождение от ответственности Содержание перечисленных фактов в ст. ст. 145-146 УЖД дает полное основание утверждать, что освобождение от ответственности основано на невиновности субъекта обязательства. Однако отсюда практика и доктрина не сделали вывода, что ответственность построена по принципу вины. Напротив, перечень обстоятельств, указанных в ст. ст. 145— 146 (ст. ст. 182—183 УЖД 1954 г.) характеризуется не в качестве примерного (сочетающегося с принципом ответственности за вину), а исчерпывающего, расширение которого в порядке истолкования закона невозможно1). Следовательно, ответственность наступает независимо от вины.

- С. С. Алексеев писал, что по способу закрепления оснований освобождения от ответственности перечень ст. ст. 182—183 УЖД 1954 г. является замкнутым, но из содержания этих статей вытекает иной вывод. Ст. ст. 182 и 183 в качестве признака освобождения от ответственности имеют в виду объективную невозможность исполнения перевозок. Несли это так, продолжает С. С. Алексеев, то значение для освобождения от ответственности мотут иметь не только указанные в правовых нормах случаи объективной невоэможности исполнения, но и другие. Анализируя далее судебную практику по данной категории споров, С. С. Алексеев приходит к выводу, что она признавала основаниями освобождения от ответственности некоторые обстоятельства, не указанные в ст. ст. 182—183, также свидетельствующие об объективной невозможности исполнения. Это нельзя недоучитывать при правовой характеристике обстоятельств, с которыми связывается освобождение от ответственности²). Автор заключает, что « . . . ст. ст. 182 и 183 Устава железных дорог (1954 г.-Б.Х.) построены на принципе «нет вины нет и ответственности»³).
- С. С. Алексеев предпринял интересную попытку обосновать, почему в Уставе этот принцип не получил обобщенного выражения, почему в нем дается конкретный перечень оснований освобождения от ответственности вместо указания на основание в обобщенном виде. Приводимые аргумен-

ты⁴) едва ли можно признать достаточно убедительными. Так, С. С. Алексеев указывает, что при массовом характере отношений железных дорог с грузоотправителями возникали бы «чрезвычайные трудности» в каждом случае установления вины. Против этого можно возразить. Во-первых, факты несохранности груза при перевозке встречаются значительно чаще, чем факты невыполнения плана перевозок. Тем не менее в Уставе наряду с конкретными обстоятельствами освобождения дороги от ответственности установлен и общий принцип ответственности за вину.

Характерно, что УЖД 1954 г. не сохранил принятый УЖД 1935 г. способ формулирования принципа ответственности дороги за несохранность груза—посредством перечня обстоятельств, с которыми связано освобождение от ответственности. Он закрепил этот принцип в обобщенном виде. При определении же принципа ответственности за невыполнение плана перевозок этот способ не был принят. Считать это обстоятельство случайным, на наш взгляд, нельзя.

Во-вторых, действующая в советском гражданском праве в качестве общего правила презумпция вины должника, нарушившего обязательство, серьезно облегчает задачу установления вины, если она действительно признана условием ответственности.

Считая, что конкретные случаи освобождения от ответственности, предусмотренные законом, охватывают все основные обстоятельства, когда в действиях адресата планового задания отсутствует вина, С. С. Алексеев все же признает, что такой порядок нормативного закрепления общего принципа имеет и недостатки: как бы ни был полон перечень конкретных обстоятельств, он не может охватывать все возможные обстоятельства, в связи с чем не исключена ответственность и за случайное неис полнение⁵).

Вывод С. С. Алексеева о том, что в принципе УЖД устанавливает ответственность за невыполнение плана по принципу вины, представляется неубедительным, несмотря на отдельные отступления практики от предусмотренного Уставом перечня обстоятельств, освобождающих от ответственности. Такой вывод, если б он оказался внедренным в практику, означал бы, как нам кажется, отступление от закона. С. С. Алексеев справедлво указывал, что вряд ли было бы оправданным, учитывая задачи укрепления социалистической законности, предоставление судебным органам широких полномочий по толкованию ясных указаний закона⁶), то есть ст. ст. 182—183 УЖД 1954 г. Остается недоказанным, что Устав 1954 г. исходил из принципа: «нет вины—нет и ответственности».

Более решительно высказался С. М. Корнеев, заявивший на основании соответствующего толкования ст. ст. 182, 183 УЖД 1954 г. и ст. ст. 183, 184 УВВТ, что за невыполнение плана перевозок грузов закон вовсе не устанавливает ответственность «без вины». «Законодатель,—пишет С. М. Корнеев,—исходит из того, что при выполнении плана перевозок транспортные организации и грузоотправители должны мобилизовать все свои возможности, приложить максимум усилий. Любые препятствия, кроме стихийных явлений и других названных в Уставе железных дорог и Уставе внутреннего водного транспорта, не должны считаться уважительными, извинительными; при принятии надлежащих мер они могут и должны быть предотвращены»⁷). Это утверждение вызывает серьезные возражения.

Во-первых, соответствующие статьи УЖД и УВВТ не дают оснований считать, что освобождение от ответственности за невыполнение плана перевозок связывается с любыми явлениями стихийного характера и должно наступить в любом случае причинной обусловленности невыполнения плана явлением стихийного характера. Во-вторых, утверждение С. М. Корнеева, что любые обстоятельства, с которыми связано невыпол-

нение плана перевозок, кроме указанных в законе, признаются предотвратимыми или преодолимыми, ничем не подкреплено и едва ли верно в принципе.

В практике встречаются отдельные случаи невиновного невыполнения плана перевозок грузов, за которые на неисполнившую сторону возлагается ответственность, так как обусловившие это последствие обстоятельства не предусмотрены УЖД в качестве оснований освобождения от ответственности. Приведем два примера.

Отделение железной дороги предъявило иск о взыскании штрафа за невыполнение плана перевозок в январе 1965 г. Возражая против иска, грузоотправитель объяснил, что план не выполнен по следующим обстоятельствам: работа лесобиржи сезонная, отгрузка лесоматериалов производится в январе—марте. Завоз лесоматериалов с лесоучастков на лесобиржу производится по поливной ледяной дороге через реку Томь. Снежные заносы и резкое потепление в конце декабря 1964 г. и первой половине января 1965 г. не позволили построить ледяную дорогу в соответствии с требованиями безопасности движения лесовозов по реке. Поэтому не было возможности доставить лесопродукцию от верхних складов на лесобиржу для последующей погрузки. Об этом был составлен акт, подписанный начальником станции отправления и депутатом Советав).

Если по обстоятельствам дела отправитель не должен был и не мог иметь запас продукции на бирже для погрузки и указанное в его возражениях было подлинной причиной невыполнения плана, то это не может быть вменено ему в вину.

Однако, поскольку в ст. 145 УЖД такое обстоятельство не предусмотрено в качестве основания освобождения от ответственности, арбитраж удовлетворил иск.

Аналогичное дело рассмотрено по иску отделения дороги к лесосплавной базе Ленснабнарпита. База объяснила невыполнение плана в январе 1961 г. тем, что делянка в седьмом квартале, где находились дрова, была полностью затоплена, в подтверждение чего представила акт, составленный с участием депутата сельсовета. В акте отмечено, что ввиду неустойчивой зимы в январе и по причине явлений стихийного характера поднялись ручьи и произошло наводнение. Делянка в квартале № 7 оказалась затопленной. Другой древесины база в этом районе не имела⁹).

И в этом примере невыполнение плана может быть охарактеризовано как клучайное.

В обоих примерах обстоятельства, создавшие объективную невозможность выполнения плана, принадлежат к явлениям стихийного характера. Освобождение от ответственности, однако, не вытекает из УЖД.

Законодатель, исходя из определенных потребностей, может устанавливать более или менее жесткую ответственность за нарушение обязательства, предусматривать примерный или исчерпывающий перечень фактических обстоятельств, с которыми связывается освобождение от ответственности, но не должен провозглашать (и по нашему мнению, не провозглашает) правила, признающего должника, нарушившего обязательство, виновным в о в с е х с л у ч а я х независимо от сопутствовавших каждому случаю неисполнения конкретных условий, за исключениями, устанавливаемыми им самим. Такое правило противоречило бы задаче установления объективной истины по спорам и вынесения обоснованных решений по ним, не соответствовало бы также воспитательной функции советского права. Субъективное отношение должника к его неправомерному поведению и противоправным результатам (существующее объективно независимо от оценки суда или арбитража) вы я в л я е т с я судом, арбитражем или третейским судом на основе исследования всех

8 Заказ № 1046

обстоятельств по каждому конкретному делу. Если бы действительно законодатель заранее устанавливал, что во всех случаях неисполнения обязательства должник виновен, за исключениями, указанными в правовой норме, применение норм об ответственности сводилось бы лишь к установлению отсутствия предусмотренных в норме права обстоятельств, а должник был бы лишен права доказывать свою невиновность. Такой формализм чужд советскому праву и практике его применения.

Формулируя эти положения, мы исходим из того, что только гипотетически законодатель способен установить такой исчерпывающий перечень обстоятельств, исключающих вину лица, нарушившего обязательство, когда бы в практике не могло возникнуть каких-либо случаев, лежащих за пределами этого перечня. Практически создание такого перечня едва ли возможно в силу богатства и разнообразия тех динамических условий и форм, в которых протекает деятельность людей и их коллективов по исполнению обязательств. Следовательно, имеется вероятность возникновения обстоятельств, не содержащихся в перечне, но свидетельствующих о невиновности должника.

Необходимо отметить, что перечисленные в ст.ст. 145—146 УЖД (182—183 УЖД 1954 г.) обстоятельства служат основаниями освобожде ния от ответственности не сами по себе, а лишь постольку, поскольку исполнение стало объективно невозможным. «Вина—не только личная, субъективная, но и строго конкретная вина, вина в конкретном правонарушении» 10). Юридически значимая оценка поведения конкретного должника, нарушившего обязательство, как виновного может быть дана только правоприменяющим органом на основе закона, руководствуясь правилами социалистического общежития, при учете конкретной обстановки совершенного действия.

Устав 1964 г. сохранил способ закрепления принципа ответственности за невыполнение плана и в основном содержание обстоятельств, с которыми связывается освобождение от ответственности11). Следовательно, принцип ответственности не только за вину, но и за случайное невыполнение плана действует и в настоящее время и, как можно судить по арбитражной практике, допускаемые исключительные случаи освобождения от ответственности, выходящие за пределы ст.ст. 145—146 УЖД, не могут служить основанием для вывода, что принцип ответственности «независимо от вины» не действует. По нашему мнению, для этого не может служить основанием и тот факт, что ответственность возлагается, как правило, за виновное невыполнение плана. Ответственность за случайное невыполнение действительно встречается редко. Однако объясняется это не тем, что органы арбитража исходят из принципа вины, а тем, что фактические обстоятельства, с которыми связано невыполнение плана, позволяют только в редких случаях характеризовать поведение стороны, не выполнившей план перевозок, как невиновное. Но вывол о принципе ответственности нельзя делать исходя из того, возлагается ли на практике обязанность возмещения чаще при наличии вины или когда вина отсутствует. Ни у кого не вызывает сомнения, что ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. установлена независимо от вины, хотя практически случайное причинение и ответственность без вины встречаются довольно редко¹²).

Ответственность за нарушение обязательства (причинение вреда) независимо от вины характеризуется как повышенная. Должна ли быть сохранена повышенная ответственность за невыполнение плана перевозок в дальнейшем? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить цель введения такой ответственности, какие она выполняет функции. Отметим, что обоснованию ее уделено в специальной литературе недостаточно внимания¹³).

Обосновывая такую ответственность, обычно исходят из огромного народнохозяйственного значения плана перевозок, от четкого выполнения которого зависит выполнение плановых заданий другими предприятиями и организациями, и из того, что ответственность за невиновное невыполнение (за случай) также может выполнять стимулирующую функцию. Так, К. К. Яичков отмечает, что ответственность за невыполнение плана перевозок независимо от вины является закономерным решением столь важного для народного хозяйства вопроса¹⁴). «Тем самым стороны побуждаются к более тщательному и заботливому выполнению лежащих на них обязанностей, что соответствует интересам государства»¹⁵).

Поскольку повышенная ответственность означает, что неисполнившая сторона несет ответственность как за вину, так и за субъективно случайное нарушение обязательства, нельзя не признать эти положения правильными. Но необходимо подчеркнуть, что таким образом можно обосновать только ответственность за вину, а не без вины. Этот вывод вытекает из утверждений, что повышенная ответственность побуждает к более тщательному и заботливому выполнению обязанностей (в), мобилизует внимание к безупречному выполнению государственного задания (в). Но недостаточно тщательное и заботливое выполнение обязанностей, как и упречное отношение к выполнению государственного задания, есть ничто иное как виновное поведение, к изменению которого стимулирует ответственность по принципу вины (в).

Признание отправителя или железной дороги невиновными в невыполнении плана перевозок означает, имея в виду широкое понимание вины социалистических организаций, что использованы все имевшиеся в данном конкретном случае возможности для надлежащего исполнения обязательства. Поэтому взыскание при этих условиях штрафа не может побуждать к более заботливому, внимательному отношению к выполнению планового задания (использованы все имевшиеся возможности).

Правильно, на наш взгляд, пишет И. С. Самощенко, что ответственность за объективно противоправное деяние исключает цель исправления и перевоспитания нарушителя¹⁹. «Раз деяние не зависит от воли лица, значит нельзя ставить ему в упрек его деяние, осуждать его или стараться переделать его сознание и волю»²⁰. Р. О. Халфина также подчеркивает, что воспитательная роль санкций может выполняться «...лишь если их применение основывается на общем принципе гражданскоправовой ответственности—принципе вины»²¹.

Правильная оценка роли повышенной ответственности, ее «возможностей» имеет значение для определения средств ликвидации фактов виновного, а также случайного нарушения обязательств. Поскольку причины первых коренятся в сознании людей, то юридическая ответственность, как средство государственно-принудительного воздействия, может способствовать его переделке. Пути же преодоления субъективно случайных нарушений должны быть другими, учитывая, что их причины не коренятся в сознании.

При объяснении повышенной ответственности за невыполнение плана перевозок К.Ф. Егоров правильно подчеркивает, что обязательство, порождаемое планом, обеспечивает начальную стадию грузоперевозочного процесса, от его надлежащего исполнения зависит выполнение плана перевозок в целом. «Поэтому, учитывая огромную народнохозяйственную важность плана грузовых перевозок, нельзя поставить его выполнение под угрозу наступления «случайных» обстоятельств»²². Признавая стимулирующее значение повышенной ответственности, К.Ф. Ерогов, однако, по справедливому замечанию А. Л. Маяковского, не показал механизм

воздействия повышенной ответственности²³, что имеет важное значение в плане реализации на практике мер по ликвидации фактов.

На пути выяснения стимулирующей направленности повышенной ответственности за невыполнение плана перевозок значительный шаг сделали М. Н. Николаева²⁴ и А. Л. Маковский²⁵. Оба автора исходят из общих теоретических положений, обосновывающих повышенную гражданскую ответственность, разработанных советскими учеными (р. С. Антимонов, Е. А.Флейшиц, О. С. Иоффе и др.), удачно раскрывая механизм воздействия повышенной ответственности в сфере общественных отношений, порождаемых планом перевозок грузов.

Стимулирующее значение повышенной ответственности, как отмечают упомянутые авторы, состоит в создании побудительных мотивов к отысканию и внедрению на основе изучения практики новых мероприятий, направленных на предотвращение обстоятельств, обусловливающих невыполнение обязательств. Такое обоснование следует признать убедительным. Однако само по себе признание вообще стимулирующей роли повышенной ответственности еще не может служить доводом в пользу ее введения (сохранения) независимо от специфики конкретных общественных отношений. В противном случае можно было бы ссылаясь на это общее положение стремиться расширить применение повышенной ответственности. Однако развитие нашего гражданского законодательства не свидетельствует об этом. Закрепление по данным общественным отношениям повышенной ответственности должно быть научно обосновано, должно учитывать ближайшие перспективные возможности ликвидации определенных обстоятельств, объективно препятствуюших нормальному развитию данных общественных отношений. Лишь при этом условии повышенная ответственность сможет выполнить не только восстановительную, но и стимулирующую функцию²⁶. Это условие не является единственным.

Как правильно отметил А. Л. Маковский, повышенная ответственность «...должна касаться лишь тех отношений, где действительно имеется значительный риск случайного неисполнения обязательства. Если подобный риск настолько мало вероятен, что не поддается учету и изучению, или вообще отсутствует, то установление повышенной ответственности теряет всякий смысл»²⁷,

Изучение практики рассмотрения споров, связанных с невыполнением плана железнодорожных перевозок грузов, показывает, что это нарушение, как правило, могло быть предотвращено соответствующей стороной. Но в некоторых случаях невыполнение плана не может быть поставлено в вину данному субъекту²⁸.

Практике известны отдельные факты невыполнения плана перевозок вследствие, например, невозможности промораживания смерзающегося груза (песок строительный и др.) из-за недостаточно низкой температуры наружного воздуха в районе погрузки, позднего созревания урожая. Эти и подобные им явления встречаются в качестве причин невыполнения плана перевозок относительно редко, что несомненно затрудняет на данном этапе развития науки и техники выявление и определение закономерностей их возникновения, а, следовательно, предвидение и принятие мер по предотвращению самих явлений и их вредных последствий. Поэтому возложение ответственности в приведенных выше и им аналогичных случаях не выполняет стимулирующей функции. Взыскание штрафа является лишь источником покрытия возможных убытков у понесшей их стороны.

Санкция невыполнения плана перевозок заключается в уплате одной стороной в пользу другой установленного штрафа, носящего характер исключительной неустойки.

Эта мера государственно-принудительного воздействия выполняет в первую очередь штрафную функцию²⁹, являясь важным средством борьбы за надлежащее выполнение обязательства и соблюдение хозяйственной дисциплины, однако лишь в случаях виновного неисполнения обязательства. При взыскании штрафа за случайное нарушение плана перевозок достигается лишь возмещение убытков (если они возникли у другой стороны).

По нашему глубокому убеждению принцип ответственности за невыполнение плана перевозок, а также ее содержание нуждаются в коренном пересмотре.

На сентябрьском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС указывалось на необходимость повышения ответственности транспорта; в частности, за своепременный вывоз продикции, который в новых условиях планирования и экономического стимулирования производства приобретает исключительно большое значение. В соответствии с решениями Пленума это требование получило нормативое закрепление в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 октября 1965 г. 30.

Как показано выше, ответственность за невиновное нарушение плана перевозок выполняет лишь правовосстановительную функцию, причем в ограниченных пределах, поскольку размер штрафа незначителен.

Несмотря на огромное народнохозяйственное значение выполнения плана перевозок, точное исполнения обязательства, вытекающего из него, как предпосылки дальнейшего движения перевозочных отношений, ответственность должна строиться с обязательным учетом субъективного момента ³¹. Это не будет означать ослабления охраны перевозочных отношений и ответственности за их нарушение.

Практически основная масса случаев невыполнения плана перевозок происходит по обстоятельствам, которые могут быть поставлены в вину адресатам планового задания или третьим лицам, с которыми они связаны соответствующими правоотношениями. Это объясняется тем, что поставленные перед социалистическими организациями задачи обеспечиваются необходимыми материально-техническими средствами, правильное использование которых, а следовательно, и выполнение своих обязательств перед другими лицами зависит, как правилю, от субъективных моментов: от правильного планирования, умелой организации и др. В новых условиях хозяйствования, создаваемых экономической реформой, еще больше гарантируется создание необходимых объективных факторов успешной реализации плановых заданий. Возрастает роль правильного и умелого чепользования объективных условий в целях лостижения оптимальных экономических результатов, то есть значительно возрастает роль субъективного фактора в успешном осуществлении хозяйственной леятельности и на этой основе — надлежащем исполнении обязательств, инициативы руководства и всего коллектива предприятия научного предвидения, умелого маневрирования. Стимулировать развитие этих необходимых качеств может ответственность только за виновное нарушение обязательств.

При решении проблемы взаимной ответственности социалистических предприятий по обязательствам необходимо иметь в виду, что в новых экономических условиях ее стимулирующая роль может проявляться как в отношении всего коллектива предприятия, так и в отношении отдельного работника. Поскольку раньше предприятие предельно ограничивалось в распоряжении своими денежными доходами, а оплата труда отдельного работника не ставилась в зависимость от общих результатов деятельности производственного коллектива, то воздействие уплачиваемых санкций на предприятие было незначительным, а отдельный работник не проявлял должного интереса к уменьшению доходов предприятия вследствие уплаты санкций. Теперь, когда штрафы, пеня и неустойка, как и

возмещение убытков, отражаясь на размере прибыли предприятия, одновременно уменьшают фонды материального поощрения и социально-культурных мероприятий и жилищного строительства, отношение всего коллектива и отдельного работника к имущественным санкциям резко меняется. Имущественные санкции смогут выполнять воспитательную функцию не только в отношении предприятия в целом, но и в отношении каждого работника, при условии, что они применяются за плохую работу предприятия, за недостатки, в которых можно упрекнуть коллектив или отдельные звенья предприятия. В этом случае материальный рычаг приводит в действие инициативу, выдумку, порождает заинтересованность в устранении недостатков в работе.

Но если упрекнуть коллектив в невыполнении обязательства нельзя, поскольку все необходимое и возможное было сделано, если принятие мер по устранению обязательств, препятствующих нормальному развитию данных общественных отношений на основе учета их повторяемости на данном этапе развития науки и техники оказывается невозможным, возложение ответственности на предприятие не обосновано. При этих условиях она не способна оказывать воспитательное воздействие ни на коллектив, ни на отдельных его членов и может применяться лишь в целях обеспечения восстановления нарушенного права.

Наиболее целесообразно установить общее правило, что железная дорога и грузоотправители несут ответственность за невыполнение плана перевозок, если не докажут, что не могли предотвратить обстоятельства, вызвавшие невозможность исполнения, и устранение этих обстоятельств, а равно последствий, связанных с ними, от них не зависело, Наряду с общим правилом должен быть дан примерный перечень обстоятельств, с которыми связывается освобождение от ответственности, представляющий собой обобщение наиболее часто встречающихся причин невиновного невыполнения плана перевозок.

Предлагая установить ответственность по принципу вины, необходимо вместе с тем подчеркнуть, что сторона, не выполнившая план, должна нести ответственность не только за свою собственную вину, но и за вину третьих лиц³²), с которыми она связана обязательственными или иными правовыми отношениями. Так, если грузоотправитель не использует вагоны по той причине, что его контрагент по договору поставки, переведенный на аккредитивную форму расчетов, не выставил аккредитив, или в связи с тем, что получатель продукции не справляется с переработкой сырья и потребовал прекратить его отгрузку на некоторое время, то отправитель не должен освобождаться от уплаты санкций.

В равной мере нельзя допускать освобождение железной дороги от ответственности на том основании, что непредоставление вагонов вызвано задержкой их другими грузополучателями. Освобождение неисполнившей стороны в этих и аналогичных случаях от ответственности не только ослабляло бы дисциплину и заботливость о выполнении государственного плана, но могло бы привести к безответственности за срыв планового задания: предъявление каких-либо требований к третьему лицу невозможно ввиду того, что оно не состоит в правовых связях с управомоченным субъектом обязательства. Часто было бы трудно определить даже личность ответчика, например, если несколько третьих лиц, являясь контрагентами стороны, не выполнившей план, нарушили свои обязанности перед ней.

Наше законодательство, проводя принцип ответственности должника за собственную вину, устанавливает в некоторых случаях ответственность за так называемую чужую вину, вину третьих лиц. Это закреплено в ст. 38 Основ, ст. 223 ГК РСФСР.

В указанных статьях, однако, имеется в виду ответственность за вину третьего лица, не являющегося субъектом обязательства, исполн-

нение которого на него возложено. Невыполнение плана перевозок отправителем может явиться следствием невыполнения соответствующих действий организацией, которой, например, планодержателем поручено совершать отгрузку. В этом случае ответственность возлагается на ту организацию, которой установлен план перевозок.

Нарушение плана перевозок может быть следствием неисполнения (ненадлежащего исполнения) третьими лицами их обязанностей по другим правоотношениям, связывающим их с субъектами обязательства, возникающего из плана перевозок³³). Ответственность за вину третьих лиц в этих случаях не охватывается ст. 38 Основ, что не исключало бы, однако, возможности привлекать к ответственности сторону, не выполнившую план. Вместе с тем было бы желательно такое правило включить в Устав железных дорог наряду с общей нормой об ответственности за невыполнение плана по принципу вины.

Ответственность за вину третьих лиц представляет собой в известном смысле исключение из принципа ответственности за вину, но в конечном счете ответственность за виновное неисполнение. Поэтому, если доказана невиновность как должника, так и третьего лица, ответственность не должна наступать.

Мы разделяем мнение, оценивающее возложение ответственности на должника за вину третьих лиц, как юридико-технический прием осуществления ответственности по принципу вины, позволяющий в конечном итоге, переложить невыгодные последствия нарушения обязательства на виновного субъекта³⁴).

Установление в законе наряду с общим принципом ответственности за вину также примерного перечня обстоятельств, могущих служить фактическими основаниями освобождения от ответственности за нарушение обязательства, имеет положительное значение. Наличие такого перечня облегчает практическое применение общего принципа, получающего в примерном перечне известную конкретизацию.

Целесообразно предусмотреть и перечень обстоятельств, при наличии которых отправитель и железная дорога могут быть освобождены от ответственности за невыполнение плана перевозок. За основу может быть принят перечень ст. ст. 145—146 УЖД, но в него нужно внести некоторые изменения.

Пункт «а » ст. 145, содержащий указание на стихийные явления, как основание освобождения от ответственности грузоотправителя, должен быть сформулирован шире, аналогично п. «а» ст. 146. Следовало бы указать, что грузоотправитель освобождается от уплаты штрафа за невыполнение плана по причине явлений стихийного характера, в частности, заносов, наводнения, пожара, вследствие которых было невозможно предъявление груза или производство погрузочно-разгрузочных работ.

Из п. «а» ст. 145 следует выделить в самостоятельный пункт фразу, в которой говорится об аварии на предприятии. Это необходимо в целях исключения представления, что освобождает от ответственности лишь авария, наступившая вследствие явлений стихийного характера. Было бы желательно уточнить и самое правило, указав, что освобождение от ответственности возможно по причине аварии на предприятии, вследствие которой прекращен выпуск готовой продукции, подлежащей отгрузке, либо аварии на погрузочной площадке, вызвавшей невозможность выполнения грузовых работ. Продолжительность аварийного состояния на погрузочной площадке не должна иметь значение; важно, что это обстоятельство обусловило невыполнение перевозок.

Сторона, ссылающаяся на то или иное обстоятельство, как на основание освобождения от ответственности, должна доказать наличие

самого этого факта и причинную обусловленность невозможности выполнения плана доказанным фактом³⁵).

Ответственность за невыполнение плана перевозок установлена в виде исключительной неустойки. Имея в виду незначительные размеры штрафа (существовавшие до 1 января 1968 г. 36) по сравнению с убытками. которые порой несут промышленные предприятия из-за несвоевременного вывоза продукции, представители промышленности утверждали. что транспорт не несет ответственность за непредоставление перевозочных средств. Так, «экономическая газета» писала: «По мнению заводских работников, существующая односторонняя ответственность в производственных отношениях между промышленностью и транспортом — явление ненормальное...транспортные организации за срыв отгрузки продукции, подачу грузов «пачками»... никакой ответственности не несут³⁷. Несмотря на известное преувеличение действительности, это утверждение в принципе отражало соотношение между размерами ответственности транспорта перед промышленными предприятиями за несвоевременный вывоз продукции и ответственности последних за несвоевременную поставку.

Начальник транспортного отдела Министерства автомобильной промышленности СССР А Петраш в той же газете, критикует систему ответственности транспорта, приводит яркий пример, показывающий явную несоразмерность уплачиваемых поставщиками санкций за несвоевременную поставку и взыскиваемых санкций с железной дороги. Управление Белорусской железной дороги недодало Минскому мотовелозаводу 207 вагонов. За недопоставку завод уплатил штраф 41 тыс. руб. Штраф с дороги за недоданные вагоны составляет 1035 руб. 38).

Убытки, причиняемые непредоставлением перевозочных средств, выражаются не только в разнице между уплачиваемыми и взыскиваемыми санкциями. Несвоевременный вывоз продукции приводит к простоям на производстве³⁹), к скоплению на складах готовой продукции на значительные суммы⁴⁰) (замораживание оборотных средств).

Нельзя признать нормальным установление по взаимно связанным между собой обязательствам санкций, которые находятся в резком несоответствии по принципам исчисления и размерам Именно такое резкое несоответствие существует между санкциями, уплачиваемыми поставщиками за несвоевременную поставку и взыскиваемыми с железных дорог за несвоевременный вывоз продукции, что видно из следующих данных.

Исходя из средней цены одной тонны перевозимого груза 193,5 руб. (по данным одних экономистов) и 165 руб. (по данным других⁴¹) неустойка, уплачиваемая за недопоставку, составляет::

стоимость 1 т. груза	193, 5 p.	165 p.
при просрочке не свыше 10 дне		
минимальная неустойка за недопостан	вку	
1 т. продукции ⁴²) (2%)	3р.87к	3р.30к∙
максимальная неустойка за недопоставку		
1 т. продукции 4,5%	8р. 70к.	7р. 42к.
при просрочке свыше 10 дней		
минимальная неустойка ⁴²) (5%)	9р. 67к. 23р. 21к.	8р. 25к.
максимальная неустойка (12%)	23р. 21к.	19р. 80к.

Неустойка за недопоставку одной тонны продукции составляет (исходя из средней цены) от 3р. 30 коп. до 23р. 21 коп. Штраф, уплачиваемый дорогой, составляет по грузам, перевозки которых планируются в тоннах и вагонах, 1 руб с тонны, а по грузам, планируемым только в вагонах, — 15 руб. за учетный вагон. Таким образом, в среднем штраф, уплачиваемый железными дорогами, значительно меньше штрафа, установленного за недопоставку. Указанный разрыв в размере неустойки по-

рождает возникновение убытков у предприятий — грузоотправителей.

Проведение в жизнь начал полного хозрасчета предполагает такое построение экономических отношений между социалистическими предприятиями, при котором убытки, возникшие в результате ненадлежащего осуществления хозяйственной деятельности, должно нести то предприятие, по вине которого они возникли в его собственной хозяйственной сфере. или в сфере других предприятий, юридически с ним связанных Переложение убытков с виновного хозоргана на невиновный противоречит принципу хозрасчета.

Штраф за невыполнение плана перевозок, как форму ответственности, необходимо сохранить, но целесообразно придать ему характер зачетной неустойки, предусмотрев взыскание убытков, не покрываемых штрафом. Такое предложение вносилось⁴³) еще до проведения хозяйственной реформы, высказывается и в настоящее время⁴⁴).

за нарушения месячного плана грузовых перевозок применяется в некоторых случаях за объективно противоправные деяния (Общая теория социалистическото права, вып. 2. Свердловск, 1964. стр. 193.

1) См.: С. С. Алексеев. Гражданская ответственность за

плана железнодорожной перевозки грузов. М., Госюриздат, 1959, стр. 130—131.

5) С. С. Алексеев. Там же, стр. 131.

6) С. С. Алексеев. Там же, стр. 136.

7) См.: Новое в гражданском и гражданско-процессуальном законодательстве

Союза ССР и союзных республик (Труды научной сессии ВИЮН). М., 1962, стр.

Примерно такую же точку зрения высказал М. С. Орданский: «Если невыполнение плана не обусловлено указанными в Уставе причинами, Устав исходит из предположения, что это может иметь место лишь в результате непринятия со стороны отправителя или железной дороги тех или иных мер» (М. С. Орданский. Основания гражданскоправовой ответственности за невыполнение обязательств, вытекающих из государственного плана железнодорожных перевозок груза. «Правоведение», 1962, № 2, стр. 142). Исходя из этого, автор признавал перечень обстоятельств, указанных в ст. ст. 182—183 УЖД 1954 г., исчерпывающим и одновременно утверждал, что ответственность за невыполнение плана может наступить только при наличии вины отправителя или железной дороги (см.: Там же, а также Ответственность за невыполнение плана перевозок. «Сосветская юстиция», 1961, № 24, стр. 18). В другой работе автор высказался за необходимость «распространить» принцип ответственности за вину на обязательства, выгекающие из плана перевозок (см.: М. С. Орданский. Гражданскоправовые обязательства, возникающие из месячного плана перевозок грузов железнодорожным транспортом и ответственность за их невыполнение. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1963, стр. 16.

 ⁸) Дело Кемеровского Госарбитража № 2/485,
 ⁹) Дело Ленгоргосарбитража № 5914-II, 1961 1965.

10) И. С. Самощенко. Понятие правонарушения по советскому законода-тельству. М., Изд-во «Юридическая литература», 1963. стр. 137.

11) Ср. ст. ст. 182, 183 УЖД 1954 г. и ст. ст. 145, 146 УЖД 1964 г. 12) См.: О. А. Красавчиков. Возмещение вреда, причиненного источником

повышенной опасности. Изд-во «Юридическая литература», 1966, стр. 133.

¹⁾ См.: В. Н. Изволенский. Правовые вопросы железнодорожных пере оветского трансшения правовые вопросы железнодорожных пере возок. Трансжелдориздат, 1955, стр. 28; М. А. Тарасов. Правовое регулиро вание перевозок грузов в контейнерах. Вопросы советского транспортного права М., Госюриздат, 1957, стр. 244; К. К. Яичков. Договор железнодорожной перевозки грузов по советскому праву. Изд. АН СССР, 1958, стр. 82; М. К. Александровь до въдольник. Договоры советского транспортного права. Автореферат докторской диссертации. М., 1963, стр. 15; Б. Л. Хаскельберг. Условия оснобождения от материальной ответственности за невыполнение плана железно-дорожных перевозок грузов. Труды Томского гссуниверситета. Т. 156, Томск. 1961, стр. 32; М. А. Тарасов. Договор перевозки. Изд-во Ростовского-на-Дону госуниверситета, 1965, стр. 79; Е. М. Яковлева. Ответственность за несвоевременное исполнение и неисполнение плановых обязательств. Душанбе, 1962, ременное исполнение и неисполнение плановых обязательств. Душанбе, 1962, стр. 170. Нет оснований утверждать, что новый Устав не дает исчерпывающего перечня оснований для освобождения грузоотправителей от ответственности. См.: И. И. Рукосуев. Некоторые вопросы ответственности по новому Уставу железных дорог. «Советское государство и право», 1964, № 10, стр. 67.

2) См.: С. С. Алексев. Гражданская ответственность за невыполнение плана железнодорожной перевозки грузов. Госюриздат, 1959, стр. 123—130.

3) В более поздней работе С. С. Алексев прямо пишет, что ответственность за исмушением мосящением.

13) Это подчеркивает и А. Л. Маковский, в работе которого высказаны интересные соображения о повышенной ответственности транспорта по обязательству перевозки. См.: А. Л. Маковский. Обоснованиях ответственности за невыполнение государственного плана морских перевозок, за простои морских судов и просрочку в доставке грузов морским путем. Ученые записки ВИЮН, вып. 9, М., Го-сюриздат, 1959, стр. 166—184.

- скому праву, стр. 82.

 15) К. К. Яичков. Там же, стр. 82—83. См. также: М. А. Тарасов. Договор перевозки, стр. 78; Ю. Х. Джавад, А. К. Жудро, П. Д. Самойлов и ч. Морское право. «Транспорт», 1964, стр. 140—141.

16) См.: К. К. Яичков. Договор железнодорожной перевозки грузов по со-

ветскому праву стр. 82—83.

17) См.: М. А. Тарасов. Договор перевозки, стр. 78.

18) При обосновании повышенной ответственности по советскому гражданскому праву отдельные ученые считают, что такая ответственность может наступать. если того требуют интересы социалистического государства и трудящихся (см.: Г. К. Матвеев. Вина в советском гражданском праве. Издво Кневского госуниверситета, 1955, стр. 112; Советское гражданское право, т. 1, под ред. проф. В. А. Рясенцева. Изд-во «Юридическая литература», 1965, стр. 526). Такая ссылка слишком обща и не раскрывает специфики различных общественных отношений и подлинной необходимости в целях обеспечения их нормального развития введения повышенной ответственности.

19) См.: Общая теория советского права, под ред. С. Н. Братуся и И. С. Са-

мощенко. Изд-во «Юридическая литература», 1966, стр. 433—434.

20) Там же, стр. 434. И. С. Самощенко считает, однако, что можно говорить о воспитательном значении повышенной ответственности в плане воспитания максимальной осторожности и осмотрительности субъектов общественных отношений, в которых допускается ответственность без вины (см.: там же). Стимулирую-щую роль в этом плане, на наш взгляд, выполняет ответственность по прин-ципу вины. Ответственность же за случай эту функцию не может выполнять хотя бы потому, что она должна быть применена и тогда, когда проявлена максимальная осторожность и осмотрительность, но данное общественное отношение нарушено.

²¹) Р. О. Халфина. Правовое регулирование поставки продукции в народном хозяйстве. Изд-во АН СССР, 1963, стр. 251; М. Г. Масевич пишет, что, когда совершение определенных действий не зависит от воли должника, ответственность как средство понуждения «теряет смысл» (см.: М. Γ . Масевич.

Договор поставни и его роль в укреплении хозрасчета. Алма-Ата, 1964, стр. 293; См. также стр. 275).

22) К. Ф. Егоров. Гражданскоправовая ответственность за невыполнение плана грузовых перевозок. Автореферат кандидатской лиссертации. Л., 1955. стр. 12. ²³) См.: А. Л 1959, стр. 175.

Л. Маковский. Указ. соч. Ученые записки ВИЮН, вып. 9,

²⁴) См.: М. Н. Николаева. Ответственность органов транспорта за невыполнение государственного плана перевозок грузов по внутренним водным путям. Ученые записки ВИЮН, вып. 7, М., Госюриздат, 1958, стр. 201—202.

25) См.: А. Л. Маковский. Указ. соч. Ученые записки ВИЮН, вып. 9, 1959, стр. 166—184.

26) Учет этого условия не является необходимым, если ставится лишь цель

- восстановления нарушенного права.
- 27) А. Л. Маковский. Указ. соч. Ученые записки ВИЮН, вып. 9, 1959,

182—183. ²⁸) Об этом свидетельствуют приведенные выше и другие примеры из

битражной практики.

29) Такого же мнения С. С. Алексеев. См.: Гражданская ответственность за невыполнение плана железнодорожной перевозки грузов, стр. 138-139, 141. Ср. Его же. Общая теория социалистического п 1964. стр. 193. ³³°) СП СССР 1965 г., № 19—20, стр. 153. права. Вып. 2. Свердловск,

31) А. Л. Маковский признал целесообразным построить ответственность трузоотправтелей за невыполнение плана перевозок строго по принципу вины (см.: Указ. соч., Ученые записки ВИЮН, вып. 9, М., Госюриздат, 1959, стр. 183). Мы полагаем, что принцип ответственности не должен быть разным грузоотправителей и перевозчика. Исходя из того, что штраф должен выполнять воспитательную роль, М. Е. Ходунов тоже считает, что ответственность за невыполнение плана должна быть установлена по принципу вины (см.: М. Е. Ходунов. Правовое регулирование деятельности транспорта. Изд-во «Юридическая литература», 1965, стр. 50. См. также Т. Е. Абова. Рецензия на работу М. Е. Ходунова. «Советское государство и право», 1966. № 9, стр. 152). 32) Такого же мнения М. Е. Ходунов. См. Правовое регулирование дея-

тельности транспорта. стр. 50.

 Аналогичное положение создается при исполнении других обязательств. например, поставки, когда неисполнение поставщиком договора вызвано нарушением его поставщиками своих обязательств по отношению к нему. См.: Е. А. Флейшиц. Общие начала ответственности по Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. В кн.: «Новое в гражданском и гражданско-процессуальном законодательстве Союза ССР и союзных республик». М., 1962, стр. 35—36. Содержавшаяся в проекте Основ гражданского законодательства ст. 42, в которой предусматривалась ответственность поставщика за неисполнение в срок обязательства, если неисполнение вызвано нарушением его поставшиками своих обязательств по отношению к нему, не стала законом. Со стороны ученых юристов и практических работников это вызвало различную оценку. См там же, стр. 35—36, 112—114, 144—146, 172—173, 213—214.

34) См.: «Советское гражданское право», т. І, под ред. проф. В. А. Рясенцева, 1965, стр. 525—526. См. там и литературу вопроса.

35) Принятие предложения об установлении ответственности за невыполнение плана перевозок по принципу вины должно псвлечь пересмотр нормы, предусматривающей ответственность за недопоставку в пределах утвержденных планов перевозок. По действующему праву принципы ответственности (независимо от вины) за недопоставку по причине непредоставления перевозочных средств и за неподачу перевозочных средств согласованы. При введении ответственности за невыполнение плана перевозок по принципу вины необходимо будет установить, что за недопоставку ответственность исключается, если поставщик докажет невиновность транспортной организации, не подавшей перевозоч-

ных средств. Трудно согласиться с М. Г. Масевич, считающей, что поставщик виноват в том, что ему предоставляется недостаточное количество перевозочных средств» (М. Г. Масевич. Договор поставки и его роль в укреплении хозрасчета, Алма-Ата, 1964, стр. 295); См. Е. А. Флейшиц. Общие начала ответственности по Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. «Советское государство и право», 1962, № 3, стр. 41; Е. М. Яковлева. Ответственность за несвоевременное исполнение и неиспол-

нение плановых обязательств, Душанбе, 1962, стр. 104-106.

36) СП СССР 1967 г. № 26 стр. 186. 37) «Экономическая газета», 1967, № 1, стр. 7. 38) «Экономическая газета», 1966, № 51. Несоразмерность неустойки за недопоставку и штрафа за недодачу перевозочных средств отмечают также М. Браганский (Усовершенствование системы штрафных санкций в хозяйственных договорах. «Радянске право», 1965, № 6, стр. 63, на укр. яз.); Ф. Рабинович (Хозяйственный договор — инструмент социалистического планирования. «Коммунист», 1965, № 14, стр. 69).

39) «Экономическая газета» (1967, № 1) сообщала, что в 1966 г. на Воскресенском химкомбинате за два летних месяца несколько цехов простояли в общей

сложности семь суток. Комбинат недодал почти 15000 тонн удобрений.

40) См.: «Известия», 1965, 15 октября, № 244 (Заметка: «Цена транспоргных неурядиц»); «Экономическая газета», 1966, № 30; «Гудок», 4 декабря 1965 г., неурядиц»); «Экономическая газета», 1900, № 30, «тудок», чаделарую 286 (заметка: «Сахар под открытым небом»).

41) См.: Г. К. Наумов, Г. В. Ферапонтов и др. Экономика грузового хозяйства железных дорог. «Транспорт», М., 1965, стр. 53.

42) Исключая сельскохозяйственную продукцию.

43) См.: М. Н. Николаева. Ответственность органов транспорта за невы-

полнение государственного плана перевозок грузов по внутренним водным путям. Ученые записки ВИЮН, вып. 7, 1958, стр. 185.

44) См.: Т. Абова. Повысить ответственность органов железнодорожного транспорта за несвоевременный вывоз с предприятий продукции. «Советская юстиция», 1966. № 7, стр. 5.

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. В. КУЙБЫШЕВА.

Труды, том 199 1968 г.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ОБЪЕДИНЕНИЙ «СЕЛЬХОЗТЕХНИКА» ПО ДОГОВОРАМ ПОСТАВКИ

в. м. чернов

Последние два года внесли много нового в гражданскоправовое регулирование имущественных отношений сельскохозяйственных предприятий и организаций. Это относится ко всем сферам их деятельности: производственному снабжению, сбыту продукции, кредитованию, обслуживанию и т. п.

Й это, конечно, не случайно: осуществление решений мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, направленных на подъем сельскохозяй ственного производства путем укрепления экономики каждого хозяйства, усиления материальной заинтересованности тружеников в результатах их труда, с необходимостью требует укрепления хозяйственного расчета колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий и организаций, их самостоятельности. А это влечет за собой оживления гражданскоправового законодательства и вместє с тем, усиление его влияния на сельскохозяйственное производство.

В сфере материально-технического снабжения новые нормативные акты значительно усилили роль гражданскоправового договора в организации отношений между хозяйствами и объединениями «Сельхозтехника», что обеспечивает более полное выражение интересов хозяйств, гарантирует их от необоснованного вмешательства вышестоящих органов в решение вопросов снабжения. Много внимания также улелено совершенствованию отношений по планированию, организации товаро проводящей сети и т. п.

В соответствии с Постановлением Совста Министров от 28 июля 1965 г. № 588 «Об улучшении работы Всесоюзного Объединения «Сельхозтехника» по материально-техническому обеспечению сельского хо-яйства»¹), начиная с 1966 г., снабжение сельскохозяйственных предприятий и организаций основными видами материально-технических средств (тракторы, автомашины, сельскохозяйственные машины, удобрения и т. п.) осуществляется на основе годовых договоров, заключаемых хозяйствами с обслуживающими их объединениями «Сельхозтехника» на основе планов распределения.

Это обстоятельство само по себе означало значительный шаг в разрешении давно назревшей проблемы перехода от разовых договоров купли-продажи к применению договора поставки как формы, посредствующей устойчивые связи по снабжению. Но значение указанного Постановления состоит еще и в том, что проведение его в жизнь потребовало дальнейшего нормативного решения ряда вопросов, связанных с заключением и исполнением данных договоров, а также с обеспечением обязательств, вытекающих из них.

Последнему вопросу посвящено Постановлениє Совета Министроь СССР от 23 июня 1966 г. № 471 «Об утверждении Положения об имущественной ответственности объединений «Сельхозтехника», а также колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий и организаций за нарушение обязательств по заказам на сельскохозяйственную технику и иные материально-технические средства»²). С его изданием договорные отношения хозяйств по производственному снабжению приобрели необходимую четкость и определенность, так как на протяжении некоторого времени действия договоров ответственности сторон установлено не было.

Поскольку договоры, заключаемые хозяйствами в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 28 июля 1965 г. являются по своей юридической природе договорами поставки, это обстоятельство обусловило сходство Положения об имущественной ответственности с соответствующим разделом Положения о поставках продукции материально-технического назначения³). Однако имеется и ряд существенных особенностей, вызываемых условиями сельскохозяйственного производства, системой органов управления и снабжения данной отрасли и т. п.

В дальнейшем изложении этим вопросам и будет уделено основное внимание.

Согласно статье 2 Положения об имущественной ответственности за нарушение обязательств, вытекающих из договоров, стороны несут ответственность, установленную Положением. Отсюда следует, во-первых, что стороны не могут своим соглашением ни изменить размеров ответственности, ни устранить ее применения. В данном случае стороны не вправе не только ограничивать размер ответственности, что является общим правилом, сформулированным в статье 36 Основ гражданского законодательства СССР и союзных республик⁴), но и повышать его. Во-вторых, стороны не вправе включать в договоры условий о санкциях, не указанных в Положении об имущественной ответственности. На первый взгляд может показаться, что в рассматриваемом нами договоре стороны более ограничены в правах по сравнению с правами промышленных предприятий, так как пункт 81 Положения о поставках продукции разрешает последним устанавливать в договоре имущественную ответственность за нарушение условий, не предусмотренных Положением, но признаваемых ими существенными.

По нашему мнению, смысл данной нормы Положевия об имущественной ответственности заключается не в ограничении прав сторон, а в охране интересов сельскохозяйственных предприятий и организаций: при ином решении данного вопроса объединения «Ссльхозтехника» имели бы реальную возможность, пользуясь своим моногольным положением снабжающего органа, добиваться «согласия» хозяйств и на освобождение поставщика от ответственности, и на усиление ответственности хозяйств за нарушение их обязательств перед объединениями.

Сходное положение имеет место в отношениях по перевозкам, где организации-отправители и получатели грузов находятся в определенной зависимости от транспортных организаций, и право, учитывая данное обстоятельство, не допускает соглашения сторон относительно повышения установленных видов ответственности, а также введсния дополнительных санкций⁵).

Из содержания статьи 2 Положения об имущественной ответственности следует и еще один вывод: меры ответственности, установленные иными нормативными актами, регулирующими отношения по поставкам продукции, на участников данного вида договоров не распространяются.

Как известно, в отношениях по поставкам, урегулированным Поло-

жениями о поставках продукции и товаров, меры ответственности содержатся не только в соответствующих Гіоложениях, но и других нормативных актах (постановления Правительства по конкретным вопросам, особые условия поставки и т. п.). Следует признать, что в той части данные нормативные акты не распространяются на отношения между объединениями «Сельхозтехника» и сельскохозяйственными организациями по производственному снабжению.

Для установления такого правила есть достаточные основания. во-первых, указанные акты, хотя это специально и не оговаривалось, не рассчитывались на применение их сельскохозяйственными организа циями: до 1966 г. институт поставки в производственном снабжении сельского хозяйства не применялся; во-вторых, имеется определенная необходимость упростить регулирование отношений с участием сельско-хозяйственных предприятий и организаций: перенос безо всякого ограничения широко разработанного законодательства о поставках продукции в данную область вместо чегкой регламентации отношений привел бы к прямо противоположному результату.

Конечно, и сейчас, и в дальнейшем некоторые вопросы могут разрешаться одинаково, однако творческая переработка норм о поставках продукции с целью приспособить их к особенностям сельскохозяйственного производства необходима.

Однако, данный способ защиты интересов сторон имеет и существенный недостаток, для устранения которого требуется дальнейшее совершенствование законодательства об ответственности.

Уже сейчас, когда Положение об имущественной ответственности еще фактически не применялось, выясняется, что ряд обязанностей сторон, имеющих существенное значение в деле организации снабжения и установленных Инструкцией «О порядке принятия заказов и исполнения объединениями «Сельхозтехника» колхозами, совхозами и другими сельскохозяйственными предприятиями и организациями обязательств по заказам на сельскохозяйственную технику и другие материально-технические средства», утвержденной Всесоюзным объединением «Союзсельхозтехника» и Министерством сельского хозяйства СССР по согласованию с Госарбитражем при Совете Министров СССР от 18—21 июля 1966 г.6), не снабжен санкциями, так как последствия их нарушения не упомянуты в Положении.

Так, например, в нем ничего не говорится о нарушении условия договора о способе исполнения. Если поставщик в нарушение условия договора о транзитной поставке предложит хозяйству выбрать продукцию со склада, условия договора будут нарушены, а у покупателя могут возникнуть дополнительные расходы, т. е. убытки.

В той же Инструкции указывается на обязанность объединения «Сельхозтехника» уведомлять хозяйство о выдаче заводу-изготовителю отгрузочной разнарядки на поставку транзитом в 10-дневный срок послее ее отсылки (п. 14), а в Положении также не указывается о последствиях ее нарушения. Такие обязанности следует рассматривать в качестве обычных условий договора: они предусмотрены нормами права, специально рассчитанными на регулирование данных отношений, и отсутствие всяких санкций на случай их нарушения сводит на нет их юридический характер.

Кроме того, не исключена возможность, что стороны, учитывая местные особенности, включают в договор какое-нибудь существенное для них условие. Каждая из сторон вправе рассчитывать на соответствующее поведение другой стороны, и нарушение условия может повлечь за собой возникновение убытков. Собственно, такие ситуации уже встречаются.

Уфимский химзавод отгрузил Курагинскому районному сбъединению «Сельхозтехника» гербициды в стальных бочках. В установленный

особыми условиями поставки срок объединение тару не возвратило, в связи с чем к нему был предъявлен иск на сумму 1510 руб. В отзыве ответчик ссылался на то, что большая часть тары находится з хозяйствах района, которые, несмотря на требование объединения, своевременно ее не возвратили. Решением госарбитража при Красноярском крайисполкоме иск был удовлетворен в полном объеме за счет объединения⁷).

В настоящее время в подобном случае хозяйство не может быть привлечено ни к непосредственной ответственности перед отправителем, ни к регрессной — перед объединением по той причине, что Положением об имущественной ответственности санкции за несвоевременный возврат тары не предусмотрены. Ничего, собственно, не изменится, если стороны в договоре прямо оговорят обязанность по возврату тары

Конечно, такое положение не может не вызывать возражения, так как оно сильно затрудняет упорядочение отношений, весьма важных

для народного хозяйства.

Наиболее целесообразным решением представляется включение в Положение об имущественной ответственности правила о том, что в случае нарушения обязанностей, предусмотренных в договоре или нормативном акте, обязательном для обеих сторон, но не обеспеченных неустойкой, потерпевшая сторона вправе взыскивать убытки в полном объеме.

Необходимость в таком дополнении возникает в силу того, что в настоящее время обязанности, упомянутые в Положении, снабжены и штрафной (неустойка) и общей санкцией (взыскание убытков), а другие — вообще не обеспечены никакими мерами принуждения.

Если законодатель не счел необходимым обеспечить ряд обязанностей неустойкой, то отсюда не вытекает необходимости в лишении их и общей санкции, являющейся непременным элементом каждого обязательства — возможности взыскания убытков.

В отношении условий применения мер ответственности в Положении никаких указаний не содержится. Отсюда следует сделать вывод, что на данный вид договоров распространяется общее правило об отнетственности за вину, предусмотренное статьей 37 Основ гражданского законодательства. То обстоятельство, что в Положении не упоминается о вине, как условии ответственности, нельзи рассматривать как установление иного, являющегося исключением из общего Такое исключение должно быть прямо оговорено в законе, как сделано, например, в статье 34 Положения о порядке заключения исполнения договоров контрактации сельскохозяйственной продукции. Однако, подчеркивая это обстоятельство, следует указать, цип ответственности за вину не исключает возможности привлечения к ответственности за действия третьих лиц, которые повлекли невыполнение контрагентом своих обязанностей по договору. Например, единение «Сельхозтехника», допустившее просрочку поставки, не может ссылаться на неисправность своих поставщиков для освобождения от ответственности перед хозяйством, если оно не располагает доказательствами их невиновности. Оно должно нести ответственность перед хозяйством с тем, чтобы затем переложить убытки на действительного виновника.

Допустимость возложения ответственности за чужую вину предусмотрена статьей 38 Основ Гражданского законодательства, а ее целесообразность — устойчивой арбитражной практикой. Иное решение вопроса в ряде случаев привело бы к фактической незащищенности интересов потерпевшей стороны, которой очень трудно найти действительного виновника нарушения обязательства, гогда как должнику, допустившему нарушение, хорошо известно, чьими именно действиями данное нарушение вызвано. Не может, по нашему мнению, служить оправданием для неисправной стороны ссылка на распоряжение своей вышестоящей организации. Хотя в этом случае регрессный порядок возмещения убытков для ответчика не всегда возможен, привлечение к ответственности неисправного контрагента вызывается необходимостью компенсировать потерпевшей стороне убытки за счет ухудшения показателей отчетности того органа, распоряжение которого вызвало нарушение договора, так как ответчик входит в его систему⁸).

Меры ответственности, предусмотренные Положением, представляют собой большей частью неустойку в процентном отношении от стоимости продукции или неуплаченной суммы и т. п. Размеры неустойки за конкретные виды нарушений в основном аналогичны тем которые предусмотрены Положением о поставках продукции. Однако ответственность уплатой неустойки не ограничивается: потерпевшая сторона вправе требовать также возмещения понесенных убытков в части, не покрытой уплаченной неустойкой, а в случаях поставки недоброкачественной и некомплектной продукции — и сверх неустойки. Иными словами, Положение закрепляет принцип полного возмещения убытков. Однако, как показала практика применения Положения о поставках продукции, в котором содержится аналогичное правило, в подобном закреплении принципа полного возмещения убытков имеется и недостаток: предприятия очень редко могут воспользоваться своим правом на возмещение убытков из-за трудности доказывания их обусловленности данным правонарушением. Это обстоятельство неоднократно отмечалось в литературе⁹).

В связи с этим высказывалось предложение об упрощении порядка взыскания убытков путем взыскания одновременно с неустойкой определенной суммы для покрытия предполагаемых расходов¹⁰). Данное предложение представляется неприемлемым из-за того, что оно не решает проблемы: во-первых, нет никаких объективных критериев спределения будущих убытков каких-либо нарушений договора, так как убытки могут быть различными, а во-вторых, все равно осталась бы проблема доказывания причинной связи, иначе полученную сумму нужно было бы возвратить.

Целесообразнее пойти по пути увеличения размеров неустойки, так как по существу в настоящее время неустойка выполняет и воспитательную и компенсационную функцию. Особенно это касается рассматриваемых нами договоров поставки между объединениями «Сельхозтехника» и хозяйствами. Убытки, вызванные нарушением условий договора, из-за сезонности сельскохозяйственного производства и больших разрывов во времени между моментами приложения труда и получением продукции могут проявиться спустя значительное время, так что доказать их причинную связь с правонарушением будет чрезвычайно затруднительно, принимая во внимание современный уровень учета в сельскохозяйственных организациях

Установление повышенных размеров санкций способствовало бы более полному возмещению убытков потерпевших организаций, а также в условиях, когда штрафы, выплачиваемые предприятиями, непосредственно отражаются на размере фондов, поступающих в распоряжение коллективов, будет содействовать сокращению случаев нарушения договорной дисциплины. Это прежде всего касается нарушения таких существенных условий договора, как количество, качество и комплектность продукции, нарушение которых не только ущемляет интересы контрагентов, но и причиняет вред всему народному хозяйству.

Ряд мер, установленных за нарушение условий договора, может быть охарактеризован как оперативные санкции. Их характерной особенностью является возможность применения непосредственно стороной, чьи интересы нарушены, без обращения в суд или арбитраж. В основном

такие санкции применяются за нарушение обязательств по расчетам. К ним следует отнести возможность обратного взыскания излишне уплаченных сумм в безакцептном порядке, если переплата вызвана нарушением поставщиком условий договора, перевод хозяйства, допустившего задолженность по расчетам свыше 15 дней на предварительную оплату продукции, а также отказ от акцепта и принятия продукции. Эти меры направлены на предотвращение появления убытков стороны или (при возврате сумм) на возмещение причиненного убытка и установлены на случай конкретных правонарушений.

То обстоятельство, что они могут применяться независимо от вины неисправной стороны, не может быть использовано в качестве довода против признания данных мер гражданскоправовыми сапкциями, так как никто не отрицает, что ответственность за нарушение денежных обязательств может наступать и без вины контрагента, хотя об этом в законе прямо ничего не говорится.

Переходя к ответственности за конкретные виды нарушения договоров, прежде всего необходимс отметить несколько иное построение санкций за недопоставку по сравнению с тем, как это предусмотрено Положением о поставках продукции. Согласно статье 3 Положения об имущественной ответственности объединение «Сельхозтехника» в случае неотгрузки (невыдачи) хозяйству продукции в обусловленный срок выплачивает пеню в размере 0,2% от стоимости непоставленной продукции за каждый день просрочки, но не свыше 10 дней. По истечении этого срока к начисленной пени прибавляется неустойка — 3% от той же суммы, с которой начислялась пеня.

Таким образом, «ступенчатое» построение санкции позволяет учитывать не только такой объективный фактор, как стоимость продукции, но и самое важное — величину просрочки, допущенную должником. Это, несомненно, усиливает стимулирующее воздействие на поведение должника. Следует отметить, что срок начисления псни явно мал: для того, чтобы санкция в полной мере отражала субъективный момент — величину просрочки, этот срок следовало бы увеличить по крайней мере вдвое.

С уплатой санкций обязанность поставщика поставить продукцию не прекращается: стороны должны согласовать новый срок поставки. По нашему мнению, в этом случае недопоставленная продукция должна включаться в общее количество продукции, подлежащее поставке в этом периоде, и учитываться при исчислении санкции, если и в этом периоде также будет допущена недопоставка. Такое «наложение» санкций будет способствовать усилению заинтересованности должника в реальном исполнении своей обязанности, несмотря на просрочку. Если же решить вопрос по иному!!), то объединение «Сельхозтехника», по существу, не будет заинтересовано в восполнении недопоставки, а условие о новом сроке окажется не обеспеченным никакими санкциями.

Какие сроки должны приниматься во внимание при исчислении санкций? Положение об имущественной ответственности ответа на данный вопрос не содержит. Если обратиться к договорам, то в них в настоящее время указываются лишь квартальные сроки, соответствующие содержащимся в плановых документах (фондовых разнарядках и планах распределения продукции по хозяйствам). Однако нет никаких препятствий к тому, чтобы стороны могли указывать месячные сроки. Но если месячные сроки исполнения не указаны, то нет никаких оснований исчислять санкции, исходя из правила о ежемесячной поставке равными партиями, как это предусмотрено в Положении о поставках продукции, так как в отношении данных договоров подобного правила не предусмотрено, а во-вторых, это в ряде случаев не выполнено, так как нередко количество машин, подлежащих поставке в квартал, исчисляется единицами. Как, например, можно соблюсти правило о равномерной ежемесячной поставке, если в квартал намечено поставить, скажем, 2 трактора? Следовательно, при наличии в договоре квартальных сроков санкции должны применяться по результатам поставки за квартал. Если же установлены месячные сроки, что является более целесообразным, так как придает договору большую определенность, то они и должны приниматься во внимание.

Обязанность поставщика по восполнению недопоставки отпадает лишь в двух случаях: по окончании хозяйственного года и вследствие отказа покупателя от принятия просроченной продукции.

По истечении года прекращают свое действие плановые акты, вступают в действие новые планы распределения продукции и в этих условиях исполнение договора в натуре становится объективно невозможным. Объединение «Сельхозтехника» в этом случае несет обязанность лишь по выплате неустойки и возмещению убытков, вызванных недопоставкой. Отказ хозяйства от принятия просроченной продукции является для поставщика безусловным, оспаривать его, ссылаясь на мотивы хозяйства, он не может. Следует лишь определить порядок и сроки отказа, так как в настоящее время никаких указаний по данному вопросу не имеется.

Следовало бы установить по аналогии с Положением о поставках продукции, что отказ действителен, если он заявлен до полученил поставщиком уведомления об отказе, а при складском снабжении — до получения покупателем извещения поставщика о готовности продукции к сдаче.

Практически важным является вопрос об ответственности объединений «Сельхозтехника» за недопоставку, вызванную изменениями в планах распределения продукции. Потребности в таких изменениях могут возникать по различным причинам как в масштабах всей страны, так и в пределах области, района и т. п. Конечно, речь идет о таких видах материально-технических средств, потребности хозяйств в которых удовлетворяются еще не полностью (тракторы, автомашины, удобрения и т. п.). Подобный случай предусмотрен пунктом 23 Инструкции о порядке принятия и исполнения заказов, в котором указывается, что при изменении плана распределения продукции по хозяйствам объединение «Сельхозтехника» обязано в письменном виде сообщить хозяйству о несбходимых коррективах договора. Если последнее в 10-дневный срок после получения планового сообщения не представит своих возражений, следует считать, что оно согласилось с предлагаемыми изменениями. В противном случае спор выносится на разрешение Госарбитража, а при участии колхоза или межколхозной организации — суда.

Отсюда следует, что само по себе изменение плана не влечет за собой автоматического изменения договора, поскольку спор рассматривается судом или арбитражем, и вполне возможны случаи, когда возражения хозяйств будут признаны основательными, и прежний договор сохранит свое действие, несмотря на изменение планового акта.

Такой вывод возможен в силу особого соотношения плана и договора в рассматриваемых нами отношениях. Акты распределения фондов, производимого объединениями «Сельхозтехника» и органами управления сельского хозяйства, не имеют двустороннего обязательного характера: количество продукции, указываемое в договоре, определяется потребностями хозяйств (п. 7 Инструкции о порядке принятия и исполнения заказов). Хозяйство вправе не включать в договор те виды материальнотехнических средств, которые хотя и выделены ему по плану, но приобретение их по каким-либо причинам не в интересах хозяйства. Следовательно, договор может быть заключен и на меньшее, (а при соблюдении некоторых условий) и на большее количество продукции, чем указано в плане распределения.

Отсюда и неполная зависимость договора от планового акта. Если вышестоящее объединение «Сельхозтехника» уменьшило району (или

области) фонд на недефицитные виды материально-технических средств, то прежние договоры остаются в силе и не подлежат изменению, а в случае неисполнения объединение-поставщик будет нести ответственность за недопоставку.

Если же изменен план распределения на те виды техники и материалов, фонды на которые не удовлетворяют полностью потребностей хозяйств, то договоры в изложенном выше порядке должны быть изменены. Если такого изменения не произошло, ответственность за недопоставку наступает, хотя бы она явилась результатом изменения плана.

Ответственность объединений «Сельхозтехника» за нарушение условий о качестве и комплектности продукции определена статьями 4, 5, 6, 8, 11, 13 и 14 Положения об имущественной ответственности и зависит в основном от характера нарушения.

Если поставленная продукция не соответствует требованиям стандартов, технических условий и т. п. и недостатки качества таковы, что не могут быть устранены в хозяйстве, то хозяйство вправе: а) отказаться от принятия и оплаты продукции, а если она оплачена, то потребовать установленном порядке возврата уплаченных сумм; б) требовать уплаты штрафа в размере 15% от суммы недоброкачественной продукции; в) сверх уплаченного штрафа требовать возмещения убытков, вызванных данным нарушением договора (расходы по возврату и т. п.).

Кроме того, недоброкачественная продукция не засчитывается в счет исполнения договора и, следовательно, объединение может быть вдобавок привлечено к ответственности за недопоставку, если в соответствующий сдаточный срок не заменит продукцию доброкачественной.

Несколько не ясен вопрос с порядком возврата уплаченных за недоброкачественную продукцию сумм. Согласно п. 16 Постановления Совета Министров СССР от 22 августа 1963 г. № 902 «О дальнейшем улучшении порядка заключения договора на поставку товаров народного потребления торговым предприятиям и организациям» (суммы, уплаченные за продукцию, оказавшуюся недоброкачественной, подлежат возврату в безакцептном порядке, если соответствующее платежное требование будет предъявлено в банк в течение 5 дней после составления в установленные сроки акта о ненадлежащем качестве (3).

Но данное Постановление не распространяется на отношения поставкам продукции между объединениями «Сельхозтехника» и сельскохозяйственными предприятиями. В статье 12 Положения об имущественной ответственности содержится правило о безакцептном возврате сумм, излишне уплаченных хозяйством в связи с нарушением поставщиком условий договора. Но, по нашему мнению, и оно не подлежит применению в данном случае, так как в нем речь идет о возврате излишне уплаченной, а не всей суммы, и, кроме того, платежное требование должно быть выставлено в 10-дневный срок после получения продукции, а этот период как раз равен времени, установленному для приемки по качеству.

Следовательно, под «установленным порядком» следует понимать правило, предусмотренное п. 32 Постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 21 августа 1954 г. № 1789 «О роли и задачах Государственного Банка СССР»¹⁴), согласно которому получатель вправе выставлять платежное требование на списание уплаченных сум в безакцептном порядке в течение 10 дней с момента прибытия товара и 5 дней с момента составления акта. Но как уже отмечалось выше, подобное правило слишком не эффективно, так как этот срок совпадает со сроками качественной приемки, а времени на оформление документов фактически не остается.

Наиболее целесообразным является порядок возврата, предусмотренный Постановлением Совета Министров СССР от 22 августа 1963 г. и поэтому его следовало бы распространить и на данный вид договоров.

При наличии в продукции производственных дефектов, устранимых на месте, хозяйство не вправе отказаться от оплаты и принятия продукции. Оно может устранить дефекты своими силами (но за счет объединения «Сельхозтехника») или потребовать от последнего устранения недостатков в согласованный срок. В любом случае с объединения взыскивается еще и штраф в размере 200% суммы расходов по устранению недостатков, но не свыше 15% от стоимости продукции. Если поставщик в согласованный срок не устранил недостатков, то хозяйство вправе взыскать с него штраф в размере 15% от стоимости продукции (ст. 7 Положения об имущественной ответственности). Следовало бы в этом случае также оговорить право хозяйства на возврат сумм, уплаченных за эту продукцию. Эта мера способствовала бы быстрейшему исполнению поставщиком своей обязанности.

В Положении особо не выделяются случаи выхода из строя машин в период гарантийного срока. По нашему мнению, эти случаи (если, конечно, поломка не вызвана неправильной эксплуатацией или хранепием) могут быть сведены к одному из перечисленных со всеми вытекающими отсюда последствиями. Иными словами, выход из строя машин в период гарантийного срока должен рассматриваться как случай поставки недоброкачественной продукции; следовательно, и ответственность поставщика не должна ограничиваться бесплатным ремонтом, как это зачастую имеет место в настоящее время.

Наличие недостатков конструктивного характера считается нарушением условия о качестве лишь в том случае, если они обнаружены в продукции, поставляемой впервые (ст. 6 Положения). По нашему мнению, это должно означать впервые для данного хозяйства, а не впервые в стране, так как практике известны случаи серийного выпуска продукции с конструктивными недостатками. Но то обстоятельство, что с этими недостатками мирились другие потребители, не должно лишать прав данного хозяйства. При обнаружении конструктивных недостатков хозяйство вправе потребовать от поставщика устранения их в кратчайший технически возможный срок. При неустранении дефектов в согласованный срок хозяйство вправе возвратить продукцию, потребовать возврага уплаченных за нее сумм, а также уплаты неустойки в сумме 3% от стоимости продукции.

При этом применение перечисленных санкций не ставится в отличие от п. 61 Положения о поставках продукции в зависимость от технической невозможности усгранения недостатков, что не может не вызывать сомнений: если недостатки технически устранимы, излишние перевозки продукции представляют собой ущерб для всего народного хозяйства, независимо от того, на кого будут возложены расходы. Поэтому следовало бы установить следующее правило: при неустранении недостатков в обусловленный срок хозяйство вправе потребовать взыскания неустойки и возврата сумм, уплаченных за продукцию, которая должна оставаться в хозяйстве до устранения дефектов или выявления технической невозможности этого. В последнем случае она возвращается за счет поставщика.

Статья 11 Положения об имущественной ответственности предусматривает последствия поставки продукции низшего сорта, чем указано в сопровождающем документе. В этом случае хозяйство вправе принять продукцию и оплатить ее по действительной цене или отказаться от принятия и оплаты (а если продукция уже оплачена — получить назгд уплаченные суммы).

В любом случае поставщик выплачивает штраф в размере 200% ог суммы уценки, но не более 15% стоимости продукции. По нашему мнению, данная статья должна применяться и в тех случаях, когда по условиям договора поставщик не лишен права поставлять продукцию пониженной сортности. Последствия поставки продукции низшего сорта, чем

было обусловлено в договоре Положением об имущественной ответственности, не предусмотрена, но, по нашему мнению, в этом случае может быть применена ч. IV статьи 47 Основ гражданского законодательства. В данном случае мы исходим из того, что Основы гражданского законодательства как акг высшей юридической силы не может быть ограничен в применении подзаконным актом. Нет никаких оснований сводить ситуацию, предусмотренную статьей 11 Положения об имущественной ответственности к нарушению требований маркировки продукции, так как за ненадлежащую маркировку предусмотрена самостоятельная санкция.

При нарушении условия о комплектности продукции хозяйство-

покупатель в силу статьи 5 Положения имеет право:

а) отказаться от оплаты продукции (а если юна оплачена — потребовать возврата уплаченных сумм);

б) потребовать замены некомплектной продукции или ее доукомп-

лектования в кратчайший технически возможный срок;

в) взыскать штраф в сумме 15% от стоимости продукции и кроме

штрафа — убытки в полном объеме.

При недоукомплектовании продукции в обусловленный срок она подлежит возврату поставщику. При этом мы исходим из широкого понимания комплектности: условие о комплектности будет нарушено не только в том случае, если будут недопоставлены узлы и части одной машины или оборудования, но и тогда, когда будут недопоставлены самостоятельные машины, входящие в единый комплекс, предусмотренный каталогами-справочниками для механизации работ по возделыванию какой-либо культуры и т. п. (конечно, при условии, если хозяйство заказало весь комплекс машин). В этом случае, хотя каждая машина пли приспособление является самостоятельным объектом и может использоваться хозяйством, такое использование даст меньший эффект по сравнению с применением всего набора, позволяющего полностью механизировать цикл работ.

Особо предусмотрен случай, когда недостатки комплектности могут быть устранены на месте. При этом условии хозяйство вправе устранить недостатки своими силами, но за счет объединения «Сельхозтехника» или потребовать от него устранения дефектов в согласованный срок. Кроме расходов, поставщик выплачивает штраф в 200% от суммы расходов, но не свыше 15% от стоимости продукции (ст. 8 Положения об имущественной ответственности).

Нетрудно заметить, что при весьма различных последствиях солержание статей 5 и 8 Положения в некоторой части совпадает: если поставщик доукомплектовывает продукцию существенными деталями, это охватывается и статьей 5 и статьей 8, так как недостатки комплектности устраняются на месте. Поэтому возможны споры о том, какая статья в этом случае подлежит применению. По нашему мнению, статья 8 должна применяться только в том случае, если недостатки устранимы силами и средствами хозяйства без разукомплектования других используемых в хозяйстве машин, приспособлений и т. п.

В тех случаях, когда продукция с нарушением требований качества или комплектности была отгружена хозяйству транзитом, соответствующие требования предъявляются непосредственно к отправителям через объединение «Сельхозтехника» в порядке, установленном Инструкцией Госарбитража при Совете Министров СССР от 25 апреля 1966 г. Слеловательно, при складском снабжении ответственность перед хозяйствем несет соответствующее объединение «Сельхозтехника», которое, конечно, обладает правом регресса к предприятию-изготовителю. При неудовлетворении претензии хозяйство вправе предъявить иск, привлекая в качестве воответчиков и изготовителя, и поставщика — объединение «Сельхозтехника». Но даже в том случае, если расчеты между хозяйством и изготовителем (отправителем) велись с участием объеди-

нения, все требования должны быть удовлетворены с изготовителя (разумеется, при отсутствии вины поставщика). Изготовитель обязан уплатить хозяйству штраф, возместить убытки, а также возвратить сто-имость продукции и транзитную наценку. Хотя последняя выплачивалась не изготовителю, а объединению «Сельхозтехника», нет смысла в том, чтобы ее взыскивать с последнего, так как объединение вправе рассматривать возвращенную наценку как неполученную прибыль и тут же требовать ее с изготовителя. Чтобы не осложнять расчеты, целесообразнее взыскать с изготовителя и сумму транзитной наценки, а полученную объединением «Сельхозтехника» оставить у него.

В свою очередь хозяйство-покупатель несет ответственность за соблюдение условий о принятии и оплате продукции.

Если позволяют транспортные условия и транзитные нормы, продукция должна отгружаться в адрес хозяйств транзитом. Данное условие должно быть оговорено при заключении договора. При нарушении условия о транзитной доставке объединением «Сельхозтехника», т. е. при требовании выбрать продукцию со склада, хозяйство обязано исполнить данное требование, но объединение лишается права на взыскание складской наценки (пункт 29 Инструкция о порядке принятия и исполнения заказов).

По нашему мнению, хозяйство в этом случае должно иметь также и право на возмещение убытков, т. е. дополнительных расходов и т. п., вызванных данным нарушением. Например, вывозка со складов должна будет производиться на большее расстояние, чем с железнодорожной станции. В этом случае объединение должно возвратить разницу в стоимости перевозки.

Если же транзитная отгрузка не предусмотрена, хозяйство обязано выбирать продукцию со склада объединения «Сельхозтехника» в 10дневный срок с момента получения извещения о готовности продукции к сдаче. При невыборке в этот срок хозяйство выплачивает неустойку в размере 3% от стоимости продукции. Речь в данном случае идет именно о выборке, т. е. о принятии продукции в счет исполнения договора. Такое принятие может быть произведено в двух формах: путем вывозки продукции со склада объединения «Сельхозтехника» с одновременной или последующей оплатой и путем предварительной оплаты. В последнем случае, хотя фактической выборки и не было, штраф применяться не может, так как хозяйство продемонстрировало свое намерение принять исполнение со стороны поставщика. Невывозка оплаченной продукции составляет самостоятельное нарушение договора, и хозяйство в качестве санкции за него уплачивает пеню в размере 0,1% стоимости продукции за каждый день хранения, начиная со дня оплаты и до дня фактической вывозки, но не свыше, чем за один месяц.

После истечения 10-дневного срока, в течение которого хозяйство должно выбирать продукцию, ему, несмотря на уплату штрафа, предоставляется новый 15-дневный срок, после чего объединение «Сельхозтехника» вправе реализовать продукцию другому хозяйству. Следовательно, обязанность хозяйства принять исполнение после допущенной им просрочки сохраняется лишь в течение указанного срока. Невыбранная продукция не присоединяется к продукции, подлежащей выборке в следующий частный срок исполнения договора.

Иначе решается вопрос, если продукция, не принятая хозяйством, не может быть реализована другим потребителем. В этом случае кроме взыскания штрафа за невыборку с хозяйства может быть взыскана полная стоимость продукции с выдачей ему сохранной расписки (статья 21 Положения).

По нашему мнению, правило данной статьи подлежит применению в том случае, если объединение «Сельхозтехника» докажет невозможность реализации невыбранной продукции хозяйствам своей зоны объединение своей сво

служивания: реализация продукции, требующая переотправку в зоны других объединений, может производиться лишь по комиссионному поручению хозяйства, то есть после оплаты и принятия продукции. За нарушение хозяйством своих обязанностей по оплате установлены следующие санкции:

а. За необоснованный отказ от акцепта. — в размере 3% от суммы платежа. Случаи, при которых хозяйство вправе отказаться от акцепта, являются общими для всех социалистических организаций: Инструкция Государственного Банка СССР от 28 мая 1960 г. № 2 распространяется на все категории социалистических организаций, участвующих в расчетах. Возражение вызывает лишь п. «г» статьи 18 этой Инструкции, согласно которому плательщик вправе отказаться от акцепта не только в случае недоброкачественности и некомплектности продукции, но и при ином несоответствии ее требованиям стандартов и т. п.

Сюда могут подходить случаи нарушения требований, относящихся к таре, способу упаковки, маркировки и т. п., так как эти требования содержатся в стандартах и технических условиях. Но за нарушение этих условий Положение об имущественной ответственности устанавливает самостоятельные санкции (штраф — 3% от стоимости продукции, поступившей с нарушениями требований тары, упаковки и маркировки). Поэтому нет надобности предоставлять хозяйствам в подобных случаях еще и права на отказ от оплаты (а, следовательно, и принятие) продукции. Характерно, что в п. 54 Положения о поставках продукции правило пункта «г» статьи 18 Инструкции № 2 не воспроизводится. Еще меньше оснований применять его в данных отношениях, так как хозяйства являются потребителями продукции.

б. Пеня за просрочку оплаты в размере 0,01% от суммы платежа за каждый день просрочки. Если хозяйство допустило просрочку в оплате более 15 дней, оно может быть переведено с акцептной формы расчетов на предварительную оплату, а в иногороднем обороте — на ак-

кредитивную форму расчетов.

День, в который продукция должна быть оплачена, зависит от формы расчетов. При акцептной форме счет поставщика должен быть оплачен на следующий день после истечения срока для акцепта (3 рабочих дня, а в одногороднем обороте — 2 дня после поступления счета). При предварительной оплате (в том числе и при аккредитивной форме расчетов) оплата должна быть произведена в 10-дневный срок после сообщения о готовности продукции к сдаче. По истечении этого срока (если хозяйство все-таки выберет продукцию) должна начисляться пеня.

в. Штраф за использование неоплаченной продукции, когда хозяйство отказалось от ее оплаты или было переведено бланком на режим ответственного хранения. В последнем случае штраф взыскивается в доход союзного бюджета и по существу является административным штрафом.

Согласно статье 20 Положения об имущественной ответственности эта же мера применяется при невыполнении хозяйством распоряжений поставщика о переотправке или выдаче продукции, принятой хозяйст-

вом на ответственное хранение в связи с отказом в оплате.

Представляет интерес вопрос о возможности применения данной санкции одновременно со штрафом за неосновательный отказ от акцепта. По нашему мнению, одновременное взыскание этих двух видов штрафа исключается не только потому, что в некоторых случаях хозяйство имело право отказаться от оплаты продукции, которую затем оно все-таки приняло и использовало, но, и это главное, неосновательный отказ от оплаты уже вошел в качестве составной части в данное нарушение договора, состоящее из отказа в оплате и последующего незаконного использования продукции.

Напротив, пеня за несвоевременную оплату должна взыскиваться и в этом случае.

В случае завышения цен или других нарушений условий договога со стороны поставшика, приведших к переплате, хозяйство имеет право на возврат излишне уплаченной суммы в упрощенном порядке. Для этого оно должно выставить платежное требование в течение 10 дней после получения продукции. Пропуск срока на безакцептное списание переплаты не лишает хозяйства права на возврат этой суммы в общеисковом порядке. При этом оно может требовать не только возврата излишне уплаченной суммы, но и проценты за ее использование в размере 5% годовых, что также является мерой ответственности¹⁵). Применение Положения об имущественной ответственности. несомненно. встретится с рядом трудностей, вызываемых хотя бы такой причиной, как отсутствие в сельском хозяйстве юридических кадров. Нельзя недоучитывать и многолетнюю практику администрирования и командования сельскохозяйственными организациями со стороны различных органов, в том числе и органов снабжения. Поэтому представляется совершенно необходимым условием правильного применения законодательства и дальнейшего совершенствования правового регулирования отношений по производственному обеспечению сельского хозяйства должное внимание к данной сфере договорных отношений со стороны судов и органов арбитража.

эние об имущественной ответственности.

3) В дальнейшем — Положение о поставках продукции.

4) В дальнейшем — Основы гражданского законодательства.

5) Например, статья 143 УЖД СССР 1964 г.

6) В дальнейшем — Инструкция о порядке принятия и исполнения заказов.

7) Дело № 6—17 за 1965 г.

8) В. К. Мамутов. Правовые отношения предприятий с вышестоящими хозяйственными органами. «Материалы к Всесоюзной научно-технической конференции «Проблемы научной организации управления социалистической промышленностью». М., 1966, стр. 45.

9) О. С. Иоффе. Ответственность по советскому гражданскому праву. Изд. ЛГУ, 1955, стр. 252; Б. С. Антимонов. Основания договорной ответственно-

сти социалистических организаций. Госюриздат, М., 1962, стр. 95.

10) М. Г. Масевич. Гражданскоправовая ответственность предприятий и ее эффективность. «Советское государство и право», 1965, № 8, стр. 86.

11) Например, в договорах контрактации повторное взыскание штрафа за несданную продукцию не допускается (ст. 39 Положения о порядке заключения и

исполнения договоров контрактации сельскохозяйственной продукции).

12) СП СССР 1963 г., № 17, ст. 176.

13) Сроки составления акта предусмотрены Инструкцией Госарбитража при Совете Министров СССР от 25 апреля 1966 г., № 11—7 (п. 6).

14) А. Ю. Кабалкин. Нормативные материалы по советскому граждан-

скому праву. «Юридическая литература», М., 1965 г., стр. 493.

15) Постановление Совета Министров СССР от 25 декабря 1963 г. «О мерах по улучшению расчетов в народном хозяйстве». СП СССР 1963 г., № 22, ст. 218.

СП СССР 1965 г., № 17, ст. 132.
 СП СССР 1966 г., № 12, ст. 118. В дальнейшем для краткости — Положение об имущественной ответственности.

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. В. КУЙБЫШЕВА.

Труды, том 199

1968 г

ВОПРОСЫ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ СУДУ ЖИЛИШНЫХ СПОРОВ

п. с. дружков

В соответствии со ст. 4 Основ гражданского судопроизволства Союза ССР и союзных республик!) жилищные споры, как вытекающие из гражданских правоотношений, обычно разрешаются в судебном порядке. Их разрешение в административном порядке осуществляется лишь в случаях, особо предусмотренных законом.

В административном порядке производится предоставление жилой площади (ст. 56 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик²). Например, Мельникова обратилась в суд с требованием обязать предприятие, в котором она работает, предоставить ей жилую площадь взамен занимаемой, поскольку ее квартира неудобна для проживания. Народный суд в приеме искового заявления отказал за неподведомственностью. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР подтвердила вывод народного судьи о неподведомственности спора³). Суды не могут разрешать указанные споры ввиду того, что отношения, возникающие между гражданами и местными Советами депутатов трудящихся по поводу предоставления жилых помещений, являются административно правовыми¹).

Судам подведомственны лишь такие споры о предоставлении жилой площади, которые основаны на гражданскоправовом обязательстве (п. 1 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по гражданским жилищным делам»⁵) Судебная подведомственность их складывается из нижеследующего.

Судом рассматриваются требования граждан о предоставлении жилой площади в случаях, когда они были временно переселены в другое помещение в связи с капитальным ремонтом, а впоследствии им было отказано в предоставлении прежнего помещения⁶).

Суд разрешает споры о предоставлении жилой площади в связи с применением постановления Совета Министров СССР от 15 декабря 1961 г.7). Например, Гущин обратился в суд с просьбой о предоставлении ему жилой площади в размере 54 кв. м, считая, что предоставленная местным Советом квартира в связи со сносом принадлежащего ему строения недостаточна. Дело рассматривалось неоднократно. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР, отменяя состоявшиеся постановления, указала, что, поскольку спор возник в связи с отводом земельного участка для государственных и общественных надобностей, Гущин в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 15 декабря 1961 г. вправе требовать через суд предоставления жилой площади по существующим нормам8).

Судам подведомственны иски граждан, основанные на гарантийных

письмах о предоставлении жилой площади, вытекающие из применения вышеуказанного постановления Совета Министров СССР. Последним предусматривается предоставление гражданам и членам их семей квартиры по существующим нормам при сносе строений, принадлежащих им на праве личной собственности. Названным постановлением жилая площадь по существующим нормам предоставляется также другим лицам, постоянно проживающим не менеє одного года в строениях, подлежащих сносу. Если предприятие (организация) не имеет возможности сразу предоставить гражданам соответствующее помещение, то оно вправе с согласия граждан выдать им гарантийное письмо, содержащее основанное на законе обязательство о предоставлении жилой площади. Поскольку такие иски основаны на гражданскоправовом обязательстве, они в соответствии со ст. 4 Основ подведомственны суду⁹).

Судом разрешаются иски нанимателей о предоставлении жилой площади в случае, когда ранее занимаемое ими помещение вследствие капитального ремонта более не существует, либо оно существенно уменьшено в размере. К такому выводу приводит толкование ст. 319 ГК РСФСР. При капитальном ремонте жилого помещения наймодатель обязуется по его окончании вселить нанимателя в ранее занимаемое им до ремонта жилое помещение. Поскольку наймодатель этой обязанности (вследствие переустройства и перепланировки жилого помещения) не выполнил, возникает обычный спор о праве гражданском, рассматриваемый в судебном порядке¹⁰).

Суд разбирает также иски о вселении на спорную жилую площадь. Подобные иски возможны, например, когда заинтересованное лицо не может занять помещение, принадлежащее ему по ордеру ввиду того, что оно кем-либо занято по основаниям, исключающим административное выселение. Поскольку такой иск предполагает разрешение спора о праве на помещение между ордеродержателем и фактическим владельцем жилой площади, его подведомственность суду не вызывает сомнений.

Наконец, суды рассматривают споры о предоставлении жилой площади, связанные с нарушением жилищных прав граждан. Шумилин проживал в ведомственном доме в г. Москве. Его жилая площадь примыкала к производственному корпусу фабрики «Ява». Поскольку фабрика оборудовала мощную вентиляционную установку, занимаемая Шумилиным жилая площадь из-за постоянного шума стала непригодной для проживания. Шумилин обратился в суд с просьбой либо ликвидировать шум, либо предоставить ему другую жилую площадь. Народный судья отказал ему в приеме искового заявления ввиду неподведомственности. Это определение было оставлено без изменения судебной коллегией погражданским делам Московского городского суда и президиумом того же суда. Отменив в порядке надзора все состоявшиеся постановления судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР в определении указала, что Шумилин просит не об улучшении его жилищных условий, а о восстановлении жилищных прав, нарушенных ответчиком!1).

Кроме споров о предоставлении жилых помещений, в административном порядке рассматриваются и другие жилищные споры.

По исполнительной надписи нотариуса при отсутствии спора между сторонами взыскивается задолженность по квартирной плате и приравненным к ней платежам, а также стоимость ущерба, причиненного нанимателем, владельцу жилого или нежилого помещения путем самовольного переоборудования помещения и т. п. 12).

В административном порядке производится выселение из домов, грозящих обвалом (ст. 63 Основ гражданского законодательства), а также лиц, самоуправно занявших жилые или нежилые помещения (ст. 338 ГК

РСФСР). Самоуправным признается занятие жилого или нежилого помещения без разрешения полномочных на то органов или лиц (владельца жилой площади, нанимателей жилого помещения и т. п.). Вместе с тем, если помещение занято на основании ненадлежаще оформленного разрешения правомочного органа, выселение возможно лишь в судебном порядке, поскольку, как правильно отметил Ю. К. Осипов, требование соблюдать установленный законом порядок предоставления жилой площади в пользование гражданам относится к жилищным органам, а не к лицам, которым предоставляется жилая площадь13). Леспромхоз предъявил в народный суд иск о выселении Зимаева с жилплощади, освобожденной съемщиком Ямщиковой, ссылаясь на занятие им жилой площади без согласия леспромхоза. Дело рассматривалось в разных судебных инстанциях. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР, отменяя все состоявшиеся по делу постановления, указала, что, поскольку Зимаев занял квартиру с согласия основного квартиросъемщика, его нельзя считать самоуправно вселившимся 14). Гіли другой пример. Вилковой жилая площадь была предоставлена местным комитетом без какого-либо участия администрации. При таких обстоятельствах прокурор совершенно правильно отказал администрации в санкции на выселение Вилковой из квартиры 15).

Согласно п. 12 инструкции Министерства коммунального хозяйства РСФСР от 9 января 1967 г. «О порядке обмена жилых помещений» самоуправным считается занятие помещения без обменных ордеров.

В административном порядке выселяются граждане из служебных жилых помещений в случае прекращения ими трудовых (ст. 339 ГК РСФСР16). Однако члены семьи умершего работника, которому было предоставлено служебное жилое помещение, и освобожденные от должности, в связи с которой им предоставлено жидое помещение, но не прекратившие трудовых отношений с организацией, предоставившей им это помещение, могут сыть выселены только в судебном порядке. Подведомственность споров о выселении из служебных жилых помещений в гражданских кодексах союзных республик установлена неединообразно. По ГК Литовской и Латвийской ССР круг лиц, в отношении которых действует судебный порядок выселения из служебных жилых помещений, несколько шире, поскольку ст. 363 ГК Литовской ССР предусматривает судебное выселение из указанных помещений также лиц, освобожденных от работы в связи с избранием на выборную должность в государственной, кооперативной или общественной организации, а ст. 356 ГК Латвийской ССР кроме того и лиц. переведенных на другую работу по решению директивных органов. По ГК Украинской ССР (ст. 321) и ГК Молдавской ССР (ст. 345), наоборот, круг лиц, в отношении которых применяется судебный порядок выселения из служебных жилых помещений, по сравнению с ГК РСФСР более узкий, так как названные кодексы предусматривают административный порядок выселения из таких помещений не только в случае прекращения трудовых отношений, но и при перемещении работника в той же организации на другую работу, не дающую права на пользование служебной квартирой.

В административном порядке производится выселение граждан из общежитий. Согласно ст. 340 ГК РСФСР в административном порядке из общежития выселяются: 1) сезонные и временные работники — в случае прекращения сезонной или временной работы, в связи с которой им предоставлено общежитие; 2) граждане, которым общежитие предоставлено государственной, кооперативной или общественной организацией в связи с трудовыми отношениями, — в случае увольнения по собственному желанию или за нарушение трудовой дисциплины, или за совершение преступления; 3) граждане, проживающие в общежитиях учебных заведений, — в случае выбытия из учебного заведения, пре-

доставившего им место в общежитии. Однако граждане, прекратившие трудовые отношения с организацией, предоставившей им место в общежитии, по иным, помимо перечисленных в п. 2 ст. 340 ГК РСФСР, основаниям, могут быть выселены из общежития лишь в судебном порядке. В отличие от гражданских кодексов других союзных республик, ГК Таджикской ССР (ст. 334) и ГК Казахской ССР (ст. 322) устанавливают административный порядок выселения из общежитий граждан, которым предоставлено общежитие в связи с грудовым договором (независимо от того, является ли работник временным, сезонным или постоянным) в случаях прекращения трудовых отношений по любым основаниям.

По закону (ч. II ст. 334 ГК РСФСР) ряд категорий граждан подлежит выселению из общежитий и служебных помещений только в судебном порядке. К ним относятся инвалиды войны, инвалиды труда I и II групп, пенсионеры по старости, персональные пенсионеры, семьи лиц, находящихся на службе в Вооруженных Силах СССР, а также семьи военнослужащих и партизан, погибших или пропавших без вести при защите СССР или при исполнении иных обязанностей военной службы. Судебный порядок выселения в указанных случаях гражданские кодексы Казахской, Украинской, Молдавской, Азербайджанской, Узбекской, Туркменской и Латвийской ССР в отличие от ГК РСФСР распространяют на сезонных и временных работников.

В административном порядке по основаниям, перечисленным в ст. 341 ГК РСФСР, осуществляется выселение граждан из гостиниц.

Определенный интерес представляет освещение вопросов судебной подведомственности жилищных споров, по которым в теории и практике нет единства.

В литературе является спорным вопрос о порядке аннулирования ордера, выданного исполкомом местного Совета депутатов трудящихся. Ряд авторов считают, что если помещение по ордеру чс занято, то эннулирование возможно исполкомом, выдавшим ордер:7). Иную точку зрения высказал Ю. Г. Басин¹⁸). Он полагает, что аннулирование ордера во всех случаях должно осуществляться судом. Все участники спора при определении подведомственности этих исков правильно исходят из характера правоотношения. Однако, если Ю. Г. Басин момент возникновения гражданского правоотношения обусловливает выдачей ордера. то авторы другой точки зрения — вселением в квартиру и заключением договора жилищного найма. По мнению И. Л. Брауде и др., административный акт наделяет ордеродержателя лишь правом требсвать заключения договора, а квартира предоставляется уже по договору. В. С. Мартемьянов указывает на 10-дневный срок действия ордера. С точки зрения Ю. Г. Басина, с момента выдачи ордера между домоуправлением и ордеродержателем возникает обязательственное отношение по передаче уже предоставленной квартиры. Он ссылается также на последовательно проводимую Верховным Судом СССР практику судебного признания ордеров недействительными, на нормативные акты, в которых ордер рассматривается как единственный документ на занятие квартиры, на сложность этих дел, требующих квалифицированного знания законодательства от лиц их разрешающих, на то, что исполком местного Совета депутатов трудящихся может оказаться стороной, заинтересованной в исходе спора.

Позиция Ю. Г. Басина кажется убедительной. Согласно ст. 56 Основ гражданского законодательства право на жилую площадь сформляется ордером. В той же статье Основ гражданского законодательства отмечено, что договором жилищного найма оформляется пользование жилым помещением. Отсюда вытекает, что ордер создает субъективное гражданское право на занятие жилого помещения. Заключение же договора жилищного найма образует весь ком-

плекс жилишных прав и обязанностей нанимателя. В условиях еще острой нужды в жилье точка зрения о различном порядке аннулирования ордеров до вселения и после него выглядит нежизненной. В процессе оформления прав на получение ордера проводится тщательная проверка действительной нуждаемости гражданина в жилье. Предоставление гражданину ордера означает, во-первых, приобретение им весьма щественного субъективного права и, во-вторых, несвоевременное занятие квартиры может объясняться, как правило, исключительными обстоятельствами. Представляется правильным решение данного вопроса в ст. 274 ГК Казахской ССР, гласящей, что ордер, выданный гражданину, может быть аннулирован только судом. Нельзя также отрицать судебный порядок их рассмотрения по мотивам 10-дневного срока действия ордера, поскольку его пропуск может быть вызван болезнью ордеродержателя и другими уважительными причинами. Контроль судя за законностью актов исполкома местного Совета депутатов трудящих. ся будет только способствовать правильному разрешению подобных споров. Точка зрения о судебном разбирательстве всех споров об аннулировании ордера соответствует общей тенденции о сокращении административной юрисдикции.

П. Трубников и др. справедливо полагают, что вытекающее из ст. 59 Основ гражданского законодательства требование нанимателя о переселении его в отдельную квартиру меньшего размера должно разрешаться в административном порядке, поскольку, по их мнению, в данном случае речь идет не о защите нарушенных жили:цных прав, а об обеспечении другой жилой площадью¹⁹).

Такое требование может быть вызвано тем, что занимаемая нанимателем жилая площадь по каким-либо причинам его не устраивает (например, ввиду трудностей, связанных с оплатой излишков жилой площади). Право нанимателя требовать переселения в отдельную квартиру меньшего размера может быть защищено в административном порядке, так как в условиях нужды в жилье административный как правило, не откажет гражданину в переселении в такую квартиру. Если владельцем жилой площади и будет отказано нанимателю в его требовании, права последнего не ущемляются, ибо, во-первых, у чего не могут быть изъяты излишки жилой площади, во-вторых, трудности с оплатой излишков жилой площади вполне компенсируются при заключении им договора поднайма на свободную площадь. Данное требование не вытекает из нарушенного или оспариваемого права в смысле ст. 5 Основ. Оно не основано на гражданскоправовом обязательстве, а поэтому его реализация является административноправовой обязанностью владельца жилой площади. В связи с этим в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. вполне обоснованно отмечено, что обращаться в суд с иском о предоставлении отдельной квартиры меньшего размера наниматель не вправе.

Ст. 326 ГК РСФСР содержит перечень оснований, по которым обмен жилого помещения не допускается. Однако этот перечень не влияет на подведомственность суду споров об отказе в обмене жилого помещения. Данная статья не регулирует вопроса о подведомственности. Она лишь запрещает удовлетворять иск в случаях, перечисленных в ней, то есть относится к праву на иск в материальном смысле. Например, нанимателю отказано в обмене жилой площади по мотивам ее нахождения в доме предприятия (учреждения), из которого согласно части первой ст. 62 Основ гражданского законодательства возможно выселение без предоставления другого жилого помещения. Он вправе этот отказ оспорить в суде²⁰), так как ст. 325 ГК РСФСР, предусматривающая подведомственность суду упомянутых исков, не седержит исключений для случаев, названных в ст. 326 ГК РСФСР. Если в суде будет установлено, что одно из обмениваемых помещений находится в доме пред-

приятия (учреждения), указанного в части первой ст. 62 Основ гражданского законодательства, а наниматель другого обмениваемого помещения не состоит с этим предприятием (учреждением) в трудовых отношениях, кроме случаев, когда наниматель не может быть выселен из помещения предприятия (учреждения) без предоставления другой жилой площади, — в иске об обмене жилого помещения отказывается. Не случайно поэтому в п. 7 инструкции «О порядке обмена жилых помещений» от 9 января 1967 г. говорится, что отказ в сформлении обмена жилого помещения в домах местных Советов депутатов трудящихся, отказ в согласии на обмен жилого помещения в домах государственных, кооперативных и общественных организаций, а также отказ исполкома местного Совета депутатов трудящихся в разрешении на обмен жилого помещения в домах жилищно-строительных кооперативов может быть обжалован в судебном порядке.

В судебной практике²¹) и литературе²²) как до принятия ГК РСФСР 1964 г., так и после, является спорным вопрос о порядке выселения из домов, грозящих обвалом, принадлежащих гражданам на праве личной собственности.

Думается, что действующая редакция ст. 337 ГК РСФСР не предусматривает административного выселения из домов, принадлежащих гражданам на праве личной собственности23), так как она имеет в виду только выселение из домов, в которых проживают наниматели. Однако установление законом подобного ограничения представляется неправильным. Аварийное состояние дома в любом случае означает угрозу жизни или здоровью граждан. Поэтому выселение из аварийного дома должно быть немедленным. Условиям немедленного выселения из аварийного дома в большей мере отвечает администрагивный порядок. Квартиры указанным лицам обязаны предоставлять местные органы власти. Это вытекает из единства интересов личности и государства в нашем обществе. Граждане в таких случаях, во-первых, остро нуждаются в жилой площади, во-вторых, из ведомственного фонда сни могут ее не получить, например, ввиду того, что не находятся в трудовых отношениях с каким-либо предприятием (учреждением) или по основаниям фактической невозможности предоставить им квартиру. В связи с изложенным было бы желательным, чтобы законодатель сформулировал ч. 1 ст. 337 ГК РСФСР примерно так: «Если дом, в котором проживает наниматель, а равно дом, принадлежащий гражданину на праве личной собственности, угрожает обвалом, договор найма помещения расторгается, либо право личной собственности на него утрачивается и проживающим в нем гражданам предоставляется другос благоустроенное жилое помещение (ст. 331) по решению исполнительного комитета местного Совета депутатов трудящихся за счет жилого фонда местного Совета депутатов трудящихся либо соответствующей государственной, кооперативной или общественной организации».

В практике нередко возникает вопрос о порядке выселения из общежитий коечного типа членов семьи или лиц иного пола. Поскольку проживание в общежитии коечной системы лиц, имеющих при себе семью, запрещено²4), вселение в него членов семьи обычно расценивается как самоуправное. Однако в отдельных случаях допускаются ошибки. В связи с тем, что проживающие в одном общежитии Салямов и Голованова, а также Микушин и Осинцева вступили в зарегистрированный брак, Голованова и Осинцева перешли в комнаты к своим мужьям. 17 марта 1964 г. прокурор вынес постановление о выселении Салямовой и Микушиной из комнат № 11 и 16 общежития. С подобным выселением нельзя согласиться, так как выселение в административном порядке из одной комнаты общежития в другую того же общежития не предусмотрено законом. Кроме того, в данном случае выселение было формальным²5). С названными фактами должны вести борьбу администра-

ция, общественные организации и товарищеские суды. В отдельных случаях администрация может лишить таких лиц права на общежитие либо к ним предъявляется иск о выселении из общежития по мотивам невозможности совместного проживания.

Определенный интерес представляет также разрешение следующего вопроса. В связи с тем, что барак угрожал обвалом, проживающей в нем семье Кузнецовой была предоставлена комната в благоустроенном доме. Последняя переезжать в квартиру отказалась, ссылаясь на то, что комната для ее семьи мала. В резолютивной части постановления прокурора по этому материалу указано, что Кузнецова подлежит переселению в предоставленную ей квартиру²⁶). С такой практикой вряд ли можно согласиться. Закон (ст. 63 Основ гражданского законодательства) наделил прокурора правом выселения из домов, грозящих обвалом, потому что в данном случае медлить с выселением нельзя. Квартиры же выселяемым предоставляются местным Советом, либо соответствующим ведомством. Прокурор не вправе указывать в резолютивной части постановления на жилую площадь, предоставляемую мым, так как это означало бы разрешение им вопросов, не входящих в его компетенцию. Кроме того, подобное указание преграждает путь к судебной защите прав граждан в случае их нарушения при выселении из дома, угрожающего обвалом. Изложенное отнюдь не означает, что прокурор не должен думать о жилой площади, куда производится выселение. Она должна соответствовать требованиям, записанным законе, о чем прокурор обязан сказать в мотировочной части постановления.

Анализ судебного и административного порядка выселения показывает, что существование последнего вряд ли оправдано за исключением выселения из домов, угрожающих обвалом²⁷). В практике материалы о самовольном занятии гражданином помещения содержат спор с праве, ибо самоуправство, по существу, есть незаконное завладение чужим имуществом, и выселение в этих случаях представляет собой восстановление нарушенного права. В прокуратуру с просьбой о получении санкции на административное выселение часто обращаются в случаях, когда гражданин занял жилую площадь не с разрешения ее владельца, а с разрешения нанимателя или руководителя организации, в которой он работает, а также когда к лицу, проживающему в комнате общежития для одиночек, поселяется его супруг, когда обмен квартир осуществляется без обменных ордеров и т. д. Нередко гражданин, полагая без достаточных к тому оснований, что он имеет право на освободившуюся комнату в его квартире или доме, занимает ее. При рассмотрении ряда материалов об административном выселении выясняется, что ранее гражданин с семьей жил в очень плохих жилищных условиях, что он или кто-либо из членов семьи болен открытой формой туберкулеза, является инвалидом и т. п. Прокуратура в указанных случаях нередко отказывает в санкции на административное выселение23). При таком отказе прокурора за гражданином либо закрепляется занятое им помещение, либо вопрос о его выселении признается подведомственным суду. Кроме того, при разрешении подобных материалов прокуратура предоставляет отсрочки выселения до получения и т. п. Вследствие выселения гражданин утрачивает одно из существенных прав. В связи с этим особенно важно при рассмотрении подобных материалов как можно полнее собрать доказательства и произвести их тщательную проверку и оценку. Псскольку прокурор решает вопрос единолично, его возможности в этом отношении ограничены. Судебная процедура рассмотрения споров о выселении способна лучше убедить гражданина в ошибочности его действий, создать у него больше уверенности в правильном разрешении дела. По своему назначению прокуратура является органом, осуществляющим высший надзор

за точным исполнением законов всеми государственными, кооперативными и общественными организациями (учреждениями) ст. 113 Конституции СССР, ст. 3 Положения о прокурорском надзоре в СССР, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1955 года. Властное разрешение прокуратурой дел (материалов) противоречит природе данного органа²⁹).
В. И. Ленин писал, что «прокурор имеет право и обязан делать

только одно: следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей республике... Единственное право и обя-

занность прокурора передать дело на решение судаж30).

1) В дальнейшем — Основы.
2) В дальнейшем — Основы гражданского законодательства.
3) «Бюллетень Верховного суда РСФСР», 1962, № 7, стр. 4—5.
4) См: Г. И. Петров. Сущность советского административного права. Изд-во ЛГУ, 1959, стр. 90—91.

5) В литературе указанные споры, как возникающие из гражданских правоотношений, так же совершенно правильно относят к ведению суда (Ю. Корш унов. Споры по искам о предоставлении жилых помещений. «Социалистическая законность», 1959, № 5, стр. 36 и др.).

6) «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1957, № 3, стр. 13—14.

7) СП СССР, 1961, № 20, ст. 146.

8) «Бюллетень Верховного суда РСФСР», 1964, № 3, стр. 14—15. 9) См.: «Социалистическая законность», 1962, № 4, стр. 88.

10) Подобное толкование опирается на судебную практику («Советская юстиция», 1961, № 2 ,стр. 29; «Бюллетень Верховного суда РСФСР», 1962, № 1, стр. 10—11 и др.).

 11) «Социалистическая законность», 1963, № 3, стр. 81.
 12) Перечень документов, по которым взыскание задолженности осуществляется в бесспорном порядке на основании исполнительных надписей нотариальлиется в оесспорном порядке на основании исполнительных надписеи нотариальных органов, утвержден постановлением Совета Министров РСФСР от 12 ноября 1962 г. (СП РСФСР, 1962, № 23, ст. 111).

13) Ю. К. Осипов. Подведомственность и подсудность гражданских дел. Госюриздат, 1962, стр. 57; см. также: Ю. Г. Басин. Проблемы Советского жилищного права. Докторская диссертация. Л., 1963, стр. 221.

14) «Бюллетень Верховного суда РСФСР, 1963, № 3, стр. 3—4. См. также органия подсудения и подсудения подставляющих верховного суда РСФСР, 1963, № 3, стр. 3—4. См. также органия подсудения подудения подсудения под

же архив прокуратуры Центрального района г. Барнаула, материалы № 58 и 73 за 1964 г. и «Бюллетень Верховного суда РСФСР», 1966, № 11, стр. 5. 15) Архив прокуратуры Центрального района г. Барнаула, материал № 66 за

16) Исключение составляют ст. 374 ГК Узбекской ССР и ст. 342 ГК Азер-

байджанской ССР, устанавливающие в этих случаях судебное выселение.

17) С. И Аскназий, И. Д. Брауде, А. И. Пергамент. Жилищное право, Госюриздат, 1956, стр. 69—70 и др.

18) Ю. Г. Басин. Пределы компетенции судебных органов по аннулированию ордеров на право занятия жилищной площади. «Социалистическая законность», 1960, № 1, стр. 51; Его же. Вопросы советского жилищного права Алма-Ата, 1963, стр. 31; Его же, указанная диссертация, стр. 192.

19) П. Трубников. О судебной практике по жилищным делам. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1963, № 4, стр. 44—48; Р. Е. Гукасян. Про-

цессуальные особенности рассмотрения судами жилищных дел. Автореферат кандидатской диссертации, Саратов, 1964, стр. 5 и др.

20) В этой связи нельзя согласиться с высказанным в литературе мнением

об административной подведомственности упомянутых споров (В. М. Остроухова и О. Н. Финикова. Рассмотрение гражданских жилищных дел в суде. Госюриздат, 1955, сгр. 59; Ю. Г. Басин. Вопросы советского жилищного права, Алма-Ата, 1963, стр. 202 и др.).

21) «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1951, № 4, стр. 43—44; «Социалистическая законность», 1954, № 10, стр. 87; «Бюллетень Верховного суда РСФСР», 1965, № 7, стр. 14 и др.

22) М. П. Ринг. Вопросы гражданского процесса в практике Верховного Суда СССР, Госюриздат, 1957, стр. 136—137; О. С. Иоффе и Ю. К. Толстой. Новый гражданский кодекс РСФСР, Л., 1965, стр. 311—312 и др.

23) Это обстоятельство уже отмечалось в литературе (Я. Д. Яновский. Прокурорский надзор за законностью административного выселения граждан из об административной подведомственности упомянутых споров (В. М. Остроу-

Прокурорский надзор за законностью административного выселения граждан из жилых помещений. «Советское государство и право», 1966, № 7, стр. 144).

24) Ст. 1 Санитарных правил устройства, оборудования и содержания общежития для рабочих, студентое и учащихся техникумов, утвержденных главным санинспектором Союза ССР 10 мая 1949 г. («Сборник жилищного законодательства», Изд-во «Юридическая литература», 1963, стр. 423).

25) Архив прокуратуры Октябрьского района г. Барнаула, материал № 16. См. также архив прокуратуры г. Первоуральска Свердловской области. 1965. материал № 17.

²⁶) Архив прокуратуры Октябрьского района г. Барнаула, 1965, материал

107

27) Выселение в случае угрозы обвала дома должно быть немедленным, поскольку промедление с ним сопряжено с опасностью для жизни и здоровья граждан. Административный порядок выселения в отличие от судебного полностью соответствует задачам немедленного выселения.

28) Убелительные примеры отказов прокурора в санкции на администратибное выселение по этим основаниям содержатся в упомянутой статье Я. Ц. Янов-

ского.

29) В литературе было высказано мнение о том, что при санкционировании административного выселения прокурор не разрешает жилищных споров между владельцем жилой площади и лицом, подлежащим выселению, так как этот спор якобы рассматривается односторонне администрацией («Прокурорский надзор в СССР», Изд-во «Юридическая литература», 1966, стр. 230). Соответствующий раздел учебника написан А. Ф. Козловым).

Думается, что о разрешении прокурором указанных споров свидетельствует следующее. Владелец жилой площади является стороной в споре о выселении, а не органом его разрешения. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что когда Основами гражданского законодательства была изменена подведомственность споров о выселении из домов некоторых ведомств в связи с расторжением трудового договора по ряду оснований, администрация предприятий с просьбой о выселении в указанных случаях стала обращаться не к прокурору, а в суд. Прокурор рассматривает в данном случае спор о выселении, по существу, путем установления юридических фактов. Выносимое прокурором в этих случаях постановление обладает свойствами преюдициальности, исключительности и исполнимости.

³⁰) В. И. Ленин. Соч., т. 45, стр. 198.

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. В. КУЙБЫШЕВА.

Труды, том 199

1968 г

СОВРЕМЕННЫЙ БИХЕВИОРИЗМ О ПРИРОДЕ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

в. д. Филимонов

Одним из наиболее влиятельных направлений в современной буржуазной психологии является бихевиоризм (от английского слова behavior — поведение). В последние годы он стал оказывать все более ощутимое влияние на криминологические теории, распространяемые в капиталистических странах, особенно в США. Их авторы пытаются опереться на несомненные научные достижения, в частности на учение И. П. Павлова о высшей деятельности, приспособив их без всякого на то основания к оправданию существования преступности в современных капиталистических странах. Это побуждает нас самым решительным образом выступить против этих несостоятельных попыток.

Бихевиоризм, как одно из направлений в современной буржуазной психологии, возник на базе прагматистской философии. Признание прагматистами истинными тех идей, которые обеспечивают практически полезные результаты, легло в основу взглядов основоположником бихевиоризма Б. Уотсона, Э. Торндайка, К. Лешли, А. Вейса и др. Прагматистская философия, рассматривающая мышление лишь в качестве средства приспособления к окружающему миру, привлекала бихевиористов возможностью отказаться от представления о сознании: человека как о важнейшем факторе, определяющем его поведение. Ядром бихевиористской теории стало отрицание познавательной способности психики и сведение поведения человека к функциям приспособления. Вследствие этого человеческое поведение свелось к реакциям организма на внешние раздражители (стимулы), а центральной проблемой познания стала проблема приобретения индивидуального опыта, т. е. образования у человека условных реакций (по терминологии ставителей бихевиоризма — «обучения» — learning), приобретение различного рода навыков и умений.

Во второй период своего развития классический бихевиоризм сменился так называемыми теориями «обусловливания», на возникновение которых оказало влияние павловское учение о высшей нервной деятельности. Сохранив разработанную И. П. Павловым терминологию и классификацию форм поведения, необихевиористы в лице К. Халла. Э. Газри, Б. Скиннера и др. подменили павловское учение теорией с позитивно-эмпирическим содержанием. Заимствовав у И. П. Павлова условно-рефлекторный метод, применяемый им для изучения высшей нервной деятельности, и его экспериментальные материалы, необихеви-

ористы по-прежнему сводят на нет роль сознания в определении человеческого поведения. Пытаясь каким-то образом устранить явное противоречие между павловским учением и философией позитивизма, на основе которой развивается бихевиористическое направление в настоящее время, необихевиористы ввели в формулу «стимул-реакция» понятие «промежуточных переменных» (навыки и т. п.), которое хотя и противоречит позитивистским положениям, признающим только такие истины, которые установлены наблюдением или опытом, тем не менес не подрывает идеалистического содержания бихевиоризма.

Одна из наиболее крупных попыток разработать понятие промежуточных переменных и сблизить бихевиористическую концепцию с категориями интроспективной психологии была предпринята Толменом. Толмен включает в число промежуточных переменных элементы сознания (намерение, желание, ожидание и др.), но рассматривает их не в качестве составных частей поведения, а как будущие результаты действий живых существ. Процесс обучения, по Толмену, состоит в том, что человек, стремясь к достижению какой-либо определенной цели, проходит ряд проб и ошибок, в результате чего в его сознании образуется множество дифференцированных знаковых структур, рые оказывают влияние на характер последующего поведения. Свойства предметов, которые служат знаками различных отношений между ними, познаются в результате так называемых ожиданий. Давая оценку теории Толмена, С. Л. Рубинштейн пишет, что сознание, согласно этой теории, «возникает в процессе действия как приспособительная реакция на первоначальные повеленческие ции... Сознательный акт — это отчасти рекогносцировочный. ный, отчасти контрольный, проверочный акт поведения; это акт поведения, который направлен не на непосредственное достижение какойнибудь внешней цели, а на организацию и регулирование акта поведения, способного это сделать. Сознательный акт — это, таким образом, надстройка над непосредственным практическим актом поведения. Его функциональное значение заключается в том, чтобы как бы проверить, подчеркнуть те свойства поля, которые и помимо уже в известной мере имманентно определили поведение»1).

Таким образом, и те представители бихевиористической теорни, которые считают необходимым использовать в своих построениях категории сознания, не придают им решающего значения в регулировании человеческого поведения.

Классовый смысл бихевиористических теорий совершенно очериден. Он заключается прежде всего в том, что бихевиоризм дает возможность объяснять поведение людей в отрыве от их классовой надлежности и переносит детерминирующее влияние среды на челобеческие действия с капиталистического способа производства на конкретные обстоятельства, характеризующие непосредственную обстановку, в которой протекала и протекает жизнь человека и которая является сугубо индивидуальной. Кроме того, рассматривая поведение в качестве реактивного процесса, определяемого внешними телями, бихевиоризм тем самым утверждает, что человек не управлять своим собственным поведением и обречен на пассивное подчинение внешним влияниям. Логическим выводом отсюда следует сутствие общих целей у людей, принадлежащих к одной группе и стремящихся улучшить условия своей жизни, а также невозможность их активной борьбы за лучшую жизнь.

Бихевиоризм с его отрицанием социальных закономерностей поведения людей привлекает многих буржуазных исследователей, занимающихся изучением причин совершения преступлений и других противоправных действий. Наряду с этим и некоторые буржуваные психологи бихевиористического направления ставят в своих работах вопросы, ка-

сающиеся природы преступного поведения.

В 1963 г. в США опубликована книга Дороти Реслингшафер мотивации человеческого поведения²). В этой книге с бихевиористических позиций подробно анализируется механизм отбора организмом воздействующих на него стимулов и его ответных реакций. Как можно понять из рассуждений Д. Реслингшафер, селективная фильграция организмом воздействующих на него стимулов связана с временным доминированием в потоке его чувств, желаний и нужд одного чувственного раздражителя над другим. Выбор же ответных реакций организма основывается на познавательных способностях человека, а также на его способностях к пониманию сложных связей между предметами, запоминанию и оценивающему решению. Каждая из этих способностей. пользуя символы, особенно слова и числа, позволяет взвещивать альтернативы к действию. Выбор ответной реакции делается на обученных предвидений и ожиданий. Таким образом, по Д. Реслингшафер, выбор каждым человеком того или иного поведения во всех случаях является сугубо индивидуальным и не поддается обобщению. Недаром она пишет в своей книге: «Психологи постоянно ставят вопросы, касающиеся таких действий, как кража, убийство, самоубийство. Почему человек украл? Или почему Джон Джонс убил?.. Подобные вопросы возникают и тогда, когда человек нарушает новмы морали своей социальной группы и вступает в брак с женщиной другой расы. Почему он женился на ней? В том, что мужчина женится, нет ничего необычного, и вопросы возникают в отношении его выбора. Имеется нарушение обычных социальных ожиданий, что приводит к большому количеству «почему»... Каждый индивид на момент решения о выборе той или иной альтернативы в специфических условиях своей селекции обнаруживает новые аспекты переплетающихся мотивирующих и личностных определителей, по своему характеру часто совершенно уникальных»3). Нетрудно понять, что по мнению Д. Реслингшафер, причины антиобщественного поведения для каждого человека сугубо индивидуальны, и нет оснований говорить о социальных закономерностях, обусловливающих совершение преступлений и других нарушений. Едва ли нужно доказывать полную ненаучность вывода.

На взглядах Д. Реслингшафер чувствуется сильное влияние теории Толмена. Она признает определенную роль элементов сознания в регулировании человеческого поведения. Однако для исследователей, занимающихся выяснением природы преступного поведения с позиций бихевиоризма, это не является характерным.

В книге Арнольда Бусса, посвященной психологии агрессии, разновидностью которой автор считает преступное поведение, прямо утверждается о необходимости исключения концепции «намерения» из определения агрессии. Делается это на том основании, что концепция намерения» несовместима с бихевиористическим подходом к разрешению

вопросов, поставленных в этой книге4).

А. Бусс определяет агрессию как реакцию, в которой выражается вредное стимулирование поведения других организмов. Она подкрепляется двумя классами усилителей — сграданием жертвы, испытывающей несправедливость, и выгодой, которую получает агрессор. В работе дается подробная классификация различных видов агрессивного поведения, которое подразделяет агрессию на физическую и словесную, активную и пассивнную, прямую и непрямую. Каждому из этих видов агрессии дается подробный анализ. Однако автор совершенно не уделяет внимания социальной характеристике агрессивного поведения. Абстрактные категории выгоды и страданий жертвы агрессивной реак-

ции, объявленные ее усилителями, очевидно, тем и устраивают его, что позволяют снять вопрос о социальной направленности агрессивных (в том числе и преступных) действий. Правда, в одном месте своей работы А. Бусс все-таки говорит о том, что существуют определенные виды поведения, которые обычно не рассматриваются как агрессивные, хотя и осуществляют доставку вредных стимулов. Это, говорит он, гакие виды поведения, при которых усилитель реакции заключается в социально-приемлемой цели, например, доктор причиняет боль, когда производит инъекцию, родители обижают ребенка когла наказывают И далее заключает: «Пока вредные стимулы доставляются в связи с признанной социальной ролью и являются социально желаемыми, поведение не рассматривается как агрессивное. С другой стороны, когда вредные стимулы доставляются в связи с ситуацией, сложившиеся между лицами и без дальнего прицела на социальное благо, как ное последствие, реакция является агрессивной»5). Надо однако заметить, что, говоря в этом случае о влиянии общественных интересов на характеристику поведенческой реакции человека, А. Бусс не выходит за пределы бытовых примеров и совершенно не касается отношений. вытекающих из классовой борьбы и национально-освободительного движения. Более того, рассматривая далее деление агрессии на активную и пассивную, Бусс в качестве примеров пассивной агрессии приводит голодовку Ганди, направленную против британского владычества в Индии, и сидячие забастовки негритянских студентов на юге США6). Классовый смысл этих рассуждений становится совершенно очевидным.

Остановимся подробней на тех работах современных американских бихевиористов, которые посвящены анализу природы только преступиого поведения. Авторы работ, о которых речь пойдет ниже, будучи последовательными представителями бихевиоризма, также исключают роль сознания из процесса формирования человеческих поступков.

Х. Айзенк, автор книги «Преступление и личность», начинает изложение своих мыслей утверждением о том, что психология представляет собой науку о поведении, а не о мышлении⁷). Это одно из основных положений бихевиоризма, который, отрицая роль сознания в регулировании человеческих поступков, последовательно пришел к такому выводу.

Как и многие другие представители бихевиоризма, Х. Айзенк подразделяет человеческое поведение на два вида — обученное и обусловленное. Обученное — это, по его мнению, такое поведение, которое осуществилось потому, что было чем-то подкреплено, усилено, а обусловленным является поведение, вызванное иной связью стимулов и ответных реакций человеческого организма. Такое деление, по представлению автора, объясняется тем, что обусловленное поведение в отличие от обученного базируется на автономной нервной системе, управляющей гладкими мускулами и железами. Обученное же поведение основывается на поперечно-полосатых мускулах, управляющих скелетной системой.

Проводя границу между обученным поведением и обусловленным, Х. Айзенк путем ряда умозаключений приходит к утверждению, что процесс обусловливания является более важным, чем процесс обучения, и что преступление является скорее обусловленным поведением, чем обученным

Объявив, таким образом, преступление ответной реакцией организма на внешние раздражители и поставив сознание человека в ряд других стимулов, влияющих на поведение, тем самым почти полностью устранив его из генезиса преступного поведения, Х. Айзенк оказался персд необходимостью ответить на вопрос, почему одни люди совершают преступления, а другие — нет. При указанных исходных позициях автора причниу этого явления естественно приходится искать или в

условиях существования человека или в его биологических особенностях. Х. Айзенк не склонен искать причины преступности в условиях буржуазного общества. Поэтому он приходит к выводу, что источник преступного поведения коренится в биологических свойствах личности.

Основывая свои выводы, Х. Айзенк ссылается на проводимое физиологией деления автономной (вегетативной) нервной системы на симпатическую и парасимпатическую, отмечая при этом, что симпатическая система усиливает сердцебиение, частоту дыхания, увеличивает адреналин и тем самым оказывает активизирующее воздействие на человеческий организм. Напрозив, парасимпатическая система замедлением сердцебиения и дыхания, а также ускорением пищеварительного процесса оказывает на него тормозящее влияние. Х. Айзенк утверждает, что люди с момента своего рождения обладают биологической предрасположенностью к возбуждению или торможению, и на том основании приходит к выводу о существовании двух типов дей — экстравертов (с меньшей возбуждаемостью и более степенью торможения) и интровертов (с большей степенью возбуждения и меньшей степенью торможения). Преступниками, по его мнению. являются в ссновном психопаты и экстраверты, обладающие какимито определенными конституциональными натурами. Чтобы подкрепить свои необоснованные⁸) выводы дополнительной аргументацией, X. Айзенк ссылается на известных биокриминологов: Ланге, Шелдона, Хутона и Глюков.

Нет необходимости говорить здесь о том, почему биологическая теория преступного поведения является неправильной. Эта теория не является новой, ее ненаучность и реакционность давно вскрыты в юридической литературе и других отраслях знаний. Здесь важно отметить, что бихевиористическая теория преступления, как обусловленного поведения, недалеко ушла от биокриминологических концепций и является такой же реакционной, как и последняя. Объединив в своем содержании два бесплодных учения — бихевиористическое и биокриминологическое, теория Х. Айзенка обрела и их пороки. Этим она еще раз доказала, что из двух неверных положений даже одного истинного составить невозможно.

Реакционность теории Х. Айзенка легко обнаруживается и рассмотрении тех мер, которые он предлагает в качестве средств борьбы с преступностью. Он скептически относится к возможности успешного осуществления этой функции с помощью уголовного наказания, считая, что наказанием можно предотвратить только такое поведение, которое мотивировано какой-либо выгодой (кража, обман, похищение детей и т. п.). Поведение, которое, как он полагает, является следствием расстройств человека (половые преступления, убийство и т. п.), не может регулироваться наказанием. При этом он ссылается также на ряд трудностей в использовании наказания, в частности на его неопределенность, существующую наряду с определенностью выгоды, к которой стремится преступник и др. Вместо наказания Х. Айзенк рекомендует систему мер, названную им обусловливающей терапией, а также лекарственную терапию. Он полагает, что при помощи этих мер можно превращать экстравертов в интровертов и наоборот, интровертов в экстравертов.

Таким образом, наиболее радикальным средством борьбы с преступностью X. Айзенк считает физическое воздействие на организм человека. Следовательно, и по вопросу о мерах борьбы с преступностью его теория почти полностью смыкается со взглядами на эту проблему представителей буржуазной биокриминологии.

Другая разновидность теории «обучения», применяемая для объяснения природы преступного поведения, основывается на делении условных реакций на респондентные и оперантные. Проведение такого

деления в теории бихевиоризма обычно связывается с именем Б. Скин-

нера.

Б. Скиннер утверждал, что И. П. Павлов занимался исследованием лишь респондентных реакций, которые вызываются подкрепляющим влиянием определенных явлений (напр. пищей), но сами эти явления не вызывают. Оперантными же реакциями являются такие, которые возникают в результате совершения действий, обусловленных какимилибо потребностями. Другими словами, для достижения определенной цели человек предпринимает ряд движений, те движения, которые позволяют ему добиться желаемого, отбираются и закрепляются. Особенность оперантных действий состоит, следовательно, в том, что подкрепление и закрепление не предшествуют определенным реакциям, а следуют за ними. Это делает, оперантное поведение важнейшей формой поведения.

Советские психологи дают следующую оценку этому утверждению Б. Скиннера: «Несомненно, — пишут они, — что выделение и анализ различных форм поведения является провомерным в научном исследовании. Не вызывает сомнения также, что под названием оперантного или инструментального поведения выделена очень важная форма поведения, обладающая рядом специфических черт. Однако утверждение бихевиористов, будто эта форма поведения не подчинена открытым И. П. Павловым закономерностям, является неверной. Это утверждение бихевиористов вытекает из их позитивистского метода исследования, на основе которого они фальсифицируют павловское учение, выдавая его за учение об образовании секреторных (респондентных) реакций. В действительности учение И. П. Павлова — это учение о закономерностях работы коры больших полушарий, о взаимодействии нервных процессов в мозгу, проявляющихся в различных реакциях организма. Открытые И. П. Павловым закономерности высшей нервной деятельности лежат в основе и инструментального поведения, но это не означает, что данная форма поведения не может обладать некоторыми специфическими чертами. На некоторые из этих специфических черт указывал сам И. П. Павлов. Ведь оперантные реакции представляют собой не что иное, как те произвольные движения, которые И. П. Павлов начал исследовать в последние годы жизни. Родственность произбольных и оперантных реакций признает и Скиннер... Анализируя механизм этой формы поведения. И. П. Павлов указывал, что ее образие заключается в том, что и здесь само движение сигналом подкрепления, если вслед за этим лвижением появляется подкрепление»⁹).

Попытки установить источник происхождения преступного поледения в особенностях оперантных реакций, предпринимаемые на базе тех же порочных философских и психологических предпосылок, которые были отмечены выше, в последнее время становятся все болсе популярными в капиталистическом мире. С этих исходных позиций сделал попытку выявить психологическую природу преступления и автор статьи «Преступное поведение и теория обучения» К. Джеффери¹⁰), который, будучи привлеченным в настоящее время к разработке мер по предупреждению правонарушений, использует в своей деятельности принципы бихевиористической психологии.

Опубликованная сравнительно недавно статья К. Джеффери представляет собой, по-видимому, одно из немногих развернутых изложений той разновидности теории обучения, которая ставит своей задачей объяснить преступное поведение свойствами оперантных реакций¹¹). Эта статья выражает стремление автора усовершенствовать широко известную в США теорию «дифференциальной ассоциации», введенную в обращение тридцать лет назад американским криминологом Э. Са-

терлендом, и дать ей более серьезное научное обоснование.

Теория «дифференциальной ассоциации» рассматривает человеческое общество как состоящее из множества групп, отличающихся другот друга по своей социальной направленности. Человек становится преступником в результате того, что попадает под влияние окружающей его группы лиц с преступными наклонностями. От соприкосновения с другими лицами или группами индивид «обучается» преступлению не только в смысле овладения преступными навыками и приемами, но и в смысле заражения преступными взглядами и стремлениями. Связывая проявление преступности с влиянием небольших антисоциальных групп, Э. Сатерленд стремится снять ответственность за ее существование с капиталистического способа производства, определяющего социальное и политическое устройство общества. В этом заключается ее классовая направленность общества.

Теория «дифференциальной ассоциации» правильно отражает гот факт, что в капиталистическом обществе так же, как и в других общественно-экономических формациях, одни группы людей оказывают влияние на другие группы, одни лица оказывают влияние на сознание других лиц. Но эта теория не дает ответа на вопрос, почему одни люди совершают преступления, а другие не совершают, хотя относятся к той же самой группе и подвергаются такому же влиянию, что и первые.

Попытка усовершенствовать эту теорию на основе принципов теории «обучения» предпринята в упомянутой статье К. Джеффери.

Считая, что большая часть социального поведения имеет оперантную природу. К. Джеффери довольно подробно рассматривает цепцию оперантного поведения. Под оперантным поведением он понимает такое поведение, которое вызывается существованием определенных стимулирующих условий и удерживается своими последствиями. которые оно производит в окружающей обстановке. Преступление, по его мнению, является оперантным поведением. Реакцию, выражением которой оно служит, могут вызвать деньги, автомобиль, радио, половос удовлетворение, устранение врага и другие обстоятельства. Сила реакции зависит от стимула, который ее вызывает. Последний может усиливать реакцию или ослаблять, при этом усиливающий процесс быть позитивным и негативным. Большинство преступлений. К. Джеффери, — преступления против собственности, и усиливающим стимулом здесь является каждое воровство. По всей вероятности в этих действиях он усматривает позитивное усиление. Напротив, преступления против личности, согласно его утверждениям, могут представлять собой негативное усиление. Разница между позитивным и негативным усилением заключается в том, что при первой разновидности усиления степень огветной реакции человека увеличивается за счет того, НРИВНОСИТСЯ В его организм каждым новым совершением действия. В то время как при негативном усилении увеличение размера реакции происходит за счет устранения стимула. Так, в случае пагубной привычки к наркотикам или к алкоголю мы сталкиваемся с негативным усилением, которое происходит в связи с тем, что употребление средств прекращению страданий, вызванных их отсутствием.

К. Джеффери утверждает, что перед совершением преступления человек испытывает влияние как усиливающих стимулов, так и ослабляющих. Разбойное нападение может дать преступнику деньги, но оно может привести его и к смертному исходу в результате схватки с обороняющимися или с полицией, к аресту, заключению под стражу и т. п. Если будет преобладать влияние усиливающих стимулов, то это приведет к совершению преступления; если более сильным окажется влияние ослабляющих стимулов, преступное поведение не осуществляется. Тот или иной результат влияния этих стимулов на человека будет зависеть, по мнению К. Джеффери, от того, в каком поведении ут-

вердила его окружавшая в прошлом обстановка

Преимущества своей теории, которую он назвал теорией «дифференциального усиления» (Theory of Differential Reinforcement), перед теорией «дифференциальной ассоциации» Э. Сатерленда К. Джеффери видит в том что она дает, по его мнению, ясный ответ на вопрос, почему одни люди совершают преступления, а другие не делают этого, хотя живут в том же самом окружении (в той же семье, в тех же трущобах, относятся к одной и той же этнической группе и т. д.)

Так же как Э. Сатерленд, К. Джеффери считает, что отрицательное влияние на человека, побуждающее его совершить преступление, могут оказать другие лица и преступные группировки. Более того, он убежден в том, что одно присутствие некоторых лиц в местах, где возникла преступная ситуация, может оказать стимулирующее воздействие на человека, побуждая его совершить преступление или отказаться от него. Он обращает внимание на то, что люди часто ведут себя различным образом в присутствии определенных лиц и в их отсутствии (напр., в присутствии и отсутствии полисмена, хозяина предприятия и др.). Такое влияние на человека он называет дискриминационным стимулом.

Однако наряду с этим он считает, что теория «дифференциальной ассоциации» необоснованно ограничивает так называемое обучение преступному поведению воздействием социальных усилителей. К. Джеффери полагает, что именно по этой причине всякий раз, когда кто-нибудь пытается проверить теорию «дифференциальной ассоциации», он обнаруживает преступников без преступных сообществ или лиц, соприкасающихся с преступными сообществами и тем не менее не являющихся преступниками. В соответствии с его теорией «дифференциального усиления» преступное поведение может быть подкреплено деньгами, вещами, автомобилями и другими усилителями без какого-либо социального одобрения. Поясняя свою мысль, К. Джеффери приводит ряд примеров, подобных следующему. Лицо в детстве привыкает пользоваться автомобилем. Если оно имеет такую возможность впоследствии, потому что ему позволяют средства или потому, что автомобиль есть у его родителей, то ему нет необходимости красть автомобили. Но если он может получить доступ к автомобилю только путем кражи, то он крадет. Похищение в этом случае усиленно, согласно его утверждениям, ничем иным как автомобилем.

Несомненно, привычка пользоваться автомобилем или другой какой-нибудь вещью может усиливать потребность в этих вещах. Но К. Джеффери преувеличивает роль такого усиления в этиологии преступного поведения. Человеческое поведение регулируется главным образом сознанием человека, его моральными жачествами, которые в свою очередь определяются всей совокупностью общественных отношений.

К. Джеффери не в состоянии снять ответственность за совершение преступлений с социальных условий жизни человека. Он вынужден признать, что большая часть преступлений и других правонарушений совершается несовершеннолетними подростками, обитающими в районах трущоб, одной из особенностей которых является массовая безработица. Поэтому ему приходится отмечать, что жители этих районов находятся без важных социальных усилителей и вследствии этого не подкреплены для законопослушного поведения.

На основе бихевиористических принципов К. Джеффери пытается рассмотреть и проблему влияния на преступность телевидения и комиксов. Предлагаемое им решение вопроса, по существу, не отличается от характерных на этот счет представлений теории дифференциальной ассоциации, которая, как известно, не признает за радио и телевидением существенной роли в генезисе преступного поведения. Автор теории «дифференциального усиления» не согласен с тем, что стимулами, управляющими поведением преступника, являются те, которые воспринимаются

с экрана телевизора. Такие стимулы он усматривает только в собственном окружении подростка. Утверждая, что обобщение зрителем реакции от телевизионной программы зависит от степени совпадения или сходства изображаемой в телевизионной передаче обстановки, с реальным окружением, в котором он живет, а также от прошлого индивидуального опыта этого человека, К. Джеффери считает, что поступки людей в связи с тем, что они являются оперантными реакциями, определяются обстоятельствами окружающей обстановки, а не телевидением.

Теория «дифференциального усиления» К. Джеффери, как и другие бихевиористические теории является ненаучной хотя бы уже потому. что превращает человека в простой механизм, регистрирующий внешние раздражители и непроизвольно реагирующий на них в зависимости от того, какое количество тех и других раздражителей оказало на него воздействие за тот или иной отрезок времени.

Эта теория является еще более вредной, чем теория «дифференциальной ассоциации» Э. Сатерленда, так как она пытается не только замаскировать истинные причины преступности в буржуазном обществе, которые, как давно выяснено, коренятся в самом капиталистическом способе производства, но и объяснить природу преступного поведения влиянием предметов материального мира. Не имеет значения тот факт, что теория К. Джеффери лишь частично связывает существование преступности с предметами материального мира. Уже само по себе признание возможности такого объяснения причин совершения преступлений стирает грань между их социальными и «несоциальными» источниками, позволяет свести социальные причины преступности к минимуму и обосновать ее существование в будущем независимо от характера общественного строя.

7) Cm. H. G. Eysenck. Crime and Personaliti. Boston, 1964. The Gournal of Criminal

Law. Criminology and Police Science, 1965, vol. 56 № 2, р. р. 231—233.

в) Советский ученый-психолог В. Д. Небылицын, рассматривая гипотезу Айзенка о связи между обусловливанием, экстраверсией и интроверсией, отмечает, что в прямом экспериментальном исследовании она подгверждения не находит. Причину этого В. Д. Небылицина видит в ошибочном отождествлении Айзенком экстраверсии с преобладанием торможения, равно как интроверсии с преобладанием возбуждения. Айзенк заимствовал понятие экстраверсии и интроверсии из психоаналитической теории Юнга. Правильно связав скорость выра-ботки условных реакций с балансом основных нервных процессов, он однако ошибочно отождествил с балансом нервных процессов экстраверсию-интраверсию, и это привело их к отрицательным результатам в попытках найти корреляцию между экстравертивностью и быстротой обусловливания. «Этот факт, — пишет В. Д Небылицин, —лишний раз предостерегает против слишком поспешных и недостаточно твердо обоснованных стремлений непременно отыскать физиологическую базу для тех или иных психологических проявлений личности, провести параллель между личностными особенностями и нейрофизилогическими параметрами, характеризующими индивида» (В. Д. Небылицин. Основные свойства нервной стр. 44, 45). человека. Изд-во системы «Просвещение», M. 1966,

¹⁾ С. Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии. Изд. АН 1) С. Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии. Изд. АН СССР, М., 1959, стр. 298. Подробный анализ бихевиоризма см. также в коллективном труде советских психологов «Современная психология в капиталистических странах». Изд. АН СССР, М., 1963 и в работе Н. С. Мансурова. «Согременная буржуазная психология». М., 1962.

2) Догоthy Rethlingshafer. Motivation as related to personality. Мс Graw—Hill Book Company, N—Y, San Francisco, Toronto, London, 1963.

3) Указанное соч., стр. 218, 219.

4) Arnold H. Buss. The Psychology of Aggression. Gohn Wiley and Sons. N—Y and London, 1961. p. 2

and London, 1961, p. 2.

5) Ibidem, p. 4.

6) Ibidem, p. 9.

^{9) «}Современная психология в капиталистических странах», стр. 75.

Электронная библиотека (репозиторий) Томского государственного университета

10) См. С. R. Geffery. Criminal behavior and learning theory. The Journal of Criminal Law, Criminology and Police, Science, 1965, vol. 56, № 3, p. p. 294—300.
 11) На оперантных реакциях, как легко можно заметить, основывается также кратко рассмотренное выше определение агрессивного поведения А. Бусса.
 12) О теории «дифференциальной ассоциации» см. в книге Ф. М. Решетникова «Современная американская криминология», Изд. «Юридическая литература». М., 1965. стр. 77—80.

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. В. КУЙБЫШЕВА.

.Труды, том 199

ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОРЯДКА УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

м. к. свиридов

С первых лет советской власти много внимания уделялось вопросам борьбы с преступностью, перевоспитания лиц, совершивших преступления. Создавалась основа законодательства, регламентирующего целый ряд институтов, направленных на борьбу с преступностью, и среди них немалое место отводилось условно-досрочному освобождению от наказания лиц, вставших в местах лишения свободы на путь исправления.

Впервые условно-досрочное освобсждение от наказания было введено Декретом о суде № 2 от 7 марта 1918 г. Ст. 32 Декрета устанавливала, что лица, осужденные по приговорам народного суда, впоследствии могут быть освобождены от отбывания наказания условно или досрочно, причем производство по делу об освобождении осуществлялось народным судом и возбуждалось по просьбе самого осужденного⁴).

Более детально вопросы порядка условно-досрочного освобождения регламентировались инструкцией «Об организации и действии местных народных судов», утвержденной Постановлением НКЮ от 23 июля 1918 г.²). Инструкция также определяла орган, рассматривающий дело об условно-досрочном освобождении, — таковым был суд по первоначальной инстанции (т. е. суд, вынесший приговор). Более детально инструкция определяла и лиц, имеющих право на возбуждение ходатайств об освобождении, — ими признавались осужденный, близкие ему лица, сам суд, распределительные комиссии³) и администрация места заключения (ст. 50).

25 ноября 1918 г. Постановлением НКЮ была утверждена «Инструкция о досрочном освобождении»¹). Инструкция, регламентируя ряд важных моментов материального характера, уделяла внимание и про-

цессуальным вопросам.

Был оставлен в силе важный принцип, в соответствии с которым условно-досрочно мог освободить только суд, причем — это принципиально важно — устанавливалось, что освобождает досрочно суд по месту отбывания данным осужденным наказания (им мог быть и суд, вынесший приговор, если наказание исполнялось в районе деятельности этого суда). Впервые получает регламентацию состав суда, рассматривающий ходатайство об условно-досрочном освобождении — постоянный народный судья и два или шесть народных заседателей (в зависимости от того, в каком составе действовал суд, постановивший приговор).

Нововведением было установление срока, в течение которого суд должен был рассмотреть ходатайство, — 1 месяц со дня его поступления в суд.

Инструкция более детально регламентировала порядок судебного заседания при рассмотрении дела об условно-досрочном освобождении, обставив его гарантиями, создающими возможность для вынесения правильного решения. Судебное заседание было открытым, в нем принимали участие сам осужденный и лица, возбудившие ходатайство о его досрочном освобождении (однако неявка кого-либо из указанных участников не останавливала рассмотрение дела). Предусматривалась необходимость во всех случаях участия в судебном заседании в качестве экспертов представителей коллегии воспитателей места заключения или его заведующего.

Рассмотрев ходатайство и заслушав заключение экспертов, суд выносит определение об условно-досрочном освобождении или об отказе в таковом. В определении об условно-досрочном освобождении суд указывает на последствия совершения досрочно освобожденным в период неотбытого срока нового преступления, что имело немаловажное воспитательное значение (ст. 8).

Постановлением НКЮ от 7 августа 1920 г.5) в указанную Инструкцию были внесены изменения. Сами народные суды и революционные трибуналы были лишены права возбуждать вопрос о досрочном освобождении, перестали быть субъектами, по инициативе которых возможно возбуждение производства по условно-досрочному освобождению. Эта поправка, на наш взгляд, имеет принципиальное значение — суд должен быть объективным, беспристрастным и выносить решение на основании убеждения, сложившегося после рассмотрения всех материалов в судебном заседании, а наличие у суда права на возбуждение ходатайства об условно-досрочном освобождении означало возможность формирования мнения суда до судебного заседания. Это обстоятельство могло повлиять на объективный, беспристрастный подход суда к решению дела.

Вторая поправка к инструкции содержала указание суду на необходимость при рассмотрении вопроса о досрочном освобождении иметь при себе уголовное дело, предварительно затребованное из суда, постановившего приговор. Внесение такой поправки объясняется тем, что суд, решая вопрос о досрочном освобождении, должен учитывать общественную опасность осужденного в момент совершения им преступления, тяжесть преступления, личность осужденного и другие моменты. Получить же в полном объеме эти данные из приговора зачастую было нельзя (теорией и законодателем в то время еще не были детально разработаны требования к содержанию, структуре приговоров).

Таким образом, уже в первые годы советской власти законодатель уделял много внимания процессуальным вопросам условно-досрочного освобождения. В законе были закреплены следующие важные положения, имеющие значение и в настоящее время:

- а) дело об условно-досрочном освобождении рассматривается судом, в коллегиальном составе, с участием народных заседателей;
 - б) дело рассматривается судом по месту исполнения наказания:
 - в) гласность рассмотрения дела;
- г) участие при разрешении дела самого осужденного, представителя администрации места заключения.

Большим событием было принятие третьей сессией ВЦИК 25 мая 1922 г. первого советского уголовно-процессуального кодекса, с изданием которого была завершена работа по кодификации уголовно-процессуального законодательства. УПК РСФСР 1922 г. регламентировал и институт условно-досрочного освобождения (ст. 473, 474, 479—480 УПК), вобрав в себя весь предшествующий опыт законодательной и практиче-

ской деятельности по досрочному освобождению. Вновь закреплено поножение, в силу которого условно-досрочное освобождение может последовать лишь после отбытия осужденного не менее 1/2 срока наказания, устанавливались более подробные правила исчисления этого срока. УПК предусматривал возможность условно-досрочного освобождения не только лиц, осужденных к лишению свободы, но и осужденных к принудительным работам.

Более подробно УПК регламентирует порядок судебного заседания. В число участников заседания был введен прокурор — он давал заключение по ходатайству, осуществлял надзор за законностью разрешения

дела.

Ст. 477 УПК в числе лиц, участвующих при решении судом вопросов, возникающих в стадии исполнения приговора, предусматривала и защитника осужденного, однако в ст. 479, где предусматривались участники разрешения дела об условно-досрочном освобождении, о защитнике ничего не говорилось.

Впервые в УПК РСФСР 1922 г. высказан ряд положений об отмене определений об условно-досрочном освобождении. Вопрос об отмене определения в случае совершения осужденным в период условного срока нового преступления разрешался судом, постановившим приговор по новому преступлению, т. е. судом первой инстанции, а не вышестоящим. Об отмене условно-досрочного освобождения суд выносил специальное определение либо совместно с приговором по новому преступлению, либо отдельно (в судебном заседании с участием прокурора).

До конца 1922 г. места лишения свободы находились в ведении НКЮ РСФСР. Руководство и карательно-судебной, и исправительнотрудовой политикой осуществлялось одним органом, что давало возможность реально рассматривать вынесение приговора и его исполнение как элементы единой уголовной политики и исключало возможность разрыва между ними. Однако 12 октября 1922 г. Постановлением НКЮ и НКВД6) было признано необходимым все места лишения свободы сосредоточить в НКВД. Передача мест заключения в ведение НКВД при этом рассматривалась как временная мера, вызванная необходимостью урегулирования хозяйственной деятельности исправительнотрудовых учреждений, чем НКЮ в тот период заниматься не мог. Однако в дальнейшем возвращение мест лишения свободы в НКЮ затянулось и было связано с преодолением сопротивления НКВД, хотя жизнь показала, что нахождение мест заключения в ведении НКВД отрицательно сказывалось на практике применения условно-досрочного освобождения.

В то же время различными авторами стали выдвигаться предложения об изъятии решения вопроса об условно-досрочном освобождении из компетенции судебных органов и передаче его распределительным комиссиям как окончательной инстанции. Мотивировалось это тем, что действовавший порядок условно-досрочного освобождения был очень сложным: ходатайство об освобождении до его разрешения проходило много инстанций — рассматривалось в наблюдательной комиссии, затем в губернской распределительной комиссии и лишь после этого разрешалось судом. При рассмотрении ходатайства в губернской распределительной комиссии присутствовал представитель губернского суда, при рассмотрении же его в суде необходимым было присутствие члена распределительной комиссии7). В силу этого предлагалось сократить количество инстанций и сделать это следующим образом: изменить УПК с тем, чтобы окончательной инстанцией для разрешения дел об условно-досрочном освобождении была губернская распределительная миссия.

В 1923 г. законодатель впервые пошел навстречу данным предложениям и в виде исключения установил внесудебный порядок условно-

досрочного освобождения отдельных категорий осужденных — был издан Декрет ВЦИК от 18 июля 1923 г. в), который предусматривал условно-досрочное освобождение лиц, осужденных за приготовление и сбыт спиртных напитков, не судом, а комиссиями, организуемыми при губернских исполкомах и состоящими из представителей прокуратуры, управлений НКВД и губернских судов.

В дальнейшем выдвигавшиеся предложения нашли свою полную реализацию в исправительно-трудовом кодексе РСФСР, утвержденном 2-й сессией ВЦИК II созыва 16 октября 1924 г.9). Исправительно-трудовой кодекс устанавливал, что губернская распределительная комиссия, состоящая из губернокого инспектора мест заключения, члена губернского суда, представителя губернской РКИ, члена гибернского совета профсоюзов и представителя комитета помощи, содержащимся в местах заключения и освобождаемым из них, работает при губернских инспекциях мест заключения. В их компетенцию входило, наряду с другим, окончательное разрешение вопросов условно-досрочного освобождения осужденных. В ведении судебных органов было оставлено лишь досрочное освобождение по болезни. Постановления распределительных комиссий об условно-досрочном освобождении могли быть обжалованы прокуратурой в Центральную распределительную комиссию 16).

Наряду с утверждением исправительно-трудового кодекса 2-я сессия ВЦИК XI созыва 16 октября 1924 г. внесла соответствующие изменения в ст. 458 УПК 11). С этого времени в законодательном порядке была допущена возможность фактического изменения приговоров суда несудебными органами (исключение составляли приговоры Верховного Суда СССР — вопрос об условно-досрочном освобождении лиц, осужденных по приговору Верховного Суда СССР мог быть разрешен только его коллегиями¹²). Вопросы условно-досрочного освобождения выпадают из сферы регулирования уголовно-процессуального дательства, теоретическая разработка этого института выпадает из предмета науки уголовного процесса. Все это, несомненно, задержало дальнейшее развитие института условно-досрочного освобождения, особенно разработку вопросов процедуры и процессуальных гарантий, обеспечивающих принятие правильного решения. Изучение практики условнодосрочного освобождения в основном проводилось в плане тельно-трудового права, процессуальная сторона была оставлена без достаточного внимания.

В то время среди работников исправительно-трудового дела имело место стремление освободить свою деятельность от детальной законодательной регламентации и ограничиться регулированием исполнения приговора ведомственными циркулярами, «зачастую противоречивыми и притом необязательными для других ведомств» В. Утевский, касаясь этого вопроса, отмечал следующее: идея о том, «что судебная и исправительно-трудовая политика является двумя равнозначными частями единой советской уголовной политики и что соответствие исправительно-трудовой политики общим задачам уголовной политики может быть осуществлено и гарантировано только путем законодательным», далеко не сразу «привилась советскому правосознанию» и вынуждена была пробивать себе путь, преодолевая сопротивление ряда работников НКВД¹⁴).

Проведенная в 1924 г. реформа встретила различную оценку со стороны работников НКВД и НКЮ. Представители НКВД положительно оценивали представление распределительным комиссиям (органу не судебному) права «корректировать приговоры в порядке их применения» Главную гарантию успешной работы распределительных комиссий они видели в междуведомственном характере комиссий. Так, Л. Корнблитт в 1925 г. писал: «Внесение в нее (распределительную комиссию — М. С.) междуведомственных и общественных элементов дает

все гарантии того, что всякое действительное приспособление заключенного к условиям трудового общежития будет всегда учтено и отмечено и что условия, в которых осуществляются лишения свободы, будут всегда строго целесообразны» 16). Далее Л. Корнблитт отмечал, что «... ре-Исправительно-трудовым кодексом в структуру и форма, внесенная Функции распределительных комиссий, оказывается несомненно плолотворной»¹⁷). Отрицательную оценку среди сторонников реформы 1924 г. получил Исправительно-трудовой кодекс Украинской ССР (принят 1926 г.), оставивший разрешение ходатайств об условно-досрочном вобождении в ведении судебных органов. Б. Утевский по этому поводу писал: «Украинский кодекс, поступая, быть может, более последовательно со строго формальной точки зрения и соблюдая указание •ст. 38 «Основных начал», на носит явный ущерб пенитенциарны м интересам (разрядка моя — М. С.), лишая распределительные комиссии права рассмотрения и решения дел о досрочном освобождении этой основной и важнейшей функции исправительно-трудовых органов и оставляя ее в ведении судебных органов. Этот дефект Украинскому Исправительно-трудовому кодексу нужно устранить как можно скоpee»18).

Сторонники такой позиции не только считали правильным предоставление несудебным органам права изменять приговоры судов в процессе их исполнения, но в своих предложениях шли дальше: считая судебный приговор лишь исходной точкой исправительно-трудового воздействия, они отстаивали необходимость вынесения судом относительно-неопределенных приговоров с предоставлением администрации мест заключения нозможности определять момент освобождения осужденного. Руководитель ГУМЗ НКВД РСФСР Е. Ширвиндт писал о том, что «... необходимо... ввести систему относительно-неопределенных приговоров, с пределами «от и до» и с правом органов по осуществлению приговоров отбытия установленного предела, в зависимости от внешней хозяйственной и политической коньюнктуры и с происшедшими у самого преступника изменениями, либо удлинить срок пребывания в исправительно-трудовом учреждении, либо освободить» 19). Развивая эту идею. Е. Ширвиндт обосновывал необходимость предоставления распределительной комиссии права, дающего возможность во внесудебном порядке продлять срок заключения отдельных категорий осужденных на неопределенное время²⁰). Все эти предложения были направлены на ние суда из стадии исполнения им же вынесенного приговора.

Иным было отношение к реформе 1924 г. НКЮ РСФСР, и дальнейшая практика применения условно-досрочного освобождения предоставляла сторонникам позиции НКЮ аргументы для резкой критики основных положений реформы. Между сторонниками реформы и ее противниками развернулась дискуссия, принявшая особенно широкие раз-

меры к 1929 г.

Противники реформы основной ее недостаток видели в том, что она, наряду с передачей мест заключения в ведение НКВД в 1922 г., создавала на практике разрыв между судебно-карательной и исправительно-трудовой политикой. Суды, выносящие приговоры, были оторваны от их исполнения, не знали, как их приговоры исполняются, они были лишены реального руководства деятельностью пенитенциарных органов. На практике создавалось положение, в силу которого два элемента единой уголовной политики — судебно-карательная и исправительно-трудовая политика — были оторваны друг от друга. Было «трудно определить, — отмечал Освин, — кто отвечает за исправительную политику. Когда мы обнаруживаем существенные недостатки в местах заключения в смысле исправительной политики — Иван кивзет на Петра и т. д. Органы НКВД в этом винят суд и прокуратуру, а последние, естественно, кивают на органы НКВД»²¹).

Отсутствие достаточной возможности для суда влиять и нести ответственность за проведение уголовной политики в существенной сталии — исполнения приговоров, искусственное организационное обособление руководства судебной политикой от руководства приговоров к лишению свободы являлись в то время основной причиной нереальности судебной политики, выразившейся в слишком роком, без достаточного основания, применении распределительными комиссиями условно-досрочного освобождения. что крайне тельно сказывалось на борьбе с преступностью. В. Зенкович, анализировавший в 1927 г. работу народных судов и практику применения условно-досрочного освобождения, пришел к выводу, что «по вопросу о приведении приговора в исполнение мы отмечаем определенный разрыв между линией судебно-карательной исправительно-трудовой политики, а равно фактический срыв судебно-карательной политики усилиями распределительных комиссий»²²).

Одной из непосредственных причин, создавших такое положение, являлось превращение института условно-досрочного освобождения в средство для постоянной разгрузки мест заключения²³).

Имевший место разрыв судебно-карательной и исправительно-трудовой политики не мог быть ликвидирован более регулярным участием работников суда в распределительных комиссиях, деятельность которых «превратилась в сплошное изменение и исправление судебных приговоров на основе самостоятельного определения социальной опасности преступника и преступления²⁴).

Распределительные комиссии вследствие серьезных нелостатков. имевшихся в их работе, были не в состоянии обеспечить правильное проведение уголовной политики при условно-досрочном освобождении. Комиссии, решавшие как окончательная инстанция ряд важных вопросов (условно-досрочное освобождение, зачеты рабочих дней и др.), фактически были оторваны от жизни мест заключения и самих осужденных. Ввиду отдаленности от мест лишения свободы (они создавались только в губернских центрах) комиссии не могли даже бегло побеседовать с заключенным перед тем, как решить вопрос о его условнодосрочном освобождении. «Отпадала, — как это правильно отмечал Б. Утевский, — одна из важнейших гарантий правильности распределительных комиссий — т. е. индивидуальный подход к каждому делу»²⁵). Все постановления выносились заочно. «штамповались предложения, вносимые наблюдательными комиссиями» и администрацией мест заключения.

Другим, не менее серьезным, недостатком в работе распределительных комиссий был их ведомственный характер. В их работе почти не принимали участие представители общественности, редко в заседаниях комиссии ввиду загруженности основной работой участвовали судебные работники. Делопроизводство в распределительных комиссиях отличалось неорганизованностью, волокитой, поскольку на всю губернию (область) создавалась одна комиссия, решение многих вопросов задерживалось до 2—3 месяцев, иногда и до шести, а некоторые из них разрешались тогда, когда осужденный заканчивал отбывание срока наказания²⁵).

Все отмеченные недостатки превращали распределительные комиссии в органы, не способные выполнять возложенные на них задачи по условно-досрочному освобождению.

Результаты дискуссии об условно-досрочном освобождении, развернувшейся после реформы 1924 г., были подведены на 6 съезде работников юстиции РСФСР, который состоялся в Москве в феврале 1929 г. Ряд участников съезда, отмечая наличие в практике условно-досрочного освобождения существенных недостатков, основную причи-

ну их видели в отрыве суда от исполнения приговора, в лишении его возможности влиять на реализацию приговора, контролировать деятельность администрации исправительно-трудовых учреждений, в отрыве НКЮ от руководства местами заключения²⁷). Для устранения имевших место недостатков съезд рекомендовал передать места заключения из ведения НКВД в ведение НКЮ и предоставить судам возможность оказывать влияние на исполнение приговоров, в связи с чем «упразднить распределительные комиссии с тем, чтобы одна часть их функций была передана судам, а другая часть — наблюдательным комиссиям»²⁸). Предложения 6 съезда работников юстиции были поддержаны НК РКИ РСФСР, тоже признавшими необходимость передачи мест лишения свободы в ведение НКЮ²⁹).

После 6 съезда работников юстиции намечается генденция возвращения судебным органам функций по условно-досрочному освобождению. Первым шагом в этом направлении было проведение в конце 1929 г. реформы (так она оценивалась в то время), содержание которой сводилось к ликвидации Постановлением правительства РСФСР распределительных комиссий и реорганизации работы наблюдательных комиссий.

Основной задачей новых наблюдательных комиссий было осуществление контроля за деятельностью администрации исправительнотрудовых учреждений по исполнению приговора, в их ведение также входило окончательное решение вопросов условно-досрочного освобождения и начисление зачетов рабочих дней.

В работе комиссий было усилено участие общественности. В ессостав наряду с народным судьей, начальником места заключения и представителем местного органа РКИ входили не менее 3 представителей от общественных организаций. Наблюдательные комиссии создавались при местах лишения свободы, причем каждая комиссия охватывала своей работой не более 200 человек³⁰), что обеспечивало индивидуальный подход и создавало гарантии для вынесения правильных постановлений.

Имеющим принципиальное значение было решение вопросов руководства работой наблюдательных комиссий. Утвержденная СНК СССР Инструкция устанавливала, что председателем комиссии является народный судья (выделялся президиумом областного суда), и другое, не менсе важное правило — жалобы заключенных и протесты прокуроров на постановления комиссии по условно-досрочному освобождению «приносятся в соответствующий суд», которым и разрешаются³¹).

Следующим важным шагом по реализации предложений 6 съезда работников юстиции была ликвидация в декабре 1930 г. НКВД союзных и автономных республик и передача всех мест заключения в ведение НКЮ³²). НКЮ теперь мог, осуществляя руководство и судебными, и исправительно-трудовыми органами, оказывать существенное влияние на проведение уголовной политики, не допуская разрыва между ее отдельными элементами.

Однако уже в 1934 г. во всех областях жизни страны стали проявляться отрицательные черты культа личности. 27 октября 1934 г. было издано постановление ЦИК и СНК СССР, в соответствии с которым исправительно-трудовые учреждения вновь были изъяты из системы НКЮ и переданы в ведение НКВД СССР³³). Постепенно регулирование всех вопросов исполнения приговоров переходило в НКВД. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 5 октября 1934 г. при Наркоме внугренних дел СССР было организовано Особое совещание, которому предоставлялось право применения к лицам, признанным общественно опасными, заключения в исправительно-трудовых лагерях, сокращения впоследствии срока заключения и полного освобождения³⁴).

В 1939 г. институт условно-досрочного освобождения был ликвиди-

рован, еще до этого прекратили свою работу наблюдательные комис-

сии³⁵).

После 1953 г. партией и правительством был принят ряд мер. направленных на ликвидацию последствий культа личности и восстанов-

ление ленинских норм партийной и государственной жизни.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 апреля 1954 г. вновь было введено досрочное освобождение для лиц, совершивших преступления в возрасте до 18 лет. а Указом от 14 июля 1954 г. восстановлено условно-досрочное освобождение от наказания остальных категорий заключенных 36). Разрешение ходатайств об условно-досрочном и досрочком освобожлении передавалось в ведение народных судов по месту содержания осужденных, функции администрации мест заключения ограничивались внесением в сул представлений об освобождении. Таким образом, только через 30 лет после реформы 1924 г. вопрос об органах, осуществляющих условно-досрочное освобождение, получил последовательное решение.

В 1957 г. вновь начали свою работу наблюдательные комиссии27). Они создавались при исполкомах районных и городских Советов депутатов трудящихся из представителей общественных организаций для осуществления контроля за деятельностью администрации исправительнотрудовых учреждений по исполнению приговора. Участие их в условнодосрочном освобождении выражалось в возбуждении перед судом ходатайств. С восстановлением наблюдательных комиссий был введен общественный контроль за работой администрации мест заключения установлено участие общественности в условно-досрочном освобожде-

нии от наказания осужденных.

Свое дальнейшее развитие институт условно-досрочного освобождсния получил в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, принятых на сессии Верховного Совета СССР в дскабре 1958 г., и Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексы союзных республик, принятых в период 1959-1961 гг. В новом законодательстве восприняты оправдавшие себя положения, разработанные еще в первые годы Советской власти; также внесен и ряд новых регламентирующих порядок условно-досрочного освобождения.

¹) CY 1918 № 26, ct. 420 (347). ²) CY 1918, № 53, ct. 597.

³⁾ Губернские распределительные комиссии были созданы в 1918 г. для контроля за деятельностью администрации мест лишения свободы (находившихся в го время в ведении НКЮ). В их состав еходили представители губернского суда, органов по управлению местами заключения и представители общественности. Распределительные комиссии, наряду с выполнением других задач рассматривали ходатайства об условно-досрочном освобождении, однако сами их не разрешали, а передавали для решения в соответствующий суд (см.: СУ 1919, № 27, ст. 300).

В качестве вспомогательных органов распределительных комиссий местах заключения создавались наблюдательные комиссии, в их компетенцию в числе других задач входило и предварительное обсуждение и представление в распределительную комиссию материалов об условно-дссрочном освобождев распределительную комиссию материалов об условно-дссрочном освобождении. В состав наблюдательных комиссий входили начальных места заключения — председатель комиссии, народный судья и представитель профсоюзной организации. (См.: Н. А. Беляев. Общественный контроль за деятельностью исправительных и воспитательных учреждений. М., 1962, стр. 7—8).

4) СУ 1918, № 85, ст. 890.

5) СУ 1920, № 70, ст. 322.

6) Ж. «Еженедельник советской юстиции», 1922, № 37—38.

⁷⁾ См. об этом: Р. В. Литвинов. Рассмотрение судом вопросов испол-

⁷⁾ См. об этом: Р. В. Литвинов. Рассмотрение судом вопросов испол-(нения приговоров, Воронеж, 1964, стр. 18. 8) СУ 1923, № 68, ст. 661. 9) СУ 1924, № 86, ст. 870. 10) С. Аскарханов. Условно-досрочное освобождение. Ж. «Еженедельник советской юстиции», 1925 № 7, стр. 155—157. 11) СУ 1924, № 78, ст. 784.

12) См.: Постановление Президиума ЦИК СССР от 24 июля 1925 г. «О до-полнении ст. 13 Положения о Верховном Суде СССР» СЗ, 1926, № 8, ст. 59. 13) Б. Утевский, Исправительно-трудовой кодекс УССР, «Администра-

13) Б. Утевский. Исправительно-трудовой кодекс

тивный вестник», 1926, № 7—8, стр. 40.

14) Там же.

15) Л. Корнблитт. К IX Международному конгрессу тюрьмоведов». «Административный вестник», 1925, № 9—10, стр. 24. См. также: Е. Ширвинд г. Пенитенциарное дело в РСФСР в 1924—1925 гг. «Еженедельник советской юстиции», 1925, № 50—51.

16) Л. Корнблитт. Полугодовой итог работы Московской губернской распределительной комиссии. «Административный вестник», 1925 № 8. стр. 40—41.

пределительной комиссии. «Административный вестник», 1923 № 6, стр. 40—41.

17) Там же, стр. 42.

13) Б. Утевский. Исправительно-трудовой кодекс УССР. «Административный вестник», 1926, № 7—8, стр. 42—43.

19) Е. Ширвиндт. Директивы даны — надо их выполнять. «Административный вестник», 1929, № 4 стр. 5. В. Якубсон. Применение приговора клишению свободы со строгой изоляцией. «Еженедельник советской юстиции», 1927, № 4.
20) Е. Ширвиндт. Необходимы сдвиги в судебно-исправительной политике.

«Административный вестник», 1927, № 9, стр. 2.

21) Осьин. Наркомвнуделы не нужны. «Советская юстиция», 1930, № 5, стр. 18. См. об этом также: Ф. Траскович. Исправительно-трудовая политика. «Еженедельник советской юстиции», 1929, № 7. Б. Тихомиров. Преобразование НКЮ в Народный комиссариат по охране революционного порядка. «Со-

зование НКО в народный комиссариат по охране революционного порядка. «Советская юстиция», 1930, № 5; Об исправительно-трудовой политике, «Еженедельник советской юстиции», 1928, № 46—47.

22) В. Зенькович. Низовая сеть судов, следствия и прокуратуры, «Еженедельник советской юстиции», 1927, № 36, стр. 112.

23) В. Зенькович. Указ. соч. Это обстоятельство вынуждены были признать даже сторонники реформы 1924 г. Так, В. Якубсон в 1928 г. писал, что «... институт досрочного освобождения нередко превращается в средство для облегчения тяжелого положения мест заключения, в своего рода отводной канал для лишнего поселения исправительно-трудовых учреждений» (статья «Исправительно-трудовой режим и досрочное освобождение», «Административный ник», 1928, № 8, стр. 9.
²⁴) В. Зеньксвич. Указ. соч., стр. 113.

25) В. Утевский. Наблюдательные комиссии и первые шаги их ности после реформы. «Административный вестник», 1930, № 5.

²⁶) Чертин-Чернер. Реформа исправительно-трудового дела. «Советская юстиция», 1930, № 1, стр. 23

27) См. выступления на съезде Абрамова, Гаймес, Сорокина, Янсона, Шугайло.

«Еженедельник советской юстиции», 1929, № 9-10.

28) Об исправительно-трудовой политике (тезисы к докладу тов. Трасковича на 6 съезде прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР). «Еженедельник советской юстиции», 1928, № 46—47, стр. 196. Также: «Советская мостиция», 1930, № 5, стр. 19.

29) «Советская юстиция», 1930, № 6, стр. 22—23.

30) На практике эта норма не выдерживалась, о чем отмечалось в (см.: «Административный вестник»), 1930 № 5, стр. 9—16.

31) См. Инструкцию о работе наблюдательных комиссий. «Административный вестник», 1930, № 1, сгр. 62—63. Соответствующие суды устанавливались для каждой местности вышестоящей инстанцией, по исправительно-трудовому ко-

для каждои местностя вышестоящей инстанцией, по исправительно-трудовому ко-дексу 1933 г. ими были областные суды.

32) Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 31 декабря 1930 г. «О меро-приятиях, вытекающих из ликвидации НКВД РСФСР и НКВД автономных рес-публик», СУ 1931, № 4, ст. 38.

33) СЗ 1934 г. № 56, ст. 421.

54) СЗ 1935, № 11, ст. 84.

35) Несмотря на ликвидацию института условно-досрочного освобождения, освобождение осужденных из мест заключения до окончания срока имело место по зачетам рабочих дней. Освобождение по зачетам рабочих дней производилось не в условно-процессуальном порядке, администрацией мест ключения. Досрочное освобождение по зачетам рабочих дней имело ряд крайне отрицательных сторон, о чем отмечалось в литературе (см., например, статью А. А. Любавина и А. Л. Ременсонав журнале «Социалистическая законность», 1957, № 6) и в конце 50-х годов было ликвидировано. ³⁶) «УК РСФСР», Госюриздат, М., 1956, стр. 129—130.

37) «Положение о наблюдательных комиссиях» было утверждено постановлением Совета Министров РСФСР от 24 мая 1957 г., № 349. Новое о наблюдательных комиссиях» было утверждено в 1965 г. Указом президиума Верховного Совета РСФСР.

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУЛАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. В. КУЙБЫШЕВА.

Труды, том 199

1968 г.

О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРИНЦИПЕ НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ

я. о. мотовиловкер

1. Факта преступления судья (следователь) никогда не воспринимает непосредственно, ибо непосредственное восприятие такого факта превращает лицо в свидетеля, обязанности которого несовместимы с функциями судьи по тому же делу. Следовательно, для судьи преступление — всегда факт прошлого, устанавливаемый не путем непосредственного познания, а посредством доказательств. Доказательство же есть «... опосредствованное познание»1).

В чем же суть непосредственности как принципа доказательственного права? Во-первых, в том, что суд основывает свой приговор лишь на тех доказательствах, которые были рассмотрены в судебном заседании (ч. 2 ст. 301 УПК РСФСР); во-вторых, в том, что суд непосредственно воспринимает источники и средства доказывания, стремясь, по возможности к получению сведений в их первоисточнике, а не только в их пересказе или письменном переложении (ч. 1 ст. 240 УПК РСФСР).

Благодаря началу непосредственности, суд прежде всего, получает возможность более активного, действенного и полного исследования доказательств. Это объясняется тем, что как бы подробно, скажем, свидетель очевидец не пересказал им виденное свидетелю «с чужих слов», этот рассказ обычно не охватывает все нюансы и тонкости, которые могут представить интерес для суда. Отсюда правило ст. 53 УПК УЗ ССР, согласно которому «если показания свидетеля основаны на сообщениях других лиц, эти лица должны быть также допрошены»²).

Преимущество начала непосредственности состоит далее в том, часо оно устраняет опасность искажения воспринятого факта в результате появления дополнительных промежуточных звеньев.

Действительно, доказываемый факт воздействует на источник свелений (например, свидетеля), который сохраняет в памяти свойства воспринятого факта, а затем воспроизводит виденное и слышанное. В любом из этих звеньев могут произойти те или иные отклонения или искажения. При пользовании же производными доказательствами опасность искажений удваивается, утраивается и т. д. в зависимости от количества источников, которое имеет позади себя рассматриваемое средство доказывания³).

Нельзя при этом упускать из вида и опасность сознательных искажений заинтересованными в исходе дела свидетелями (ч. 4 ст. 158 УПК РСФСР), которая в такой же степени увеличивается в зависимости от количества дополнительных промежуточных звеньев в составе судебного доказательства.

Промежуточные звенья могут образоваться и при подьзовании

показаниями не свидетеля «с чужих слов», а того же свидетеля очевидца, но воепринимаемыми судом не непосредственно, а путем оглашения протокола допроса этого свидетеля при производстве дознания или предварительного следствия, либо в другом судебном заседании. И в этом случае суд лишается возможности активно допросить свидетеля⁴), учесть обстоятельства, характеризующие его поведение во время допроса. Не исключена и возможность неточности в самом протоколе допроса, особенно когда протокол, как это часто бывает, содержит не запись показаний, а рассказ следователя об этих показаниях. Отсюда особые правила оглашения ранее данных показаний на суде (ст. ст. 281, 286 УПК РСФСР).

Из сказанного следует, что от использования первоисточников сведений может выиграть доказательственный материал с точки зрения как его количества, так и качества.

2. Принцип непосредственности обязывает органы следствия и сул не ограничиваться, не довольствоваться производным доказательством при наличии возможности черпать сведения о подлежащих установлению фактах из первоисточника5). Но из принципа непосредственности вовсе не следует обязанность органов следствия и суда всегла давать предпочтение первоначальным доказательствам перед производными при их оценке. Стать на противоположную точку зрения — значит скатываться на путь теории формальных доказательств. Деление доказательств на лучшие (первоначальные) и худшие (производные) противоречило бы закону, согласно которому никакие доказательства не имеют заранее установленной силы (ст. 71 УПК РСФСР). Действительно, если свидетель очевидец о подлежащих установлению фактах правдиво пересказал другому лицу или дал правдивые показания следователю, а в суде решил давать ложные показания, то не ложные сведения, полученные судом из первоисточника, а правдивые сведения, полученные судом из «вторых рук», после оглашения протокола допроса или от свидетеля «с чужих слов» будут содействовать установлению истины. Точно так же, если после снятия копии документа в его подлиннике учинена подделка, то истинными окажутся сведения, содержащисся в копии, а не в подлиннике документа.

Отсюда вывод, что редакция закона должна в одинаковой степени предупреждать как случаи, когда суд ограничивается исследованием производных доказательств при наличии возможности черпать сведения из первоисточника⁶), так и случаи, когда суд не использует производные доказательства наряду с первоначальными или при отсутствии таковых в интересах установления истины.

Исходя из этого, представляется, на наш взгляд, целесообразным внести уточнения как в ст. ст. 281, 286 УПК РСФСР, так и в ст. 292 того же Кодекса.

Действительно, согласно ст. ст. 281, 286 УПК РСФСР при наличии существенных противоречий между показаниями подсудимого или свидетеля, данными на суде, и их показаниями, данными при производстве дознания или предварительного следствия, суд вправе («может иметь место») огласнть ранее данные показания. Представляется, сднако, что при указанных условиях необходимо исходить не только из права суда, но и из обязанности огласить эти показания. Оглашением ранее данных показаний суд в этом случае⁷) вообще не нарушает принципа непосредственности, так как доказательство воспринимается судом в его первоначальном виде, но уточняется посредством производного доказательства. На содержание свободного рассказа свидетеля обо всем, известном ему по делу, оглашение ранее данных показаний ис повлияет, так как оно не предшествует этому рассказу, а следует за ним⁸). Поэтому уяснение причин расхождений в показаниях и установление, на позиции каких именно из взаимоисключающих друг друга

показаний утверждается допрашиваемое лицо, составляет одно из необходимых условий, при отсутствии которого судебное следствие не может быть признано проведенным полно и всесторонне (ст. 343 УПК РСФСР).

Релакция ст. 286 нуждается, на наш взгляд, еще в одном уточнении. Не подлежит сомнению, что норма ст. 286 УПК РСФСР носит исключительный характер, так как общим правилом является непосредственное восприятие показаний свидетеля судом, а оглашение этих показаний составляет исключение из правила. Согласно же общепринятым принципам толкования закона к нормам исключительного характера не подлежат применению ни расширительное толкование закона, ни аналогия. Спрашивается, однако, а разве одни и те же соображения не диктуют целесообразность оглашения показаний потерпевшего или свидетеля как при наличии существенных противоречий в показаниях, так и в случае запамятования ими каких-либо обстоятельств дела⁹). Или разве одни и те же соображения не диктуют целесообразность оглашения показаний как при отказе подсудимого (п. 2 ст. 281 УПК РСФСР), так и при отказе свидетеля или потерпевшего от дачи показаний 10). То обстрятельство, что свидетель в отличие от подсудимого предупреждается об уголовной ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний, не меняет положения. Ибо санкция ст. 182 УК РСФСР сама по себе не может гарантировать, что на практике не встретятся отдельные случаи отказа или уклонения свидетелем от дачи показаний.

3. Из сказанного выше следует, что редакцию ст. ст. 281, 286 УПК РСФСР целесообразнс изменить в сторону более широкого использовавания производных доказательств в интересах установления истины. Что же касается редакции ст. 292 УПК РСФСР, то ее уточнение должно идти, по нашему мнению, в обратном направлении, то есть в сторону исключения возможности использования производных доказательств вместо непосредственного исследования доказательств в их первоисточнике.

Действительно, согласно этой статье оглашению подлежат любые документы¹¹), «если в них изложены или удостоверены обстоятельства, имеющие значение для дела». Но если безоговорочно следовать тексту этой статьи, то можно было бы заменить допрос любого не допрошенного по делу свидетеля документом, автором которого является данный свидетель, то есть заменить принцип непосредственности противоположным ему принципом посредственности.

Исходя именно из такого понимания ст. 292 УПК РСФСР, суды иногда используют в качестве доказательства характеристики обвиняемого и другие документы, подписанные соседями или сослуживцами обвиняемого (их подписи чаще всего никем не заверяются). Создается, таким образом, трудно объяснимое положение. Если бы лица, подписавшие характеристику, были допрошены на предварительном следствии «о личности обвиняемого (ст. 74 УПК РСФСР), то оглашение их показаний на суде, кроме случаев, предусмотренных ст. 286 УПК РСФСР, расценивалось бы как нарушение принципа непосредственности. Если же те же лица следователем не допрашивались, а, следовательно, об ответственности за дачу заведомо ложных показаний не предупреждались (ч. 2 ст. 158 УПК РСФСР), их отношение к обвиняемому и потерпевшему не выяснялось (ч. 4 той же статьи), то их показания беспрпятственно (без вызова и допроса этих лиц в суде) используются в качестве доказательства. В этих случаях суд по сути об источнике используемых сведений ничего не знает. Получается, что «не могут служить доказательством фактические данные, сообщаемые свидетелем, если он не может указать источник своей осведомленности» (ст. 74 УПК РСФСР). Но могут служить доказательством фактические

данные, содержащиеся в документе (характеристике, выданной соседями), хотя суду об источнике этих данных ничего не известно.

Более того, редакция ст. 292 УПК РСФСР не исключает ничем не ограниченной возможности оглашения протоколов допроса обвиняемого, свидетеля, потерпевшего при производстве дознания, предварительного следствия или в другом судебном заседании, так как эти протоколы также являются документами, «в которых изложены обстоятельства, имеющие значение для дела» (ст. 292 УПК РСФСР). Совершенно очевидно, однако, что за исключением случаев, предусмотренных в ст. ст. 281, 286, 287 УПК РСФСР, указанные протоколы допроса оглашению не подлежат. Иначе ст. ст. 281, 286, 287 потеряли бы всякий смысл.

Нам представляется, что оглашение документов в судебном заседании не может выходить за пределы, начертанные принципом непосредственности, и должно допускаться: 1) по тем же основаниям, по которым оглашаются показания свидетеля; 2) когда документ по своей природе — первоначальное доказательство¹²).

Оглашения документа при наличии существенных противоречий между его содержанием и показаниями автора документа на суде вообще не нарушает принципа непосредственности точно так же, как этот принцип не нарушается в случае оглашения показаний свидетеля при наличии существенных противоречий между этими показаниями и его показаниями на суде.

Оглашение в таком случае документа —производного доказательства происходит не вместо допроса автора документа, а наряду с его допросом в целях более полного исследования средства доказывания, непосредственно воспринимаемого судом. Аналогичное положение создается, например, когда эксперт непосредственно допрашивается в судебном заседании и вместе с тем оглашается его заключение, данное в письменном виде (ст. 288 УПК РСФСР). Нельзя было бы возразить против оглашения такого документа и при отсутствии в судебном заседании автора документа по причинам, исключающим возможность его явки в суд.

Принцип непосредственности тем более не нарушается при оглашении документа, представляющего собой по своей природе первоначальпое доказательство 13). К таким документам относятся, письмо, в котором содержатся оскорбительные высказывания обвиняемого, или угроза убийством (элемент состава преступления), документы, в которых выражена воля его авторов (например, договор, обязательстго, судебные решения), документы, составленные вне связи с уголовным производством по данному делу и независимо от него (например. имеющаяся в делах бухгалтерии ведомость о зарплате, документы, ссставленные в связи с производством по данному делу на основании других служебных документов, которые имеются в данном учреждении или предприятии согласно их ведомственной компетенции (например, документ о мерах поощрения подсудимого или о примененных к нему мерах дисциплинарного взыскания).

В подобного рода случаях документ приобретает как бы самостоятельное, независимое от его авторов бытие. «Поэтому, — указывает проф. М. Цесляк, — было бы трудно согласиться с утверждением, что показания автора такого документа стоят ближе к содержанию документа, чем сам документ... Все подлинники таких документов следует отнести к первоначальным доказательствам»¹⁴).

Действительно, если вместо оглашения документа, в котором содержатся оскорбительные высказывания, выслушать устный пересказ этих высказываний, то мы первоначальное доказательство превратим в производные.

4. Вопрос о толковании ст. ст. 281, 286, 287 УПК РСФСР не вызы-

вает сомнений, если обвиняемый, свидетель или потерпевший ранее давали показания в той же процессуальной роли. Но на практике не исключены случаи, когда положение лица в процессе претерпевает изменения. Так, если по делу исключена возможность совершения исследуемого преступления кем-либо кроме одного из участников данной группы лиц, то следователю приходится допрашивать каждого участника данной группы в качестве свидетеля о преступном событии, хогя впоследствии кто-либо из ранее допрошенных лиц окажется в положении обвиняемого. В этом случае возникает вопрос, вправе ли суд огласить показания такого лица, ранее участвовавшего в данном деле в качестве свидетеля.

Представляется, что на поставленный вопрос должен последовать отрицательный ответ по ряду соображений.

Оглашение показаний таксго лица не может основываться на ст. 281 УПК РСФСР, так как в статье говорится об оглашении показаний «подсудимого», а в рассматриваемом нами случае речь идет об оглашении показаний свидетеля.

Эти показания нельзя также огласить как показания, данные «свидетелем» на основании ст. 286 УПК РСФСР, так как по действующему закону свидетелем можно быть по делу другого лица, а не по своему собственному делу (ст. 74 УПК РСФСР).

Нельзя такой протокол допроса огласить и на основании ст. 292 УПК РСФСР как документ, удостоверяющий обстоятельства, имеющие значение для дела, потому что столь расширительное толкование ст. 292 вступило бы в противоречие с текстом и смыслом ст. ст. 281, 286 УПК РСФСР.

Оглашение показаний, добытых псд угрозой уголовной ответственпости за отказ ог их дачи, а следовательно, с нарушением права обвиняемого на защиту, означало бы, что суд усугубляет ранее допущенное нарушение закона¹⁵).

Вместе с тем представляется, что сделанный вывод не подлежит распространению на случаи, когда замена ролей участника процесса происходит в обратном порядке, то есть когда лицо, допрашиваемое в суде в качестве свидетеля, давало ранее показания о тех же обстоятельствах в качестве обвиняемого в Оглашение этих показаний отнюдь не нарушает право обвиняемого на защиту. Правда, в ст. 286 УПК РСФСР говорится об оглашении на суде показаний, данных «свидетелем», а в рассматриваемом случае речь идет об оглашении показапий, данных лицом, находившемся в положении обвиняемого. Думается, однако, что этого недостаточно для того, чтобы лишить суд возможности проверки и уточнения даваемых показаний путем их сопоставления с ранее данными тем же лицом показаниями 17).

5. Из принципа непосредственности процесса следует вывод о недопустимости длительных перерывов судебного заседания. Такие перерывы в силу несовершенства человеческой памяти неминуемо приводят к тому, что место непосредственных восприятий по необходимости займут протоколы и другие письменные материалы в ущерб интересам установления объективной истины. Отсюда требование непрерывности судебного разбирательства (ст. 240 УПК РСФСР), и, в частности, требование, чтобы, заслушав последнее слово подсудимого, суд немедленно удалился на совещание для постановления приговора (ст. 299 УПК РСФСР).

Суть принципа непрерывности процесса именно в том, чтобы не допускались длительные перерывы между восприятием судом доказательственного материала и вынесением решения. Рассмотрение теми же судьями других дел ранее окончания слушания начатого дела (ч. 2 ст. 240 УПК РСФСР) — лишь частный случай нарушения принципа непрерывности. Поэтому в нашей литературе обращено внимание на

целесообразность дальнейшего усиления начала непосредственности путем указания, по примеру УПК некоторых братских социалистических стран, предельного срока перерыва с тем, чтобы по истечении этого срока прерванное судебное заседание автоматически считалось отложенным¹⁸).

Но и при соблюдении принципа непрерывности требование непосредственного восприятия доказательств окажется нарушенным, если кто-либо из судей будет лишен возможности участвовать в заседании, а дело после замены выбывшего другим судьей не будет начато слушанием с начала. Отсюда правила о неизменности состава суда при разбирательстве дела и о запасных народных заседателях (ст. ст. 241, 242 УПК РСФСР).

В литературе нарушение требования неизменности состава суда нередко расценивается как нарушение не принципа непосредственности процесса, а гребования законности состава суда. На такой точке зрения стоят, например, авторы научно-практического комментария к УПК РСФСР, по мнению которых, «нарушение требования неизменности состава суда всегда расценивалось... как свидетельство незаконности состава суда...» 19). С этим взглядсм трудно согласиться. От того, что дело после замены выбывшего судьи другим судьей не было начато слушанием с начала, состав суда вовсе не становится незаконным. Если вынесенный при этих условиях приговор впоследствии отменяется, то основанием его отмены служит не незаконность состава суда (ч. 2 ст. 345 УПК РСФСР), а нарушение требования непосредственности судебного разбирательства (ч. 1 ст. 345 УПК РСФСР).

Ивестным основанием для того, чтобы нарушение требования неизменности состава суда расценивать как нарушение требования законности состава суда могло служить систематическое толкование рансе действовавшего закона, учитывая, что ст. 42 УПК РСФСР 1923 года, соответствующая ст. 241 УПК РСФСР 1960 года, была помещена в главе «О составе суда». Но и это основание отпало после того, как в действующем Кодексе ст. 241 помещена в главе «Общие условия судебного разбирательства», что в структурном отношении, несомненно, более последовательно и логично.

всех союзных республик.

3) Ср. В. Я. Лившиц. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе. Изд. АН СССР, 1949, стр. 29, 51; Ф. М. Кудин. Производные доказательства и их источники в советском уголовном процессе. Автореферат кандидатской диссертации. Свердловск, 1967, стр. 9.

4) Отменяя приговор по делу Аббасова на том основании, что он был осно-

В. И. Ленин. Философские тетради. Госполитиздат, М., 1947, стр. 123.
 Целесообразно, по нашему мнению, это правило воспроизвести в УПК сех союзных республик.

⁴⁾ Отменяя приговор по делу Аббасова на том основании, что он был основан на показаниях свидетелей, данных на предварительном следствии, без вызова этих свидетелей в судебное заседание, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР указала: «Таким образом, судебное следствие по данному делу проведено исключительно поверхностно, без проверки доказательств, собранных на предварительном следствии, чем нарушен принцип... непосредственности уголовного процесса («Судебная практика Верховного Суда СССР», 1951, № 2, стр. 10).
5) «Элементарные правила ведения расследования по уголовным делам, —

в) «Элементарные правила ведения расследования по уголовным делам, коворится в одном из определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР, — требуют приобщения к делу документа (при наличии его копии. — Я. М.), в неправильном составлении которого обвиняется то или иное лицо...» (Судебная практика Верховного Суда СССР», 1952, № 7, стр. 15).

⁶⁾ Значительным шагом вперед в этом отношении является отказ законоцателя от ранее известных ограничений начала непосредственности, предусмотренных, например, в ст. ст. 282, 391, 396 УПК РСФСР, ст. 274 УПК УССР.

⁷⁾ В отличие от оглашение ранее данных показаний ввиду отсутствия или

отказа лица от дачи показаний.

в) Ср. М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. Изд. АН СССР, 1958, стр. 418.

9) Это основание оглашения показаний потерпевшего и свидетеля указано, например, в п. 2 ст. 285 УПК Латвийской ССР, п. 3 ст. 303 УПК Азербайджанской ССР. Оно было известно также ст. 286 УПК РСФСР 1923 года.

19 Это основание оглашения в суде ранее данных показаний предусмотрено, например, п. 2 ст. 316 УПК Латвийской ССР, § 1 ст. 299 УПК Польской

Народной Республики.

¹¹) Следует иметь в виду, что понятие документа в уголовном процессе шире понятия документа в уголовном праве. В уголовном праве к документам относят лишь те документы, которые пользуются уголовноправовой охраной, но при этом остается в стороне вопрос о том, какси документ может служить судебным доказательством.

12) Ср.: Ежи С моленский. Засада беспосреднёсци а правидлова выкладня арт. 299, ЗООКПК, «Новэ Право», № 7—8, с. 927.

13) Мы не имеем в виду случаи, когда документ представляет собой вещественное доказательство в том смысле, что доказательственное значение приобретает не содержание документа, а его внешний вид (например, когда на документе сохранились пятна крови). В этом случае речь будет илти не об оглашении документа. а об его осмотре.

 $^{14})$ М. Цесляк. Загоднения доводовэ а процессе карным, т. I, 1955, с. 204.

16) Аналогично высказался по данному вопросу Верховный Суд Польской Народной Республики. См. С. Калиновский, М. Северский. Кодекс постен-пования карнэго, Коментаж, 1960, стр. 329.

16) Противоположный взгляд по данному вопросу высказал Верховный Суд Польской Народной Республики. См.: А. Кафталь. Нектурэ загаднения пжештжэгания засады беспосредниости в светле ожечництва Сонду Найвыжшего, «Палестра», 1966 № 9, стр. 48.

17) Вместе с тем представляется, что на будущее целесообразно в этой части

уточнить редакцию закона, заменив слово «свидетелем» словом «лицом».

18) См.: Я. О. Мотовиловкер. Вопросы дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Изд. Томского университета. 1966.

19) Научно-практический комментарий к УПК РСФСР, «Юридическая литература», 1965, стр. 343.

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУЛАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ В В КУЙБЫШЕВА

Труды, том 199

1968 г.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОГО СУДА ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ХИЩЕНИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИМУШЕСТВА

С. С. КОКШАРОВ

Программа КПСС подчеркивает необходимость строгого соблюдения социалистической законности, искоренения всяких нарушений правопорядка, ликвидации преступности и всех причин, ее порождающих. При этом в Программе говорится, что главное внимание должно быть паправлено на предотвращение преступлений.

Выполняя задачи, поставленные партией в Программе КПСС, органы охраны общественного порядка, прокуратура и суды ежедневио ссуществляют большую работу по профилактике преступлений. Однако уровень деятельности этих органов отстает от возросших требований по своевременному пресечению преступной деятельности антиобщественных элементов и на это справедливо обращено внимание в решениях, принятых в июле 1966 года ЦК КПСС, Президиумом Верховного Совста СССР и Советом Министров СССР¹). Задача состоит в том, чтобы создать широкий фронт борьбы с преступлениями, в том числе с хищениями социалистического имущества, силами всех государственных и общественных организаций.

Но для того, чтобы правильно организовать работу по предупреждению и пресечению хищений социалистического имущества, необходимо знать причины и выяснять конкретные условия, способствующие их совершению. Без этого предупредительная работа будет беспредметной, вестись вхолостую.

Советская наука уголовного права считает, что основными причинами существования преступности в социалистическом обществе являются наличие пережитков прошлого в сознании людей и отрицательное влияние капиталистического мира²).

Несмотря на то, что социальный строй нашего общества создает сбъективные условия для ликвидации преступности, как общественного явления, отставание сознания от бытия влечет сохранение в общест венном сознании, а следовательно, в сознании отдельных людей, антивзглядов 11 привычек. Хищения социалистическог общественных имущества относятся к тем видам преступлений, где пережитки прош лого в сознании людей выступают особенно активно. Сложившиеся веками частнособственнические настроения и тенденции урвать для себя побольше за счет общества продолжают играть свою роль в сознании известной части населения. Империалистический лагерь по различным каналам стремится поддержать эти пережитки в сознании советских людей.

Без решительной борьбы с этими пережитками, воспитания береж ливости у советских людей, заботы каждого о сохранении и умножении

общественного достояния нельзя выполнить задачу быстрейшего искоренения хищений государственного и общественного имущества. В этом — одна из задач идеологической работы, о которых говорил Л. И. Брежнев в докладе на XXIII съезде КПСС³). Вот почему такое большое внимание уделяется ныне изучению причин хищений социалистического имущества и разработке мер по борьбе с ними.

Изучение причин хищений социалистического имущества не может сграничиваться установлением наличия у расхитителя антиобщественных взглядов и привычек. Необходимо вскрыть те условия, которые способствовали формированию личности преступника, и условия, которые позволили перерасти пережиткам в сознании в пережитки прошлого в поведении. Эти условия разнообразны.

Среди них следует указать на неудовлетворительную постановку учета, отчетности и сохранности денежных средств и материальных ценностей, плохо поставленный контроль за деятельностью материально ответственных лиц, нарушения принципа подбора кадров на материально ответственные должности, несвоевременное реагирование на заявления и сигналы трудящихся о преступной деятельности отдельных лиц.

В советской юридической литературе различают два вида мер социального предупреждения преступлений в нашем обществе: общие и специальные⁴).

Если говорить об общем предупреждении, то определяющими его факторами являются социально-экономические и политические мероприятия, направленные на решение главных задач общества. «Рост материальной обеспеченности, культурного уровня и сознательности трудящихся, — говорится в Программе КПСС, — создает все условия для того, чтобы искоренить преступность»⁵).

Вместе с тем в борьбе с хищениями социалистического имущества, как и с иными преступлениями, весьма эффективны специальные меры предупреждения. Эти меры призваны осуществлять в первую очередь суды, прокуратура, органы охраны общественного порядка, а также общественные организации, товарищеские суды, народные дружины, органы народного контроля.

Осуществление судом задачи предупреждения хищений социалистического имущества достигается, во-первых, путем проведения общепредупредительной работы, а во-вторых, — рассмотрения уголовных дел.

Успех борьбы с хищениями социалистического имущества зависит в значительной степени от оперативности и качества рассмотрения дел. Из дел о хищениях, рассмотренных в кассационном порядке Красноярским краевым судом, усматривается, что народные суды в отдельных случаях не обеспечивают полного и всестороннего выяснения всех обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела. В 1966 году краевым судом были отменены и изменены приговоры с переквалификацией преступления по делам о кражах в отношении 12% лиц, виновных в присвоениях, растратах и хищениях путем злоупотребления служебным положением — 21%. Все это ослабляет эффективность борьбы с этими преступлениями.

Сложность рассмотрения уголовных дел о хищениях социалистического имущества обусловлена тем, что расхитители нередко используют различного рода недостатки в работе организаций и предприятий. Поэтому важно знание судом специфики той или иной отрасли нарсдного хозяйства. Это необходимо и для успешного проведения профилактической работы. В этой связи, на наш взгляд, было бы целесообразно, где возможно, выделение отдельного судьи, который бы занимался исключительно рассмотрением уголовных дел о хищениях социалистического имущества, особенно совершенных должностными и материально ответственными лицами.

Судебное разбирательство по делу о хищении должно быть направлено на создание обстановки неотвратимости наказания, всеобщей нетерпимости к расхитителям. Суд должен бичевать взгляд на социалистическую собственность как на «казенное», «чужое добро» и показывать подлинно всенародную заботу о ее сохранении и умножении. В этом отношении исключительно важное значение приобретают выездные сессии. К сожалению, такая форма профилактической деятельности используется еще недостаточно. Так, по изученным делам в первом полугодии 1965 года в выездных сессиях народными судами Красноярского края рассмотрено лишь 17% дел о хищениях в промышленности, а в первом полугодии 1966 года — 15% дел о хищениях в торгующих организациях. Это свидетельствует о недооценке некоторыми судьями предупредительного значения судебных процессов по этой категории.

Большое воспитательное значение имеет участие в выездных сессиях представителей общественных организаций трудящихся в качест ве общественных обвинителей и защитников. Их участие помогает суду привлечь внимание общественности к тому или иному делу и мобилизовать ее на борьбу с преступными проявлениями.

Действующее законодательство обязывает органы расследования и суд при производстве по уголовному делу выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступления, и принимать меры к их устранению (ст. ст. 21, 68, 321 УПК РСФСР).

Если же органы расследования не занимались выявлением обстоятельств, способствовавщих совершению хищений государственного и общественного имущества, и восполнить эти пробелы следствия в судебном заседании невозможно, суд должен возвратить дело для производства дополнительного расследования. Было бы целесообразно, на наш взгляд, внести изменения в ст. 232 УПК РСФСР и установить в качестве основания для возвращения дела на доследование, невыяснение следователем причин и условий, способствующих преступлению, а в ст. 206 УПК РСФСР предусмотреть обязанность следователя к обвинительному заключению прилагать справку о принятых мерах к устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления.

Статья 321 УПК РСФСР требует, чтобы суд одновременно с постановлением приговора при наличии к тому оснований выносил частное определение, обращающее внимание руководителей учреждений, организаций на установленные судом причины и условия, способствовавшие совершению преступления и требующие принятия соответствующих мер к их устранению. К сожалению, эти требования закона не всегда соблюдаются. Так, в 1965 году народными судами Красноярского края по делам о хищениях социалистического имущества вынесено таких частных определений лишь по 12% дел, а в 1966 году — 15%.

В практике возникает вопрос, следует ли суду выносить частное определение по фактам, на которые уже реагировали органы следствия. Думается, что выносить в таких случаях частные определения нет необходимости. В этих случаях суд должен проверить в судебном заседании, начали ли соответствующие организации и должностные лица работу по устранению причин и условий, способствующих совершению хищения. Иное дело в случаях, когда будут установлены такие обстоятельства, которые ставят суд перед небходимостью возбуждения дела против новых лиц (например, попустительствовавших хищению). В этих случаях судом должно быть вынесено определение о привлечении таких лиц к уголовной ответственности.

Весьма важно установить систематический контроль за исполнением частных определений. Практика показывает, что отдельные организации и должностные лица в течение длительного времени даже не

отвечают на доведенные до их сведения частные определения суда. В 1964 году суды Красноярского края, например, не получили сообщений о принятых мерах по 30% вынесенных определений. Иногда это является результатом того, что нексторые частные определения недостаточно мотивированы и не содержат анализа вскрытых отрицательных явлений и конкретные рекомендации по их устранению направляются не по адресу, несвоевременно обращаются к исполнению и т. д. Большую пользу по контролю за исполнением частных определений могут принести народные заседатели. В совете народных заседателей для этих целей целесообразно образовать специальные секции. Народные заседатели нарсуда Кировского района г. Красноярска, например, в 1966 году проверили выполнение 110 частных определений суда. При этом они не ограничивались только проверкой. а на месте помогали устранять выявленные судом недостатки, организовывали в необходимых случаях обсуждение частных определений на предприятиях и учреждениях. Все это придает частным определениям более действенный характер, ускоряет их исполнение.

Значительную работу по воспитанию граждан в духе коммунистического отношения к социалистической собственности выполняют товарищеские суды. Судебные органы не могут оставаться безучастными в этом деле. Они должны оказывать и систематически оказывают содействие в их работе. Так, в 1966 году в Красноярском крае народными судьями оказана помощь 513 товарищеским судам, прочитано для членов товарищеских судов 720 лекций. Заслуживает внимания такая форма оказываемой товарищеским судам помощи, как систематическое обобщение их работы, в ходе которого судебные работники не только устанавливают недостатки, но вскрывают их причины и помогают устранять их.

Эффективным средством предупреждения хищений социалистического имущества является направление судом копий приговоров на осужденных за хищения по их месту работы или жительства. Обсуждение такого приговора на предприятии, в колхозе способствует более полному выявлению и устранению причин и условий, способствовавших совершению хищения. Естественно, что в этом отношении более активно проходят собрания, в проведении которых участвовали народные судьи и народные заседатели.

Большое значение для предотвращения хищений социалистического имущества имеет правовая пропаганда. Она помогает бороться с пережитками прошлого в сознании людей. Многие народные судьи правильно и умело используют отчетные доклады перед населением для разъяснения советского законодательства, для показа роли общественности охране социалистической собственности. Проведение для населения лекций, бесед, выступления по радио по вопросам советского права, освещение судебных процессов в печати также имеют большое воспитательное значение. Недостаток этой работы, как показывает практика, состоит в том, что она преводится время от времени, эпизодически.

В деле предупреждения хищений социалистического имущества и усиления борьбы с ними важное значение имеет изучение и обобщение судебной практики по этой категории дел. В обобщенном виде судебная практика дает картину состояния борьбы с хищениями в целом по отдельным отраслям народного хозяйства, району, области, краю, реслублике и выявляет положительное и недостатки в работе органов следствия и суда в борьбе с хищениями и позволяет видеть причины и условия, порождающие хищения и способствующие им.

Весьма полезным является одновременное изучение и обобщение практики по смежным категориям дел. Большой интерес вызвало, например, одновременное обобщение Красноярским краевым судом судебной практики по уголовным делам о хищениях в торговле и граж-

данским делам о возмещении ущерба торгующим организациям от хищений, растрат и недостач за первое полугодие 1966 года. Таксе обобщение помогло глубже вскрыть причины и условия, способствовавшие совершению хищений и иных правонарушений в торгующих организациях края и на этой основе разработать более широкий комплекс мероприятий, направленных на их устранение. Материалы обобщения были обсуждены на заседании президиума краевого суда с участием работников органов следствия, народных судей и представителей торі ующих организаций. По итогам обобщения направлена информация в крайком КПСС, для устранения причин и условий, способствовавших совершению преступлений и правонарушений, направлены представления в торгующие организации. Недостатки в работе суда по рассмотрению этой категории дел обсуждались на кустовых семинарах народных судей. Для повышения качества и результативности обобщения судебной практики судам необходимо проводить эту работу органами прокуратуры и охраны общественного порядка. Весьма полезно участие в этой работе ученых юридических институтов и факуль-Tetos⁶).

Задача искоренения хищений государственного и общественного имущества и порождающих их причин предполагает тесный контакт в работе суда с другими органами (милицией, органами следствия и прокуратурой), ведущими борьбу с преступностью. Состояние борьбы с хищениями должно систематически обсуждаться на президиумах и совещаниях совместно с руководителями органов прокуратуры и охра-

ны общественного порядка.

ЦК КПСС. Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР в решениях, принятых в июле 1966 года, требуют не только большей координации деятельности суда, органов прокуратуры охраны общественного порядка, но и координации деятельности всех государственных и общественных организаций?). В этой связи бы, на наш взгляд, целесообразно функции по координации деятельности государственных органов и общественных организаций и правление их работы по борьбе с преступлениями и правонарушениями сосредоточить в одном из органов Советского государства. Таким организационным центром могли бы стать комиссии по соблюдению социалистической законности при местных Советах депутатов дящихся⁸).

Дальнейшее улучшение деятельности судебных органов — важное условие решения поставленной в Программе КПСС задачи нения преступности в нашей стране.

1961, стр. 400.

 $^{^{1}}$) «Известия», 26 июля 1966 г. 2) См.: А. А. Герцензон. Введение в советскую криминологию. М., Издво «Юридическая литература», 1965, стр. 23; «Советское уголовное право», часть

общая, М., Изд-во «Юридическая литература», 1962, стр. 83.

3) См.: Л. И. Б ре ж н е в. Отчетный доклад ЦК КПСС XXIII съезду КПСС. «Материалы XXIII съезда КПСС». Изд-во «Юридическая литература», 1966, стр. 88.

⁴⁾ См.: А. А. Пионтковский. Учение о преступлении. М., Гос. изд-во юридической литературы, 1961, стр. 99.

5) «Материалы XXII съезда КПСС», Гос. изд-во политической литературы,

⁶⁾ Об улучшении связей науки с практикой неоднократно отмечалось в юриоб улучшений связей науки с практиков и содружество практиков и ученых, «Советская юстиция», 1966, № 22, стр. 1—2.)

7) «Известия», 26 июля 1966 года.

8) С. В. Бородин предлагал при органах партийно-государственного конт-

роля организовать координационный центр по предупреждению преступлений. (См.: С. В. Бородин. Организация и контроль—главное в предотвращении преступлений. «Советская юстиция», 1963, № 6, стр. 22). Мы не разделяем этой точки зрения.

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. В. КУЙБЫШЕВА.

Труды, том 199 1968 г.

О ПОЯВЛЕНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В COBETCKOM УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В. Г. АСТАШЕНКОВ

В решении поставленной Программой КПСС задачи полной ликвидации преступности в СССР важное место принадлежит органам предварительного расследования, на которые возложена обязанность раскрытия преступлений изобличения виновных и обеспечения правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Дальнейшее укрепление социалистической законности органами предварительного расследования немыслимс без единообразного понимания определений, которые даются законодателем всем участникам уголовно-процессуальной деятельности. Прежде всего, это необходимо в отношении лиц, привлекаемых органами предварительного расследования в качестве подозреваемых и обвиняемых. В настоящей статье сделана попытка осветить лишь некоторые вопросы, связанные с появлением в советском уголовном процессе фигуры подозреваемого.

Бесспорно, что появление подозреваемого в ходе производства предварительного расследования обусловлено качественным изменением совокупности доказательств при проверке всех возможных слелственных версий, в результате чего наиболее обоснованной и реальной становится одна версия о совершении преступления конкретными лицами. Момент появления подозреваемого в советском уголовном процессе по-разному трактуется в процессуальной литературе. Большинство советских процессуалистов: М. С. Строгович. М. Ю. Рагинский, М. А. Чельцов, Р. Д. Рахунов, В. Г. Кочетков и др. в соответствии со ст. 52 УПК РСФСР считают, что «подозреваемым по уголовному делу является лицо, которое подвергнуто задержанию по основаниям, предусмотренным законом, или к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения»1). Таким образом, появление подозреваемого лица при производстве расследования сторонниками этой позиции связывается не с фактическими основаниями, свидетельствующими о причастности конкретного лица к исследуемому деянию, а лишь с применением к нему вышеуказанных процессуальных мер принуждения или пресечения. Причем Р. Д. Рахунов полагает, что задержание и избрание меры пресечения до предъявления обвинения должно иметь место в исключительных случаях, которые должны представлять из себя только особо опасные преступления. По всем остальным категориям уголовных дел Р. Д. Рахунов предлагает придерживаться «обычного порядка, т. е. до избрания меры пресечения предъявить обвинение»²).

Представляется, что такая точка зрения дает слишком узкое поня-

тие подозреваемого, не отвечающее на практике задачам предварительного расследования. Сторонники этой позиции считают, что ни в каком ином случае, кроме задержания лица либо применения к нему пресечения, оно не может фигурировать в уголовном деле в полозреваемого. Но как быть тогда, когда имеются важные для раскрытия преступления доказательства о причастности конкретного лица исследуемому деянию, хотя преступление не особо опасное? Р. Д. Рахунов предлагает «до появления в деле обвиняемого каждое лицо, показания которого могут быть источником доказательств, допрашивать, как правило, в качестве свидетеля, причем следователь не в праве допросе ставить таким лицам уличающие их вопросы»3). В правильная позиция Р. Д. Рахунова в отношении лица, фактически полозреваемого в совершении преступления, неприемлема. Ибо о чем же должно допрашиваться лицо, подозреваемое в совершении преступления, как не об обстоятельствах, свидетельствующих о его причастности к преступлению. В ходе допроса подозреваемый дает показания именно о тех фактах, которые дают основания подозревать его.

• Что же все-таки должно являться фактическим признания лица подозреваемым? Ст. 52 УПК РСФСР непосредственно не дает перечня фактических оснований признания лица подозреваеотсылает к ст. ст. 90, 122 УПК РСФСР Статья 122 РСФСР содержит перечень оснований, установление которых объективно свидетельствует о причастности данного лица к совершенному преступлению. Эти данные и являются, по существу, фактическими основаниями, которые ставят лицо в процессуальное положение подозреваемого. Анализ ст. 90 УПК РСФСР приводит к выводу о том, что исключительность случаев, при которых в отношении лица может быть избрача мера пресечения до предъявления обвинения, никакими рамками определяется, а положение о том, что мера пресечения в отношении подозреваемого лица может быть избрана в исключительных случаях, никакого фактического основания для признания лица подозреваемым не содержит. Ведь в самом деле, для того, чтобы в огношении какоголибо лица (будь то обвиняемый, либо подозреваемый) была избрана мера пресечения в соответствии с требованиями ст. 89 УПК РСФСР. необходимо материалами уголовного дела установить, что это лицо может скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, а также сможет воспрепятствовать установлению истины по уголовному делу, или сможет заниматься преступной деятельностью, либо возникает необходимость в обеспечении исполнения приговора.

Являются ли установленные материалами расследуемого уголовного дела основания, указанные в ст. 89 УПК РСФСР, основаниями признания лица подозреваемым? Естественно, что на этот вопрос может быть дан только отрицательный отвег, ибо основания ст. 89 УПК РСФСР, не входя в предмет доказывания по уголовному делу, тем самым никоим образом не устанавливают причастность к совершенному преступлению, а лишь на основе определенного доказательственного материала, добытого по уголовному делу, обосновывают необходимость применения той или иной меры пресечения. Следовательно, основанчя для признания лица подозреваемым и основания для избрания в отношении подозреваемого меры пресечения по своим целям и задачам имеют различную правовую природу. Их взаимосвязь обусловливается как необходимое и достаточное условие для избрания и применения меры пресечения. Причем наличие данных, дающих фактические для признания лица подозреваемым, должно рассматриваться как необходимое условие для того, чтобы в случае установления оснований, указанных в ст. 89 УПК РСФСР, к этому лицу могла быть применена мера пресечения. Итак, фактические основания, необходимые для признания лица подозреваемым, указаны только в ст. 122 УПК РСФСР

В связи с изложенным следует обязательно отметить, что практические работники нередко сталкиваются с такими случаями, когда при наличии оснований для задержания лица в порядке статьи 122 УПК РСФСР отсутствует необходимость и целесообразность в задержанин, а основания для избрания меры пресечения и предъявления обвинения не установлены. Допросить же это лицо и предоставить ему возможность пользоваться всеми процессуальными правами подозреваемого необхолимо.

Так, на станционных путях ст. Томск-1 был обнаружен вскрытый товарный вагон, при осмотре и комиссионной выгрузке которого было обнаружено крупное хишение импортных туфель. В ходе проведения неотложных оперативно-розыскных и следственных мероприятий установить лиц, совершивших хищение, не представилось возможным. В дальнейшем была получена оперативная информация о том, что хищение обуви из вагона совершила группа учащихся 7—10 классов школ, расположенных в районе ст. Томск-1. При производстве обысков на квартирах у двух школьников И. и П. была изъята похищенная обувь. Однако, согласно оперативной информации, школьники, у которых было изъято похищенное, к хищению никакого отношения не имели. Толя Бондарев, Виктор Кнопов и др., непосредственные участники кражи, попросили И. и П. спрятать туфли у себя дома. Несомненно, что задерживать И. и П. в порядке ст. 122 УПК РСФСР не имело смысла. Оснований для избрания меры пресечения и предъявления обвинения отсутствовали. А проверить оперативную информацию можно было только выслушав объяснения И. и П. Учитывая, что И. и П. в связи с сбнаружением в их жилищах вещественных доказательств необходимо было задавать вопросы для выяснения возможной их причастности совершенному преступлению, а также с целью выявления истинных участников преступной группировки и таким образом следственным путем проверить оперативную информацию, последние были допрошены в качестве подозреваемых, без водворения в КПЗ, что только дало положительные результаты для успешного расследования. С точки же зрения действующего законодательства действия следователя нарушали социалистическую законность, так как И. и П. в камеру предварительного заключения не водворялись и мера пресечения не избиралась.

В процессуальной литературе правильно отмечалось некоторыми авторами, что «предоставление подозреваемому процессуальных следует отнести к моменту его появления в деле, что не всегда совпадает с моментом задержания или ареста подозреваемого»⁴). Однако, в целях избежания необоснованно расширенного толкования понятия подозреваемого необходимо четкое определение оснований, по конкретное лицо может быть поставлено в процессуальное положение подозреваемого. Те авторы, которые предлагают признавать лицо подозреваемым с того момента, когда в отношении его в материалах уголовного дела появятся какие-либо данные о том, что именно оно совершило преступление, тем самым безгранично расширяют круг участвующих в деле лиц, которые по любым основаниям могут быть признаны подозреваемыми⁵). Такая позиция должна быть отвергнута самым решительным образом, поскольку она полностью исключает гарантии от необоснованного привлечения лица в качестве подозреваемого. Основу подозрения могут и должны составлять только подлинные, реальные действия лица, совершившего преступление. Основания, которые могут быть положены в основу подозрения, должны требованиям уголовно-процессуального законодательства⁶).

Поэтому следует считать, что лицо может быть признано подозреваемым в том случае, когда материалами уголовного дела будет установлено одно или совокупность оснований, предусмотренных ст. 122 УПК РСФСР.

- 1. Когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения.
- 2. Когда очевидцы, в том числе потерпевший, прямо укажут на данное лицо, как на совершившее преступление.
- 3. Когда на подозреваемом или на его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления.
- 4. При наличии иных доказательств, свидетельствующих о причастности данного лица. К совершению преступления, если оно покушалось на побег, или когда оно не имеет постоянного места жительства, или когда не установлена его личность.

Итак, понятие подозреваемого должно основываться только на фактических основаниях свидетельствующих о причастности конкретного лица к исследуемому преступному деянию, а не на основании применения к нему мер процессуального пресечения, либо задержания. Наша концепция наиболее отвечает практическим задачам органов предварительного расследования в связи с тем, что допрос лица, фактически подозреваемого в совершении преступления следователем или лицом, производящим дознание, может быть проведен во всех необходимых случаях без водворения в камеру предварительного заключения. того, предоставление прав подозреваемому с момента его фактического появления в деле будет являться важнейшей гарантией для реализации этим лицом предоставленного ему законом права на защиту. Лица же, которые могут быть признаны подозреваемыми, гарантированы от необоснованного привлечения по уголовному делу в качестве дозреваемого, так как основания, которые могут быть положены в оснонову подозрения, четко определены законодателем⁷). Следует также целях укрепления социалистической законности при производстве предварительного расследования особо предусмотреть процессуальный рядок появления подозреваемого в советском уголовном процессе. Представляется, что в момент фактического появления подозреваемого по уголовному делу следователем, а также органом дознания должно выноситься соответствующее мотивированное постановление, в котором обязательно должны быть указаны установленные материалами фактические обстоятельства деяния, являющиеся основаниями задержания. В постановлении должно содержаться обязательное указание времени, когда это постановление выносится, что должно рассматриваться как необходимое условие исчисления срока, в течение которсго лицо может находиться в процессуальном положении подозреваемого. Следует признать, что орган дознания, либо следователь обязаны в 12чение трех суток проверить основания, положенные в основу подозрения, добыть по делу дополнительные доказательства, после чего принять одно из следующих решений: 1) привлечь данное лицо в качество обвиняемого при наличии достаточных доказательств, дающих основание для предъявления обвинения в совершении преступления; 2) вынести постановление о прекращении уголовного преследования данного лица в качестве подозреваемого. В исключительных случаях, когда в отношении подозреваемого была избрана какая-либо мера пресечения, это лицо может быть в положении подозреваемого не свыше 10 суток. Однако, применение к подозреваемому меры пресечения до предъявления обвидлительного нения должно рассматриваться не как основание более признания этого лица подозреваемым, а как процессуальная мера, продляющая срок его нахождения в положении подозреваемого. случае по истечении 10 суток, даже если основания, послужившие признанию лица подозреваемым, полностью не были опровергнуты, должно быть вынесено также постановление о прекращении в отношении данного лица уголовного преследования, с чем юн должен быть ознакомлен под расписку. Повторно фигурировать по делу в качестве подозреваемого лицо может только в том случае, когда по делу будут установлены

1 m 14

новые основания, ранее не имевшиеся в материалах дела, причем в процессуальном положении подозреваемого лицо может находиться не свыше срока, указанного выше. Возможность повторного признация лица подозреваемым вызвана, по нашему мнению, практическими задачами органов предварительного расследования и обусловлена тем. что в ходе производства предварительного расследования качественный доказательственный материал динамичен и объем его прямо прспорционален сроку расследования. Однако, категорически следует отказаться от возможности повторного признания лица подозреваемым том случае, если новыми источниками доказательств будет подтверждаться основание, которое уже было положено в основу подозрения, ибо если новые доказательства не дают основания для предъявления обвинения то они ничего качественно нового не вносят в подозрения, которое себя уже ранее исчерпало по уголовному делу. Учитывая, что ст. 122 УПК РСФСР предусматривает 4 основания, которые могут быть положены в основу подозрения, можно придти к выводу, что лицо по уголовному делу может быть признано подозреваемым четыре раза. (Совокупность оснований, ранее положенная в основу подозрения, должна рассматриваться в ходе дальнейшего расследования как основание, себя уже исчерпавшее⁸). Но мера пресечения к этому лицу может применяться только один раз.

Изложенная позиция, определяя основания, порядок и срок процессуального положения подозреваемого при решении ряда вопросов, согласуется с действующим уголовно-процессуальным ством, но с учетом практической необходимости привлекает к себе вни-

мание и заслуживает ее дальнейшей разработки.

7). Э. Боровский в работе «Понятие подозреваемого в советском уголовном процессе», Вестник МГУ, сер. 10, № 1, 1963 считает, что невозможно найти в

¹⁾ М. С. Строгович. О подозреваемом. Соц. законность, 1961, стр. 122.
2) Р. Д. Рахунов. Участники уголовно-процессуальной деятельности. Госюриздат, 1961, стр. 204 Ю. Рагинский. Комментарий к УПК РСФСР. М., 1965, стр. 94. М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. Госюриздат, 1962, стр. 102; В. Г. Кочетков. Подозреваемый в советском уголовном процессе. Автореферат ВШ МООП, М., 1965.
3) Р. Д. Рахунов. Участники уголовно-процессуальной деятельности, Госюриздат, стр. 204.
4) Р. Д. Рахунов. Участники уголовно-процессуальной деятельности. Госюриздат. 1961. стр. 206

⁷⁾ Р. Д. Рахунов. Участники уголовно-процессуальной деятельности. Госюриздат, 1961, стр. 206.

5) Л. М. Корнеева. Соц. законность. 1954, № 12, стр. 21.

6) Так, Т. М. Арзуманян в работе о фигуре подозреваемого «Соц. законность» 1956, № 10 предлагал допрашивать в качестве подозреваемого всех лиц. на которых падает подозрение.

законе основания для признания лица подозреваемым.

8) Указанные выше основания для признания лица подозреваемым должны найти отражение в материалах уголовного дела и могут быть получены только из предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. Оперативно-розыскиая деятельность органов дознания при задержании лица должна рассматриваться как вспомогательная деятельность по обнаружению процессуальных источников доказательств. Нельзя согласиться поэтому с позицией Ю. Д. Лившиц, который допускает оперативную информацию в некоторых случаях как основание к задержанию. (См.: Ю. Д. Лившиц. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1964, стр. 34).

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. В. КУЙБЫШЕВА.

Труды, том 199

1968 г

СОДЕРЖАНИЕ И ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ КАРАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Ю. Ф. КАРДОПОЛОВ

Обычно, говоря об индивидуализации наказания, в том числе и об индивидуализации наказания при исполнении лишения свободы, имеют в виду индивидуализацию одного лишь уголовного наказания, в когором, собственно, и выражается само по себе лишение свободы как вид уголовного наказания¹).

Однако, как представляется, содержание индивидуализации карательного воздействия при исполнении лишения свободы вообще может и не исчерпываться — и на практике действительно, как правило, не исчерпывается — индивидуализацией одного лишь уголовного наказания.

Так, в частности, предусмотренные исправительно-трудовым законодательством и довольно часто еще применяемые на практике меры дисциплинарного взыскания, как вид юридической ответственности, а именно дисциплинарной ответственности, также содержат в себе определенный (дисциплинарный) заряд карательного воздействия и, таким образом, в принципе составляют (или могут составлять) часть содержания карательного воздействия, оказываемого на осужденного при исполнении лишения свободы, а следовательно, также должны входить в круг вопросов, охватываемых проблемой индивидуализации карательного воздействия при исполнении лишения свободы.

Данный вывод является, на наш взгляд, тем более обоснованным, что дисциплинарное карательное воздействие не только сосуществует с карательным воздействием уголовного наказания, но и находится ним в более глубокой и тесной связи, чем об этом иногда принято думать. Конечно, дисциплинарные наказания применяются не за ступления, совершенные осужденными, а за дисциплинарные проступки, допущенные ими в процессе отбывания наказания; конечно, и правовые последствия применения уголовного наказания и наказания дисциплинарного совершенно различны²); конечно же и субъективное отношение к тому и другому со стороны осужденных также является существенно различным и все-таки, как представляется, вопрос о взаимоотношении карательного воздействия лишения свободы как вида угсловного наказания и карательного воздействия дисциплинарных воздействия в целом ряде случаев не может быть сведен лишь к простому их сосуществованию. Дисциплинарные меры воздействия, первых, так же как и уголовное наказание, являются мерами юридического принуждения со стороны государственных органов. Так же как и уголовное наказание, они, во-вторых, являются мерами, причиняющими определенные тяготы и лишения. Так же как и уголовное наказание,

дисциплинарные меры воздействия, в-третьих, являются мерами, направленными в конечном счете на достижение тех же целей, что и уголовное наказание (ст. 20 УК РСФСР³).

Исходя из этого, можно сделать вывод, что содержание карательного воздействия при применении мер дисциплинарной ответственности в отношении осужденных к лишению свободы представляет из себя не только самостоятельный вид юридической ответственности, но и такой вид ответственности, который в определенном смысле (в смысле своего материального выражения) весьма тесно связан с содержанием лишения свободы как видом уголовной ответственности и, таким образом, является частью содержания карательного воздействия, оказываемого на осужденного в местах заключения (в случае, конечно, применения к осужденному мер дисциплинарного воздействия).

Но в еще более широком смысле содержание карательного действия на осужденных к лишению свободы в определенных случаях может дополняться также и иными мерами воздействия. В ходе каравоздейтельно-воспитательного правовых мер воздействия. кроме ствия, широко, как известно, применяются также и меры чисто рального воздействия, и в том числе меры чисто морального осуждения отрицательных поступков, отрицательного поведения осужденных. Органы советской общественности, оказывающие администрации ИТУ помощь в исправлении и перевоспитании осужденных, администрация ИТУ, а также и органы самодеятельных организаций самих заключенных в ходе своей деятельности широко применяют меры чисто морального воздействия на лиц, которые не встали еще на путь исправления и допускают те или иные отрицательные проявления. Не обладая правовыми последствиями, эти меры вместе с тем, будучи примененными и оказывая на осужденных огромное воспитательное воздействие, также могут сопровождаться (и часто действительно сопровождаются) определенными нравственными переживаниями и страданиями осужденного и таким образом, усиливать общее карательное воздействие на его личность.

Принимая во внимание данное свойство мер чисто морального характера, мы полагаем, что при рассмотрении вопросов индивидуализации карательного воздействия при лишении свободы имеет смыслучитывать и эти меры чисто морального характера.

Но содержание и, в частности, объем карательного воздействия на осужденного в ходе осуществления карательно-воспитательного воздействия в местах лишения свободы определяется не только посредством применения мер именно карающего характера — уголовного наказания, мер дисциплинарного воздействия и мер морального осуждения, но в равной мере (с негативной стороны) и посредством применения мер, которые в той или иной степени ослабляют карательное воздействие, оказываемое на осужденных, например, посредством ослабления режима лишения свободы в связи с переводом на льготные условия содержания, посредством применения к осужденным мер лисциплинарного и чисто морального поощрения, посредством замены лишения свободы более мягким наказанием и т. д.

Так, содержание карательного воздействия на осужденного в ходе исполнения лишения свободы (как вида уголовного наказания) обусловливается не только, например, переводом злостного нарушителя режима в тюрьму или одиночную камеру, но в равной мере также и переводом осужденного, когда он встает на путь исправления, на льготные условия содержания, в ИТК-поселение, заменой лишения свободы более мягким наказанием или даже полным освобождением от наказания. Аналогичным образом содержание карательного воздействия на личность осужденного обусловливается также не только посредством мер дисциплинарного взыскания (наказания), но, с другой стороны

также и посредством мер дисциплинарного поощрения. Причем меры дисциплинарного поощрения так же, как и меры дисциплинарного взыскания, представляют из себя не только самостоятельный вид (правового) поощрения, но по своему материальному содержанию тесно связаны с содержанием карательного воздействия лишения свободы как видом уголовного наказания. Поясним эту последнюю мысль.

Относясь к мерам дисциплинарного воздействия, меры поощрения так же, как и меры взыскания, применяются, конечно, не в связи с совершением преступления, за которое осужденный отбывает наказание, но, напротив, в связи с положительным его поведением, в связи с положительным его отношением к требованиям режима, к труду и т. д. Именно это и отражается в законе в качестве оснований для применения мер поощрения и взыскания: меры поощрения применяются за примерное поведение и добросовестное отношение к труду; меры взыскания — за нарушение режима и уклонение от работы (см. ст. ст. 49 и 50 Положения об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах МООП РСФСР).

Однако содержание мер поощрения так же, как и содержание мер взыскания, тесно связано с карательным содержанием уголовного наказания. Эта связь становится совершенно очевидной, если вопрос о соотношении мер поощрения (в дисциплинарном порядке) и мер уголовного наказания рассматривать с точки зрения качественного соотношения тех реальных благ, лишение которых, с одной стороны, ставляет сущность наказания (уголовного или дисциплинарного), а с другой — при их представлении осужденному — сущность поощрения. Рассматривая вопрос с этой точки зрения, нетрудно заметить, что содержание мер поощрения и взыскания в основной своей массе представляет из себя блага, непосредственно направленные на расширение или сужение тех же самых благ, поражение которых составляет содержание лишения свободы как вида уголовного наказания. Так, например, режимные требования общих условий содержания в ИТК любого вида режима регулируют (устанавливают), кроме изоляции, прежде всего вопросы материального обеспечения осужденных (количество безналичному денег, которыми заключенный может пользоваться по расчету для приобретения предметов первой необходимости), количество свиданий с родственниками, количество посылок и передач, которые заключенный может получить в течение определенного и взыскания так и т. д. Одновременно с этим меры поощрения предусматривают или расширение этих же самых благ суммы денег для приобретения предметов первой необходимости, разрешение на получение дополнительного свидания и т. п.) или их ограничение (лишение права на получение очередной посылки или передачи, запрещение покупать предметы первой необходимости ленное время и т. п.). Даже такие, казалось бы, сугубо морального характера меры дисциплинарного воздействия, как объявление благодарности, занесение на доску передовиков производства, предупреждение или выговор, объявленный устно или в приказе, также в определенной мере связываются с основным содержанием карательного воздействия лишения свободы как меры уголовного характера, поскольку помимо их собственного значения они влияют на условия применения к осужденному таких мер, как перевод на льготные условия содержания, условно-досрочное освобождение и иных мер, смягчающих или вовсе прекращающих уголовное наказание. Но все это как раз и означает, что достижение карательного или поощрительного эффекта при применении мер дисциплинарного характера осуществляется средством сужения или расширения тех же самых благ, ограничение пользования которыми и составляет содержание карательного воздействия при лишении свободы как меры уголовного наказания.

Что же касается мер чисто морального характера, то и здесь их применение в противовес мерам осуждения, способно приносить осужденному определенное нравственное удовлетворение и в связи с этим, в психологическом плане, в известной мере снижать силу оказываемого на него карательного воздействия уголовного наказания.

Но поскольку это так, то, очевидно, имеются все основания, чтобы сделать следующие выводы:

- 1. Содержание карательного воздействия на осужденного в местах лишения свободы, представляя из себя прежде всего кару самого лишения свободы как меры уголовного наказания, в то же время может дополняться в случае применения к осужденному дисциплинарных и чисто моральных мер взыскания (осуждения), также и карательным воздействием, содержащимся в этих мерах дисциплинарного и чисто морального характера.
- 2. Поскольку содержание карательного воздействия при лишении свободы, кроме мер непосредственно карающего характера, обусловливается также и мерами поощряющего характера, то действительное содержание (объем) карательного воздействия при лишении свободы обусловливается, таким образом, всей совокупностью применяемых к осужденному мер как карающего, так и поощряющего характера.
- 3. Проблема индивидуализации карательного воздействия на осужденных к лишению свободы в связи с этим должна, по существу, охватывать не только вопрос об индивидуализации лишения свободы как меры уголовного характера, но также и вопросы индивидуализации мер дисциплинарного и чисто морального воздействия, причем не только карающего, но и в равной степени и поощряющего характера. Понятие индивидуализации карательного воздействия является, таким образом, более широким, нежели понятие индивидуализации одного лишь наказания лишением свободы, и включает в себя, с сдной стороны, индивидуализацию самого уголовного наказания лишением свободы, а с другой стороны также и индивидуализацию мер дисциплинарного и чисто морального воздействия.

В непосредственной связи с содержанием индивидуализации кара тельного воздействия при лишении свободы находится вопрос о формах индивидуализации карательного воздействия.

Содержание карательного воздействия на осужденного обусловливается, как известно, прежде всего видом режима лишения свободы, определяемого судом при назначении осужденному наказания в виде лишения свободы.

Но в дальнейшем при исполнении лишения свободы содержание (объем) карательного воздействия на осужденного не остается неизменным, он изменяется, индивидуализируется в зависимости ст конкретных особенностей поведения осужденного в местах заключения, в зависимости от его отношения к требованиям режима, к груду, к требованию исправления и перевоспитания и т. д. и т. п.

Так, к осужденным, нарушающим режим, применяются меры дисциплинарного взыскания. Осужденные, ведущие себя положительно, напротив, поощряются в дисциплинарном порядке.

По истечении известных сроков, установленных в законе, и при наличии других необходимых оснований заключенный может быть переведен на льготные условия содержания. С другой стороны, в отношении злостного нарушителя режима может быть применен перевод в помещение камерного типа.

Далее, в отношении известной части заключенных при наличии

соответствующих оснований, указанных в законе, может быть применен и перевод из ИТУ одного режима в ИТУ другого вида режима, например, из ИТК особого режима в ИТК строгого режима, из ИТК общего, усиленного и строгого в ИТК-поселение и т. д. и наоборот.

Наконец, карательное воздействие в отношении осужденных к ли шению свободы может индивидуализироваться также посредством или полного прекращения лишения свободы при различных видах досрочного освобождения от наказания или путем замены лишения свободы более мягким наказанием.

Практика показывает, что в ходе исполнения лишения свободы карательное воздействие так или иначе изменяется, индивидуализируется в отношении почти всех 100% осужденных.

Так, меры дисциплинарного поощрения и взыскания применяются приблизительно к 95% осужденных. Переводы на льготные условия содержания или на другие виды режима к 10—20% и т. д. и т. п.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что индивидуализация карательного воздействия при применении лишения свободы в соответствии с действующим законодательством осуществляется в следующих формах:

- 1) в форме распределения осужденных по ИТУ разных видов режима лишения свободы на основе горизонтальной классификации осужденных, осуществляемой при вынесении приговора и определении наказания в суде;
- 2) в форме изменения правового положения заключенных; внутри ИТУ во-первых, посредством применения к ним мер дисциплинарного и чисто морального характера и, во-вторых, посредством применения к ним элементов прогрессивной системы отбытия наказания на основе так называемой вертикальной классификации осужденных;
- 3) в форме применения к осужденным различных видов досрочного освобождения от наказания лишением свободы.

См.: работу И. И. Карпеца «Индивидуализация наказания» (М., 1961), работу А. Л. Ременсона «Индивидуализация наказания в процессе его исполнения» (Сборник работ юридического факультета, Томск. 1961, стр. 78—79).
 В данном случае мы вполне согласны с И. С. Ноем, когда он пишет, что

²⁾ В данном случае мы вполне согласны с И. С. Ноем, когда он пишет, что рассматриваемые меры дисциплинарного принуждения карают не в уголовноправовом смысле, а в дисциплинарном, так как не содержат в себе момента осуждения от имени государства (см.: И. С. Ной Теоретические вопросы лишения свободы. СГУ, 1965, стр. 93). Однако мы не можем согласиться с его утверждением, что «меры принуждения, применяемые к нарушителям режима, не только не являются уголовной карой, но не охватываются вообще понятием наказания» (там же. стр. 93). То, что эти меры не являются уголовной карой, положение совершенно бесспорное, но в такой же мере бесспорным до сих пор являлось и положение, что меры уголовного, дисциплинарного, административного и т. п. воздействия в целом охватываются общим понятием наказания, так как каждый из этих видов воздействия является не чем иным как отдельным видом нагазания (см. работу О. Э. Лейста «Санкции в советском праве». М.. 1962, стр. 106 и далее).

³⁾ См. в этом отношении автореферат канд. дисс. А. И Марцева «Дисциплинарная ответственность заключенных по советскому исправительно-трудовому праву», М., 1964, стр. 10.

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. В. КУЙБЫШЕВА.

Труды, том 199 1968 г.

ПРЕДЕЛЫ ИЗУЧЕНИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ СВЕДЕНИЙ О ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

н. т. ведерников

Решить вопрос о пределах изучения личности субъекта, совершившего преступление, — это значит определить объем необходимых данных, наметить пути изучения, которые раскрывали бы содержание личности, наполняли это содержание конкретными сведениями, дающими в совокупности всестороннее представление о данном человеке. После того, как будет выяснено, из чего же конкретно слагается характеристика личности, появляется возможность заранее направлять усилия на получение необходимых данных.

Правильное разрешение вопроса о пределах изучения личности дает также основу для научно обоснованной классификации сведений о личности субъекта преступления, что имеет немаловажное значение не только для теоретической разработки этого вопроса, но и для работы органов следствия, суда и исправительно-трудовых учреждений. Классификация сведений о личности может служить базой для разработки и внедрения в практику работы всех органов, ведущих борьбу с преступностью, единообразного обобщающего документа по изучению личности субъекта преступления.

В законодательстве не определены пределы изучения личности виновного, хотя отдельные указания по этому вопросу содержатся в Основах уголовного законодательства и судопроизводства, в Уголовных и Уголовно-процессуальных кодексах союзных республик.

В общей форме такое указание содержится, например, в ст. 68 УПК РСФСР. Перечисляя обстоятельства, подлежащие доказыванию по всякому уголовному делу, устанавливается, что при производстве дознания, предварительного следствия и разбирательства в суде подлежат доказыванию: «... 3) обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого, указанные в ст. ст. 38 и 39 УК РСФСР, а также иные обстоятельства, характер изующие личность обвиняемого» (разрядка моя—*Н. В.*).

В ряде статей УПК РСФСР перечисляются те или иные конкретные сведения о личности совершившего преступление, которые необходимо устанавливать во всяком деле. Так, в ст. 151 УПК называются сведения, относящиеся к так называемым биографическим данным: фамилия, имя, отчество, время и место рождения, гражданство, национальность, образование, семейное положение, место работы, род занятий, должность, место жительства, прежняя судимость. В ст. 91 УПК в числе других называется состояние здоровья, которое учитывается при решении вопроса о мере пресечения и, следовательно, должно устанавливаться.

Верховный Суд СССР в своих постановлениях также неоднократно давал указания о том, какие данные должны содержаться в делах-

Так, в Постановлении от 4/VI 1960 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» Пленум Верховного Суда СССР указал, что сведения о личности совершившего преступление «должны включать не только сведения о его имени, отчестве, фамилии, но и данные о его семейном положении, о его занятиях, отношении к производству, о поведении в быту, о его прошлом, а также иные сведения, положительно или отрицательно характеризующие подсудимого» 1).

Во всех названных и других случаях, когда дается перечень сведений о личности виновного, обращает на себя внимание то, что этот перечень примерный, и разъясняется, что в деле могут содержаться и иные оведения, которые окажутся необходимыми по обстоятельствам дела.

Таким образом, законодатель не дает полного перечня сведений о личности совершившего преступление, предоставляя решение этого вопроса органам дознания, следствия и суда, связывая его с обстоятельствами каждого конкретного уголовного дела.

Судебная практика в этом отношении весьма многообразна. Возьмем несколько примеров из практики Верховного Суда СССР. Так, в постановлении Пленума по делу Бочарова говорится, что «в момент совершения преступления Бочаров имел возраст 19 лет, до этого ни в чем предосудительном замечен не был, ранее не судим, воспитывался без отца в трудных материальных условиях» (Бюллетень Верховного Суда СССР, 1965, № 2, стр. 20); в постановлении Пленума по делу Степанникова: «характеризуется исключительно положительно как до военной службы, так и за период службы в армии... является членом бюро комсомольской огранизации подразделения. Предосудительных поступков не совершал» (Бюллетень Верховного Суда, 1965, № 2, стр. 25); в постановлении Пленума по делу Касимова: «Часто пьянствовал и нарушал общественный порядок, создавая соседям невозможные условия для проживания» (Бюллетень Верховного Суда СССР, 1965, № 6, стр. 36).

В юридической литературе предпринимались неоднократные попытки дать общую формулу изучения личности субъекта преступления, которая была бы применима во всяком уголовном деле. Наиболее полную формулу приводит М. М. Гродзинский. Он писал, что судебному исследованию подлежат те стороны личности обвиняемого, которые находятся в соответствии, или, напротив, в прямом противоречии с характером и особенностями рассматриваемого судом преступного деяния и тем самым оказывают свое влияние на решение вопроса о виновности обвиняемого и о размерах его ответственности²).

Таким определением М. М. Гродзинский как бы разделил все данные о личности субъекта, совершившего преступление, на две группы в зависимости от характера совершенного им преступления. При этом вне поля зрения органов следствия и суда остаются другие данные, которые характеризуют личность совершившего преступление, но не относятся ни к той, ни к другой группе, т. е. и не сочетаются и не противоречат характеру совершенного преступления.

При определении пределов изучения личности преступника, разумеется, нельзя совершенно абстрагироваться от совершенного им преступления, но нельзя также исходить лишь из совершенного деяния. Это может привести к тому, что не будут исследованы некоторые стороны личности и, следовательно, не будет выполнена задача всестороннего изучения личности субъекта преступления. Нельзя забывать также, что значение изучения личности виновного не ограничивается решением вопросов виновности и степени ответственности подсудимого, а играет не меньшую роль в деле последующего исправления и перевоспитания его

В этом отношении более правильным представляется определение объема необходимых сведений о личности обвиняемого, которое дают Б. Л. Корсаков и А. А. Любавин. Они пишут, что «судебному исследованию подлежат все факты, при помощи которых выясняется виновность или невиновность обвиняемого, определяется вид и размер наказания и наиболее эффективные пути исправления преступника. Суд должен иметь как можно более полное представление о личности виновного»3) Но такое общее определение также не дает точного критерия. Какие же сведения о личности виновного необходимо иметь во всяком уголовном деле? В теоретическом плане не вызывает сомнения то положение, что чем полнее будет исследована личность преступника, тем больший материал будет в распоряжении органов следствия, суда и исправительнотрудовых учреждений для решения всех вопросов по делу и проведения работы по перевоспитанию осужденного. Но нужно учитывать также и практические возможности органов следствия и суда по изучению личности субъекта, совершившего преступление.

В последние годы появился ряд работ⁴), авторы которых делают попытки по-своему решить вопрос об объеме сведений о личности субъекта преступления. Они уже не довольствуются общими формулами, а пытаются расшифровать их. В своих предложениях они определяют какие же данные, характеризующие личность субъекта преступления, имеют значение при решении того или иного вопрооа по делу, и, таким образом, очерчивают круг наиболее необходимых сведений.

Одной из последних таких работ является статья С. С. Степичева и А. М. Яковлева «Изучение личности обвиняемого и осужденного». С. С. Степичев, автор той части работы, где дается перечень групп сведений о личности, называет десять таких групп, но в итоге признает, что «приведенный перечень не является исчерпывающим»⁵).

Однако это совсем не означает, что следует согласиться с утверждением тех, кто считает, что установить заранее, какие именно свойства личности нужно изучать, невозможно», так как область исследования в данном случае является весьма широкой и по внутреннему своему содержанию чрезвычайно разнообразной, соответственно тому разнообразию, какое представляют собой поихические переживания человеческой личности; вследствие этого никакой перечень, как бы он не был подробен, не будет исчерпывающим, и сама переч невая система предста в ляется поэтому совершенно бесполезной» (разрядка моя. — H. B.).

Если рассмотреть предложения авторов, которые путем перечня сведений, характеризующих личность виновного, стремятся наметить пределы изучения, то можно заметить, что за основу при этом берутся указания закона о необходимости установления тех или иных конкретных данных о личности субъекта, совершившего преступление, для правильного решения отдельных вопросов по делу: сведения, принимаемые во внимание при избрании меры пресечения, при квалификации деяния, при назначении меры наказания и вида исправительно-трудовой колонии и т. д. В итоге такой работы собирается комплекс данных, характеризующих личность субъекта, совершившего преступление, но не создается цельного представления о нем, отдельные стороны личности упускаются из вида и не изучаются в процессе расследования и рассмотрения дела, котя в дальнейшем может оказаться, что именно данные об этой стороне личности необходимы.

Главным, основополагающим при определении объема изучения личности субъекта, совершившего преступление, является то, что личность человека, совершившего в силу ряда обстоятельств объективного и субъективного характера преступление, должна изучаться как лич-

ность члена общества, определенного человеческого коллектива⁷). С учетом этого при определении пределов изучения личности виновного следует исходить не из простого перечисления сведений, характеризующих личность, а из того, чтобы при изучении были охвачены все стороны личности. Следовательно, пределы изучения личности преступника следует понимать не в смысле определения заранее абсолютно точного и полного перечня сведений о личности, а в смысле указания основных направлений этого изучения, охватывающих в своей совокупности все главные стороны личности человека, совершившего преступление, как члена общества, коллектива и как самостоятельного индивида.

Каждое взятое в отдельности сведение о личности виновного по своему содержанию относится или к какой-либо конкретной стороне общественной жизни, или к свойству самой личности. В итоге получается, что существует своеобразная группировка, классификация сведений, установление которых и позволит решить вопрос о пределах и объеме изучения личности преступника.

Советская психологическая наука при изучении личности исходит из того, что «личность... проявляет и характеризует себя своими отношениями. Существенными отношениями личности являются отношения к обществу и людям, собственным обязанностям—общественным и трудовым, качествам собственной личности. Эти отношения характеризуют нравственный облик личности, ее жизненную позицию в обществе, коллективе»⁸).

Если говорить о личности как собирательном понятии, то прежде всего следует рассматривать общественные стороны этого явления. В праве же под личностью понимается в первую очередь определенно конкретный человек, поскольку деяние совершается конкретным человеком и ответственность может нести только данный человек и никакой иной. С учетом этого замечания при аналитическом расомотрении сведений о личности виновного можно выделить следующие два больших раздела.

В первый раздел сведений, характеризующих личность виновного, группируются данные, указывающие на такие признаки и особенности личности, совокупность которых отличает каждого человека от других людей

Второй раздел сведений составляет данные, характеризующие отношения личности к обществу, коллективу, к другим людям как членам коллектива, к труду.

Сведения, входящие в первый раздел, можно назвать индивидуализирующими данными о личности субъекта, совершившего преступление. В этом разделе выделяются три группы данных:

- 1. Биографические данные.
- 2. Сведения о материальном положении обвиняемого.
- 3. Сведения о состоянии здоровья и психологических особенностях. Сведения, составляющие второй раздел, объединяются общим названием—общественная характеристика личности субъекта, совершившего преступление. В этом разделе выделяются также три группы данных:
- 1. Сведения, составляющие общественно-производственную характеристику личности.
- 2. Сведения, составляющие общественно-политическую характеристику личности.
- 3. Сведения, составляющие общественно-бытовую характеристику личности.

Поскольку речь идет об изучении личности человека, который совер-

шил общественно опасное деяние, то важным характеризующим эту личность моментом является также отношение данного лица к содеянному и поведение его в ходе расследования. Сведения об этой стороне личности виновного составляют отдельную группу данных, не входящую ни в один из названных разделов, так как по своей природе эти сведения могут относиться и к первому и ко второму разделу.

Таким образом, вся совокупность данных о личности субъекта преступления делится на семь групп и любые конкретные сведения, какого бы содержания они не были, относятся к той или иной из вышеуказанных групп. Именно в смысле установления исчерпывающего перечня групп сведений, в основе которых лежат различные стороны личности всякого человека, можно говорить о пределах изучения личности виновного, имея в виду любое уголовное дело. Иными словами, говоря о пределах изучения личности субъекта преступления, следует исходить не из перечня конкретных сведений, а из перечня групп, которые охватывают основные стороны личности, и в этом смысле дают всестороннее представление о человеке.

Установить же исчерпывающий перечень сведений внутри всех групп невозможно, т. е., изучая конкретного человека, у него выявляется индивидуальное, которое бесконечно разнообразно. Поэтому говорить о пределах изучения личности субъекта преступления путем составления перечня сведений неправильно. Можно установить исчерпывающий перечень сведений, например, в группе биографических данных, но в других группах указать лишь наиболее существенные и необходимые по любому уголовному делу. В процессе расследования и рассмотрения дела, зная основные направления изучения личности виновного и имея примерный перечень конкретных данных внутри групп, можно корректировать этот перечень в зависимости от обстоятельств дела по усмотрению органов дознания, следствия и суда, дополняя его теми данными, которые по их мнению не отражены в группах, но имеют значение.

При включении тех или иных сведений о личности в примерный перечень внутри групп положения советской психологической науки об основных сторонных и структурных свойствах человеческой личности. «К этим основным сторонам или группам качеств относятся биологически обусловленные особенности личности, особенности ее отдельных психических процессов, уровень ее подготовленности (опыт личности). и социально обусловленные качества личности»⁹). В первую очередь нас интересуют социальные качества личности. Личность раскрывается и характеризуется уровнем общественно-трудовой активности и продуктивности. Ни для общества в целом, ни для развития духовного облика самой личности небезразлично, является ли человек активным производителем материальных или духовных ценностей, или же только потребителем общественных благ, тунеядцем. Кроме того, человека характеризуют не только дело, но и поведение его в обществе. «Личность характеризуется, - по выражению Ф. Энгельса, - не только тем, что она делает, но и тем, как она это делает»¹⁰). Поведение личности вытекает из ее отношений, но не сводится к ним, поведение во многом обусловливается конкретной ситуацией, но не последнюю роль при этом играют эмоционально-волевые и интеллектуальные особенности личности.

При изучении личности конкретного человека нельзя оставлять вне внимания его психологические качества. Наиболее общими из них являются характер и темперамент. Под характером понимается «индивидуально ярко выраженные и качественно своеобразные психологические черты человека, влияющие на его поведение и поступки»¹¹). Темперамент является динамической стороной характера. «Темперамент есть самая общая характеристика каждого отдельного человека,—отмечает И. П.

Павлов,—самая основная характеристика его нервной системы, а эта последняя кладет ту или другую печать на всю деятельность каждого индивидума»¹²).

Но необходимо тут же оговориться, что нельзя допускать при изучении личности субъекта, совершившего преступление, увлечение биопсихологическими особенностями его, так как психическое в человеке в конечном счете обусловливается в основном материальными условиями. Под материальными условиями имеется в виду совокупность общественных, объективных отношений, а не грубо материальные условия жизни. Еще И. М. Сеченов заметил, что «в неизмеримом большинстве случаев характер психического содержания на 999/1000 дается воспитанием в общирном смысле слова и только на 1/1000 зависит от индивидуальности» 13).

Исходя из всего ранее сказанного, можно предложить следующую классификацию сведений о личности субъекта, совершившего преступление.

І. Биографические данные.

Фамилия, имя, отчество, число, месяц (для несовершеннолетних) и год рождения, национальность, место рождения, образование, партийность, специальность, стаж работы, семейное положение, место жительства, прежняя судимость, для несовершеннолетних—сведения о родителях.

II. Сведения о материальном положении.

Наличие на иждивении обвиняемого малолетних детей или других нетрудоспособных, кто из членов семьи работает, общий доход семьи, зарплата обвиняемого, жилищные условия семьи и т. д., для несовершеннолетних—условия жизни и воспитания в семье.

 Сведения о состоянии здоровья и поихологические особенности виновного.

Общее состояние здоровья, физические недостатки, наличие стойкого заболевания, группа инвалидности, сведения о характере, темпераменте, волевых и эмоциональных свойствах и т. д.

IV. Общественно-производственная характеристика.

Сколько времени работал на данном предприятии или учился в данном заведении, отношение к труду (учебе), дисциплина труда, отношение к товарищам по работе (учебе), участие в общественной жизни предприятия (учебного заведения), наличие дисциплинарных или общественных взысканий и поощрений и т. д.

V. Общественно-политическая характеристика.

Состоит ли членом КПСС или ВЛКСМ, участвует ли в работе партийных, комсомольских, советских и других общественных организаций, участвовал ли в Великой Отечественной войне, какие награды и почетные звания имеет и за что. Другие данные, характеризующие общественное лицо виновного.

VI. Общественно-бытовая характеристика.

Взаимоотношения в семье обвиняемого и его отношение к членам семьи, образ жизни и круг знакомств, употребление алкоголя, отношение к соседям. Участие в общественной работе по месту жительства, наличие общественных или административных взысканий и т. д.

VII. Отношение виновного к содеянному и поведение в ходе следствия.

Мотивы и цель совершения преступления (если они не являются элементами состава преступления). Наличие опьянения при совершении преступления. Явка с повинной, раскаяние в содеянном, способствование раскрытию преступлния, запирательство в ходе следствия.

Приведенная схема может служить программой по изучению личности субъекта, совершившего преступление, органами дознания, следст-

вия и суда. Она дает последовательное размещение всех данных, составляющих характеристику личности, в определенном порядке, что имеет немаловажное практическое значение, так как не распыляет внимание изучающих.

Такая классификация способствует также тому, что при условии: получения этих данных создается цельное представление о личности субъекта преступления. Суд и исправительно-трудовые учреждения при поступлении этих данных к ним получают возможность использовать в своей деятельности как всю совокупность сведений, так и при необходимости акцентировать внимание на характеристике отдельных сторон и свойств личности

Глубокое и всестороннее изучение личности виновного приводит неизбежно к тому, что выясняются условия нравственного формирования данного человека, и, таким образом, выясняются также условия, которые способствовали совершению преступления. Естественно, это дает возможность активно воздействовать на устранение таких условий.

Наконец, с упорядочением системы изучения личности субъекта, совершившего преступление, появляется база для построения более обоснованной и полной анкеты по изучению личности обвиняемого, предложения о создании которой выдвигаются и поддерживаются рядом авто-DOB14).

 Бюллетень Верховного Суда СССР, 1960, № 4, стр. 50.
 М. М. Гродзинский. Судебное исследование личност личности обвиняемого.

 2) М. М. Гродзинскии. Судеоное исследование личности объиняемого.
 «Журнал Министерства юстиции», 1916, № 8, стр. 69.
 ³) Б. Корсаков, А. Любавин. Исследование личности обвиняемого.
 «Соц. законность», 1959, № 2, стр. 23.
 4) См.: А. Герцензон. Об изучении и предупреждении преступности.
 «Сов. гос-во и право», 1960, № 7; Б. Утевский. К организации и методике изучения преступности и преступника. «Сов. гос-во и право», 1959, № 11; С. С. Степичев. Формы и методы изучения личности преступника. «Соц. законность», 1960, № 8; М. Г. Коршик, С. С. Степичев. Изучение личности обвиняемого. Госюриздат, 1961; В. П. Бурчани пов. Изучение личности обвиняемого в процессе расследования. «Материалы научной конференции»,

Томск, 1961.

5) С. С. Степичев, А. М. Яковлев. Изучение личности обвиняемого и осужденного. Сб., «Вопросы и методика изучения и предупреждения преступлений», Госюриздат, 1962, стр. 59.

6) М. Гродзинский. Указ. сочинение, стр. 63.

7) См.: И. И. Карпец. О некоторых вопросах методологии в уголовном правов. 1964. Ма д.

праве и криминологических исследованиях. «Сов. гос-во и право», 1964. № 4,

изучения лич-

стр. 94.

8) А. Г. Ковалев. Психология личности. Л., 1963, стр. 14.

9) К. К. Платонов. Некоторые теоретические проблемы изучения личности. Сб. «О чертах личности нового рабочего», М., 1963, стр. 9—10.

10) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 1, т. 29, стр. 492.

11) И. Д. Левитов. Вопросы психологии характера. М., 1956, стр. 14.

12) И. П. Павлов. Двадцатилетний опыт работы. Медгиз, М., 19 1956. 299.

13) И. М. Сеченов. Рефлексы головного Избр. произведения. мозга.

14) См.: А. А. Герцензон. Об изучении преступности. «Советская криминалистика на службе следствия», вып. XI, 1958; С. Степичев. Формы и ме-А. Б. Сахаров. О личности преступника. «Соц. законность», 1960, № 8; А. Б. Сахаров. О личности преступника и причинах преступности в СССР. Госюриздат, 1961, стр. 273; Н. С. Лейкина. Вопросы профилактики преступности в СССР. «Сов. гос-во и право», 1960, № 7 и др. тоды изучения личности преступника.

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. В. КУЙБЫШЕВА.

Труды, том 199

1968 г

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ РАСХИТИТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА

В. К. ГАВЛО

Ликвидация преступности и устранение всех причин, ее порождающих, является одной из важнейших задач, стоящих перед нашим обществом. В неразрывной связи в борьбе с преступностью стоит проблема изучения личности преступника. По этому вопросу опубликованы серьезные теоретические исследования, имеющие большую практическую значимость. Однако в указанных работах рассматриваются лишь общие проблемы изучения личности преступника¹).

Анализ изученных материалов и опыт борьбы с преступностью по делам о хищениях государственного и общественного имущества, совершенных материально ответственными и должностными лицами, показывает, что для эффективной борьбы с этими преступлениями недостаточно лишь разработки общих вопросов изучения личности преступника, без учета отдельных видов преступлений и категорий преступников.

Искоренение хищений государственного и общественного имущества настоятельно требует комплексного изучения этих преступлений. Неотъемлемой проблемой такого изучения является тщательное и всестороннее исследование личности расхитителя.

В юридической литературе вопрос об изучении личности расхитителя социалистической собственности, о причинах и условиях формирования у лица антиобщественных взглядов разработан недостаточне, что приводит к значительным затруднениям в деле борьбы с преступлениями против социалистической собственности²).

Вопрос об изучении личности расхитителя, условиях формирования ее мировоззрения объясняется специфической трудностью такого исследования ввиду того, что не только следователь, суд сталкиваются в процессе расследования и рассмотрения дел с необходимостью пограничного исследования личности преступника с привлечением значий специалистов педагогики, психологии и т. д.

Правильно указывает В. Н. Кудрявцев, что практическая деятельность органов юстиции осуществляет анализ выяснения причин конкретных преступлений, а также «... причины тех явлений, под влиянием которых личность человека формировалась неблагоприятным образом... до определенных пределов, которые ограничиваются рамками конкретного уголовного дела или (при обобщении) группы дел. Более отдаленные экономические, психологические, бытовые, исторические и другие предпосылки совершения конкретного преступления выходят за рамки практического изучения»³).

Невозможность изучения глубоких социальных проблем в рамках

одной какой-либо отрасли знания, как правильно замечает Б. С. Утевский, и все более растущее переплетение наук требуют комплексного

научного исследования4).

Такое исследование, с одной стсроны, затрудняет изучение данного вопроса. Однако, с другой стороны, комплексное исследование личности расхитителя путем объединения усилий ученых и практиков в области общественных и естественных наук позволит получить более полное и точное представление о данной проблеме и, в конечном итоге, ее решение. Единственно правильным методом комплексного исследования личности расхитителя является метод марксистской материалистической диалектики с использованием приемов социологического и криминологического анализа⁵). Для этого нужна единая научнообоснованная методика изучения личности расхитителя.

Буржуазные исследования причин преступности, личности ступника носят в основном антинаучный характер⁶). Так называемые социологические и психологические исследования личности преступников основываются на признании врожденных психических черт личности индивида. Они рассматриваются как первопричина совершения преступления, а это ведет к игнорированию экономической структуры общества. Такая позиция буржуазных исследователей объясняется отрывом рассматриваемых явлений от сущности капиталистического общественного строя и не может быть воспринята советскими исследователями. «... Данные о личности, получаемые в результате социологического или криминологического анализа, ни в коем случае не могут служить основанием для вывода о преступности личности, для выводов об ответственности лица, совершившего преступление, как это происходит в буржуазной науке»7).

Важнейшей задачей социологических и криминологических исследований личности расхитителя является выявление конкретных причик и условий, способствующих фермированию у нее антиобщественных взглядов, и их преступное проявление. Такие исследования нужно вести в широком плане неразрывно как по линии изучения личности расхитителя, так и по выявлению всех обстоятельств, способствующих

совершению хищений8).

Имеющиеся опубликованные работы по данному вопросу свидетельствуют о том, что еще слабо происходит комплексное изучение личности преступника и, в частности, личности расхитителя совместными усилиями как юристов, так и психологов, экономистов, философов, педагогов.

Занимаясь изучением личности преступника, следует установить, есть ли действительно принципиальная разница между личностью расхитителя, с одной стороны, и личностью мошенника, взяточника, хулигана и т. д., с другой стороны. Если такая разница есть, выяснить, в чем она выражается и как это отражается на совершении преступлений, какие действенные меры нужно применять для их предупреждения. Кроме того, важно установить, есть ли какие-либо принципиальные особенности личности расхитителя в зависимости от совершенных ею хищений в различных отраслях народного хозяйства, например, в торговле, строительстве, различных промышленных предприятиях и т. д.

Такая постановка вопроса изучения личности расхитителя и его разрешение, по нашему мнению, будут способствовать более правильному и точному установлению обстоятельств, влияющих на формирование ее антиобщественных взглядов, выявлению причин и условий, спо-

собствующих совершению преступлений.

Представляется, что личность расхитителя имеет некоторые общие черты с личностью преступников применительно к отдельным видам преступлений, и поэтому разработка общих вопросов изучения личности преступника в значительной степени относится и для изучения

личности расхитителя. Поэтому целесообразно вести параллельное комплексное исследование вопросов как общей методики изучения личности преступника, так и методики изучения личности расхитителя и других категорий преступников по отдельным видам преступлений). Однако, учитывая личность расхитителя и специфичность производственной деятельности предприятий народного хозяйства, в котопых совершаются хищения и которые оказывают большое влияние на формирование нравственных качеств личности. следует разработать єдиную методику изучения личности расхитителя применительно к отдельным отраслям народного хозяйства. Такая единая методика изучения личности расхитителя при комплексном исследовании дает возможность получить единые и сопоставимые данные что, в частности, материала. Только ка значительно облегчит обработку полученного сснове всестороннего изучения личности расхитителя полученных конкретных данных и широких обобщений, можно наметить конкретные пути ее исправления и перевоспитания. Это станет возможным лишь на основе глубокого изучения прокурорской и судебной практики, обобщения всего опыта борьбы с хищениями социалистической собственности, с учетом личности и всех особенностей изменения исторических и социально-экономических условий жизни общества.

При изучении личности расхитителя социалистической собственности важное значение имеет выяснение обстоятельств, влияющих на формирование антиобщественных взглядов, которые приводят к совершению хищений. Такое исследование необходимо для выяснения механизма воздействия обстоятельств на личность расхитителя в выработке ею отрицательных нравственных качеств. Причем важно знать, могут ли сами по себе такие появившиеся отрицательные установки личности привести к хищению или для этого необходимы какие-то определенные условия, способствующие совершению хищения. Важно также установить, в какой зависимости находятся укоренившиеся антиобщественные установки личности и условия, способствующие хищениям.

Изучение личности расхитителя, причин хищений государственного и общественного имущества, исследование обстоятельств, порождающих преступление, приводит к необходимости разработки научной классификации обстоятельств, способствующих формированию ее антиобщественных установок (взглядов) и нашедших свое проявление в совершении преступления.

Правильно указывает А. С. Шляпочников, что, «устанавливая конкретные отрицательные явления в сфере отношений и общений человека, которые играют решающую роль в формировании его личности в неприемлемом для нас направлении, целесообразно определить их в целом как обстоятельства, способствующие совершению преступлений» 10).

Обобщение следственной практики и теоретический анализ изученного нами материала свидетельствуют о том, что все многообразие обстоятельств, способствующих совершению хищения, можно сгруппировать следующим образом: а) обстоятельства, отрицательно повлиявшие на нравственное формирование взглядов (установок) личности расхитителя в отношении социалистической собственности; б) обстоятельства, оказавшие непосредственное влияние на совершение хищения под воздействием конкретной ситуации, в которой находился непосредственно расхититель; в) условия, непосредственно способствующие закреплению, проявлению отрицательных антиобщественных взглядов на сохранность и неприкосновенность социалистической собственности и облегчающие совершение хищения¹¹).

Придавая важную рсль изучению обстоятельств формирования

антиюбщественной установки личности расхитителя на хищение социалистической собственности, следует учитывать их сложность и многообразие в звеньях причин и следствий при совершении хищения.

Изучение личности расхитителя должно вестись параллельно с изучением условий, способствовавших совершению хищения. Личность с ее индивидуальными, только ей присущими чертами является членом общества, на которую оказывают определенное влияние различные факторы и в первую очередь как общественный строй, так и та непосредственная среда, которая ее окружает, т. е. что личность. как таковая, формируется в обществе, обусловлена результатом ее существования, деятельностью.

Учитывая роль личных качеств расхитителя в совершении хищения, не следует упускать из вида субъективные, психологические свойства личности, которые могут в той или иной степени при наличии определенных условий способствовать или препятствовать совершению хишения.

Личность расхитителя, по нашему мнению, должна рассматриваться и с помощью данных других наук, психологии, биологии. Но пытаться объяснить преступление, используя данные этих наук, не устанавливая специфические формы, их проявление в личности расхитителя в каждом отдельном случае, на наш взгляд, было бы неправильным.

Это также не может вести к тезису, «что личность преступна», ибо и психологические свойства личности определяются, как это уже бесспорно доказано не столько самими ее естественными особенностями, а прежде всего условиями жизни, воспитанием, направленностью деятельности как основного фактора, определяющего развитие и изменение природных основ личности в известном направлении¹²).

Рассматривать личность расхитителя, условия ее отрицательного нравственного формирования и совершение преступления в преобладающей зависимости от психических свойств личности, как-то: темперамента, характера, различных волевых качеств и т. д., значит неправильно представить картину изучения личности, не выяснить причин и условий, способствующих хищению, что в свою очередь отрицательно повлияет на разработку профилактических мер. Это имеет большос теоретическое и практическое значение.

«Идеалисты-философы, спекулируя на генетических исследованиях, пытаются объяснить развитие как наследственную передачу из поколения в поколение определенного и притом неизменного генного снаряжения организма»¹³). На этом основании они делают вывод, что ни труд, ни социальные условия жизни не имеют значения для развития личноста. Важна лишь психологическая сторона.

«Психологическая сторона преступления, — пишет Б. С. Волков, — должна интересовать право постольку и в таком объеме, поскольку и в каком объеме это необходимо для решения специфических задач уголовного права, в частности... для установления причин преступности и всех обстоятельств, характеризующих личность преступника»¹⁴).

Поэтому следует помнить, чтобы изучение личности расхитителя ногило всесторонний объективный характер, ибо переоценка психических свойств личности приведет на позицию буржуазных биокриминологических теорий, несостоятельность которых уже известна. «Очень важно — указывает И. И. Карпец, — чтобы начинающие свою работу советские криминологи не допускали подобных ошибок, уводящих в сторону от правильных путей изучения преступности и ее причин» 15).

Анализ изученных материалов показывает, что обстоятельствами, отрицательно повлиявшими на нравственное формирование взглядов личности расхитителя по отношению к социалистической собственности в разное время и в разных отношениях, являлись неправильно поставленные вопросы семейного и школьного воспитания и недостаточная

работа коллектива по привитию и соблюдению всеми работниками предприятий, учреждений и т. д. конституционной обязанности сохранять и укреплять социалистическую собственность, как основу советского строя.

Отмечая недостатки семейного и школьного воспитания, способствующие формированию отрицательных нравственных качеств в отношении сохранности и неприкосновенности социалистической собственности, следует выделить такие обстоятельства: а) стойкое формирование в отдельной семье стяжательских, корыстных навыков, привычек, преступное пополнение личного имущества за счет государственного и общественного имущества; б) стремление к роскоши, благополучию путем нетрудового обогащения; в) непривитие навыков к труду; г) отрицательный личный пример родителей (пьянство, аморальный образ жизни) и др. Непривитие в школах, учебных заведениях личности высокой ответственности за бережное отношение к государственному и общественному имуществу, его приумножение, непримиримости к злу, расточительству, отсутствие должной требовательности к сохранности имущества и т. д. — это одно из условий, способствующих формированию отрицательных нравственных качеств. Практика показывает, что в тех семьях, школах, учебных заведениях, где допущены были указанные недостатки воспитания, они все же не ведут с неизбежностью к хищению.

Главную роль в воспитании здоровой нравственно-психологической личности, формировании у нее коммунистических взглядов, коммунистического отношения к труду, к социалистической собственности несет тот коллектив, где живет и трудится личность. Развитие каждой личности в социалистическом обществе непременно идет по пути осознания своих интересов и потребности, общественных нужд, в соответствни с требованиями коммунистической морали. Поэтому, несмотря на неблагоприятное воспитание в семье, школе, всякая личность как субъект самовоспитания в процессе всей жизни и деятельности постоянне совершенствуется и то, что было несвойственно личности как члену социалистического общества и всем советским людям, с неизбежностью отпадает под воздействием постоянно повышающегося материального и культурного уровня нашего народа, удовлетворения растущих запросов трудящихся.

Создание в коллективе атмосферы нетерпимости к бесхозяйственности, расточительству, повышение чувства ответственности каждой личности, которая сознательно руководит своими действиями, заянтересованность лица в результатах своего труда и т. д.—все это оказывает положительное влияние на нравственное формирование личности, воспитывает у нее бережное отношение к социалистической собственности. Наоборот, в тех коллективах, где не уделяется должного внимания сохранности социалистического имущества, допускается бесконтрольность за расходованием материальных ценностей, бесхозяйственность — это оказывает отрицательное влияние на формирование взглядов неустойчивой личности.

Исследование обстоятельств, влияющих на выработку антиобщественных взглядов личности расхитителя в отношении социалистической собственности, показывает, что эти обстоятельства по-разному и в разный возрастной период воздействуют на личность. Это зависит от качеств личности, ее отношения к восприятию антиобщественных установок, а также от характера и степени их воздействия. В одних слугаях такое влияние обстоятельств на личность может способствовать их укреплению, в других — препятствовать.

Для материально ответственных и должностных лиц обстоя ельством, особо влияющим на отрицательное нравственное формирование личности, является отступление от служебного долга. Нарушение общепринятого порядка таит в себе грозную опасность, постепенно оказывающей отрицательное влияние на каждую личность как и для тех, кто знает об этом нарушении, так и для тех, кто окружает нарушителя. Отдельные должностные лица в зависимости от подчиненности вначале без личной корысти прощают нарушение общепринятого порядка, а затем «втянутые» не находят сил освободиться. Поэтому люди с недостаточно устойчивыми мсральными взглядами делают из таких поступков вывозды, что им дозволены любые злоупотребления.

Представляется, что решающим моментом, оказывающим отрицательное влияние на нравственное формирование личности расхитителя, которое при определенных условиях приводит к хищению, является конкретная среда, которая способствует возникновению, закреплению и в конечном счете проявлению антиобщественного действия, хищения.

Так, 30 апреля 1966 г. Абрамович, работая мастером Красногорского низового маслозавода, совершил хищение масла со своего подотчета.. Он был признан судом виновным в преступлении, предусмотренном ч. II, ст. 92 УК РСФСР. Что же из себя представляет личность Абрамовича, что оказало решающее влияние на формирование у него отрищательных взглядов на сохранность социалистической собственности и какие условия способствовали совершению хищения?

Анализ материалов данного уголовного дела показывает, что Абрамовичу 28 лет, образование семь классов, окончил курсы мастеров, отслужил в рядах Советской Армии, ранее не судим, был принят в члены КПСС и избран депутатом сельского совета, женат, жена работает, имеет ребенка, материальное положение семьи обеспеченное, характеризовался положительно по работе. Также положительна характеристика. Казалось, одни положительные стороны жизни человека. Совершение преступления стало возможным в силу слабой требовательности и контроля за действиями А. Он стал небрежно относиться к работе, подчиненным, думая, что ему все дозволено, что он незаменим, проявлял зазнайство. Казалось бы, поступавшие сигналы о неправильном поведении А. должны были насторожить руководителей головного маслозавода и Томское управление В/Росмолоко и по ним принять решительные меры. Однако этого не было сделано. Все это укрепляло веру в непогрешимости своих действий у А. Кроме того, даже после возбуждения уголовного дела он не был отстранен от занимаемой должности, что только больше укрепило веру в его незаменимость. Правильно поступила партийная организация, исключив его из членов партии¹⁶).

С этой целью необходимо установить соотношение антиобщественной установки у личности расхитителя и условий, способствующих хищению. Как уже было сказано, что на нравственное формирование личности большое влияние оказывают объективные условия жизни и процесс воспитания. При этом возникающие противоречия между личностью и средой могут оказывать либо благоприятное, либо отрицательное влияние на формирование взглядов личности расхитителя.

Анализ изученных материалов позволяет выделить следующие группы:

1. Когда у лица сложились антиобщественные взгляды на хищение социалистической собственности, но оно находится в условиях, исключающих хищение. Попадая в деловой, производственный коллектив, где на должном уровне поставлена воспитательная работа о сохранности и неприкосновенности социалистической собственности, требования ко всем членам коллектива ясны и определенны, где высокая дисциплина труда, поднято чувство ответственности за порученную работу, требовательность сочетается с чуткостью к личности, личность с ее отрицательными качествами, приобретенными ранее, постепенно освобождает-

ся от них, и таким образом возникшее противоречие разрешается положительно. Как правило, в таких коллективах хищений нет на протяжении многих лет, несмотря на то, что коллектив работников обновляется.

Следовательно, в таких случаях среда благоприятно воздействует на нравственное формирование взглядов личности, в результате чего у нее складываются правильные взгляды на отношение к социалистической собственности.

Однако практика показывает, что могут быть отклонения от указанного противоречия, и в этом случае противоречие между личностью и производственным коллективом разрешается отрицательно. При глубокой и устойчивой антиобщественной установке расхититель сам ищет условия, которые позволили бы ему совершить хищение и если не находит таковых, то принимает меры к их созданию.

По делу о хищении государственных денежных средств в Кондауровском маслозаводе было установлено, что Исаева (35 лет, беспартийная, замужняя, имеет двоих детей, образование семь классов, семья материально обеспечена) имела намерение обогашаться на нетрудовые доходы. Работая лаборантом Кондауровского маслозавода. по своему усмотрению за счет обмана поставщиков Исаева стала изменять жирность молока, сливок, занижая при анализе их фактическую жирность. Таким образом образовывались излишки жира на маслозаводе. Однако это не давало ей еще возможности их реализовать и таких условий на этом заводе не было. Поэтому Исаева вступила в преступный сговор с некоторыми заведующими сливкоотделений, которые получали в подотчет в Кондауровском маслозаводе денежные суммы для расчета со сдатчиками молока. Завышая жирность сливок, сдаваемых на маслозавод этими зав. сливкоотделениями, и создавая по их подотчету излишки жира, они стали совершать хищения¹⁷).

- 2. Когда у лица сложились антиобщественные взгляды на хищение социалистической собственности и оно находится в благоприятных условиях для совершения хищения. При сформировавшихся устойчивых антиобщественных взглядах на сохранность и неприкосновенность социалистической собственности лицо, находясь на материально отретственной должности в том участке производственной деятельности, где имеются условия, способствующие хищению, совершает преступление.
- 3. Когда у лица имеются неустойчивые взгляды на хищение и оно находится в условиях, исключающих хищение. Для этой группы лиц в отличие от группы лиц, у которых сложились антиобщественные взгляды на хищение социалистической собственности, характерно то, что неустойчивые, несформировавшиеся взгляды у личности на хищение под влиянием надлежащим образом поставленной хозяйственно-производственной, культурно-воспитательной работы на предприятиях, в совокупности с общим социально значимым благоприятным воздействием среды на личность у последней значительно быстрее снимаются установки на хищение. Положительное влияние коллектива (среды) на повседневную деятельность такой личности приводит к тому, как правильно указывает Н. Бабаев, что в ее сознании и поведении вырабатывается характерная именно для этой социальной группы (коллектива) система отношений к окружающей среде, общие критерии нравственной оценки системы эмоционального восприятия действительности¹⁸).
- 4. Когда у лица имеются неустойчивые взгляды на хищение и оно находится в благоприятных условнях для совершения хищения. В случаях, когда антиобщественные взгляды личности на хищение не сформировались еще окончательно, а эта личность находится в благоприятных условиях для совершения хищения, то такая обстановка может способствовать формированию более глубокой антиобщественной установки вплоть до совершения хищения.

5. Когда личность характеризуется положительными нравственными качествами, но попадает в среду (коллектив), нравственные критерии которой ниже, а условия способствуют хищению. В таком случае личность, вступая в противоречие с коллективом, может поднять его и таким образом исключить хищение. Либо такая личность теряет контрольза повышением самовоспитания, разлагается сама и под воздействием ряда факторов становится на путь хищения.

работница Рубанова, заведующая Так. молодая сливкоотлелением пользуясь бесконтрольностью, нетребовательностью как со стороны правления колхоза, так и со стороны должностиых лиц маслозавода, начала злоупотреблять служебным положением в корыстных целях, стала создавать излишки жира, а деньги присваивать. Руководители колхоза и маслозавода непроизвольно создали условия. которые способствовали формированию у нее отрицательных взглядов неприкосновенность социалистической собственности. На сливкоотделении в течение ее работы не было проведено ни одной ревизии, учет вследствие большого поступления количества продукции осуществлялся плохо, несистематически, жирность определялась нерегулярно, приблизительно, помощи ей в налаживании учета и создании нормальных условий работы не оказывали и т. д. Жирность молока, сдаваемая на комбинат и определяемая Р., не совпадала с результатами жирности молока, определяемой лаборантами комбината, однако мер, в отношечии установления разницы, причин их образования не принималось, несмотря на ее неоднократные требования.

Все это привело к тому, что комсомолка Р. в возрасте 21 г. (семья материально обеспечена, ранее характеризовавшаяся исключительно положительно, имела поощрения, благодарности и почетные грамоты областного комитета ВЛКСМ) стала заниматься хищением¹⁹).

Представляется, что изучение личности расхитителя и данных объективного порядка и в первую очередь производственного коллектива, в котором работал расхититель, дают возможность выявить закономерность и особенность влияния производственного коллектива и среды паличность расхитителя, что будет способствовать установлению обстоятельств, отрицательно влияющих на формирование взглядов (установок) личности расхитителя в отношении социалистической собственности. Правильно указывает А. М. Яковлев, что «обширную и важную область изучения в плане выявления социально значимых воздействий среды на лицо составляет область отношений последнего с окружающими его людьми»²⁰).

Обобщение материала свидетельствует о том, что на нравственное формирование личности по отношению к сохранности социалистической собственности оказывает влияние степень подготовленности материально ответственного лица к выполнению возложенных обязанностей. Имеет место, когда подотчетные лица, заведующие сепараторными отделениями, заведующие складом, базой, лаборанты и т. д. не представляют, как работать, хранить материальные ценности, учитывать, отпускать. Много путаницы происходит от того, пока подотчетное лицо своими обязанностями. И это зависит от постоянного внимания должностных лиц, обязанных помогать материально ответственным лицам и контролировать их работу. Однако изучение материала свидетельствует о том, что в отдельных производственных коллективах еще недостаточно уделяется внимания этим важным вопросам не только с точки зрения народнохозяйственного значения, но и с культурно-воспитательной, нравственной оценки формирования личности. Поэтому некоторые материально-ответственные лица ввиду этого запутывают учет без умысла, без каких-либо корыстных целей или их запутывают недобросовестные лица с корыстной целью, вследствие чего становится возможным совершение хищений.

Следует отметить, что на хищения, совершенные материально ответственными и должностными лицами, определенное влияние оказывают и другие обстоятельства, способствующие хищениям, освещение которых не ставилось в задачу данной статьи.

1) См.: А. Б. Сахаров. О личности преступника и причинах преступности в СССР, М., 1961; М. Г. Коршик, С. С. Степичев. Изучение личности обвиняемого. М., 1961; А. М. Яковлев. Некоторые теоретические вопросы общей методики изучения личности преступника. Проблема искоренения преступности. М., 1965, стр. 57—90; Н. Т. Ведерников. Изучение личности преступника в процессе расследования. М., 1965, Автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук и др

2) См.: В. Г. Танасевич. К теоретическим основам разработки мер предупреждения преступлений. «Советское государство и право». 1964. № 6. стр. 88—96; Предупреждать хищения — важная обязанность следователя. «Со-циалистическая законность», 1965, № 2, стр. 33—35.

3) Советская криминология, под ред. А. А. Герцензона, И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцева. М., 1966, стр. 93.
4) Б. С. Утевский. Социологические исследования и криминология. «Вопросы философии», 1964, № 2, стр. 49.

5) И. И. Карпец. Некоторые проблемы науки Советского уголовного права в свете постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридива в свете постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнеишему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране». «Советское государство и право», 1965, № 1, стр. 14.

6) А. А. Герцензон. Против биологических теорий причин преступности. «Вопросы предупреждения преступлений». М., 1966, № 4, стр. 3—34; А. А. Герцензон. Введение в советскую криминологию. М., 1965, стр. 43—89.

7) И. И. Карпец. О некоторых вопросах методологии в уголовном праве

и криминологических исследованиях. «Советское государство и право». 1964, № 4. ctp 92.

№ 4, стр. 92.

8) См.: В. К. Гавло. Некоторые вспросы методики изучения личности расхитителя государственного и общественного имущества. «Доклады итоговой научной конференции юридических факультетов». Томск, 1966, стр. 176—179.

9) И. И. Карпец. Выше уровень и эффективность научных исследований. «Социалистическая законность», 1965, № 9, стр. 36. В. Н. Кудрявцев. К вопросу об изучении причин преступлений. «Советское государство и право», 1964, № 5, стр. 12. «Советская криминология» под ред. А. Герцензона, И. И. Карпец. В. Н. Кудрявцева. М., 1966, стр. 85—108.

10) См.: А. С. Шляпочния преступлений «Советское государство, право», 1964.

вующих совершению преступлений. «Советское государство и право», 1964,

10, crp. 96.

- 11) См.: В. Н. Кудрявцев. К вопросу об изучении причин преступности. «Советское государство и право», 1964, № 5, стр. 12—20. В. Г. Танасевич. К теоретическим основам разработки мер предупреждения преступности. «Советское государство и право», 1964, №6, предупреждения преступности. «Советское государство и право», 1964, №6, предупреждения преступности. гория причинности в советской криминологии. «Советское государство и право»,

1965. № 11, стр. 81.

12) Н. Г. Ковалев. Психология личности. М., 1965, стр. 194.

13 Н. Г. Ковалев. Психология личности. М., 1961, стр. 231.

14) Б. С. Волков. Проблема воли и уголовная ответственность. Казань,

1965, стр. 9.

15) И. Карпец. Проблема криминологии. «Советское государство и право», 1966, № 4, стр. 84.

16) Архив народного суда Тегульдетского р-на Томской обл., 1965.
 17) Архив народного суда Колыванского р-на Новосибирской обл., 1963.

18) Н. Бабаев. Нравственные привычки и условия их формирования. «Вопросы философии», 1964, № 9, стр. 148.

 Архив народного суда Болотнинского р-на Новосибирской области, 1961.
 См.: А. М. Яковлев. Взаимодействие личности со средой как предмет криминологического исследования. «Советское государство и право», 1965, № 2, ctp. 63,

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. В. КУЙБЫШЕВА.

Труды, том 199

1968 г.

О ВОСПИТАНИИ МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПРОИЗВОДСТВЕННОМ КОЛЛЕКТИВЕ И НАУЧНЫХ МЕТОЛАХ РУКОВОДСТВА

А. И. ОРЕХОВСКИЙ

Отдельный производственный коллектив, его трудовая специфика, сфера обслуживания, деятельность государственных и общественных органов управления, словом, те конкретные условия, в которых живут и работают люди, являются объективными факторами по отношению к индивиду, которые непосредственно сказываются на развитии у него чувства моральной ответственности.

Но, выделяя эту объективную сторону в жизни производственного коллектива, следует подчеркнуть тесное единство и взаимообусловленность объективных и субъективных факторов. Активность каждой личности в процессе трудовой практики играет особенно важную роль в формировании ее нравственных качеств. Поэтому в единстве объективного и субъективного при рассмотрении коллективистских производственных отношений нам очень важно выделить моменты зависимости и независимости самого субъекта в организационной структуре коллективного сотрудничества.

В условиях планового ведения хозяйства уровни различных форм ответственности имеют прямую связь с организационной структурой, отражающей материальную сферу. Трудно считать морально ответственным того, кто юридически полностью подотчетен вышестоящему органу. Такой человек вынужден выполнять распоряжения этого органа, хотя бы они вступали в противоречие с конкретно-ценностным подходом. Основная доля ответственности в этом случае ложится на вышестоящий орган, а не наоборот, ограничивается моральная ответственность техлиц, которые имеют непосредственное отношение к ценностям.

«Общество — производственный коллектив. Поэтому к обществу как системе нужно относить прежде всего то, что необходимо для осуществления производства» 1).

Обеспечить первичное звено — производственный коллектив таким уровнем управления, используя различные организационные формы и системы, которые создавали бы реальные предпосылки для ответственного поведения каждой личности, — вот центральная воспитательная задача в новой экономической реформе, намеченной решениями сентябрьского Пленума ЦК КПСС (1965) и XXIII съездом КПСС.

На организационную сторону в хозяйственном строительстве обращал особое внимание В. И. Ленин. Он подчеркивал, что одной из самых важных задач является развитие самостоятельности трудящихся «в деле творческой организационной работы»²).

Если в практической деятельности субъекта организационно ограничивается должное отношение к ценностям, к социальным обязанностям, то роль субъективной, творческой стороны может сводиться к минимуму.

Грани между объективными условиями и субъективным фактором подвижны. В этой связи верные организационные начала, учитывая необходимость правильной ценностной ориентировки, очень важны как связующее звено, ставящее субъект в такие отношения, в которых он зависим или, наоборот, независим. При различных организационных обстоятельствах то, что относится к объективным условиям, может входить в сферу действия субъективного фактора, контролироваться самим субъектом.

По сущности ответственность выступает как контроль в поведении. Осознание и чувство моральной ответственности проявляются в поведении личности как самоотверженность, самодисциплина, самоконтроль, и в этом отношении может быть отождествлена с совестью этой личности. В другом отношении, со стороны требований социальной необходимости к поведению субъекта, моральную ответственность можно соотнести с долгом. В целом же, как отмечает Л. М. Архангельский, понятие моральной ответственности синтезирует в единстве «внешние» веления долга и внутренние побуждения к его выполнению³) — веления совести.

Когда же люди глубоко осознают необходимость своих действий, то коренным образом изменяется соотношение между стихийным и сознательным в их практической деятельности. Всесторонне учитывая объективные условия, они борются с различными проявлениями субъективизма, опираясь на требования экономических законов, реально учитывая соотношение личных и общественных интересов.

Неосознанные интересы как объективные отношения, диктуемые производственными нуждами, при известной степени научной организации труда все полнее и полнее осознаются людьми. Осознание объективных факторов помогает целесообразнее организовать процесс труда и воспитание человека в коллективе: многие элементы стихийности исключаются из процесса производственной практики.

Дисциплина как один из важных признаков ответственности, характеризующийся исторически необходимой стороной производственных отношений, получая свое верное отражение в требованиях коллектива, будет становиться потребностью в поведении личности. Основываясь на ценностных ориентирах, отвечающих общественным и личным интересам, члены коллективов будут брать на себя моральную ответственность за такие действия, которые не входят в круг их должностной подотчетности, но имеют непосредственное отношение к созданию и сохранению общенародных благ.

Различные формы идеологического воздействия, опирающиеся на факторы, имеющие прямое влияние на рост благополучия личности, действенно способствуют осознанию общественных интересов. Перспективы такого роста фиксируются в народнохозяйственных планах. Планы, выражая волю всего общества, в то же время учитывают интересы трудовых коллективов. Поэтому трудящиеся должны участвовать не только в их практической реализации, но и в составлении и обсуждении планов. Необходимость выполнения плана тогда не только будет регулироваться дисциплинарными требованиями (которые общеобязательны лишь в той мере, в какой ими охватываются ценностные отношения в производственной практике), а в каждом конкретном случае дополнится такими правами и обязанностями, которые всемєрно способствовали бы развитию личности.

Это найдет свое отражение в сознании и чувстве моральной ответственности, которые выражаются в таких признаках, как самодисциплина, единство слова и дела, целеустремленность, принципиальность, умение подчинять личное общественному.

Итак, моральная ответственность в производственном коллективе

как субъективный фактор «заложена» прежде всего в научно обоснованных плановых заданиях, системе снабжения, степени научной организации всего производственного процесса на данном предприятии.

В целом вся система организации труда так или иначе сказывается и на отношении к делу самого руководителя и его подчиненных.

«... Трудовой фактор в воспитании — это фактор не эпизодический. Уж если заложено противоречие между «планом» и совестью, то оно действует ежедневно, ежечасно и в массовом масштабе»⁴).

Проблема моральной ответственности имеет самое непосредственное отношение к вопросам научной организации труда. Научная организация труда — реальное основание развития сознания и чувства моральной ответственности в производственном коллективе.

Создание таких условий в сфере трудового сотрудничества, которые постоянно способствовали бы людям быть объективными в своих требованиях, практически преэдолевать свою субъективность в вопросах отметственности, зачастую коренится в проблеме целесообразной организации коллектива по использованию своих прав и обязанностей. Но научной организации труда, глубокому выяснению взаимосвязи и единства объективных и субъективных факторов в сфере коллективной производственной практики в нашей экономической и философской литературе еще не уделялось должного внимания.

Работа производственных коллективов по новому Положению о ссциалистическом государственном предприятии должна строиться на основе глубокого, конкретного ценностного подхода. Впервые в законодательной практике четко и определенно установлены задачи, функции, права и обязанности предприятий. Сняты излишне детальные регламентации вышестоящих органов. Круг вопросов, которые могут теперь самостоятельно решать производственные коллективы, значительно расширился. Создалась самая благоприятная лля развития инициативы трудящихся в решении хозяйственных задач, для положительного взаимодействия норм моральной и юридической ответственности и определения научной системы подотчетности в коллективе. Хозяйственная реформа потребовала еще большего производственной дисциплины, которая в основном является формой выражения моральной ответственности. Экономисты обратились к выяснению характера подлинно научной «плановой дисциплины», которая несовместима с бездумным исполнительством, с беспрекословным подчинением волевому решению вышестоящего органа.

«Правовые науки определяют формы и условия действия определенных органов и должностных лиц, но не могут указать, когда, где, при каких предпосылках одни из этих органов необходимо заменить другими, когда и какие следует внести изменения в функции хозяйственных и других учреждений. Такие решения, естественно, принимаются руководящими и государственными органами. Наука об управлснии и призвана подготовить методологические основы для решений пс таким вопросам»⁵).

Комплексное изучение основных звеньев управления народным хозяйством, ценностный подход к определению положительных факторов во взаимоотношениях личности и коллектива стали важными вехами в разрабатываемой науке об управлении. Выявление специфических закономерностей, учет особенностей производственных коллективов открывают возможности для более полного установления реальных ценностей и роли субъективных факторов в их использовании. Со стороны ценностного подхода, дополняющего научный⁶), как раз и возможно найти такие формы ответственности, в условиях производственной практики, которые не противоречили бы с экономической необходимостью. Только на этой основе, на наш взгляд, можно добиться единства морального и правового требования. Практика коммунистического строительства создала объективные предпосылки для формирования личности, сознательно регулирующей свои общественные отношения. Теперь нравственное совершенствование индивида уже во многом зависит от конкретного трудового коллектива, от степени реализации и выбора этим коллективом возможностей, от «сохранения всего богатства достигнутого развития...»⁷).

Говоря о важных общегосударственных мероприятиях, отмечая их необходимость, нельзя не преломлять их через особенности конкретного хозяйства, его местоположения и т. д., чтобы добиться оптимально вер-

ного решения хозяйственных и воспитательных проблем⁸).

Сохраняя свою экономическую функцию, труд при социализме приобретает значительно больший, чем прежде, нравственный характер.

Ответственность в коллективном сотрудничестве развивается обоюдно: коллектив — личность, личность — коллектив. Если в силу объективных или субъективных условий нарушаются важные аспекты этой целесообразной связи, то изменяется, а на известной ступени может и нарушаться диалектическое взаимодействие этих двух сторон (особенно в управлении предприятиями) общего принципа демократического централизма.

В Резолюции XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза по отчетному докладу Центрального Комитета КПСС отмечается, что партийные, советские организации и хозяйственные органы должны вести решительную борьбу за укрепление государственной дисциплины, за искоренение бюрократических методов руководства, узковедомственного подхода к делу и местничеству.

В трудной обстановке особенно проявляется метод, стиль руководителя. От методов руководства во многом забисит успешное решение назревших практических задач.

Принцип выступает как общее, метод как способ осуществления, претворения принципа в данной системе производства. При выборе метода необходимо учитывать многообразные особенности предприятия, хорошо знать степень ценностной ориентировки людей в коллективе. Доскональный учет всех условий, специфики производства, в которой трудятся первичные коллективы — бригады, смены, — глубокие знания о передовых приемах труда в данной области производства, умение вовремя поддержать и развить творческую инициативу трудящихся, поднять моральную ответственность каждого за порученное дело — вот далеко неполный ряд необходимых моментов, которые должны найти свое целесообразное прелсмление в методах руководителя.

При самостоятельном, творческом подходе к управлению ограничивается некомпетентное вмешательство в конкретное руководство вышестоящих работников и соответственно повышается ответственность и инициатива руководителей, младших по должности, имеющих ясное и четкое представление о всех обстоятельствах, складывающихся в данном коллективе и отвечающих за свои указания не в общем и целом, а непосредственно.

Когда же на объекте сталкиваются воля и мысль руководителей нескольких рангов, как писал В. Канторович, трудно выбрать оптимальное решение. Правильный современный стиль руководства — это продуманная система, основанная на доверии к подчиненным. («Литературная газета», 10 февраля 1966 г.).

В связи с новым Положением о социалистическом предприятии многие вопросы работы предприятия, которые ранее находились в ведении вышестоящих органов, решаются на местах. И тот руководитель, который привык действовать только по указке сверху, окажется в труднейшем положении. Он вряд ли сможет хорошо повести дело без изменения стиля своей работы. А для этого потребуется расширить прежде всего права коллектива.

Постоянно возрастающая и совершенствующаяся роль общественных организаций в управлении производством — закономерность развития демократизма. Рождаются новые формы и методы привлечения трудящихся к управлению предприятиями. Через партийные организации, профсоюзы, комсомол, производственные совещания, народный контроль, подбор и воспитание кадров, через различные новые объединения, рожденные практикой коллективного сотрудничества, осуществляется это многостороннее функционирование научного управления, дается объективная оценка методам, какими ведется руководство, вырабатываются тактика решения назревших хозяйственных дел в коллективах.

Особенно важную роль играют в этой деятельности партийные организации. Систематически поддерживая и усиливая инициативу представительных органов, они тем самым укрепляют социалистическую демократию, создают новые возможности для развития общественной активности всех членов производственных коллективов.

Участие масс в управлении, хозяйственный расчет, подбор кадров и объективная проверка их деятельности — эти ленинские принципы научной системы управления непосредственно реализуются через руководителей производства. Поэтому методы, какими проводятся в жизнь ленинские принципы управления производством, должны строиться только на научной основе, должны получать глубокую оценку партийных органов.

«Всякая работа управления, — отмечал В. И. Ленин, — требует особых свойств. Можно быть самым сильнейшим революционером и агитатором и совершенно непригодным администратором... чтобы управлять, нужно быть компетентным, нужно полностью и до точности знать все условия производства, нужно знать технику этого производства на ее современной высоте, нужно иметь известное научное образование» 9).

Но подчеркивая эти качества пролетарского руководителя, отменая необходимость глубоких знаний для него, В. И. Ленин предостерегал от самоуспокоения и самозазнайства, от убежденности в своей непогрешимости и независимости.

«Руководитель-коммунист тем и только тем должен доказать свое право на руководство, что он находит себе многих, все больше и больше, помощников..., что он умеет им помочь работать, их выдвинуть, их опыт показать и учесть»¹⁰).

Здесь уже не только обоснование общего принципа, каким должен быть руководитель социалистического предприятия, а и конкретизация метода этого руководителя.

Метод, стиль управления производственным коллективом нельзя оторвать от морали. Изучить методы управления — это установить, как связываются важнейшие принципы в системе демократического централизма — принципа одноначалия с такими принципами, как участие масс в управлении, партийность в хозяйственном руководстве, объективность оценки деятельности руководителя. В этой связи особое значение имеет нравственный аспект, именно в нем вскрывается, каков стиль руководителя, как строятся взаимоотношения руководителей с исполнителями, какова степень участия трудящихся масс в решении важнейших задач. Невнимание к этической стороне методов руководства — это, по существу, отход от научного метода в практике.

Принципы морального кодекса строителей коммунизма находят свое специфическое воплощение в деятельности производственного коллектива через систему конкретного управления, при котором взаимодействие нравственных норм с различными организационно-техническими требованиями осуществляется на основе научного подхода. Расширив самостоятельность руководителей производственных коллективов

в решении экономических задач, коммунистическая партия требует от них постоянной партийной ответственности за методы, которыми ведется работа с людьми, за то, чтобы достичь гармонии в нерязрывной цепи человек—коллектив—общество.

Частичные изменения, внесенные в Устав КПСС на XXIII съезде КПСС, еще выше подняли моральную ответственность коммунистов. Большое значение для принципиального партийного воздействия на нравственную сторону метода хозяйственного руководителя имеет изъятие из Устава регламентации в смене партийных органов. Частая замена парторгов и партийных секретарей в производственных коллективах на деле приводила к ослаблению боевитости партийных организаций. Во-первых, поскольку после перевыборов дальнейшее трудоустройство партийных работников первичных коллективов находилось зачастую в зависимости от хозяйственника-руководителя, то это в определенной мере сковывало их требовательность к нравственной стороне в методе руководителя. Во-вторых, частая сменяемость не способствовала индивидуальной работе с каждым коммунистом: секретарь, по-настоящему изучивший психологические оссбенности и деловые качества коммунистов, вскоре переизбирался.

В настоящее время, чем требовательнее и принципиальнее партийный вожак к подбору кадров, к их деловым и нравственным качествам, тем у него больше оснований быть вновь избранным. Снимается тем самым и проблема трудоустройства коммуниста-партийца он не будет опасаться, что «не подойдет» ретивому администратору, ибо коммунисты вновь изберут его.

В статье В. Малыгина «Урок принципиальности», опубликованной в «Правде» от 25 ноября 1966 года, как раз и затрагивается эта проблема.... Секретарь партийной организации автоколонны № 1307 г. Курска П. Г. Нехода дважды ставил на заседаниях бюро парткома вопрос о неправильном отношении начальника автоколонны Г. Ф. Зиборова к мнению коллектива, который не считался с парторганизацией.

Когда подошло время отчета секретаря, Зиборов добился черєз райком, чтобы П. Г. Неходу перевели на другой участок. Коммунисты автобазы справедливо осудили такой метод работы райкома, принци-

пиально требуя прислушиваться к их голосу.

Итак, полностью восстанавливается ленинский метод партийного руководства производственным коллективом. Когда партийные органы осуществляли мелочную опеку над производственниками, они брали на себя значительную долю той ответственности которая возлагается именно на конкретных работников; это вполне устраивало инертных и безынициативных хозяйственников¹¹).

Партийные органы призваны влиять на работу производственных коллективов своим партийным методом, характерная функция которого организационно-воспитательная: подбор и учеба кадров, укрепление первичных парторганизаций, контроль исполнения собственных решений и Директив партии.

В руководстве промышленностью, отмечал В. И. Ленин, из попыток регламентации всех взаимоотношений «могло бы получиться чисто бюрократическое творчество. Целесообразнее представить сначала практике выработать подходящие формы отношений: разнообразие желательно, полезно, даже необходимо, чтобы точнее изучить, полнее сравнить разные системы взаимоотношений» 12).

При современной хозяйственной реформе это положение особенно важно. Партийным органам необходимо по-хозяйски разобраться в накопленном опыте, выявить все наиболее ценное, чтобы оперативно, своими методами использовать его в практике коммунистического строительства. Поддерживая и отбирая из опыта все то, что способствует развитию трудящихся, партийные организации должны прежде всего

оказывать влияние на нравственную сторону метода хозяйственникаруководителя, управляющего производственным коллективом. Учитывая при подборе кадров, что руководитель производственного коллектива должен глубоко разбираться в технических нормативах и обладать должными организационными способностями, несомненно, приходится брать во внимание и его нравственные качества. Но нравственные качества еще недостаточное условие для руководителя, как показывают некоторые социологические исследования¹³).

Руководитель, обладающий высокими техническими знаниями, оперативнее решает хозяйственные задачи, нередко отказываясь от формальной коллегиальности, различных скороспелых активов, зато более широко и глубоко обсуждая в коллективе ответственные задания.

Когда при выдвижении руководящего работника обращается внимание не столько на его степень профессиональной подготовленности, сколько на то, какие служебные обязанности он нес в прошлом, т.е. ориентируются лишь на его послужные данные, то явно недооценивается роль самих общественных организаций в производственных коллективах — прежде всего партийных и профсоюзных, которые обязаны осуществлять свои функции нравственного воспитания по отношению к любому работнику.

Ленинское требование делового подхода к руководителю всегда дополнялось требованиями идейно-политического и нравственного характера. Ведь известно, что цели достигаются разными средствами. В этом отношении серьезную опасность для развития коллектива представляет утилитаристский подход — справиться с заданием «любой ценой».

Бесспорно, что руководитель, обладающий марксистско-ленинским мировоззрением, практически воплощая цель, может более успешно находить такие методы, которые гармонически сочетают в себе единство цели и средства в создании материально-технической базы коммунизма и воспитании нравственно совершенной личности. Люди, повседневно погруженные в факты, занимающиеся только статистикой, производственными нормами и решением бесконечных проблем, особенно если их не учили избегать метафизики, как верно заметил Джон Льюис, могут довольно легко предать забвению законы и тенденции, скрывающиеся за теми или иными явлениями, и впасть в филистерство...

Марксистско-ленинское понимание ответственности тем и отличается от утилитаристского, что, учитывая конкретные потребности производственной практики, марксизм связывает эти потребности с максимальным удовлетворением материальных и духовных интересов всех трудящихся, с утверждением самых справедливых социальных отношений, с развитием творчества и инициативы масс.

Подчеркивая обязанности каждого коммуниста в системе производства, требуя от него максимальной ответственности за порученное дело, Коммунистическая партия сурово осудила порочные методы волевого руководства. Но было бы ошибкой не видеть того, что в психологии ряда руководителей еще сохранились старые привычки — нетерпимо относиться к критическим замечаниям, не считаться с мнением коллектива. Чаще это наблюдается в небольших коллективах, что в основном объясняется недостаточной активностью и боевитостью общественных организаций этих предприятий — прежде всего партийной и профсоюзной.

Одной из немаловажных причин живучести бюрократизма является слабая требовательность к тем руководителям, которые уже опорочили себя в отношениях с коллективами, возглавляемыми ими. Заместитель председателя Комитета народного контроля В. Залужный, в частности, приводит конкретные примеры, когда нарушения государственной дисциплины порождаются в значительной мере ошибками в подборе и расстановке кадров. Он пишет, что еще нарушается партийная принципи-

14 Заказ № 1046 209

альность, когда снимают неисправившегося работника и тут же предоставляют ему работу такого же масштаба, а если и меньшую, то непременно с персональной надбавкой к окладу. При любых обстоятельствах, указывает В. Залужный, на первый план надо ставить интересы государства («Правда», 21 октября 1966 г.).

В этой связи очень важно развивать различные формы народного контроля и требовать полной моральной ответственности руководителя перед своей партийной организацией. Вопрос о снятии номенклатурного работника прежде должен решаться в руководимом им коллективе.

«Снимаете работника? Соберите коллектив или хотя бы партийнохозяйственный актив, поговорите начистоту, вскройте все упущения, выслушайте людей, объясните! И берегите, поддерживайте с партийной заботливостью все проявления активности и хозяйственного самосознания рядовых тружеников!¹⁴).

Итак, неполную моральную ответственность руководителя перед коллективом можно успешно преодолеть, повышая роль партийных организаций в вопросах соблюдения норм коммунистической нравственности, в требованиях строгого соблюдения Устава КПСС¹⁵).

Несомненно, что вопрос о месте единоначальника в системе демократического централизма, о его роли, авторитете и ответственности не теряет своей актуальности, ибо от методов управления во многом зависят успехи коммунистического строительства.

Принцип демократического централизма, лежащий в основе всего хозяйственного управления, имеет две стороны: централизованное плановое руководство экономикой и социалистический демократизм. Плановое руководство дает возможности использовать экономические законы в интересах всего общества, социалистический демократизм развивает инициативу и творчество масс, сознательно применяющих эти законы в практике строительства.

При использовании законов нельзя не отметить такого требования, которое всегда стоит перед коллективами и их руководителями: знать и понимать особенности интересов отдельных людей и находить такие решения, такие формы организации (как реального фактора, влияющего на личность), которые дали бы возможность сочетать общие и личные интересы, не ущемляя ни тех, ни других. Это и составляет диалектику конкретного руководства, опирающегося на коллектив, на рациональное развитие в нем общественно ценностных ориентиров личности.

В статье К. Лавровой «Кому угодить?» («Комсомольская правда», 13 марта 1966 г.) хорошо показан в деле именно такой руководитель, обладающий «секретом» конкретного руководства. Хитрых он принимает такими, какими они есть, с их ориентацией на милость начальни ка, с расчетом на особо доверительное «ты да я», с двуликими — «для виду» и «про себя». И при этом такой руководитель незаметно выворачивает душу хитрого наизнанку и дает ему понять, что отношения строятся на одной основе — радении к делу, на общенародном интересе, который вовсе не противоречит и личному интересу. Опираясь на объективную силу знания, этот руководитель находит подлинные ценности в одной плоскости с интересами людей.

В последнее время методы конкретного руководства производственными коллективами вводятся в качестве существенных факторов управленческой деятельности. Так, например, в ГДР разработана постоянная система исследования узких мест, основанная на анализе следующих факторов:

- 1. Фактора материала: обеспечение отстающего участка основными материалами, полуфабрикатами, покупными агрегатами, вспомогательными материалами;
- 2. Фактора оборудования: применяемые станки, установки, приспособления, режущий и измерительный инструменты;

3. Фактор взаимоотношения занятых: анализ работы непосредственных исполнителей, руководителей разных уровней и взаимоотношений между работниками;

4. Фактора методов руководства.

При анализе последнего рассматривается влияние системы управления предприятием, технического и производственного планирования, конструирования изделий, руководства производственным процессом, направления капиталовложений, снабжения, контроля, финансов, складского хозяйства, работы с кадрами и рационализаторской работы¹⁶).

Таким образом, чтобы коллектив работал нормально, важно наряду с выяснением факторов материала и оборудования, проанализировать взаимоотношения исполнителей и руководителей разных уровней, вскрыть методы руководства в коллективе. От того, какими методами будет добиваться руководитель научной организации труда, каковы вгаимоотношения в коллективе, во многом объясняются результаты хозяйственного строительства и воспитательной работы.

В нашей отечественной литературе и в произведениях авторов стран народной демократии проблемам нравственных и деловых качеств руководителя уделяется большсе внимание. Анализируя методы, какими ведут управление руководители, исследователи выделяют три разновидности таких методов:

1. Административный; 2. Экономический; 3. Комплексный.

Первый метод основывается на административноправовом регулировании. При таком руководстве не избежать формализма. Он устраивает людей, ориентирующихся на подчинение вышестоящим органам. Это самый простой метод управления.

Второй метод учитывает экономические стимулы, опирается лишь на материальные факторы. Этот метод требует знания специфики производства, экономических рычагов ведения хозяйства. Но и при таком методе могут неполно учитываться духовные стимулы, нравственное совершенствование коллектива, развитие инициативы трудящихся масс. Этот метод и средства его осуществления мсгут противоречить природе социалистического общества, если у руководителя недостает духовной культуры и в погоне за положительными результатами он опирается на административные меры.

Третий метод — комплексный. Это «метод создания таких условий, при которых выбор желательного для органов государственного управления поведения производится соответствующими лицами свободно, но на этот выбор оказывает воздействие общественное мнение, общепринятые взгляды по данному вопросу»¹⁷). Этот метод является наиболее целесообразным: в нем удачно сочетаются необходимые меры и административного, и экономического характера. Главное в этом методе—всесторонний учет реальных особенностей коллектива, исходных экономических данных предприятия и перспектив его развития. Эти данные выявляются различными формами конкретно-социологических исследований. Следовательно, конкретно-социологический анализ становится важной стороной научного управления коллективом. В таком анализе выясняется состояние коллектива, мера моральной ответственности в отношениях руководителей различных уровней и их подчиненных, выявляются необходимые моменты для оптимального управления.

Целесообразные моменты комплексного метода в управлении коллективами имеют прямую связь с обязанностями и полномочиями единоначальника.

Рациональным путям управления на промышленных предприятиях, которые способствуют развитию отношения моральной ответственности, посвящена содержательная работа профессора Алтайского политехнического института Ф. Ф. Аунапу «Руководитель производства», опубликованная в Алтайском книжном издательстве (Барнаул, 1965).

Устанавливая полномочия и ответственность руководителей производства, исходя из должностного уровня. Ф. Аунапу очерчивает круг основных обязанностей ведущих руководителей производства. Особое внимание авгор уделяет стилю работы руководителя, основными чертами которого являются следующие: а) степень самостоятельности по отношению к вышестоящим органам и по отношению к своим полчиненным, б) оперативность; в) умение текущие проблемы связывать с перспективными; г) распорядск рабочего дня; д) взаимоотношения с сбщественными организациями; е) связь и общение с рабочими: ж) умение наладить соревнование и вести постоянный учет результативности производственной деятельности.

Характерно, что адекватно методам, применяемым руководителями в управлении, складывается и тип руководства: автократический и демократический. Нередко административный метод способствует развитию автократической власти, и наоборот, социологический подход немыслим без демократических форм управления.

Проблема конкретно-социологического изучения отношений в коллективе важна не только для установления соответствующих форм ответственности, но и для создания научных принципов и методов управления коллективами, отвечающих конкретным производственным условиям. Эта проблема заслуживает в настоящее время особого внимания.

В статье «Экономика хорошего настроения» («Известия», 23 апреля 1966 г.) директор Анжерского машиностроительного завода С. Петров указывает, что анкета, адресованная рабочим предприятия с вопросом о том, что какие меры необходимо предпринять в руководстве коллективом, чтобы способствовать созданию желательного «эмоционального климата», не вызвала у него большого энтузиазма. «Я опасался, — пишет С. Петров, — что анкета вызовет ненужные осложнения и разговоры. Но люди, оказывается, отлично разбираются в сложнейшей обстановке. В своих требованиях они оказались предельно объективными и скромными, какими бывают законные хозяева тия, знающие, что, как и когда можно сделать. А их пожелания были конкретными и деловыми» 18).

К комплексному конкретно-социологическому анализу и выработке более действенных методов управления следует смелее обращаться всем руководителям предприятий. От этого выигрывает наше общее дело — строительство коммунистического общества, рациональнее будут использоваться силы и средства при выполнении плана 1966—1970 годов, выше будет моральная ответственность каждого за принятые решения, опирающиеся на мнение коллектива.

¹⁾ А. Е. Фурман. О предмете исторического материализма. «Философские науки», 1965, № 6, стр. 86.
2) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 198.
3) Л. М. Архангельский. Добро, долг, совесть. «Вопросы философии», № 6, 1964, стр. 77.

В данном случае, говоря о моральной ответственности, мы имеем в виду одну из его сторон — моральный долг, ибо некоторые авторы, рассматривая различные аспекты понятия долг, выделяют еще общественный долг. При этом, обосновывая необходимость выполнения общественных обязанностей, они неправомерно отрывают политико-правовой аспект долга от морального (см. моногра-фиер В. А. Ребрина «Общественный долг строителей коммунизма». Новосибирск, 1965). т. е. не улавливают относительной самостоятельности морального долга по отношению к общественному, выступающему нередко как общий принцип.
"Моральный же долг основывается на общественно необходимых требованиях,
учитывающих конкретные условия, ситуацию, положение субъекта.

4) О. К. Антонов. Для всех и для себя. М., стр. 124.

5) А. М. Бирман. Некоторые проблемы науки об управлении народным

хозяйством. М., 1965, стр. 25.

6) Такого взгляда придерживаются А. Шишкин, К. Шварцман, В. Ребрин и др.

- 7) К. Маркс и Ф. Энгельс, Об искусстве, Т. 1, М., 1957. стр. 241. 8) В некоторых районах непродуманно и безответственно внедрили в целом прогрессивную пропашную систему земледелия, предложенную алтайским ученым Наливайко. Вред этих поспешных решений известен. Это произошло не только потому, что не были учтены особенности ряда почвенно-климатических зон страны: нарушались ленинские принципы системы управления, когла тот или иной руководитель ориентировался лишь на ответственность переп вышестоящими органами и не нес моральной ответственности перед коллективом, что сказывалось как на хозяйственных результатах, так и на взаимоотношениях отдельных руководителей и исполнителей, которые видели неразумность тех или иных мер и не могли действенно противопоставить им силу мнения.
 - ⁹) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 215. 19) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 325.
- 11) Несомненно, партийные и советские органы не могут стоять в стороне от лого, как выполняются заказы предприятиями, как организовано снабжение. Но не пора ли призвать к ответу людей, писал в «Известиях» заведующий промышленно-транспортного отдела Кемеровского обкома КПСС, которые занимаются снабжением с помощью телеграфа, требуя от партийных комитетов и исполкомов Советов заниматься совершенно несвойственными делами? (см.: «Известия», 10 марта 1966).

 12) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 272.

 13) См. сб. «Количественные методы в социологии». М., 1966, стр. 246.

14) В. Кетлинская. Внимание — кадры. «Литературная газета».

8 марта 1966.

15) Буржуазные критики демократического централизма как раз и пытаются спекулировать еще на некоторых наших практических недостатках, отыскивая теоретическое противоречие между партийными решениями и моральной ответственностью личности.

Убедительную критику этих взглядов дал Франц Лозер в статье «Марксизм и мораль». Для каждого коммуниста, писал он, - не только право, но и моральная обязанность бороться за свои взгляды внутри (но не вне) партийной организации. И в этой связи каждый коммунист принимает полную ответственность за партийное решение. Ибо после широкой демократической дискуссии и принятия решения большинством коммунист должен нести нравственную ответственкость за претворение в жизнь принятых решений см. ж. «Магхіsm Todau», Marclı.

p. p. 78-93.

16 Ruhl. Schwachstellenforchung als Mittel rationalla Betriebsführing., Z. Organia»,

1965, 34, № 6, s. s. 222, 226.

17) Cm.: Е. Старосьцяк. Элементы науки управления.

стр. 338, 339.

18) В социологическом опросе, проведенном в коллективе Барнаульского завода химических волокон, пожелания рабочих тоже носили конкретный и деловой характер. О некоторых результатах этого опроса рассказывается в нашей статье «Знамение времени» («Алтайская правда», 5 февраля, 1965).

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУЛАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ В В КУЙБЫШЕВА

Труды, том 199

1968 г.

ВОПРОСЫ СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА ПРИ СТРЕЛЬБЕ ПАТРОНАМИ-ЗАМЕНИТЕЛЯМИ

Е. Н. ТИХОНОВ

Осмотр места происшествия и вещественных доказательств является важнейшим следственным действием. Особенно он важен в случаях, когда остаются материальные следы совершенного преступления, которые можно непосредственно воспринимать, изучать и давать им соответствующую оценку.

К таким преступлениям относятся, в частности, случаи, связанные с использованием огнестрельного оружия. В ходе осмотра устанавливается дистанция выстрела, место нахождения стрелявшего, вид и образец применявшегося оружия и т. д. Выяснение этих обстоятельств позволяет выдвинуть правильные следственные версии, вести расследование более целенаправленно и быстро.

В отечественной криминалистической и судебномедицинской литературе трех последних десятилетий имеется много ценных рекомендаций по осмотру оружия, боеприпасов и следов выстрела¹). Этим вопросам специально посвящена работа Н. П. Косоплечева²), в которой детально излагаются практические указания для следователя, некоторые справочные данные об оружии и следах его применения.

Для следственного работника, владеющего современными научными методами, разработанными в области судебной баллистики, осмотр по рассматриваемым случаям не представляет большой сложности.

Однако, когда для стрельбы применялись не штатные, а какие-либо другие патроны, — самодельные, предназначенные к другим образцам оружия и т. п., следы выстрела имеют атипичный характер, на стреляных пулях и гильзах остаются необычные следы частей оружия, а это может направить следователя по ложному пути, внести путаницу в оценку доказательств, серьезно затруднить расследование дела.

Патроны, не предназначенные к оружию, из которого ими производятся выстрелы, в криминалистической и судебномедицинской литературе получили условное наименование патроны-заменители или атипичные боеприпасы.

Исследованию следов выстрела в области входного отверстия при стрельбе такими патронами посвящены работы советского судебного медика Г. И. Цуренко³). Автор указывает на ряд существенных признаков, возникающих при стрельбе патронами-заменителями, объясняет некоторые особенности механизма образования таких следов и дает рекомендации по наиболее верной их оценке. Однако этот вопрос остается актуальным и в настоящее время. Многообразие вариантов использования патронов-заменителей порождает определенную специфику в их исследовании и настоятельно требует разработки соответствующей методики.

На оснований изучения специальной литературы, следственной и экспертной практики и собственных экспериментальных наблюдений мы можем предложить некоторые практические рекомендации по рассматриваемым вопросам.

Обнаруженные при расследовании уголовных дел огнестрельное оружие, патроны и их части обычно осматриваются на месте их обнаружения и изъятия (например, при осмотре места происшествия) и в кабинете следователя, где они могут быть изучены более детально.

Для производства такого осмотра следователь вправе согласно ст. 179 УПК РСФСР приглашать соответствующих специалистов (оружейного техника, эксперта-криминалиста и т. д.). В случаях же, когда применялись патроны-заменители, участие специалистов крайне необходимо, ибо они могут своевременно указать на ряд существенных моментов, которые останутся не замеченными следователем, не являющимся достаточно компетентным в исследовании оружия и боеприпасов.

Осмотр оружия

При осмотре оружия, установив его вид. модель и образец, следователь должен проверить, нет ли каких-либо конструктивных изменсний в его частях, не заменены ли какие-либо части самодельными, соответствует ли номинальный калибр данного образца оружия фактическому диаметру канала его ствола, нет ли дополнительных вставок в канал ствола (временных, или постоянных, прочно вмонтированных в него), нет ли вставных трубок в каморах барабана (у револьверов), не рассверлены ли патронник ствола и его канал или каморы барабана.

Следует учитывать, что приспособление оружия к патронам несоответствующего калибра или образца зачастую снижает степень безопасности при обращении с ним. Поэтому нужно проявлять максимальную осторожность при его разряжании и осмотре.

По характеру обнаруженной переделки оружия, подгонки сго к каким-либо патронам-заменителям можно предположительно судить о тех возможных боеприпасах, которые могут быть применены для стрельбы из него.

Как показывает следственная и экспертная практика, преступники чаще всего переделывают оружие под отечественные образцы патронов, наиболее доступные для приобретения: 5,6-миллиметровые малокалиберные стандартные патроны бокового (кругового) огня, 7,62-миллиметровые пистолетные патроны образца 1930 г., 7,62-миллиметровые револьверные патроны, 9-миллиметровые патроны к пистолетам Макарова и Стечкина и охотничьи патроны для дробового гладкоствольного оружия 12—32 калибров. В последние годы появились также случаи подгонки оружия под патроны к строительно-монтажным пистолетам, в которые поверх порохового пыжа вставляются самодельные пули.

Поэтому размеры патронника и его форма, диаметр канала ствола, расположение бойка ударника относительно казенного среза патронника или камор барабана могут с достаточной достоверностью указывать, под какой именно калибр и образец патрона подгонялось осматриваемое оружие.

Например, диаметр канала ствола и патронника, равный 5.6--6,0 мм, и расположение кончика бойка напротив кромки казенного среза патронника свидетельствуют о реальной возможности стрельбы из этого оружия малокалиберными 5,6-миллиметровыми патронами бокового (кругового) огня.

Придание цилиндрической формы патроннику ствола путем его расточки и рассверловки в пистолетах иностранных образцов, предназначенных для стрельбы короткими и средними 9-миллиметровыми патронами, создает возможность помещения в него отечественных писто-

летных патронов калибра 9 мм. Причем, зачастую из такого оружия с расточенным патронником можно вести сгрельбу и штатными патронами, гильзы которых после выстрелов раздуваются и автоматически не выбрасываются, а дульца гильз иногда получают продольные трещины и разрывы.

При осмотре специальных средств, действующих на принципе использования энергии пороховых газов (сигнальных, стартовых и строительно-монтажных пистолетов), необходимо проверить, нет ли признаков переделки их для использования в качестве огнестрельного оружия. Такая переделка может быть очень несложной, но эффективной.

Например, достаточно рассверлить лишь гнезда магазина стартового пистолета (ИЖ-СПЛ) до диаметра 5,7—6,0 мм, как для стрельбы из него могут использоваться короткие малокалиберные патроны или средние стандартные малокалиберные патроны со срезанными кончиками пуль. В сигнальных пистолетах калибра 26 мм обычно употребляются вставные стволики (временные или постоянные) под самые различные патроны (чаще — охотничьи). В строительно-монтажных пистолетах убирается блокировочное предохранительное устройство, и стрельба производится свинцовыми пулями с использованием штатных для них патронов.

В протоколе осмотра следует обязательно отмечать, какими именно инструментами производились измерения частей оружия, так как простые измерительные инструменты, имеющиеся у следователя (линейка, штанген-циркуль, транспортир), далеко не всегда обеспечивают необходимую точность измерений, что приводит к значительному расхождению данных, полученных следователем и экспертом, который при производстве судебно-баллистической экспертизы пользуется более точными измерительными приборами.

Если следователь затрудняется указать правильно наименование модели и образца осматриваемого оружия, лучше не называть его вообще, а указать лишь с достаточной достоверностью и точностью те данные, которые он видит сам.

Безусловно, что далеко не во всех случаях оружие подвергается какой-либо подгонке к патронам-заменителям. Эта подгонка может касаться только самих патронов, либо патроны по своим конструктивным данным могут использоваться для стрельбы из не предназначенного для них оружия.

Так, отечественные 7,62-миллиметровые патроны образца 1930 г., предназначенные для стрельбы из пистолетов «ТТ» и автоматов «ППД», «ППШ» и «ППС», свободно помещаются в патроннике бельгийского 9-миллиметрового пистолета «Браунинг» образца 1930 г., а в пистолетах «Маузер» калибра 7,63 мм всех моделей (обр. 1896, 1902, 1908 и 1924 гг.) и «Астра» модели 900 они могут использоваться практически как штатные к ним патроны.

Осмотр патронов

Невыстреленные патроны обычно подвергаются следственному осмотру в случаях обнаружения и изъятия их вместе с оружием или отдельно при обыске, а иногда и на месте происшествия (чаще—со следами осечки).

Осматривая целые патроны, следователь предварительно оценивает, можно ли ими производить стрельбу из предполагаемого оружия, галогичны ли они тем, которые применялись для совершения преступления, устанавливает признаки способа их изготовления и т. п. Однако решающее мнение по этим вопросам принадлежит экспертам.

В ходе осмотра патронов устанавливается их вид, тип, калибр и образец путем сравнения данных, полученных при осмотре, со справоч-

ными данными, а затем делаются предварительные выводы о том, являются ли они штатными к фигурирующему по делу оружию или же их

следует отнести к патронам-заменителям.

Особое внимание следует уделить признакам, указывающим на несоответствие отдельных компонентов патронов для данного их калибра или образца (способ крепления пуль в гильзах, общие размеры патронов и их частей, атипичность формы, размеров и материала пуль и гильз и т. п.).

Вопросам осмотра патронов-заменителей по наиболее часто встречающимся случаям уделено большое внимание в одной из работ Ю. М. Кубицкого⁴), где автором отмечается серьезная специфика таких действий.

При изучении поверхности частей патронов с помощью лупы при 4—7-кратном увеличении можно легко обнаружить следы их дополнительной обработки, возникшие при самодельном изготовлении либо при приспособлении заводских патронов к несоответствующему образцу оружия.

Среди патронов-заменителей заводские патроны получили условное наименование «нештатные», то есть не являющиеся штатными для

определенной модели оружия.

Более подробные сведения об осмотре патронов-заменителей по их отдельным частям излагаются ниже в соответствующих разделах.

Осмотр пуль

Некоторые практические рекомендации по осмотру пуль патроновзаменителей содержатся в работах А. Н. Вакуловского, Г. И. Рыбнико ва и Б. М. Комаринца, посвященных идентификации огнестрельного оружия по стреляным пулям⁵).

Пули, выпущенные из оружия не соответствующего им калибра или образца, по характеру образования на них следов канала ствола могут быть подразделены на три группы⁶):

а) калибр пуль и канала ствола одинаков;

б) пули по калибру меньше, чем канал ствола;

в) пули по калибру больше, чем канал ствола.

По нашим и литературным данным чаще встречаются первые два

варианта. Третий же бывает крайне редко.

По способу изготовления пули патронов-заменителей могут быть заводскими и самодельными. Причем самодельные чаще всего соответствуют калибру ствола. Пули же заводских боеприпасов часто либо меньше по калибру, либо незначительно превышают его или соответствуют ему.

Характер следов канала ствола на пулях зависит прежде всего от того — нарезной он, или гладкий (охотничье гладкоствольное оружие,

либо самодельное или переделанное).

При соответствии калибра нарезного огнестрельного оружия и пули следы, образовавшиеся на ней при выстреле, существенных атипичных признаков не имеют и достаточно точно отображают групповые и индивидуальные особенности канала ствола.

Характерными признаками использования для стрельбы пуль мечьшего калибра являются: отображение следов полей на головной и квостовой частях их, при этом на поверхности пуль видны следы не всех полей и расположение их неравномерно. Несколько похожие следы могут оставить сильно изношенные каналы стволов, но они отличаются тем, что грани полей в последнем случае не видны в следах, а само расположение следов полей более симметрично и равномерно. Кромс того, хвостовая часть пуль, стреляных из оружия большего калибра, обычно деформируется, сечение донышка принимает овальную или

элипсовидную форму, а кромки его покрыты мелкими участками следов

полей.

Пули, стреляные из нарезного оружия меньшего калибра, врезаясь под сильным давлением в канал ствола, вытягиваются, принимая его диаметр по нарезам, и на их поверхности отображаются следы не только полей, но и нарезов, что впоследствии значительно облегчает идентификацию. При этом во всех следах четко отображаются индивидуальные особенности канала ствола, а следы охватывают, кроме ведущей, еще и нижние участки оживальной части пули.

На стреляных пулях, выпущенных из оружия с гладким каналом ствола, при их соответствии по калибру оружию, следы имеют вид сплошной продольной исчерченности. Такая исчерченность может наблюдаться в виде отдельных неравномерных участков либо вообще не отобразиться при выстрелах из оружия большего калибра?).

Случаев же использования пуль большего калибра для стрельбы из гладкоствольного оружия в литературе и при обобщении практического материала нам не встретилось, однако можно полагать, что при достаточной прочности ствола пуля примет вид, аналогичный стреляной из нарезного оружия с четким отображением всех особенностей его канала без характерных отпечатков полей.

В. Н. Прозоровский и Ю. М. Кубицкий отмечают, что на оболочечных пулях, стреляных из гладкоствольного оружия, кроме того могут быть обнаружены следы дымного пороха, указывающие на атипичный

характер их применения8).

Пули, применявшиеся для стрельбы из гладкоствольного оружия, нарезного оружия большего калибра, обрезков и нарезного оружия с сильно изношенным каналом ствола, часто попадают в преграду плашмя, донышком, несколько под углом к оси прицеливания, образуя повреждения неправильной формы. Иногда при ударах своей боковой частью они отображают на преградах в виде пояска обтирания или пробоины свою форму и размеры⁹).

Если пуля самодельная и изготовлена из мягкого металла (свишиа, его сплавов и т. п.), следы канала ствола на ней отображаются хорошо, но могут быть легко уничтожены в результате деформации пули при ударе о твердую преграду. Однако в отдельных случаях встречаются самодельные пули, выточенные из стальной болванки. На них при прохождении через ствол следы канала обычно не отображаются. Малейшее же превышение диаметра таких пуль калибра ствола оружия может повлечь его разрыв и нанесение травматических повреждений стреляющему и окружающим.

С. Д. Кустанович указывает также на возможность перештамповки пуль заводских патронов для использования их в оружии большего или меньшего калибра¹⁰). При этом зачастую такие пули весьма трудно отличить от заводских стандартных и возможно лишь, как правило, при тщательном экспертном исследовании. Наиболее ценным признаком перештамповки пуль является их вес, который обычно остается неизменным, хотя форма и размеры пули меняются.

Осматривая пули, следует пользоваться данными справочных таблиц, сравнивая их с фабричными образцами, чтобы предположительно судить об образце патрона и об оружии, для которого они могут быть использованы Одной из таких таблиц, наиболее доступной для следователя, является приложение № 2 к указанной выше работе Н. П. Косоплечева.

Осмотр гильз

При осмотре стреляных гильз патронов-заменителей, кроме обычных данных, на которые следует обращать внимание (размеры, форма, устройство, материал, маркировочные обозначения, следы частей ору-

жия и т. д.), очень важно выявить и зафиксировать признаки использования их в оружии несоответствующего калибра или образца, либо самодельного их изготовления.

На факт самодельного изготовления гильзы указывают: нестандартность размеров ее частей: неправильная форма донышка, закраины и капсюльного гнезда; отсутствие маркировочных обозначений; следы грубой обработки ее поверхности; необычность материала. Следы грубой обработки поверхности могут быть также на гильзах заводских патронов, оставшиеся в результате подгонки их (опиловки, обкатки и т. п.) к оружию несоответствующего калибра или образца.

Если устройство и размеры патронника ствола или каморы барабана аналогичны тем, для которых предназначен тог, или иной патрон, на гильзах фабричных патронов обычно не наблюдается каких-либо дефектов, возникающих при выстрелах из несоответствующего оружия. На модель и образец применявшегося оружия здесь указывают главным образом следы частей этого оружия (бойка, патронного упора, отражателя, выбрасывателя и т. п.) — их наличие, взаимное расположение и размеры.

В отечественной и зарубежной криминалистической литературе приводится много примеров, когда патроны одного и того же калибра применяются для стрельбы в пистолетах и револьверах различных моделей.

Например, пистолетные патроны калибра 11,43 мм используются для стрельбы из револьверов «Кольт» и «Смит и Вессон», причем для удержания их в каморах барабана сбоку вставляются попарно пластипчатые фигурные зажимы, охватывающие гильзы в выточках под шляпкой; пистолетные патроны калибра 7,65 мм применяются в револьверах того же калибра и т. д. 11). Могут применяться с этой же целью более простые приспособления. Так, Ю. С. Хатчер приводит случай, когда в выточку на гильзах пистолетных патронов наматываются витки проволоки, что также обеспечивает удержапие гильз в каморах барабана 12). Аналогичные факты встречались и в нашей практике. Обнаружение гильз с намотанной в их выточки проволокой в большинстве случаев может свидетельствовать об использовании их для стрельбы из револьверов того же калибра.

Б. М. Комаринцем¹³), Ю. М. Кубицким¹⁴) и другими авторами описаны случаи использования для стрельбы из револьвера «Наган» образца 1895 г. калибра 7,62 мм отечественных пистолетных патронов того же калибра. Причем подгонка патронов и оружия осуществлялась двумя способами: либо расточка камор барабана, либо обточка и обкатка корпуса гильз самих патронов с целью уменьшения их диаметра.

При использовании револьверных патронов для стрельбы из пистолетов того же калибра корпусы гильз могут быть обрезаны со стороны дульца, закраины шляпок сточены, а в корпусе гильз впереди закраины могут делаться неглубокие выточки для захвата их зацепом выбрасывателя.

Из практики видно, что для стрельбы в пистолетах и револьверах иностранных образцов калибра 7,65 и 8 мм иногда применяются отечественные револьверные патроны калибра 7,62 мм, у когорых корпус гильзы спереди укорачивается, а коническая его часть обтачивается. Закраины донышка спиливаются полностью или частично, однако на донышках гильз остаются заметными маркировочные обозначения, помогающие установить принадлежность гильз к тем патронам, которые подверглись переделке.

Однако такое относительное соответствие патронника и гильзы встречается не всегда. Чаще гильза либо превышает его по диаметру и длине, либо наоборот

— меньше и при выстрелах раздувается и разрывается ее корпус, либо дульце.

При стрельбе отечественными патронами калибра 7,62 мм образым

1930 г. из пистолетов иностранных моделей калибра 9 мм («Вальтер» образца 1938 г., «Борхардт-Люгер» образца 1908 г., «ВИС» образца 1935 г., «Браунинг» образца 1930 г. и др.) корпус гильзы частично соответствует по диаметру патроннику ствола и раздутию подвергается лишь дульце, причем разрывы наблюдаются не всегда, а на поверхности дульца отпечатываются следы полей и нарезов от участка пульного вуода канала ствола, по которым можно судить о количестве нарезов, а в дальнейшем, в отдельных случаях, даже произвести по ним идентификацию. Передний срез дульца может принимать в зависимости от количества нарезов шести- или четырехгранную форму¹⁵).

Нередко преступники для того, чтобы обеспечить нормальное удержание гильзы в патроннике, который значительно больше ее по диаметру, обертывают корпус гильзы бумагой, одевают на нее металлический чехол, сдавливают ствол в казенной части до диаметра гильзы патрона. Следов патронника на таких гильзах, обернутых сверху каким-либо материалом, обычно не остается, но могут остаться пригоревшие при выстреле частицы этой своеобразной «рубашки». В сдавленном патроннике гильза принимает неправильную форму и извлекается из него с помощью шомпола или иных приспособлений с большим трудом, от чего на божовых сторонах ее корпуса остаются четко выраженные раздутия, царапины и потертости. На ребре шляпки гильзы, если шомпола окажется недостаточно для ее извлечения, остаются следы кусачек, плоскогубцев и других подобных инструментов.

Если же патронник ствола или каморы барабана меньше по диаметру корпуса гильзы, подгонка патронов может производиться путем расточки и рассверловки патронника и камор, как указывалссь нами выше, либо сами патроны подвергаются соответствующей обработке: корпус гильзы обкатывается, обтачивается. Стенки корпуса становятся тонкими и часто разрываются при выстрелах. На поверхности гильз хорошо сохраняются следы их обточки, а обнаружение на их донышках маркировки будет указывать на подгонку заводских патронов к оружию с патронником меньшего диаметра.

Вообще маркировка на донышках гильз может дать ценные сведе-

ния о принадлежности их к тому или иному образцу патронов.

У отечественных боевых патронов к вынтовкам, карабинам, автоматам, пистолетам и револьверам имеются маркировочные обозначения. На винтовочных патронах маркировка выпуклыми рельефными знаками ставится на скошенные участки донышка, у револьверных — на плоские участки вдавленные знаки, а у пистолетных и «промежуточных» патронов, которые имеют плоское дно, также вдавленные, но несколько крупнее. Следует однако иметь в виду, что могут быть дополнительные знаки на патронах старых выпусков—звездочки и т. п. либо вообще не быть никакой маркировки (например, патроны калибра 6,35 мм к пистолетам «ТК» конструкции Коровина).

На донышках гильз патронов иностранного производства маркировка может быть самой разнообразной, так как каждая фирма ставит свои обозначения. Наименование фирмы ставится буквами латинского алфавита, иногда дается полное наименование ее (например, фирма «Петерс» — США, «Геко» и др.) либо сокращенное («ДВМ» и т. д.). На гильзах патронов германского производства обозначается год выпуска, фирма-изготовитель, материал гильзы и партия патронов; на английских патронах — обозначения фирмы и калибра патронов в тысячных долях дюйма, а на американских — в сотых долях дюйма.

В отдельных случаях иностранные патроны могут быть вообще без маркировки. К таким относятся японские пистолетные патроны калибра 8 мм и винтовочные патроны калибра 6,5 мм и др.

Маркировка гильз подробно описывается в протоколе осмотра н

может быть специально зарисована на детальном плане, прилагаемом к протоколу.

Очень важно тщательно осмотреть и зафиксировать следы частей оружия на гильзах, образовавшиеся при заряжании, выстреле и разряжании. Нередко по ним можно сразу судить о том, что патрон применялся для стрельбы из несоответствующего ему образца оружия.

Например, обнаружение на капсюле гильзы патрона калибра 9 мм для пистолетов Макарова широкого следа бойка с плоским дном, а на донышке гильзы и ребре шляпки диаметрально расположенных следов отражателя и выбрасывателя, указывает на применение этого патрона для стрельбы в итальянском пистолете «Беретта» того же калибра.

Если гильзы обнаружены и осматриваются вскоре после стрельбы, в них на внутренних сторонах корпуса гильзы хорошо виден пороховой нагар — более темный и интенсивный при дымном порохе и серый, слабо выраженный — при бездымном. Из полости гильзы может ощущаться харакгерный запах сгоревшего пороха, по которому можно ориентировочно судить о давности произведенного выстрела.

Осмотр пыжей

В обычных патронах заводского или самодельного снаряжения к гладкоствольным охотничьим ружьям пыжи являются необходимым почень важным элементом. В патронах к нарезному оружию пыжи встречаются крайне редко. Исключение составляют лишь некоторые образцы (например, патрон калибра 7,71 мм к английской винтовке «Ли-Энфильд»).

Однако в патронах-заменителях, в частности самодельных, могут сказаться пыжи различных размеров и из самых разных материалов: бумаги, войлока, пластмаес и т. д.

Поэтому при осмотре места происшествия, где предполагается возможность использования самодельных патронов, следует учитывать это. Необходимо обращать внимание на все мелкие объекты, которые могли быть использованы в качестве пыжей. При этом исследуется их поверхность — нет ли признаков обгорания, окапчивания и специфического запаха сгоревшего пороха. Форма их может оказаться не цилиндрической, а самой разнообразной, и размеры значительно меньше, чем у пыжей к охотничьему оружию.

Редкие случаи применения патронов-заменителей

Выше говорилось о наиболее типичных случаях использования патронов-заменителей. Однако в практике, хотя и крайне редко, встречаются факты использования для стрельбы из современных образчов оружия самодельных холостых либо неунитарных патронов.

К холостым относятся патроны, не имеющие снаряда (пули, дроби, картечи и т. п.). Такие патроны менее опасны, чем боевые, но при стрельбе ими на близких дистанциях можно нанести серьезные телесные повреждения. Поэтому обращаться с ними следует также осторожно.

Установить, что осматриваемые патроны — холостые, обычно не представляет особой сложности за исключением отдельных случаев, когда снаряд может оказаться под пороховым пыжом или залит сверху каким-либо непрозрачным веществом. Для осмотра таких патронов можно пользоваться просвечиванием их жесткими рентгеновскими лучами.

Иногда даже по стреляной гильзе можно предположить, что патрон был холостой. Например, загнутые во внутрь края дульца гильзы,

которые снаряд повредил бы при вылете, будут указывать на холостой выстрел. Следует однако учитывать, что снаряд мог оказаться намного меньше, чем внутренний диаметр дульца гильзы, и свободно пройти в его отверстие.

На использование холостого патрона может указывать также отсутствие раздутия корпуса гильзы, хотя стредяна она была в патрон-

нике большего диаметра.

Неунитарные патроны, то есть части которых -- снаряд, зарял и воспламеняющее устройство (капсюль) не скреплены гильзой в настоящее время обычно не применяются. Но снаряжение оружия таким способом в преступных целях, хотя и очень редко, встречается. изучении следственной и экспертной практики нам встретился такой случай. В каморы барабана револьвера иностранного образца калибра 8 мм были впрессованы металлические трубки с внутренним диаметром 5,7 мм, в которые вставлялись капсюли «Жевело», затем с переднего торца барабана в них засыпался порох, поверх которого закладывались бумажные пыжи и шарообразные пули из свинца. Боек курка наносил удары по центру жапсюлей и выстрелы происходили нормально, как и при стрельбе обычными унитарными патронами. Удаление капсюлей после стрельбы производилось с помощью шомпола.

Конечно, в практике могут встретиться не только подобные, не и иные случаи необычного использования патронов-заменителей, этому следователь должен это учитывать и подходить очень тельно и осторожно к оценке наблюдаемых фактов, имеющих отноше-

ние к выстрелам.

Таким образом, следует отметить, что применение патронов-замснителей может производиться в самых различных вариантах, имеющих свою специфику, которая определяет особенности следственного осмотра оружия, боеприпасов и их частей.

Основные варианты сводятся к следующему:

1. Патроны-заменители могут быть боевые и холостые.

- 2. Могут применяться как унитарные, так и неунитарные патронызаменители.
- 3. Унитарные патроны могут быть: а) самодельные; б) «нешталные», то есть заводские, но предназначенные к другим образцам оружия.
- 4. Самодельные и «нештатные» патроны-заменители могут использоваться для стрельбы в следующих вариантах:
 - а) без приспособления к ним оружия,
 - б) с приспособлением к ним оружия,
- в) с использованием временных дополнительных приспособлений к оружию, позволяющих вести стрельбу этими патронами, а «нештатные» патроны, кроме того, могут быть приспособлены к оружию, либо приспособление может быть взаимным — и оружия и патронов.

Знание этих способов использования патронов-заменителей и особенностей механизма образования следов на пулях и гильзах поможет следователю правильно построить осмотр, вовремя и верно заметить имеющие значение для дела факты, дать им правильную оценку и выдвинуть следственные версии для успешного, целенаправленного и быстрого раскрытия преступления.

¹⁾ См.: В. Ф. Черваков. Очерки судебной баллистики. Госюриздат, М., 1953; Б. М. Комаринец и Б. И. Шевченко, Руководство по осмотру места преступления, 1-я книга, М., 1938; Ю. М. Кубицкий. Судебная баллистика. ВЮЗИ, М., 1956; С. Д. Кустанович. Судебная баллистика. Госюриздат, 1956 и др. ²) Н. П. Косоплечев. Осмотр места происшествия по делам, связанным

с применением огнестрельного оружия. Госюриздат, М., 1956.

3) Г. И. Цуренко. Судебномедицинская характеристика области входных огнестрельных повреждений в результате выстрелов «патронами-заменитслями». Автореф. канд. дисс., М., 1952. Его же. К вопросу о следах близкого выстрела

при использовании патронов-заменителей. Теория и практика криминалистичесной экспертизы, Сб. 5, Госюриздат, М., 1958, стр. 70—73.

4) Ю. М. Кубицкий. Патроны-заменители. Советская криминалистика на

службе следствия. Вып. 7, Госюриздат, М., 1956, стр. 186—201.

5) А. Н. Вакуловский и Г. И. Рыбников. Методика установления огнестрельного оружия по выстреленным пулям. НИИК ГУМ МВД СССР, М., 1954, стр. 9—11, 32—35.

6) М. М. Лотменцев. Стрельба патронами-заменителями. «Труды военно-медицинской академии им. С. М. Кирова», т. 53, Л., 1952, стр. 204—210.

Г. И. Цуренко, там же.

7) В. Н. Прозоровский и Ю. М. Кубицкий. К вопросу об использовании оболочечных пуль из гладкоствольного оружия. «Труды ГНИИСМ», Мед-гиз, М., 1949, стр. 7—13

8) В Н. Прозоровский и Ю. М. Кубицкий, там же.
9) С. Д. Кустанович. Исследование повреждений одежды в судебно-

медицинской практике. Изд. «Медицина», М., 1965, стр. 174.

10) С. Д. Кустанович. К вопросу о криминалистическом исследовании самодельных патронов и их частей. Советская криминалистика на службе следствия. Вып. 13, Госюриздат, М., 1959, стр. 107—110.

11) А. Свенссон и О. Вендель. Раскрытие преступлений. Современные методы расследования уголовных дел. Пер. с англ., Изд. «Иностранная литература», М., 1957, стр. 234.

12) Ю. С. Хатчер. Руководство по исследованию, идентификации и уста-

- новлению улик по данным огнестрельного оружия. Ч. 1 текстовая, пер. с англ. Арт. академии РККА, 1935, стр. 293.

 13) Б. М. Комаринец. Криминалистическое отождествление огнестрельного оружия по стреляным гильзам. Изд. НИИК ГУМ МВД СССР, М., 1955, стр. 231—232, 243—244.

 14) Ю. М. Кубицкий. Патроны-заменители. Советская криминалистика на

службе следствия, Вып. 7, Госюриздат. М., 1956, стр. 194-198.

- 16) С. Д. Кустанович. Судебная баллистика. Госюриздат, М., 1956, 230—231.
 - 16) Здесь и делее наименование фирм дается в русской транскрипции.

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. В. КУЙБЫШЕВА.

Труды, том 199

1968 г

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЯ УДАРА И МЕХАНИЗМА ТРАВМЫ ПО ПЕРЕЛОМАМ КОСТЕЙ ТАЗА

В С СЕМЕННИКОВ

При расследовании дел, связанных с причинением повреждений человеку твердым тупым предметом (в том числе и частями движущегося транспорта), органы следствия и суда заинтересованы в установлении причины, условий и механизмов травмы.

Научно обоснованные ответы судебномедицинского эксперта на вопросы судебно-следственных органов в связи с травмой тела челопека позволяют проверить показания обвиняемого, свидетелей и самого потерпевшего. В практике встречаются случаи, когда те или иные повреждения возникают при отсутствии свидетелей. Особенно это относится к автодорожным происшествиям¹).

К оведениям же, которые сообщает потерпевший о происшествии, следует относиться критически, и они всегда должны подвергаться проверке и подтверждению объективными данными. Так, например, С. Е. Таль указывает, что путем опроса часто не удается установить механизм перелома, так как пациент в момент повреждения мог находиться в состоянии сильного нервного возбуждения и деталей происшествия мог не помнить²).

При несмертельной автотранспортной травме у потерпевших нередко возникает сотрясение головного мозга, сопровождающиеся потерей сознания, а иногда и развитием ретроградной амнезии. По данным С. Я. Фрейдлина такое состояние у пострадавших при автомобильной травме встречается довольно часто (в 10,6% случаев³).

В отдельных случаях судебномедицинская экспертиза повреждений скелета может быть проведена только по медицинским документам. При этом особое значение приобретают данные рентгеновских исследований.

В современных руководствах по рентгенодиагностике повреждений костей каких-либо указаний на возможность определения направления действующей силы по характеру и особенностям переломов костей тазового кольца не имеется⁴).

Для изучения характера и особенностей переломов костей таза у живых лиц, которые возникли в результате действия твердого тупого предмета на тазовое кольцо в различных направлениях, мы воспользовались клиническими наблюдениями над больными с повреждением тазовых костей и находившихся на стационарном лечении в больницах города Барнаула.

У 105 наблюдавшихся больных было изучено и проанализировано 211 переломов костей таза.

Обстоятельства возникновения травмы тазового кольца и направление действующей силы выяснялись из записи в историях болезни, из постановлений о назначении судебномедицинской экспертизы, из актов автотехнической инспекции, а также из показаний как самих потерпевших, так и свидетелей.

Причины возникновения травмы тазового кольца были разнообразными. Все больные с переломами костей таза по этиологии возникновения травмы были разделены на 4 группы (таблица 1).

Таблица 1
Происхождение передомов костей таза у пострадавших.

Виды травмы	Число случа е в	Проценты
Автомобильный транспорт Рельсовый транспорт Производственный травматизм Бытовой травматизм	57 2 20 26	54,2 1,9 19,1 24,8
Итого	105	100,0

По механивму вознижновения травма костей таза распределялась следующим образом: в 90 случаях переломы возникли в результате удара твердым тупым предметом, в 14 случаях имело место сдавление области таза и в одном случае механизм точно установить не удалось, так как у больного развилась ретроградная амнезия.

Локализация переломов плоских костей таза оказалась в прямой

зависимости от направления действующей силы.

При ударе твердым тупым предметом по тазовому поясу в направлении спереди в первую очередь возникают повреждения переднего полукольца таза, локализующиеся в области горизонтальных ветвей лонных костей и восходящих ветвей седалищных костей. Нередко при этом образуются нарушения целости симфиза в виде разрыва его.

Гражданин К-ий, 30 лет. 5/II—61 года был подобран на проезжей части дороги и доставлен в хирургическое отделение Барнаульской городской больницы. При поступлении в стационар изо рта потерпевшего ощущался запах алкоголя. В последствии у больного развилась ретроградная амнезия и мажих-либо сведений о случившемся потерпевший сообщить не мог.

Жаловался на боли в области таза спереди.

На рентгенограмме костей таза были обнаружены переломы горизонтальной ветви левой лонной и восходящей ветви левой седалищной костей.

Кроме того, у пострадавшего был установлен перелом костей левой голени.

При изучении повреждений, обнаруженных у гражданина К-го, было дано заключение, что в данном случае удар твердым тупым предметом был направлен спереди. Это было подтверждено характером и особенностями повреждений трубчатых костей левой голени.

На рентгенограмме костей левой голени опредслялся оскольчатый перелом, причем на передней поверхности левой большеберцовой кости в области повреждения распелагался костный осколок треугольной формы, указывающий на место приложения силы и направление удара⁵).

При ударе твердым тупым предметом по тазовому кольцу сбоку (справа или слева) переломы располагаются, как правило, в области тела подвздошной кости, вертлужной впадины или крыла подвздошной кости, причем эти повреждения возникают в месте приложения внешнего насилия.

Гражданка С-ц, 24 лет. 24/VIII—61 года, переходя проезжую часть дороги, получила удар по правой стороне тела выступающей частью движущейся автомашины марки «ГАЗ-51».

На рентгенограмме № 5328 от 24/VIII—61 г. костей таза гражданки С-ц были обнаружены перелом подвздошной кости и правой

вертлужной впадины.

Нередко при ударе твердым тупым предметом по тазовому поясу сбоку наряду с повреждением в точке приложения силы, возникают переломы, расположенные в переднем отделе тазового полукольца.

Иногда в этих же случаях вместе с повреждением костей таза образуются разрывы тазовых соединений. Причем, нарушение целости крестцово-подвздошных сочленений возникает на той стороне, на которую воздействовала повреждающая сила.

При ударе в направлении сзади повреждения костей таза располагаются в области крестца или задних остей крыльев подвздошных костей. Нередко в этих случаях возникает односторонний или двусторонний разрыв крестцово подвздошных сочленений.

При действии твердого тупого предмета на тазовое кольцо снизу (удар, падение), как правило, возникают переломы копчика, крестцо-

вых позвонков или восходящей ветви седалищных костей.

Полученные данные при изучении характера и особенностей переломов костей таза у потерпевших в зависимости от направления удара были подтверждены экоперементальным путем на трупах лиц, умерших скоропостижно.

В ряде экспериментов, где переломы костей таза были получены путем компрессии, нам удалось выявить повреждения в виде валиков⁶). Эти повреждения на простых рентгенограммах или вообще не обнаруживались, или выявлялись, но очень плохо.

Для обнаружения переломов типа вспучивания — валиков нами применялась томография, которая четко выявляла подобного рода

повреждения.

При оказании травматологической помощи пострадавшим с повреждениями костей таза клиницисты анализируют переломы с точки зрения возможности репозиции отломков и создания наилучших условий для процессов регенерации. Рентгенограммы в этих случаях используются только с диагностической целью. В отдельных случаях по тем или иным причинам диагноз повреждения костей таза ставится только по клиническим данным.

Для целей судебномедицинской экспертизы при решении вопросов о направлении действия внешнего насилия и для выяснения отдельных моментов механизма полученной травмы, необходимо знать точную локализацию перелома, его характер и особенности.

Становится понятным, какую ценность представляют для эксперта рентгенограммы, а иногда и томограммы, выполненные в стационарах при лечении пострадавших с переломами костей таза. Отсутствие же рентгенограмм может поставить судебного медика в таких случаях в затруднительное положение, что не может не отразиться на качестве расследования уголовных дел.

Выводы

- 1. Рентгеновские исследования переломов костей таза являются достоверными методами при экспертизе направления действовавшего насилия.
- 2. В тех случаях, когда имелась компрессия тазового кольца, особенно в детском и подростковом возрастах, для выявления скрытых повреждений следует проводить томографию.

3. Результаты рентгенологических исследований являются ным вещественным доказательством, которое в обязательном порядке вместе с историей болезни должно приобщаться к уголовному

 С. И. Френдлин. К характеристике травматизма от средств городского передвижения. Труды центрального государственого травматологического института им. Р. Р. Вредена, вып. III, Л., 1951, с. 205—209.
 См., например, В. А. Дьяченко. Рентгеноостеология, Медгиз, 1954;
 Г. А. Зедгенидзе и Л. Д. Линденбратен. Неотложная рентгенодиагностика, Медгиз, 1957; В. С. Майкова-Строганова. Некоторые рентгеноанатомические детали верглужной впадины и их диагностическое значение, журнал Вестник рентгенологии, т. 21, № 4, 1938, с. 254—260; Д. Надь. Рентгеновская анатомия, издательство Академии наук Венгрии, Будапешт, 1961; С. А. Рейнберг, Рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов, М., изд. 3, 1955.

5) В. Н. Крюков, Особенности переломов длинных трубчатых костей, как критерий при экспертизе направления удара, журнал Судебномедицинская экспертиза, № 3, 1958, с. 17—19.

6) В. С. Семенников. Об одном признаке сдавления таза у детей и под-

ростков при автотранспортной травме, журнал Судебномедицинская экспертиза, i№ 3, 1963, c. 22-24.

¹⁾ См. об этом Б. А. Алексеев и В. В. Грехов. Значение судебномедицинской экспертизы в раследовании дорожных происшествий. Материалы Х расширенной конференции Ленинградского отделения ВНОСМиК, расширенной конференции Ленинградского отделения висский, Ленинград, 1958, с. 10—13; Н. В. Игнатьев, Судебномедицинская экспертиза автомобильной травмы (по Челябинской обл.), Сборник научных работ Челябинского общества кудебных медиков, Челябинск, 1963, с. 33—34.

2) С. Е. Таль. К вопросу о переломах таза, Московский медицинский журнал, № 8, 1924, с. 41—51.

3) С. Я. Фрейдлин. К характеристике травматизма от средств городско-

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. В. КУЙБЫШЕВА.

1968 r Тамды, том 199

СУДЕБНОМЕДИЦИНСКОЕ УСТАНОВЛЕНИЕ СМЕРТИ ПРИ ТЕПЛОВОМ ПОРАЖЕНИИ

В. С. СЕМЕННИКОВ

Проблема переносимости человеком высоких и низких температур внешней среды в настоящее время является актуальной и ей посвящено значительное количество работ!).

Исследованиями А. А. Смирнова установлено возможное пребывания человека при температурах воздуха 40, 50, 60 и 70° и относительной влажности 70—75%. Допустимое время пребывания составляло по автору соответственно 180, 30, 15 и 10 минут и максимально возможное — 240, 60, 30 и 20 минут²).

Н. Т. Цишнатти и А. В. Левицкая при изучении клиники в случаях перегревания отмечают, что у 51 пострадавших из 134 наблюдаемых наступила смерть 3).

Принимая решение по конкретному уголовному делу, связанному с лишением жизни человека, суд основываєтся, прежде всего, на выводах судебномедицинского эксперта, который обязан дать всестороннее. научно-обоснованное заключение не только о виде смерти, но и об условиях ее возникновения (ст. ст. 78, 79, 80 и 191 УПК РСФСР).

Судебномедицинская же диагностика смерти от перегревания тела нередко представляет значительные трудности. Макроскопических каизменений, за исключением ких-либо патологических полнокровия ьнутренних органов и гиперемии слизистых оболочек, может быть че обнаружено. В этих случаях значительную помощь оказывает обстоятельств дела и применение дополнительных методов вания.

Гражданин П. для согревания пятимесячного сына пользовался электролампой с зеркальным отражателем, напряжением 220 вольт, мощностью 500 ватт, предназначенной для сушки заводских Лампа висела над кроваткой ребенка на расстоянии 80 см.

22 марта 1966 года П. пришел домой с ночного дежурства, включил лампу и в 10 часов лег отдыхать. В 14 часов П. обнаружил ребенка мертвым.

исследовании трупа ребенка П. (акт При судебномедицинском судебномедицинского исследования трупа № 148 от 23/111-66 г.) были обнаружены ожоги тела II степени, расположенные в виде отдель. ных участков на правом бедре, животе и правой стороне груди.

При внутреннем исследовании отмечено полнокровие органов, гиперемия слизистых оболочек, отечность оболочек и вещества головного мозга, мелкоточечные кровоизлияния под эпикардом, преимуществен-

но по ходу венечных сосудов.

Данные гистологического исследования: в веществе головного моз-

га отмечается набухание глиальных волокон, полнокровие.

В легких одни участки межальвеолярных перегородок резко утолщены за счет пролифиративных изменений, другие — эмфизематозно расширены с истончением и разрывом межальвеолярных перегоролок. Сосуды легких вплоть до мелких капилляров резко расширены и переполнены кровью. Отдельные альвеолы заполнены кровью.

Печеночные клетки с явлениями мутного набухания (зернистая дистрофия). В отдельных группах клеток имеются крупные и мелкие

вакуоли. Межклеточные пространства переполнены кровью.

Рисунок селезенки стерт. Фолликулы выявляются не четко. Отмечается общее полнокровие.

В надпочечниках корковое вещество бедно липидами.

Приводящие артериолы почечных клубочков резко расширены, переполнены кровью. В клубочках между петлями капилляров имеются свободно лежащие эритроциты. В мозговом веществе между канальцами очаговые кровоизлияния.

В коже отмечается образование интерстециальных пузырей в эпителии. Клетки эпителия, потерявшие связь между собой из-за образования пузырей, существенно не изменились, кроме тех, что непосредственно прилежат к пузырю. В них отмечается дегенеративное изменение вплоть до распада. Содержимым пузырей является колойдоподобная масса. В дерме каких-либо патологических изменений не обнаружено.

Анализ всех патоморфологических изменений во внутренних органах, обнаруженных при макроскопическом и гистологическом исследонаниях, дали нам полное право выставить диагноз смерти от перегре-

вания тела.

Экспериментальным путем было установлено, что данная электролампа, расположенная на расстоянии 80 см от обогреваемого объекта, в течении 1 часа развивает температуру равную 78°, которой вполне достаточно для причинения ожогов II степени.

Таким образом, установление судебномедицинского диагноза теплового поражения возможно лишь при полном, всестороннем макро- и микроскопическом исследовании внутренних органов пострадавших.

¹⁾ См., например, А. С. Блудоров. Особенности теплорегуляции у детей раннего возраста, Медгиз, М., 1954; В. И. Кричагин. Приемы и методы ориентировочных расчетов переносимости человеком высоких и низких температур внешней среды. Военно-медицинский журнал, № 10, 1965, с. 30—38.

²⁾ А. А. Смирнов. Влияние высоких температур и влажности воздуха на скорость перегревания организма человека. Гигиена и санитария, № 10, 1961, с. 16—19

с. 16—19. ³) Н. Т. Цишнатти и А. В. Левицкая Клиника тепловых поражений, Клиническая медицина, т. 38, № 12, 1960, с. 87—95.

ТОМСКИЙ ОРЛЕНА ТРУЛОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. В. КУЙБЫШЕВА.

Труды, том 199

1968 г

О ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РОЛИ ТРУДА В СОВЕТСКИХ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

А. И. ЗУБКОВ

Советские исправительно-трудовые учреждения в своей деятельности руководствуются указаниями Программы КПСС о том, что «в условиях социализма каждый выбившийся из трудовой колеи человек может вернуться к полезной деятельности». Возвращение преступников к полезной деятельности советские ИТУ осуществляют с помощью многообразной системы средств карательно-воспитательного воздействия: режима труда, учебы, политико-воспитательной работы и т. д. Все эти средства применяются с целью искоренения у осужденных вредных привычек, навыков, взглядов и формирования новых качеств личности, нового отношения к труду, людям, жизни в целом.

Являясь одним из средств карательно-воспитательного вия, общественно полезный труд в этой системе занимает особое место. Это основа, на которой строится весь процесс исправления и перевоспитания заключенных в советских ИТУ. Встает вопрос: почему мы труду отводим столь существенную роль?

Не имея возможности дать здесь полный и развернутый ответ на этот вопрос, отметим лишь следующее:

а) труд способен служить как средством непрерывного развития и формирования потребностей человека, так и средством развития личных способностей, навыков и умений их удовлетворения;

- б) он способен воздействовать как средство не только биологического развития индивида, но и как средство интеллектуального, нравственного и эстетического совершенствования личности:
- в) труд может служить средством развития и совершенствованчя всех сторон нравственного облика личности;
- г) труд может быть использован как средство, характеризующееся систематичностью воздействия. Ни кино, ни радио, ни агитационно-пропагандистские мероприятия не могут равняться с трудом по своей каждодневности и систематичности воздействия на человека;
- д) все указанные воспитательные возможности труда проявлять себя не просто по отношению к отдельному индивиду, но и по отношению к коллективам людей, обеспечивая тем самым не только непосредственное всздействие (педагогика «прямого» действия) на личность, но и опосредованное воздействие (педагогика «параллельного» воздействия) на личность через коллектив, что создает новое качество воспитательного влияния, как с точки зрения его глубины и энергичности, так и его многообразия и систематичности,

Чрезвычайно существенным моментом при характеристике труда как основы воспитательного процесса является то, что труд и лишь труд есть одновременно не только средство воспитания, но и в тоже время средство, обеспечивающее непосредственное удовлетворение как материальных потребностей индивида, так и непосредственных экономических потребностей общества в целом. Поэтому при использовании труда как средства воспитания не только не возникает вопроса о том, как сочетать выполнение воспитательных задач с задачами экономического, финансового порядка, но, напротив, создается прочная база для решения этих задач в плане их е динства.

Наконец, труд может быть использован как средство изучения личности, так и проверки эффективности воспитательного процесса.

Все указанные свойства труда, во взаимодействии своем обусловливающие его роль как основы воспитательного процесса, могут и должны быть использованы в полной мере в процессе перевоспитания осужденных, так как наши исправительно-трудовые учреждения именно как советские учреждения не могут стоять в стороне от выполнения программной задачи нашей партии и государства по формированию всесторонне развитой личности, гармонически сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство.

Поэтому каждое исправительно-трудовое учреждение должно применительно к каждому осужденному члену нашего общества сделать максимум возможного в направлении решения этих задач.

В рамках темы нашей статьи мы остановимся, однако, лишь на тех некоторых аспектах воспитательного воздействия труда, которые приобретают первостепенное значение в связи со спецификой важнейшей задачи, стоящей перед исправительно-трудовыми учреждениями — задачи исправления и перевоспитания.

Основное содержание этой задачи — переделка, изменение нравственного облика осужденных, искоренение пережитков прошлого в нравственных взглядах и привычках осужденных, замещение их нравственными взглядами и привычками, соответствующими требованиям коммунистического строительства.

В связи с этим для ИТУ особое значение приобретают возможности труда как средства переделки и совершенствования нравственного облика осужденных, свойства труда как средства нравственного воспитания.

В этом аспекте труд осужденных привлекает внимание исследователей прежде всего как средство воспитания честного отношения к трудовой деятельности. Бесспорно, этот аспект воспитательных розможностей труда очень важен, так как немалое число преступлений в качестве своего субъективного источника имеет пренебрежение, а то и презрение к труду, стремление вести паразитический образ жизни.

Соответственно, вовлечение в общественно-полезный труд лиц, ранее ведших паразитическое существование и в целях удовлетворения своих потребностей занимавшихся кражами, грабежами, разбоями, мошенничеством, попрошайничеством и тому подобными преступлениями — есть важнейшее средство их исправления. поскольку воспитание привычки к труду, любви к труду есть верное средство вернуть таких лиц к честной трудовой деятельности.

Однако гипертрофия этих правильных положений, одностороннее фиксирование на них всего внимания исследователей являются глубоко ошибочным. Контингент заключенных, которые в настоящее время являются объектом перевоспитания в наших ИТУ, лишь частично состоит из лиц, презирающих труд и совершивших преступление главным образом в связи со стремлением к паразитическому существованию.

Представляется, что именно такой ошибочный подход характерен для позиции тех авторов, которые считают труд важнейшим средством перевоспитания только небольшой части преступников, относящихся к указанной выше категории, и в связи с этим отрицают первостепенное воспитательное значение труда применительно ко всей массе осужденных¹).

Учитывая, что такие взгляды имеют определенное распространение и среди практических работников, необходимо со всей силой подчеркнуть многообразие воспитательных потенций труда, далеко выходящее за пределы способностей его служить средством воспитания только привычки к труду и трудолюбия.

Подчеркивание этого многообразия и анализ различных по своей воспитательной направленности педагогических возможностей труда важно еще и потому, что те или иные направления воспитательных возможностей труда приобретают решающее значение при перевоспитании различных разновидностей заключенных, классифицируемых в зависимости от характера их нравственных пороков.

Личность осужденных нельзя рассматривать с позиций сосредоточения лишь только одних нравственных пороков, как правильно подчеркивается в нашей криминологической и философской литературе, личность преступника противоречива, она соединяет в себе самые разнообразные, порой диаметрально противоположные качества человека. честность и расхлябанность; патриотизм и пренебрежительное отношение к женщине; мужество и корысть; прекрасное отношение к труду и несдержанность; любовь к различным видам искусства и нежелание заниматься общественным трудом и многое другое²).

Поэтому в корне неправильной представляется позиция тех авторов, которые рассматривают личность преступников односторонне, указывают лишь на их отрицательные стороны, игнорируя определенное наличие у них тех или иных положительных идеалов³). Подобный вывод — это результат упрощенного подхода к личности осужденного, что в конечном итоге может оказать нежелательное влияние на формы и методы воспитательной работы с осужденными.

Характер противоречий нравственных свойств у различных категорий осужденных неодинаков. Так, у воров, расхитителей, мошенников, вымогателей, грабителей и т. д. на первый план выступают корыстные устремления, нежелание честным трудом обеспечивать свою жизнь, рваческое отношение к государственному и общественному достоянию; у хулиганов, насильников, лиц, осужденных за преступление против личности, порокам подвержены в большей степени такие нравственные качества, как добропорядочность, уважение к окружающим людям, дисциплинированность, сдержанность, вежливость, самоконтроль. Другис нравственные качества у данных категорий осужденных могут быть подвержены порокам в меньшей степени или же вообще находиться в сравнительно удовлетворительном состоянии.

В соответствии с имеющимися пороками необходимо строить и трудовое воспитание, в частности, индивидуализируя вид и характер труда в зависимости от личности осужденного и совершенного им преступления.

Однако следует говорить и об общих моментах, которые присущи трудовому воспитанию всех осужденных, содержащихся в советских исправительно-трудовых учреждениях. С этой точки зрения следует прежде всего указать на роль труда как средства воспитания коллективизма. В этом качестве труд призван сыпрать важную роль в перевоспитании всех заключенных, поскольку каждое преступление, представляющее собой общественно опасное деяние, в большей или меньшей мере выражает индивидуалистические, эгоистические моменты в

психологии преступника. Возможность использования труда как средства воспитания коллективизма обусловливается тем, что занятие общественно полезным трудом предполагает прежде всего наличие трулового коллектива.

Трудовой коллектив создается и существует, прежде всего, на основе производственной необходимости. Понятие трудового коллектива весьма широкое, оно охватывает разнообразные стороны человеческих отношений. Социалистическое общество состоит из малых производственных и общественных коллективов. Коллектив представляет собой каждая общественная группа: от семьи до завода, от школы до всего советокого народа. В отношении ИТУ мы можем говорить о коллективе воспитателей и коллективе заключенных, выделяя в последнем самостоятельные группы: коллектив звена, бригады, отряда и колонии в целом. Под коллективом, в данном случае, понимается не любое объединение заключенных в определенные группы, а лишь такое, которое основано на принципах советской исправительно-трудовой политики в целях достижения наилучших результатов в труде и учебе и т. д., то есть в целях достижения наилучших воспитательных результатов.

Коллективизм наилучшим способом формируется в трудовом коллективе, который отличается от других коллективов наибольшей систематичностью, каждодневностью, широтой форм и методов воздействия на личность. Воспитание заключенных физически и умственно, нравственно и эстетически происходит в коллективе, причем в коллективе, сснованном на совместном участии в общественно полезном труде. Методика формирования трудового коллектива заключенных и специфика его деятельности в направлении воспитательного воздействия на осужденных—это предмет специального расомотрения. Здесь же следует лишь указать, что трудовой коллектив заключенных (особенно на высших стадиях своего развития) способен оказывать положительное влияние на формирование личности осужденных в направлении воспитания у них нравственных качеств, прежде всего коллективизма⁴).

Воспитание коллективизма неразрывно связано с формированисм у осужденных понимания нравственного долга.

Сознание нравственного долга и чувства ответственности за порученное дело наиболее ярко проявляется в трудовой деятельности. Понятие нравственного долга включает в себя гармоническое сочетание личных и общественных интересов при первенстве общественных. Нравственный долг — определенное осознание определенных обязанностей по отношению к другим людям и обществу в целом. Высокое сознание общественного долга проявляется в ответственности за порученное дело перед коллективом. Сознание долга и ответственности формируется у работников в результате совместного труда: при планировании, обсуждении и решении важнейших производственных вопросов трудового коллектива, в коллективном контроле за выполнением решений: контроле за честным и добросовестным выполнением правил коллектива каждым его членом; в соблюдении традиций коллектива и т. д. В пропессе трудовой деятельности формируются и такие качества, как честность и правдивость, которые органически входят в содержание нравственного долга.

Труд в советских ИТУ используется также как средство дисциплинирования, воспитания самоконтроля; особенно важна эта сторона общественно-полезного труда для лиц, осужденных за хулиганские действия и преступления против личности, в этиологии которых играет огромную роль распущенность, анархичность личности, ее пренебрежение к требованиям общественной дисциплины и порядка.

В социалистическом обществе дисциплинированность означает сознательное исполнение человеком общественного долга, осознание необходимости вести себя в обществе так, чтобы личное поведение отвечало

интересам общества, интересам строительства коммунизма. Воспитацие дисциплинированности — это прежде всего развитие у заключенных правильного понимания сущности и особенностей требований дисциплины в социалистическом обществе и ее возрастающей роли в современный период. Необходимо в их сознании закрепить такие качества, как исполнительность, организованность, повиновение общественному требованию, собранность, аккуратность, честность. Выполнение требований дисциплины всегда связано с определенными волевыми усилиями, с необходимостью делать не то, что хочется, а то, что надо. Поэтому в первое время человеку, особенно раньше трудом не занимавшемуся или игнорировавшему любые требования дисциплины, трудно соблюдать трудовую дисциплину, присущую данному трудовому коллективу. В ряде случаев эти требования соблюдаются им принудительно, под влиянием осуждения, затем в процессе угрозы наказания, или общественного длительного соблюдения этих требований дисциплины они постепенно переходят в привычку, то есть в самодисциплину.

Самодисциплина представляет собой высший этап дисциплинированного поведения, и ее основы формируются в общественно полезном труде. Соблюдение заключенными дисциплины в силу лишь влияния требований воспитателя еще не обеспечивает устойчивость дисциплинирующих начал личности, так как для этого необходимо еще и стремление воспитать в себе эту дисциплину, лишь при этом условии мы можем говорить о воспитании самодисциплиной 5). В развитии требовательности к себе, к своему поведению особое значение приобретает формирование в процессе общественно полезного труда самоконтроля, который у значительной части заключенных или отсутствует, или значительно ослаблен. В частности, воспитание самоконтроля является основной стороной в трудовом воспитании лиц, осужденных за неосторожные преступления, таких, как автотранспортные преступления, некоторые должностные и неосторожные преступления против личности. Основной причиной, приведшей этих лиц к преступлению, выступает наличие пороков в таком важном качестве личности, как самоконтроль. Воспитание самоконтроля у осужденных наилучшим образом может происходить в процессе общественно полезного труда. Трудовые процессы всегда связаны с тщательным и своевременным контролем со стороны раротника как за своими действиями, так и за их результатами. Самоконтроль не сводится только к внимательности и старательности, которые в значительной степени зависят от отношения к труду, от волевых и других качеств личности. Под самоконтролем понимаются сознательные процессы, заключающиеся в том, что работник, учитывая цель и намеченный план работы, следит за своими действиями и их результатами, (а также за работой тех или иных механизмов), сопоставляет их с представленными правильными действиями и результатами и на основании этого регулирует свои дальнейшие действия. Воспитание самодисциплины и самоконтроля наиболее успешно протекает в процессе общественно полезного труда, где заключенному приходится дисциплинировать себя во многих направлениях6).

Труд также используется как средство воспитания волевых качеств, таких, как, например, настойчивость, инициатива, требовательность к окружающим. Эти волевые качества необходимо в первую очередь воспитать у той категории заключенных, которые совершили преступления в силу своего слабоволия, в силу того, что попали под влияние других. Средством для этого является требовательность, которая в трудовых процессах выступает в многообразных отношениях: это и соблюдение трудовой дисциплины, и выполнение норм выработки, и образцовое содержание рабочего места, и экономное расходование сырья, материалов и многое другое.

Настойчивость и инициатива наиболее ярко проявляются в различ-

ных формах ударничества и трудового соревнования, в участии в переповых починах. Инициатива, настойчивость и трудовая активность предполагают преодоление устаревшего, изжившего себя. Это связано не только с ломкой устаревших норм выработки и технологии произволства, устоявшейся практики, но и с ломкой укоренившихся косных поиятий у определенной части работников. Развитие творческой активности у заключенных способствует формированию такого ценного качества личности, как умение доводить до конца начатое общественно полезное дело. Трудовая инициатива предполагает хозяйский подход к делу. умение считать и беречь народное добро. Безразличие к трудовой инициативе работника убивает в нем само желание думать над новыми предложениями, порождает неуверенность и равнодушие ко всему окружающему. Все это необходимо учитывать при организации трудового воспитания осужденных: воспитание этих качеств у указанной категории осужденных может явиться тем барьером. который преградит путь дальнейшему преступному поведению этих лиц.

Определенная категория осужденных совершила преступления под влиянием чувства собственной неполноценности, неумения найти место в жизни, своей ненужности в обществе. Чтобы вернуть таких лиц к честной трудовой жизни, необходимо у них сформировать такое качество, как самоуважение, дать им возможность, помочь им самоутвердиться в обществе, в коллективе так, чтобы это самоутверждение соответствовало требованиям общества. Средством самоутверждения личности в социалистическом обществе прежде всего является общественно полезный труд. Именно он в первую очередь может индивидуально выделить (в положительном плане) личность из общей массы, обеспечить ей уважение со стороны трудового коллектива, общества. Поэтому основная работа воспитателей по организации трудового воспитания данной категории осужденных заключается в подборе осужденному вида труда в наибольшем соответствии с возможностями и способностями данной личности, в поддержании и развитии полезной трудовой инициативы, в показе общественной значимости труда данного осужденного, в развитии выявленных профессиональных наклонностей и профессиональных достижений осужденных.

В связи с изложенным вытекают конкретные задачи воспитателей по организации трудового воспитания. Коротко их можно сформулировать следующим образом: умело вскрыть нравственно-психологические пороки личности и соответственно решить вопрос о выборе характера труда, помещении заключенного в тот или иной трудовой коллектив; решить вопрос о характере профессионально-технического обучеция, определить оптимальную тактику в решении вопросов применения всысканий и поощрений; определить направления и методику воспитательной работы, связанной с вовлечением осужденных в общественно полезный труд.

¹⁾ См., например, Б. С. Никифоров. Вопросы уголовного права в условиях общенародного государства» ж. «Советское государство и право», № 4, 1963, стр. 67. Такую же точку зрения развивает Я. Турбовский в статье «Как исправить хулигана», опубликованной в одном из специальных журналов в 1966 голу.

²⁾ Подгобно по этому вопросу см. Д. Г. Процкая. Преодоление пережитков прошлого в отношении к труду и общественной собственности — важное условие строительства коммунизма. Л. 1966 г. Автогеферат канд. диссер.

вие строительства коммунизма. Л. 1966 г. Автогеферат канд. диссер.

3) Так, П. В. Голубева считает, что у воров, трусов не может быть нравственных идеалов, так как «эта категория людей погружена в свои грязные делишки и, с другой стороны, подавлена огромным страхом перед обществом: как бы им не оказаться в дураках, не промахнуться, как бы их не вывели на чистую ноду». См. В. П. Голубева. Нравственный идеал. сб. «За коммунистическую нравственность», Л. 1964 г. стр. 32.

⁴⁾ Все эти качества сперва проявляются в отношении производственных интересов, а затем, позднее переходят на все сознание в целом. Как отмечает

Ф. Щербак, «по мере укрепления нравственных убеждений расширяется и сфера правственного поведения. Привыкнув соблюдать принципы коммунистической морали в отношении со своими товарищами по труду, люди начинают и в

кой морали в отношении со своими товарищами по труду, люди начинают и в быту, во взаимоотношениях с другими людьми руководствоваться высокими нормами коллективизма». См. Ф. Щербак. Сплоченность и единодушие. Сб. Моральные чувства нашего современника». Л., 1966 год. стр. 67.

5) На это обстоятельство указывает ряд авторов. Так, П. Е. Кряжев пишет: «Самовоспитание — это сознательное стремление человека выработать у себя определенные навыки, черты характера и т. д.». См. П. Е. Кряжев. Общество и личность. М., 1961 г. стр. 75; В. И. Колбановский указывает, что «человек не только объект воспитания, он также и субъект воспитания». См. В. И. Колбановский Значение самовоспитания в коммунистическом воспитании трудящихся. Сб. «Вопросы теории и практики коммунистического воспитания», Изд. ВПШ и АОН при ЦК КПСС, М., 1962 г., стр. 245); В. Н. Луцков замечает, что «очень важно, чтобы воспитуемый сознательно и активно ков замечает, что «очень важно, чтоом воспитуемым сознательно и активно стремился к преодолению вредных привычек, к развитию положительных качеств». (В. Н. Луцков. Основы методики воинского воспитания. Воениздаг, М., 1964 г., стр. 21).

6) Как отмечает В. А. Сухомлинский, «если воспитанник вовле-

чен в продолжительную трудовую деятельность, если повседневно занимаясь ею, он достиг определенных результатов, наступает время, когда его будет побуждаты к труду не воля воспитателя, а его собственное внутреннее влечение. Это неизбежное следствие длительной трудовой деятельности, направленной на достижение поставленной цели. Внутреннее побуждение к труду является могучей дисциплинирующей силой, которая воспитывается только в процессе выполнения продолжительного трудового задания». См. В. А. Сухомлинский. Воспитание коммунистического отношения к труду. М. 1959 г., стр. 20.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. В. Витрук. К теории правосубъектности (правоспособности) как право-	
отношения	3
Л.И.Минаков. К вопросу о понятии правил социалистического общежития. Б.Т. Базылев. К вопросу об определении понятия государственного	9
принуждения	15
В. П. Седых. Социальные идеи Вильгельма Вейтлинга	19
Н. Т. Онищук. Советское строительство у малых народностей Крайнего	
севера.	31
А. П. Власов. Из истории Советского строительства в Горном Алтае	42
Ю. В. Иванов. Формы народного правотворчества в период двух буржу-	
азно-демократических революций	47
Ю. В. Гавло. Конституция дальневосточной республики	52
Н. Н. Хороший. Влияние Советского государства на государственное строительство народной Тувы	60
А. И. Ким. Государственно-процессуальная природа норм, регулирующих	00
организацию выборов в СССР	70
Н. Р. Сапунов. Вопросы хозяйственного строительства на сессиях район-	
ных советов депутатов трудящихся (по материалам Западной Сибири)	84
В. Ф. В о л о в и ч. Компетенция государственного комитета заготовок Совета	
Министров СССР	95
З. Я. Елеопская, Из истории констутуционного законодательства народной	
республики Болгарии.	100
Б. Я. Хаскельберг, К вопросу о принципе и размере ответственности	
за невыполнение плана железнодорожных перевозок	111
В. М. Чернов. Ответственность сельскохозяйственных организаций и объе-	124
динений «Сельхоэтехника» по договорам поставки	137
 № В. Д. Филимонов. Современный бихевиоризм о природе преступного мира. 	146
М.К. Свиридов. Очерк развития процессуального порядка условно-досроч-	140
ного освобождения.	156
Я. О. Мотовиловкер, О процессуальном принципе непосредственности.	165
С. С. Кокшаров. Некоторые вопросы деятельности советского суда по	
предупреждению хищений социалистического имущества	172
В. Г. Асташенков О появлении подозреваемого в советском уголовном	
процессе	177
Ю Ф. Қардаполов. Содержание и основные формы индивидуализации	
карательного воздействия при исполнении лишения овбоды	182
А. Т. Ведерииков. Пределы изучения и классификация сведений о лич-	
ности преступника.	187
В. К. Гавло. К вопросу изучения личности расхитителя государственного	104
имущества.	194
А. И. Ореховский. О воспитании моральной ответственности в производственном коллективе и научных методах руководства.	203
Е. Н. Тихонов. Вопросы следственного осмотра при стрельбе патрон	
заменителями.	214
В. С. Семенников. Определение направления удара и механизма травмы	~17
по переломам костей таза	224
В. С. Семенников. Судебномедицинское установление смерти при тепло-	
вом поражении	228
А. И. Зубков. О воспитательной роли труда в советских исправительно-	
грудовых учреждениях	230

Электронная библиотека (репозиторий) Томского государственного университета

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА Томск, изд. ТГУ, 1968 г. 238 с.

Редактор издательства Л. Г. Мордовина Технический редактор Э. Н. Страшкова Кюрректоры Г. А. Азовцева и Н. Н. Боброва

K3 00758. Сдано в набор—5/VI-67, Подписано к печати 9/IX 1968 Формат $70 \times 108^{-1}/_{16}$ печ. л. 14,8 уч. изд. л. 20,2 усл. печ. л. 20 Заказ 1046. Тираж 600, Цена 2 руб.

Томск, издательство ТГУ, проспект Ленина, 36. Горно-Алтайская типография управления по печати Алтайского крайисполкома, гор. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 27.

Электронная библиотека (репозиторий) Томского государственного университета

2 руб.

лектронна (при окторен з рий) омского годир в объектостета

То мский госуниверситет 1878

Паучный билинена 00758065